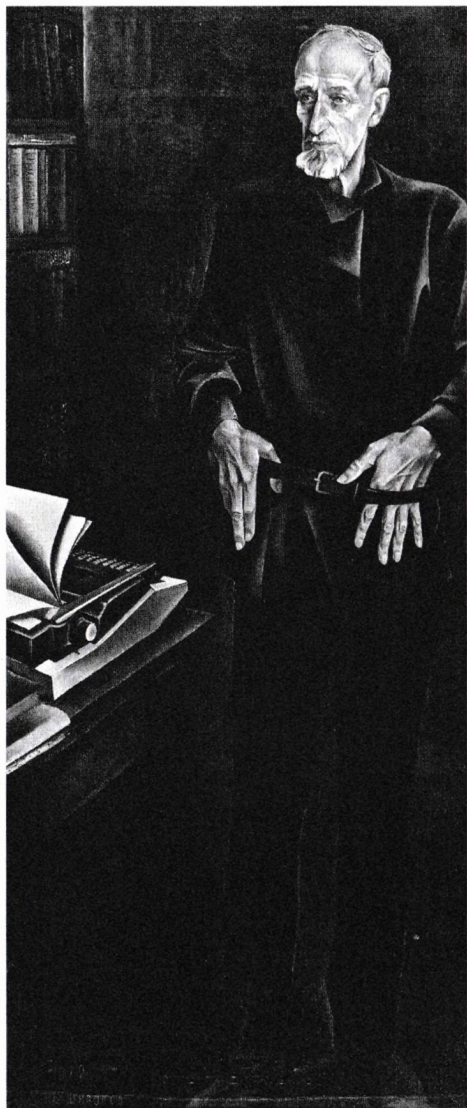

НАЗАРОВСКИЙ

1904—2004

НАЗАРОВСКИЙ

К 100-летию
со дня рождения
Б. Н. НАЗАРОВСКОГО,
ЖУРНАЛИСТА
И КРАЕВЕДА

Пермь, Издательство «Пушка», 2004

ББК 76.01
УДК 070
Н 19

**Департамент культуры и искусства администрации
Пермской области**

**Пермская областная универсальная
библиотека им. А. М. Горького**

Составитель Т. И. Быстрых

Художник М. В. Тарасова
На фронтисписе и на обороте обложки
фоторепродукции картин
нар. худ. СССР Е. Н. Широкова

Н 19 Назаровский: К 100-летию со дня рождения Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа: Сб. памяти/Сост. Т. И. Быстрых; Пермская областная универс. б-ка им. А. М. Горького.— Пермь: Пушка, 2004.— 448 с.: ил.

ISBN 5-88187-215-0

Сборник издан к 100-летию со дня рождения Бориса Никандровича Назаровского, журналиста, краеведа, общественного деятеля, оставившего яркий след в истории Перми. В книгу включены воспоминания о Б. Н. Назаровском, переписка, его краеведческие очерки. Сборник будет интересен широкому кругу читателей, поскольку характеризует не только личность нашего замечательного земляка, но и историю нашего города, его общественную, политическую, культурную жизнь в тот период, когда здесь жил, творил, работал Борис Никандрович Назаровский.

ISBN 5-88187-215-0

ББК 76.01

© Т. И. Быстрых, составитель, 2004
© М. В. Тарасова, оформление, 2004
© Издательство «Пушка», 2004

В 2004 году исполняется 100 лет со дня рождения Бориса Никандровича Назаровского, журналиста, краеведа, общественного деятеля, оставившего яркий след в истории Перми.

Художник Евгений Широков вспоминает о том, как писал знаменитый впоследствии его портрет. Борис Никандрович сопротивлялся: «Кому интересен безвестный странный тип в косоворотке?»

Вероятно, Назаровский был бы несказанно удивлен тем, как долго живет память о нем — не только о его делах, но прежде всего о его человеческой привлекательности, незаурядности. Он был на редкость обаятелен. Неудивительно, что под его влияние попадали самые разные люди — разных профессий, убеждений, жизненного опыта, образованности. Таким он предстает в воспоминаниях, написанных специально для предыдущего сборника («Гражданин Пермь». Пермь, 1993) и для настоящей книги.

Те, кто не был близко знаком с ним, отмечают сдержанность, отстраненность, недоступность. Близкие друзья помнят его ранимым и незащищенным, нередко одиноким и очень нуждающимся в собеседнике, с которым можно говорить на равных. Назаровского называли аскетом и сравнивали с Дон Кихотом. Говорят, в молодости он походил ликом на Иисуса Христа... Но ничего аскетического не было в его жизни: он очень любил гостей, праздничную суету, хорошую еду, хорошее вино, умные разговоры за столом, острое словцо. Умел дружить, умел любить. Мог вовремя подставить плечо, спасти. Мог годами поддерживать, тя-

нуть, помогать, незаметно для окружающих и не рассчитывая на благодарность. Умел дать отпор при случае. Заблуждался, бывал несправедливым, резким, язвительным, нетерпимым. О нем говорили: невыносимый человек! Виктор Астафьев вспоминает, как называл его в сердцах с трибуны деспотом и сатрапом, и в то же время признается в том, как важны, необходимы были для него долгие беседы с Назаровским, когда тот исподволь, незаметно, «без демонстрации обидного превосходства образовывал читательский, музыкальный и прочий вкус» будущего классика российской литературы.

Не однажды приходилось Борису Никандровичу участвовать в сражениях, особенно в последние годы жизни. Как иначе назвать его борьбу за возвращение исконного имени Перми, одним росчерком пера переименованной в 1940 году в Молотов? Когда в 1957-м наш именитый сановник был разжалован, каких только названий не предлагали городу ветераны партии и представители трудящихся. Хорошо, что Назаровский умел всегда доводить начатое до конца. Благодаря ему остался в новом, советском гербе Перми главный символ пермского края — медведь. Благодаря ему общественность города осознала однажды всю значимость и прелесть пермского звериного стиля. Благодаря ему в 1973 году советская Пермь впервые торжественно отметила свой юбилей — 250-летие со дня основания. Это были именно сражения — только не с мельницами в чистом поле, а с хорошо подготовленным и вооруженным отрядом чиновничества и еще с обывательским равнодушием, безразличием к собственной истории. Нет, Назаровский не был Дон Кихотом — он воевал умело, тщательно продумывал тактику и стратегию, вооружался научными доказательствами и краеведческими знаниями. И всегда вызывал огонь на себя.

Борис Никандрович прожил непростую жизнь. В равной мере неправы сейчас и те, кто обвиняет его в слепой вере в идеи ленинизма, и те, кто почитает оппозиционером, тайным диссидентом, предвестником сегодняшних перемен. Времена, как известно, не выбирают, в них живут и умирают. Но расхожая отговорка: «Такое было время!» не годится в этом случае. Всегда были те, кто обижал, и те, кто был обижен; те, кто запрещал, и те, кому запрещали. Были, конечно, и такие, кого затягивало в водоворот событий помимо их воли. Но Назаровский творил свою судьбу сам, и в нашем снисхождении, думается, не нуждается. Задача этого юбилейного сборника — не возвеличивание и не разоблачение. Очень хотелось, чтобы Борис Никандрович предстал на его страницах живым, настоящим, таким, каким был — сложным, неоднозначным человеком, ярко и неординарно мыслящим, чувствующим ответственность за все, что происходит вокруг. Современники Назаровского найдут в книге много нового для себя. Скорее всего Борис Никандрович откроется с самой неожиданной стороны и для тех, у кого связаны с ним лишь самые светлые воспоминания, и для тех, кто запомнил его партократом, безжалостно громившим когда-то пермских литераторов.

Книга, несомненно, будет особенно дорога каждому, кто хранит память об этом замечательном человеке. Но круг ее читателей гораздо шире. Это не просто портрет одного из самых ярких общественных деятелей Перми 1960-х — начала 1970-х годов. Это — портрет на фоне эпохи. Многочисленные воспоминания и переписка дают возможность представить себе достаточно полную и яркую картину жизни нашего города в тот период, когда здесь жил, творил, работал Борис Никандрович Назаровский. Не только для

тех, кому шестидесятые годы кажутся уже далеким прошлым, но и для современников Назаровского знакомство с историей города таким образом будет очень интересным.

В основу книги положено первое, не очень удачное издание сборника памяти Б. Н. Назаровского, подготовленное библиотекой им. А. М. Горького в 1993 году. Та первая книжка вызвала немало нареканий полиграфической небрежностью. Нынешнее издание дополнено новыми воспоминаниями, письмами. Особенное внимание составители уделили примечаниям, полагая, что они значительно расширяют информационную содержательность сборника. Достоинством книги является публикация полной описи архивного фонда Б. Н. Назаровского, хранящегося в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области (ГОПАПО). В письмах Бориса Никандровича неоднократно упоминается «мучительный процесс» подготовки документов к передаче в архив (в то время это был партийный архив Пермского обкома КПСС). Мучительно было расставаться с памятью. Теперь мы можем по достоинству оценить значение этого акта — архив располагает богатейшим собранием документов, практически не изученных и не опубликованных.

Составитель благодарит Т. И. Демиденко и О. А. Маркелову, сотрудников Государственного общественно-политического архива, и О. А. Мельчакову, сотрудника Государственного архива Пермской области, за предоставление документов для публикации в сборнике. Особая благодарность сыну Б. Н. Назаровского — Сергею Владимировичу Рыжанову и дочери — Наталье Борисовне Назаровской, Надежде Алексеевне Аликиной, а также всем, кто отозвался на просьбу написать воспоминания для книги «Гражданин Перми» и для настоящего сборника.

ВОСПОМИНАНИЯ, ОЧЕРКИ, СТИХИ

В. А. АГЕЕВА

«Я ПЕРЕБРАЛАСЬ К НАЗАРОВСКИМ...»

...Дома было темно и мрачно. Я села и написала несколько писем в Пермь к знакомым с извещением о случившемся. Я была в форме, и Наденька завязала мне волосы черной лентой, с которой я не расставалась целый год. Наконец я решилась расспросить Наденьку, как все случилось, где трупы? Она сказала, что ищут, но нигде не могут найти. Часа через два после моего ухода из дома тетя Женья пошла в Совет наводить справки, ей сказали, что папы и мамы там нет. Тогда она по замешательству комиссара сразу поняла, в чем дело. ...Моментально весь город узнал печальную весть. Папу, а особенно маму знал и любил весь город, и можно было себе представить, какое потрясающее впечатление произвело на всех их внезапное убийство. Сейчас же бросились в собор служить панихиду. Церковь была полна народу. Когда услышали: «Убиенных Арсения и Таисию», то вся церковь рыдала. Еще так недавно Агеевых все видели на собраниях — и вдруг приходится молиться за упокой их душ.

...Когда кончилась панихида, весь народ бросился в городскую управу к городскому голове, которым был тогда

Суслов, злейший враг наших. Выбрали несколько делегатов, которые отправились к Суслову и чуть не с кулаками требовали выдать трупы или сказать, куда их дели. В числе делегатов была Матреша. Она, совершенно не помня себя, бросилась на Суслова, затопала на него ногами и закричала, чтобы он сию минуту подавал тела ее хозяев. Суслов побледнел и позеленел от страха, видя такое множество возмущенного народа. Многие пошли в Совет и требовали того же. Но добиться толком ничего не удалось. Вину всю сваливали на карательный отряд, который скрылся и увез с собой папу и маму, живыми или мертвыми — неизвестно. Народ не удовлетворился этим ответом, и С. Ал. Носов попросил позволения осмотреть все здание кузнецовского дома. Никто не верил комиссарам, все смутно надеялись, что мама и папа сидят где-нибудь в подвале взаперти. Но даже при самом тщательном осмотре не оказалось никаких следов их.

...Мы начинали складываться. Мы хотели уехать в Пермь, зная, что хорошие знакомые, как Ольховы, не прогонят нас и приютят. ...У Ольховых были запасы продуктов, так что голода почти совсем не ощущалось. Но все же приходилось частенько стоять в очередях за хлебом, за постным маслом, за мылом, за спичками. Все это выдавалось по карточкам, по очень маленьким порциям на человека. Каждый день я несколько раз ходила с ведерком за водой.

...Хорошо мне жилось у Ольховых. Ал. Арх. уже давно сидел в губернской тюрьме. Каждый день ему туда приходилось носить обед. Частенько делала это я. Стоишь, стоишь, бывало, у ворот тюрьмы, пока привратник возьмет обед и вернет вчерашнюю посуду.

Тетя Женя вернулась из Соликамска. Она страшно волновалась за свою жизнь. Кунгурские большевики

должны были рано или поздно узнать, что она была секретарем кадетской партии. Она боялась, что ее разыщут и расстреляют. Наш адрес все старались держать в строгом секрете. А меня большевики не теряли надежды запрячь в какой-нибудь приют и перевоспитать, чтобы и агеевским духом не пахло, как они выражались. По одной моей фамилии могли нас всех накрыть. Поэтому сношения с Кунгуром велись чрезвычайно осторожно: письма посылались с самыми надежными людьми, фамилии не упоминались и т. д.

Несколько раз приходилось рано утром ходить за пять верст на Пермь II к приходу поезда. Крестьянки привозили продавать разные продукты. Публика на драку раскупала у них что попадется. Зевать не приходилось.

В Зининой комнате жила девка-большевичка. Больше пока никого не вселяли. Но скоро кончилось наше беззаботное житье. В нашу комнату вселился большевистский доктор, латыш Рейнер. И нам пришлось переселяться на квартиру.

...Когда мы переехали, у нас не было ни одной посуды, кроме чайника. Пошли по знакомым: к Назаровским, к матушке Ольге Николаевне Поповой, жене маминого законоучителя. Нас снабдили самым необходимым. Мы дрожали над каждой каплей молока, если оно было. Мы, наверно, прямо подошли бы, если бы Юлия Михайловна, дай ей Бог здоровья, не снабжала бы нас всем без счета. Когда Юл. Мих. с Зиной ездили в Полазну за продуктами, то на пристани к каждому пароходу приходили комиссары, осматривали багаж пассажиров и отбирали продукты. Как только народ ни ухитрялся провозить продукцию. Бабы свертывали ее в свертки, похожие на ребенка, и тем спасали. А то обкладывали себя маслом

на животе. Но все эти хитрости скоро узнали и стали следить еще строже.

В один ужасный день мы услышали, что в Кунгуре расстреляна почти вся интеллигенция, кто не удрал. Через некоторое время в газете появился сначала первый список расстрелянных, а затем второй. Погибли самые лучшие люди: Пономарев, С. Л. Сартаков, Порозов, двое Ануфриевых, Куталов, отец Влад. Белозеров, отец Павел Соколов и масса других. Не осталось в Кунгуре почти ни одного кадета. Но единственная женщина была мама. Печальные вести пришли к нам из Кунгура. Не было там дома, где бы не было горя и слез. Тетя Женя еще более извелась от всех этих ужасов. Занятий в гимназии еще не было, и мы с Зиной от нечего делать поступили в бесплатную художественную школу, где ничему путному не научились. Вскоре начались занятия у нас в гимназии. Занимались мы в страшной тесноте. Закона Божия у нас не было.

Нам с Наденькой становилось невыносимо жить вместе и самостоятельно. Долго думали, как этому помочь, и наконец пришли к такому решению. Наденька поедет в Кунгур, поселится у Матрешы и иногда будет ходить ночевать к своим бывшим соученицам по рукодельной школе. Тетя Женя решила ехать в Вятку к матери и сестрам. А меня хотели оставить в Перми и поместить к кому-нибудь из знакомых, например к Назаровским. Л. А. Назаровская сразу согласилась взять меня, и мне самой очень хотелось у них жить.

Я перебралась к Назаровским. У них жила еврейская семья Авербух, так что, кроме меня, Люси и Бори, были еще трое: Аля, Гита и Натан. Обе семьи приняли меня удивительно сердечно. Они все жили дружно, и я сразу почувствовала себя членом семьи. Девочки, с которыми я

помещалась, ухаживали за мной на первых порах ужасно: я у них была на правах маленькой. Натан и Боря, кажется, были для меня на все готовы. Только Аля держался немного в стороне, как старший. Обе мамыши, и русская, и еврейка, всегда так ласково и просто со мной обращались. Все мы, молодежь, или коммуна, сразу стали относиться друг к другу по-товарищески, и так жить было ужасно весело. Теперь, когда около меня не было Наденьки и никого, на кого я могла бы кричать, у меня сделался на удивление хороший характер. С таким характером я моментально сделалась любимой всей коммуной. Обедать я каждый день ходила к Ольховым, а дома только пила чай. Бывало, каждый раз тащишь себе в муфте от обеда брусок черного хлеба к чаю. Бывало, прислуга Назаровских привезет откуда-нибудь молока, тогда мне, хоть насильно, а тоже нальют в чай. Мы с Зиной, в отсутствие квартирантов-большевиков, забирались к ним в комнату и шарили по шкапам, иногда находили что-нибудь сладенькое, например кусок сахара или мед. Мы совали туда пальцы и наслаждались забытой роскошью. А если утаскивали несколько кусков сахара, то на них капали эссенцией и ели. Бедные голодные дети.

Однажды, придя к Ольховым обедать, я узнала, что Вл. Ант. арестовали. И арестовали в театре на «Лакмэ». Все за него очень беспокоились, потому что аресты в то время почти всегда влекли за собой расстрел. ...Подержав несколько дней, Вл. Ант. выпустили на три дня для сдачи своих дел, но он был под домашним арестом. Через три дня он опять ушел в тюрьму. Теперь за Вл. Ант. приходилось еще больше бояться: каждую ночь из тюрьмы уводили и расстреливали целыми партиями. Тетя Вера начала хлопотать у всех тогдашних «власть имущих»,

но все напрасно. Она бросалась от одного к другому, просила, плакала, унижалась и совершенно теряла голову. Вл. Ант. был начальником милиции в Соликамске, и его обвиняли в том, что он агитировал против большевиков.

В городе в самом скором времени ждали белых. ...На углу Сибирской и Петропавловской большевики воздвигли памятник из дерева и глины. А под памятником были красноармейские могилы без крестов. Приближался день большевистской годовщины, на улицах строили всякие сооружения. В день годовщины была довольно красивая иллюминация. Бросали ракеты, везде были освещенные надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и т. п.

Большевики начали беспокоиться. Белые были близко. Большевики начали эвакуироваться. Приближалось Рождество. Белые были уже в Мотовилихе. Однажды я проснулась утром часа в четыре, так как вдали слышались отдельные выстрелы. Вслед за мной проснулись Люся с Гитой и все остальные. Выстрелы слышались все ближе. Бухали тяжелые орудия. Весь дом постепенно поднялся. Теперь было ясно, что идет бой. Вдруг выстрелы раздались на самом углу дома Назаровских. Мы все вылетели из столовой и закрыли туда дверь. На улице стоял треск ружей. Мы все собрались в спальню к Никандру Матвеевичу, который пластом лежал на кровати. Слышно было, как пули летели прямо в стекла, а затем в стены и двери. Потом на самом углу поставили пулемет, который жарил вниз по Оханской. Мы не особенно боялись, но все смирно сидели и прислушивались к этому грохоту. Когда выстрелы немного утихли, мы вышли в столовую и увидели, что пулями пробиты несколько окон, стена тоже в нескольких местах, дверь,

потом стена напротив наружной, из которой пуля вышла в третью стену и застряла в ней. Одна пуля вошла в бок рояля, прошла по струнам и засела в крышке, а другая взрыла пол и поцарапала педали.

Выстрелы слышались уже в другом конце города. Мы видели в окна, что на улице какие-то новые солдаты в суконных шапках, на которые нацеплены маленькие веточки ели. Значит, город взят белыми. Меня не пустили идти обедать, так как по улице ходить было опасно. Мы так и легли вповалку и одетые на полу в спальне, и все спали очень тревожно.

На другой день было уже можно ходить по улице. Везде новые незнакомые войска: приветливые русские лица. Народ радостный, поздравляют друг друга, точно на Пасху. На Оханской лежал совершенно заледенелый труп какого-то большевика. Долго еще потом его не убিরали, а я за целый квартал обходила, чтобы не видеть его.

...У всех готовились к Рождеству, а я стала думать, как бы поехать в Кунгур. Теперь уже соглашались отпустить меня на Рождество, если будет с кем ехать. Мы с Юл. Мих. придумали сходить к П. С. Сартакову, который скрывался в Перми под видом рабочего. Едва разыскали его. П. С. ехал на другой день на своих лошадях и согласился взять меня. Я скакала от радости.

Назаровские очень жалели, что я уезжаю. С моим отъездом понемногу распадалась наша коммуна. Мы все снялись на карточку, но снимки еще не были готовы. Боря и Натан донесли мне пожитки до Ольховых. Меня закутали, снарядили, и Вл. Ант. пошел меня проводить до квартиры П. С. Вл. Ант. стал моим опекуном. Мы хорошо ехали, на одной станции ночевали. Наконец доехали до Кунгура, куда я так рвалась.

**НИКАНДР МАТВЕЕВИЧ
НАЗАРОВСКИЙ**

Никандр Матвеевич родился в 1870 году в Казани, в мещанской семье. В 1891 году окончил Казанский университет и получил звание лекаря. Учился на земскую стипендию. Во время учебы проявил склонность к занятию научной работой, но из-за недостатка средств не смог остаться при кафедре. После окончания университета отбывал военную службу. С 1893 года поступил в Кунгур разъездным земским врачом, откуда через полгода перешел врачом в земскую больницу в с. Орда Осинского уезда. В больнице специализировался, главным образом, на хирургии. За короткое время Никандр Матвеевич, благодаря своим профессиональным и человеческим качествам, заслужил уважение сотрудников земской больницы и доверие пациентов. Об этом свидетельствует тот факт, что уже в декабре 1896 года Осинское уездное земское собрание выразило «искреннюю признательность за врачебную деятельность Н. М. Назаровскому, ординскому земскому врачу» ¹.

В 1901 году Никандр Матвеевич женился на фельдшерице земской больницы Лидии Алексеевне Кузницыной, выпускнице Вятской фельдшерско-акушерской школы. Как и Никандр Матвеевич, Лидия Алексеевна тоже училась на земскую стипендию, только Слободского земства Вятской губернии. Через год после окончания школы, в 1899 году, она приехала в село Орда ².

В феврале 1903 года Н. М. Назаровский был назначен вторым хирургом при Александровской земской больнице в Перми. По случаю отъезда был подготовлен прощальный

адрес, в котором Назаровский характеризуется как замечательный земский врач и просто хороший человек. В адресе говорилось о том, с какими сложностями сталкиваются земские врачи, работая в деревне, но Никандр Матвеевич успешно с ними справился: «Наш деревенский люд не всегда доверчиво относится к медицине и ее представителям. Но Вы были врач — человек для своих многочисленных пациентов и умели вселить в них доверие к себе и любовь. Вы несли с честью свои Святые обязанности и народ доверчиво шел к Вам!» Отмечалось и одно из наиболее значимых достижений врача Назаровского: «Вы первый применили серьезное хирургическое лечение в сельской больнице, и оно было так удачно, что получило широкую известность: Вам удивлялись!» Характеризовались взгляды Назаровского: «Вы были борцом за правду и справедливость и всегда открыто проводили свои симпатичные взгляды и убеждения».

Свое свободное время Никандр Матвеевич уделял «устройству разумных народных развлечений». Рамки села и сельской больницы оказались тесными для такой энергичной, деятельной натуры как во врачебной, так и в общественной деятельности, поэтому вполне справедливым являлось утверждение: «Вы оставляете службу в Осинском уезде, чтобы развернуть свои силы на более широком поприще» ³. Прощальный адрес подписали более тридцати человек, среди них были не только врачи Ординской больницы, но и священники, крестьяне, что являлось еще одним свидетельством любви и уважения к Н. М. Назаровскому.

После переезда в Пермь Назаровские снимали большую квартиру, имели прислугу, поскольку Никандр Матвеевич неплохо зарабатывал. Так, в 1896 году, еще во время работы врачом в Ординской больнице, он имел оклад в 1500 руб-

лей в год. По постановлению Осинского уездного земского собрания с 1902 года оклад увеличен до 1800 рублей ⁴. (Для сравнения: средняя зарплата квалифицированного рабочего составляла около 800 руб.). В Александровской больнице, находящейся в ведении губернского земства, жалование было выше. Помимо работы в больнице Н. М. Назаровский занимался и частной практикой: «Хирургические, женские болезни и акушерство», о чем свидетельствуют регулярно публикуемые объявления в «Пермских губернских ведомостях».

Земства в России были оплотом либерализма. Либеральных взглядов придерживался и Н. М. Назаровский. После переезда в Пермь у него установились тесные дружеские связи с В. П. Ивановым, врачом Александровской больницы, известным своими либеральными взглядами, впоследствии одним из создателей и руководителей кадетской организации в губернском центре. Назаровский стал членом Пермского благородного собрания.

Начавшаяся революция 1905 года привела к всплеску активности различных политических течений в Перми. Никандр Матвеевич выступал с либеральных позиций.

16 октября 1905 года в помещении Благородного собрания состоялось предварительное собрание общества врачей Пермской губернии, на котором обсуждался вопрос о возобновлении деятельности общества. Было избрано бюро: председатель — П. Н. Серебrenников, товарищ председателя — В. П. Иванов, секретарь — Н. М. Назаровский. С 20 декабря 1905 года общество врачей Пермской губернии официально возобновило свою деятельность ⁵.

Царский Манифест 17 октября, который был получен в Перми утром 18-го, вызвал бурные события в городе. Началась демонстрация в поддержку Манифеста, но она была разогнана казаками. В ответ на подобные действия властей

оппозиционные силы, в том числе и либералы, сумели организовать в тот же день еще более мощное шествие, которое двинулось к дому губернатора. Губернатор А. П. Наумов выразил «сожаление» по поводу действий казаков и полиции. Демонстранты вынудили его двинуться вместе с колонной к губернской тюрьме, где потребовали освободить политических заключенных. Губернатор пошел на уступки и распорядился освободить тридцать политзаключенных ⁶.

Городская дума 19 октября, обсудив Манифест, по предложению гласного Н. В. Павлова, одного из организаторов «конституционно-либеральной партии» в Перми, будущего депутата I Государственной думы, решила послать «Его Императорскому Величеству» телеграмму «с выражением глубочайшей благодарности за дарованные им милости». Кроме того, дума решила считать 17 октября народным праздником и «ознаменовать этот день народным молебствием в соборе и трехдневным праздником с устройством для народа гуляний с музыкой».

В городе не прекращались демонстрации, причем не только оппозиционных сил, но и сторонников монархии. Имели место столкновения, распространялись прокламации с призывом к вооруженному восстанию. Городская дума совместно с губернатором обратились к населению с призывом соблюдать спокойствие. На волне всеобщего подъема под влиянием Манифеста общее собрание членов Пермского благородного собрания 21 октября высказалось за предоставление помещения собрания для проведения общедоступных митингов ⁷. В Благородном собрании 23 октября состоялся митинг (собрание) городской интеллигенции, председателем которого был избран земский статистик, будущий кадет Г. И. Баскин. В принятой резолюции собрание высказалось за проведение митингов в закрытых поме-

щениях, чтобы избежать провокаций и беспорядков, за прекращение уличных манифестаций, против призывов к вооруженному восстанию, за создание городской милиции, за удаление казаков из Перми. Свое продолжение митинг получил 26 октября, когда обсуждались уже вопросы общегосударственного характера. В частности, представители городской интеллигенции высказались за введение всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Первое заседание Государственной думы должно явиться Учредительным собранием для выработки основных законов Российской империи при однопалатной системе народного представительства. На собрании было избрано организационное бюро для проведения следующего митинга в составе пяти человек. В это бюро, вместе с В. П. Ивановым, Г. И. Баскиным и другими, был избран и Н. М. Назаровский⁸. Следующий митинг состоялся 3 ноября.

Однако 15 ноября общее собрание членов Пермского благородного собрания обсудило заявление 33 членов, потребовавших отменить решение от 21 октября о проведении митингов в помещении собрания, поскольку это создаст неудобства для членов Благородного собрания. Обсуждение было бурным. Резко и эмоционально выступил против отмены прежнего решения Н. М. Назаровский. Он заявил: «Эти тридцать три поступили неблагородно. Отмена постановления от 21 октября была бы неуважением к этому собранию». Тем не менее большинством голосов постановление о разрешении проведения митингов в помещении собрания было отменено⁹.

20 января 1906 года в Научно-промышленном музее состоялось второе общее собрание общества врачей, в котором участвовало около ста пятидесяти человек. Общество сразу продемонстрировало свои политические предпочтения, хотя

и являлось чисто профессиональной общественной организацией: оппозиция властям, защита либеральных ценностей. Для наблюдения за ходом собрания был направлен помощник полицмейстера. Как представитель власти он сел в первом ряду; в ответ все врачи покинули первый ряд. В начале заседания по предложению председателя П. Н. Серебренникова собравшиеся почтили вставанием память умершего земляка А. С. Попова и уроженца Перми приват-доцента Московского университета доктора медицины В. В. Воробьева, погибшего от руки полицейского чиновника. Это был уже антиправительственный акт, и помощник полицмейстера заявил о необходимости составления протокола. П. Н. Серебренников предложил представителю полиции, для удобства написания протокола, занять место за столом рядом с председателем и секретарем Н. М. Назаровским. Не поняв, что над ним издеваются, тот сел за стол президиума. После зачитания и утверждения протокола прошлого заседания П. Н. Серебренников и Н. М. Назаровский вышли из-за стола и сели в кресла первого ряда. В результате помощник полицмейстера сидел за столом один перед собранием, которое шло своим чередом. В. П. Иванов демонстративно сел спиной к полицейскому. Затем его примеру последовал врач Левин. Только тогда представитель власти понял, как он написал в донесении, что над ним «иронизируют», и выразил свое недовольство. Тогда ему предложили пересест в боковую ложу, а президиум занял свое законное место¹⁰.

Вопреки утверждению Б. Н. Назаровского, что «отец по убеждениям кадет, хотя и не состоял в партии»¹¹, Никандр Матвеевич принимал активное участие в создании кадетской организации в Перми. 29 января 1906 года состоялось собрание созданной в Перми партии конституционных демократов. Был избран временный организационный коми-

тет, в который вошел и Н. М. Назаровский ¹². В «Пермских губернских ведомостях» 31 января было помещено объявление «об открытии действий Пермского комитета конституционно-демократической партии» и приглашение записываться в партию у П. Н. Серебренникова, В. А. Чердынцева, В. П. Иванова и Н. М. Назаровского, с указанием их адресов. 26 февраля прошло открытое заседание Пермского отдела конституционно-демократической партии, на котором присутствовало около восьмидесяти членов партии и примерно столько же публики. Одним из вопросов, вынесенных на обсуждение, был вопрос об участии в выборах в Государственную думу. Н. М. Назаровский в своем выступлении заострил проблему: «Следует ли нашей партии представлять своих кандидатов?» При этом он сослался на примеры других городов: лицам, выдвинутым партиями кандидатами в члены Государственной думы, «приходилось нести тяжелые последствия за это избрание». Решение вопроса отложили до следующего собрания. На этом заседании был избран постоянный комитет конституционно-демократической партии в составе десяти человек, куда вошли врачи В. П. Иванов, П. Н. Серебренников, Н. М. Назаровский, купец В. А. Чердынцев и др. ¹³. Врачи составляли половину членов комитета.

На очередном собрании пермских кадетов 9 марта были избраны выборщики в Государственную думу, в числе которых, вместе с П. Н. Серебренниковым и В. П. Ивановым, оказался и Н. М. Назаровский. Однако в число выборщиков от съезда городских избирателей Никандр Матвеевич не прошел, хотя и баллотировался, — не набрал необходимого количества голосов ¹⁴.

20 марта Н. М. Назаровский выступил с докладом на тему «Рабочее законодательство» на беспартийном предвы-

борном собрании городских избирателей, организованном кадетами. В своем выступлении он коснулся истории вопроса, отметив, что «стачки как явление нежелательное, но неизбежное — могучее орудие в руках трудящихся масс в борьбе их с капиталом». Для устранения стачек, по его мнению, необходимо улучшение быта рабочих. В завершение доклада Никандр Матвеевич призвал рабочих передать защиту своих прав в руки Партии народной свободы, «ибо руки эти надежные»¹⁵. Выступление с докладом, далеким от медицины, свидетельствует о широте кругозора докладчика.

19 марта 1906 года в Перми вышел первый номер газеты «Камский край», фактически являвшейся органом Пермского комитета партии кадетов. Издателем газеты был В. А. Чердынцев, а редактором первого номера — Ф. С. Безбородов. Но в тот же день губернатор, на основании положения чрезвычайной охраны, приостановил дальнейшее издание газеты¹⁶. Следующий ее номер вышел 2 апреля, и редактором уже был Н. М. Назаровский. Никандр Матвеевич оставался редактором до 15 августа, когда его сменил врач В. М. Здравосмыслов. За это время он неоднократно привлекался к судебной ответственности за публикацию статей «вредного содержания».

В анонсе газеты были сформулированы ее задачи: «Газета преследует задачи освободительного движения, будет всегда стоять за интересы трудящихся масс, видя в подъеме их социального, политического и культурного развития залог преуспевания Родины»¹⁷. Издание сразу столкнулось с противодействием властей. Так, 26 апреля губернатор потребовал от прокурора Пермского округа возбудить уголовное преследование против издателя газеты В. А. Чердынцева за публикацию передовой статьи с критикой вышедших

в отставку графа Витте и министра внутренних дел Дурново (во время отсутствия Н. М. Назаровского с 18 апреля до 9 мая газета выходила под редакцией В. А. Чердынцева). В этот раз прокурор не нашел достаточных оснований и в возбуждении уголовного преследования отказал. На следующий день в газете была напечатана передовая статья с критикой новой редакции Основных законов Российской империи, которые окрестили «законодательными ухищрениями». В этом случае прокурор окружного суда постановил подвергнуть суду «за редактора — издателя В. А. Чердынцева» за «возбуждение к неповиновению и противодействию вновь вышедшим законам». Уголовное преследование продолжалось до июня 1906 года и было прекращено решением Казанской судебной палаты¹⁸.

Редактора Н. М. Назаровского привлекли к ответственности за публикацию в номере от 31 мая письма Г. В. Плеханова к рабочим. Окружной суд 2 октября вынес по этому делу оправдательный приговор¹⁹. По требованию губернатора 8 июля 1906 года было возбуждено очередное уголовное преследование против Н. М. Назаровского. Поводом послужила помещенная в номере заметка о волнениях в Мокшанском полку, расквартированном в Екатеринбурге. Губернатор усмотрел в публикации «преувеличения и ложь, и что такого рода недобросовестные извращения сведений о жизни отдельных частей войск имеют несомненно своей целью вызвать в среде войск недовольство правительством и действительным волнением войск». Заметка была перепечаткой из газеты «Уральский край», имела чисто хроникерский характер и не содержала в себе никаких суждений по поводу происшествия, а потому окружной прокурор вынес постановление о прекращении дела²⁰.

11 июля 1906 года пермский губернатор издал распоряжение об аресте номера 68 газеты «Камский край» и потребовал возбудить уголовное дело против редактора Н. М. Назаровского. Причиной явились три публикации данного номера:

«1) передовая статья по поводу роспуска Государственной думы, в которой выражалось сочувствие распушенной Думе и допускались выражения против высшей государственной власти;

2) статья «Куда мы идем», являвшаяся продолжением и развитием предшествующей передовой статьи;

3) выдержка из газеты «Путь» о действующем в г. Одессе военном положении, в коей в разнузданных, явно рассчитанных на возбуждение против правительства выражениях осуждается примененная правительством крайняя мера репрессии для поддержания порядка и подавления анархических посягательств»²¹. Однако прокурор Пермского окружного суда отменил распоряжение губернатора²².

Более серьезные последствия для Н. М. Назаровского и газеты имела публикация 29 июля 1906 года статьи «Да будет свет», подписанной псевдонимом «Священник Сельский». В обвинительном акте о враче Н. М. Назаровском, составленном прокурором Пермского окружного суда, отмечалось, что в статье «на основании текстов Священного Писания делается вывод, что русскому правительству не загасить путем кровопролития стремления русского народа к свету в смысле политической свободы, выражается уверенность, что «свет будет скоро и день непременно настанет». Статья, утверждается в акте, «призывает население к активной деятельности для достижения света и свободы, не жалея своей жизни и не смущаясь кровью и огнем»²³.

Временно исполняющий обязанности цензора губернский секретарь Рычков в тот же день, 29 июля, наложил арест на номер 83 газеты «Камский край» «ввиду помещения в нем статьи вредного содержания «Да будет свет» и предъявил требование о возбуждении против редактора газеты врача Н. М. Назаровского уголовного преследования. В заключении об утверждении распоряжения о наложении ареста на номер 83 газеты «Камский край» говорилось, что в статье «заключен призыв населения к активной деятельности против правительства для достижения света и свободы, не жалея своей жизни и не смущаясь кровью и огнем. На основании изложенного и принимая во внимание: 1) что статья «Да будет свет» по своему содержанию дает основания предъявить редактору газеты Н. Назаровскому обвинение по статье 129 Уголовного уложения; 2) что в производстве предварительного следствия по настоящему делу не требуется, почему против Назаровского никакой меры пресечения способов уклоняться от следствия и суда не принято; 3) что сообразно с тяжестью угрожающего Назаровскому наказания и его общественным и семейным положением, представляется наиболее правильным принять против него меру пресечения... полагал бы распоряжение... о наложении ареста на номер 83 этой газеты утвердить и мерою пресечения способов уклоняться от следствия и суда для редактора газеты «Камский край» врача Н. М. Назаровского, 35 лет, предаваемого суду по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 129 Уголовного Уложения, избрать представление залога в сумме трехсот рублей, а впредь до предоставления залога содержание под стражей»²⁴.

Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, Никандр Матвеевич виновным себя не признал. Тем не менее Казанская судебная палата 16 августа 1906 года ут-

вердила арест номера 83 газеты и поручила прокурору Пермского окружного суда возбудить против врача Назаровского уголовное преследование²⁵. За Н. М. Назаровским был установлен особый надзор полиции. Сессия судебной палаты 2 декабря вынесла оправдательный приговор по этому делу. А 29 декабря 1906 года приговор утвержден Казанской судебной палатой. Кроме того, сделано распоряжение об отмене особого надзора полиции. Приговор и распоряжение были объявлены Никандру Матвеевичу только 15 марта 1907 года²⁶.

Партия кадетов, относившаяся к либеральным партиям, придерживалась легальных методов борьбы с самодержавием, но это не оградило ее от репрессий. Конечно, масштабы и характер репрессий были иными, чем против социалистов, но их оказалось достаточно, чтобы во многом дезорганизовать деятельность кадетов. Безусловно, негативно отражался на деятельности партии и тот факт, что она так и не была признана официально. Активность партии резко возрастала в период предвыборных кампаний в Думу, затем наступал спад. Это было характерно и для пермских кадетов. После выборов в I Государственную думу деятельность кадетов в Перми выражалась в основном в издании газеты «Камский край». Очередное партийное собрание состоялось почти через полгода — 2 сентября 1906 года. На собрании присутствовало около тридцати человек, треть членов организации. Председатель комитета В. П. Иванов в своем выступлении признал, что «деятельность партии почти замерла, не проявляет активности». В повестке дня собрания стоял вопрос о тактике партии. Н. М. Назаровский заявил, что при таком числе собравшихся решать вопрос о тактике нельзя, т. к. это не будет решением большинства. В малочисленности собрания он «готов усмотреть агонию партии»²⁷.

20 ноября 1906 года пермский полицмейстер подготовил справку о наиболее видных и влиятельных членах партии кадетов в Перми. К этой категории наряду с В. П. Ивановым, П. Н. Серебренниковым он отнес и Н. М. Назаровского. В справке отмечалось, что «агитации этих лиц среди населения города Перми не замечалось. Стремления же вообще партии — осуществление конституционно-демократического строя правления и проведение кандидатов этой партии в Государственную думу»²⁸.

Осенью 1906 года деятельность кадетской организации оставалась малозаметной, но значительно активизируется работа общества пермских врачей, причем не только профессиональная, но и общественно-политическая. 4 сентября на собрании общества заслушан доклад Н. М. Назаровского «К вопросу об оперативном лечении застарелых выворотов матки»²⁹.

12 октября состоялось очередное собрание общества врачей, посвященное вопросу о П. Н. Серебренникове. Съезд духовенства Пермской епархии высказался за его увольнение как врача духовного и епархиального училищ «за невнимательное отношение к больным». В обсуждении вопроса принял участие и Н. М. Назаровский. Собрание врачей резко осудило решение духовного съезда, высказало полную поддержку и доверие П. Н. Серебренникову и приняло резолюцию, в которой заявлялось, что «ни один уважающий себя врач не займет место врача духовных учебных заведений»³⁰.

23 ноября в зале Благородного собрания состоялось торжественное заседание, посвященное 25-летию со дня смерти Н. И. Пирогова. Н. М. Назаровский выступил с докладом о Пирогове, охарактеризовав его как основателя нового направления в хирургии. В заключение выступления

Никандр Матвеевич заявил: «Недалек тот момент, когда Россия сбросит с себя оковы рабства, давящие творческую самостоятельность народа, общество проложит себе путь к свету и знанию, тогда богатый духовными силами русский народ выдвинет из своей среды новых Пироговых на благо России и всему человечеству»³¹.

29 декабря состоялось годовое заседание общества врачей, на котором Н. М. Назаровский выступил с секретарским отчетом о деятельности общества за год³².

Поражение революции фактически свело на нет деятельность кадетской партии в Прикамье. Н. М. Назаровский сосредоточивается на профессиональной работе. Его статьи публикуются в журнале «Хирургия» (1907, 1910), он становится заведующим хирургическим отделением Александровской больницы, продолжает частную практику, является одним из организаторов фельдшерских курсов. При его участии в сентябре 1911 года эти курсы реформированы в фельдшерскую школу, и Никандр Матвеевич возглавил ее в годы войны.

С началом Первой мировой войны Н. М. Назаровский принимает активное участие в организации медицинской помощи раненым воинам, эвакуированным в Пермь.

Отношения Никандра Матвеевича с сыном Борисом были очень теплыми, основанными на взаимной любви. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Бориса, написанное в мае 1916 года во время экскурсии по рекам Каме, Вишере, Колве в Чердынь. Письмо очень подробно описывает ход экскурсии, впечатления 12-летнего мальчика. Сын обращается к отцу «Дорогой папусхен!» и завершает послание подписанием «Папусюлькин сын Боря»³³.

В 1916 году Никандр Матвеевич тяжело заболел. В начале 1917 года он вынужден был окончательно оставить

больницу и уйти на пенсию. В прощальном адресе от 25 апреля 1917 того же года по случаю ухода из больницы (вероятно, от хирургического отделения) выражалась «признательность как человеку — гражданину и учителю — врачу, высоко державшему знамя земского врача»³⁴. В июне 1917 года был подготовлен еще один прощальный адрес по поводу ухода Никандра Матвеевича из Александровской больницы, в котором о нем говорилось как об активном общественном деятеле: «Выдержанный и осторожный в житейском смысле и решительный в нужный момент... Вы — человек земской культурной России, человек реальных политических и общественных идеалов, непреклонной определенной морали». Высоко отмечались и профессиональные качества Н. М. Назаровского: «Знаем как врача-хирурга, самостоятельно пробившего себе дорогу специалиста, и специалиста незаурядного». Подчеркивалось его искреннее и сердечное отношение к больным и к служебному персоналу³⁵.

Прощальный адрес был подготовлен и от педагогического совета Пермской фельдшерской школы³⁶.

Понимая всю серьезность своего заболевания, Никандр Матвеевич в мае 1917 года составил официальное завещание, по которому все имущество переходило жене Лидии Алексеевне. Завещание было записано священником Александром-Невской при Александровской больнице церкви С. И. Свечниковым, а свидетелями были В. П. Иванов и смотритель богоугодных заведений А. Ф. Карноухов³⁷.

Большую часть 1917—1918 годов, когда его знания, энергия так нужны были обществу, Н. М. Назаровский оставался прикованным к постели. Он по-прежнему придерживался кадетско-либеральных взглядов, не мог признать захват власти большевиками, но все же дожил до изгнания

большевиков из Перми. Умер Никандр Матвеевич в январе 1919 года.

Память о нем сохранялась, пока живы были его ученики и соратники по политической деятельности. В советской историографии Прикамья этому замечательному человеку, врачу, активному общественному деятелю места не нашлось. Его имя было совершенно несправедливо забыто. Даже сын не считал возможным лишний раз сказать о своем отце доброе слово.

М. С. АЛЫПЕРОВИЧ

КАК ЗАВЯЗЫВАЕТСЯ ЮНОШЕСКАЯ ДРУЖБА

...Майский теплый день. Иду по Оханской улице. На углу Вознесенской у открытого окна сидит мальчик и читает книгу. Видно, что он увлечен чтением. Я гляжу на него: худой, длинный. Я его не знаю и поэтому прохожу молча. В это время он отрывается от книги и, глядя на меня, говорит:

— Слушай, ты в детском комитете второй районной? ¹
А ну-ка, расскажи, что вы там делаете?

— Читаем, книги выдаем ребятам, даже взрослым. Нас свободно допускают ко всем полкам, берем, что понравится.

— А что тебе нравится?

— Испанский писатель Пио Бароха (ей-богу, хваста-нул, открыл взятую книгу, и спать захотелось). А ты что читаешь?

— Историю Древнего Египта. Автор — Зинаида Рагозина. Да ты подойди, посмотри...

И вот мы уже оба сидим верхом на окне, и он с жаром рассказывает мне, как интересно читать про древних.

Спихватился — сидим уже несколько часов. Он уже знает, что я ночью работаю в пекарне у Касаткина учеником, а днем учусь в гимназии. А я про него знаю, что он недавно осиротел, что его папа, хирург, умер, что мама у него фельдшерица, что есть сестра Люся, что зовут его Боря Назаровский, что мать ему не мешает читать все, что он хочет, да и ни в чем не мешает. Учился он в коммерческом училище, а его красные закрыли, сейчас не учится нигде. Дома у них большая библиотека. Выяснили, кто из нас старше, оказалось, я — почти на целых четыре месяца.

И когда зашла мать звать его обедать, он ей говорит: «Вот мой новый товарищ, с ним мы будем дружить». ...Этот день мне запомнился навсегда: какая-то радость на душе у меня, тянусь к парню, у которого родители любили его, и дают ему возможность делать, что он считает нужным. У меня, у которого нет ни родных, ни близких, появился друг: кажется, это по-настоящему будет друг.

...Мы начали учиться, а Боря задумал поступить на работу. «Хочу, — сказал он мне, — поддержать мать». Рассказал мне, что З. А. Будрина решила организовать группу по сбору книг из домов бежавших с Колчаком. Договорилась с начальником политотдела гарнизона, только что приехавшей Кирсановой (известная пермская революционерка). Решила собрать всех мальчишек из второй районной на это дело, позвала нас к себе и растолковала, что и как. Борис будет за старшего, он будет получать паек и зарплату в гарнизонном клубе, а мы будем ему помогать. Для перевозки книг она нам организовала какую-то арбу, а вместо лошади пригнала ишака, который остался от первых красных, когда Блюхер прорвался на Кунгур с Южного Урала.

Семья Назаровских:
Лидия Алексеевна, Борис, Ольга, Никандр Матвеевич

«Коммуна у Назаровских» (к воспоминаниям В. А. Агеевой).
1919 г.

«Лесенка». Снизу вверх: А. Гайдар, Л. Неверов, Б. Назаровский,
А. Плеско, В. Блок. 1920-е гг. (ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 114)

Б. Назаровский, Н. Кондратьев, С. Милицин, А. Плеско.
(ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 24). 1920-е гг.

Б. Н. Назаровский (2-й ряд, третий слева) среди рабкоров
«Звезды». 1925 г. В первом ряду сидит Лия Соломянская-Гайдар

Б. Н. Назаровский с сотрудниками Пермского (Молотовского) облисполкома. Слева от него — С. А. Кочергин, председатель облисполкома в 1942—1944 гг.

Б. Н. Назаровский. 1930-е гг.

Б. Н. Назаровский с сыном Сережей
и женой И. С. Рыжановой. 1949 г.

Ишак так и пробыл при белых на плацах Красных казарм. Наметили так: сначала мы работаем врозь, там, где немного книг, а Борис начнет отбор книг в библиотеке фабриканта серно-кислотного завода Тупицына (человек он был грамотный, читал на многих языках). Всего Борис насчитал там около 30 тысяч книг. И вот невиданная для Перми картина: шесть мальчишек вытаскивают кучи книг и бросают в арбу. Дом помещался на Екатерининской улице около монастыря. Начальник наш Борис с самым серьезным видом пытается «завести» осла, то его за хвост покрутит, то палкой лупит, а он ни в какую. Наваливаемся все, толкаем арбу, и вот двинулась. Прыгает на ходу Борька наверх арбы и усаживается там, а с ним Игорь Орестов, обычно это переводчик, распознающий, на каком языке написаны книги. Вдвоем они располагаются наверху и рассматривают альбомы с марками, которых было много. Мальчишек с Данилихи за нами — толпа: ишак — штука невиданная в Перми, да еще заартачится, «запоет». ...Так мы возили книги с месяц: газеты и журналы — в публичную библиотеку, а книги — во вторую районную. Вскоре помещения, отведенные для книг, были загружены до потолка, стало холодать, ишака нечем было кормить, и Борис перестал нас вызывать и приезжать за нами после школы в своем «экипаже»².

...Мы встретились в июне 1921 года, когда я ехал в распоряжение ЦК РКСМ, чтобы быть направленным на работу в Грузию, недавно освобожденную, и в ее комсомол, недавно вышедший из подполья. Две недели я пробыл в Перми. Заехал, конечно, к Назам. Обрадовались мы взаимно друг другу. Работал он тогда в РОСТе. Он сразу же потащил меня туда. Очередным кумиром его был, это чувствовалось во всем, зав. РОСТой Антонов и редактор Милютин. Так как в Си-

бири мне пришлось поработать на газетной работе в комсомоле, то в первый же день мне дали какие-то задания, и я сделал некоторые статейки, заметки и сводки. Борис работал с душой, забывал про еду, сон и про все на свете. С большим интересом я включился в его задумку — создать устную газету при РОСТе. Делалось это так: Гинц³ брал большой шест, на котором было написано «Идите за этим человеком, он вам расскажет что-то интересное». Выходили из РОСТы Борис, я, еще несколько человек, шли по улице и скандировали стихи входившего в моду Маяковского. Громче всех Борис скандировал:

Наш
бог
бег.
Сердце
наш барабан.

Я не понимал поэта и орал что-то другое, а Борис на полном серьезе изо всех сил кричал эти стихи. Постепенно, идя по городу, мы обрастали довольно большой толпой. Когда доходили до Гоголевского сада к специально устроенной трибуне, мы пересказывали устно сегодняшнюю сводку РОСТы. Гинц, прекрасный декламатор, в промежутке между статьями читал стихи революционных поэтов. Борис в выступлениях не участвовал, у него был глухой голос, и он быстро надрывался и хрипел, но организатором был он и душой всего этого дела, как и в постановках второрайонников в городском театре.

...Умер Ленин. Ходил я прощаться с ним в Колонный зал Дома Союзов. Начался ленинский призыв. Было не до лекций. Наше международное отделение закрыли и предложили перейти на юридический факультет. Кое-как «ска-

чав» сессию, пошел в ЦК партии и попросил: направьте в Пермь для работы с ленинским призывом. ...Получил направление в Пермь, в распоряжение окружкома. Заехал, конечно, к Борису. Борис работал секретарем редакции «Звезды». Вся редакция состояла из молодежи, командовал ими зам. редактора Шурка Плеско⁴, по годам мой сверстник, успевший окончить институт журналистики. Настоящий былинный богатырь, голубоглазый силач, спортсмен. Когда я зашел в редакцию, Борис побежал к нему. Он позвонил редактору Михаилу Павловичу Туркину, тот обратился в окружком, и я был откомандирован для работы в редакцию.

...Пробой пера была картинка к годовщине освобождения Перми от белых: «Красные, белые, красные». Прошел почти без правки, значит, приняли. Работники редакции — каждый — были, несомненно, талантливы и вдобавок каждый имел свой «пунктик». Борис был поглощен рабкоровским движением. Вечерами он обязательно бывал на Шпагинских мастерских, за Камой на лесозаводах, на «Уралсепараторе». Он был не просто увлечен, а одержим этим. В редакцию все чаще поступал материал от рабкоров. ...Рабкоровский материал он правил и доводил до кондиции сам, сидя до позднего вечера.

Тогда пользовалась всесоюзной славой четвертая страница газеты железнодорожников «Гудок», где за подписью «Зубило» давались сатирические стихи по рабочим замечкам. Борис поставил задачей сделать четвертую страницу «Звезды» такой же острой и интересной. К удаче задумки послужил приезд нашего старого знакомого Игоря Орестова, который возвратился из Швеции и Англии, где его отец принимал купленные за границей тысячу паровозов. Он и стал во главе четвертой страницы. Талантлив он был бес-

спорно. Вскоре «Звезда» приобрела популярность большую среди рабочих, и начала расти подписка на нее. Пермское рабкоровское движение приобрело широкий размах, росло и количество рабкоров, и они начали давать интересный материал. В Пермь на окружные съезды рабкоров «Правда» начала посылать своих представителей, а затем М. И. Ульянова послала на третий рабкоровский съезд свою помощницу Наташу Пилацкую. Это все мы считали бесспорно заслугой, прежде всего, Бориса и Плеско.

Вообще, в редакции каждый имел свое дополнительное увлечение. Плеско был увлечен МОПРом, он завел переписку с узниками фашистской Италии, главное — с тюрьмой политических в Форли. Он выпустил книжку о Форли⁵, и ряды МОПРа выросли сильно.

Гинц больше увлекался декламацией и поэзией. Читал он Каменского и Маяковского мастерски. ...Борис и Плеско были инициаторами создания при редакции футбольной команды «Звезда», благо близко стоявший к редакции Павел Варасов был вратарем уральской сборной команды. В устье реки Чусовой редакция унаследовала островок, который в свое время получил название в память о второй районной библиотеке. Плеско завел для своей приемной дочери молоденького медвежонка, и Борис был в восторге от всех этих дел.

...Жили мы втроем: Борис, Игорь и я. Это была своеобразная коммуна без всяких формальных обязательств. Хочешь — вноси зарплату, не хочешь — можешь не давать ничего. Но мы все отдавали три четверти, не меньше, оставляя себе на курево и на мелкие расходы. Жили мы хорошо. Лидия Алексеевна относилась к нам как к родным.

...Работали мы много и не считались со временем. Редакция сработалась. И неудивительно, что мы приняли

в свои ряды приехавшего Аркадия Голикова (Плеско в Перми он уже не застал), который быстро сошелся с ребятами и стал своим.

...В феврале 1927 года я вернулся в университет, поступил на третий курс судебного отделения. ...Вскоре Борис приехал работать в «Гудок». Заехал он, конечно, ко мне. И вот мы зажили в Москве. ...Он мне рассказывал про коллектив редакции, а он действительно был особым. Здесь работали писатели Ильф и Петров, Ю. Герман, В. Катаев и другие. Работал он много, но все это была правка замечаний рабкоров. Однажды я спросил у него: не обижает ли его то, что нет его подписи в газете ни под одной заметкой, что он ее правил. Он мне ответил: «У меня такая радость от того, что получается от моей правки, что нет места для обиды, это же самый лучший университет журналистики». Принес он однажды большую фотографию работников редакции. Был и он в кружке. Там был его старый кумир Антонов, когда-то бывший зав. пермской РОСТА. Долго фотография стояла на сундуке с книгами, а потом он ее отослал в Пермь. Там были все тогдашние видные писатели, и он мне долго рассказывал, «кто чем дышит».

...С началом весны 1958 года, как только запахло теплом, Борис начал говорить, что хочет на лето занять дачу на берегу Камского моря. И, конечно, выплыл Винный Завод — место, где Лидия Алексеевна, мать Бориса, жила в 1926 году; куда был насильно водворен Аркадий Гайдар⁶ и откуда он писал в евангельско-псалтырном стиле письма к Борису и был возвращен решением редакционных работников.

Сначала Борис поехал один. Из когдатошней большой деревни в шестьдесят домов после затопления поймы реки Сылвы осталось всего семь домов. Когда-то семидесятимет-

ровая река превратилась сейчас в трехкилометровую водную гладь, почти без течения. Как только началась навигация, Борис поехал в Лядовский сельсовет и получил разрешение на участок в деревне Винный Завод, где он купил усадьбу со сгоревшим остатком двора в виде бани по-черному. Сельсовет знал Бориса как журналиста и обусловил отвод ему участка шестью его беседами с колхозниками по текущим вопросам. И только после этого бригадир колхоза Морозов подписал разрешение на использование участка колхозной земли под домик. Приехал Борис домой сияющим, с задраннным носом: знай наших! А на лето он арендовал пока тот самый дом, в котором жила Лидия Алексеевна со Светланкой в 1926 году и жил Аркадий Гайдар.

Это было не так-то просто — постройиться здесь: надо было завезти бревна, доски, кирпич, в общем, все, что требовалось для мало-мальски годного угла. В одно из воскресений поехали мы с ним на поиски лесоматериала. ...Борис мне пояснил, что дело все в географии: Винный Завод — на острове. С одной стороны Быковский залив, с другой — река Быковка, с третьей — Чусовая, а с лицевой стороны — залив Камского моря. И все, что привозят в деревню Винный Завод, привозят на барже-пароме, даже тракторы для работы колхозной бригады перевозят по воде, как и товары в магазинчик для населения. Сидели и гадали: как же перевезти все нужное. Пока Борис решил поставить печи и очаг. ...Сложил примитивную печь, выложил трубу, все это было сложено без раствора, а потом служило долгие годы.

Надо сказать, что увлеченность дачей стоила ему очень много здоровья.

...Наконец, «дворец» был готов, и мы устроили новоселье. Были приглашены все знакомые Бориса: писатели, ра-

ботники издательства, с моей стороны — мои помощницы и друзья: рабочие, комсомольцы. Я удивлялся радости Бориса. Он показывал малюсенькие каютки, меньше двух метров, в которых еле установились топчаны, с не меньшим удовольствием, чем, наверное, раньше помещики показывали купленные имения. Каждый раз, приезжая на выходной день, мы находили что-нибудь новое, действительно вызывавшее восхищение. Винный Завод стал вскоре популярен среди наших знакомых.

Все, что он делал, он делал с широтой, размахом.

...Как и в юности, Борис был добычливым специалистом по части грибов, а по ягодам мы оба были хорошими охотниками, но Борису поиски земляники быстро приедались. ...Лес был изумительным, это был сосновый бор, похожий на аллею, и бродить по нему было огромным удовольствием. Физически мы работали над доставкой дров. ...Я, по его выражению, «торопыга» и «варвар», начинал рубить любую валегу, не разбираясь, под силу ли дотащить до дома. А он обойдет целый участок, выберет сушняк, напилит, как-то красиво транспортирует его до дома, потом расколет и устроит небольшую поленицу, разложит еще по сортам: на печку, на костерик, а Ирина⁷ предпочитала часто готовить несложные блюда на таганке.

Ближе к осени Борис организовал нашу поездку по Волге до Ростова. Поехали мы вчетвером: Борис с Ириной, я, Ралюшка Соломянская-Гайдар⁸. Пароход «Красногвардеец», только что прибывший из Венгрии, шел чуть ли не в первый рейс. Капитан его Сафонов принял нас очень радушно — все-таки Борис был известным журналистом и лестно было иметь на пароходе такого гостя. Впервые я тут увидел телевизор, он стоял в каюте у капитана. Ехали мы весело и интересно...

...Мы немного посмеивались над Борисом: после Ульяновска он перестал ходить на осмотры, не сходил на берег в Куйбышеве, Саратове и только в Сталинграде осмотрел музеи и набережную Волги. В шутку я сказал: «Что же ты, боишься разочароваться в Перми после осмотра красивых городов?» Он ответил: «Все равно лучше Перми города нет». Я напомнил ему, что однажды уже слышал от него эту реплику. Когда приезжала Вера Инбер в Пермь и беседовала в редакции с коллективом⁹, он ей заявил, что лучше Перми города нет. А на ее реплику: «И в мире?» тут же ответил: «Может, и в мире». Он хмыкнул и промолчал.

С. М. ГИНЦ

СТИХИ БОРИСУ НАЗАРОВСКОМУ В ДЕНЬ ЕГО СЕМНАДЦАТИЛЕТИЯ

Второрайонный поэт — автора этой вещи
название.

Рифмы,
ритма
нет.

Второрайонный пишет эту вещь
в наказанье

за то, что Поэт,
и за то,
что на рожденье был зван я.

А нут-ка,
повернем наших глаз лицо.

Наново Маяковского переделаем.
Этой вещи главным действующим лицом

Назаровского Бобу
сделаем.

В мире всех людей
 никого длинней
 не найдет нигде и никто.

Он читает Введенского,
 Каутского,
 и того, и другого, и много еще, и Минто.

У Борьки
 пятнадцать профессий.
 Во всякой виртуоз — он.

О каждой
 писать если,
 написать можно целый том.

Чудной человек Борька.

У Борьки
 футурность
 и Маркс
 не смешаны вместе — сжились.

У Борьки
 что ни спроси,
 на все есть марксистский ответ.

Чудной человек Борька.

У Борьки
 будущий чин —
 профессором быть,
по-профессорски жить,
 сделать футуро-науки почин.

У Борьки
 сейчас
 в голове такой грохот
 от Бабефа, коммуны и других,
что все прочее кажется — такие крохи,
 что не стоит думать о них.

Посторонним

он

иногда смешон,

большой частью боятся его.

Я — один не боюсь,

говорю, сговорюсь,

и другим говорю: ничего.

Так не бойтесь и вы

ни его длины,

ни его ученого

мнения.

Я к нему пришел.

У него хорошо.

День Его сегодня

рождения.

1921. III. 9. Вечер.

С. Гинцбург.

К. С. БОЧКАРЕВ

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЕ СПОРЫ В ПЕРМИ

Во второй половине 1920-х и в начале 1930-х годов, когда я учился в Пермском университете, философская мысль буквально бурлила в студенческих и научно-педагогических кругах Перми, особенно в ее самом влиятельном и авторитетном центре, каким по праву был университет. Ведь это было время активного распространения (и не только в Перми, но и вообще в стране) нового мировоззрения, новой философии, о которой в прошлом мало кто слы-

шал,— диалектического материализма. Вначале это был естественный и неподдельный интерес к новому, но затем он сменился официальным и грубым навязыванием нового взгляда на мир. Его просто декретировали и включили в учебные программы вузовского образования. Включить-то включили, а кадров, специалистов по такому предмету не было. Привлекали старых партийцев-коммунистов, но они могли, в лучшем случае, говорить что-то по истории партии, а как только речь заходила собственно о философии, то несли чепуху, путались в трех соснах. Не помогали и издававшиеся на скорую руку учебники, азбуки коммунизма, журналы, в том числе специальный философский журнал «Под знаменем марксизма». Выход из трудностей в то время находили в использовании дореволюционной литературы, философских работ Каутского, Плеханова, произведений Маркса и Энгельса. Но надо было уметь связать все это с современностью.

Я говорю об этом так подробно, чтобы яснее показать роль Б. Н. Назаровского в работе университета в то время. Это была светлая голова, широко образованный человек. Он был знаком не только с марксистскими произведениями, но и с русской философской классикой. Был единственным в Перми человеком, учившимся в Московском институте Красной профессуры. Правда, института не окончил, был отозван на редакторскую работу в пермской газете «Звезда». Но все же основные курсы прослушал, а главное, непосредственно участвовал в знаменитых семинарах А. М. Деборина¹, главы советских философов.

Борис Никандрович был на голову выше всех молодых преподавателей философии в ПГУ по своей образованности. К сожалению, мне не удалось слушать его лекций и участвовать в его семинарах. Моя первая встреча и беседа

с ним состоялись в связи с публикацией в начале 1930 года моей статьи «О борьбе за марксизм в пермских вузах». Вскоре я был приглашен в редакцию к Назаровскому, состоялась долгая беседа. Борис Никандрович одобрил статью. Особенно ему понравилось то, что я, резко критикуя так называемый ОФИС (Общество философских и социальных наук), существовавший при ПГУ и издающий свой журнал, не осудил всех авторов чохом, а отметил ряд положительных фактов, в частности деятельность главного редактора журнала ОФИСа профессора А. П. Дьяконова² — человека прогрессивного и относящегося с пониманием к новой философии. Одобрил Борис Никандрович и постановку вопроса о необходимости совершенствования философского образования в университете.

Вскоре в ПГУ начался разгром старой профессуры. Обвинили в реакционности многих ученых, уволили профессоров В. Н. Беклемишева, А. А. Савича, П. С. Богословского, А. П. Дьяконова. И я не избежал порицания за положительную оценку работы А. П. Дьяконова. Выговор получили также некоторые сотрудники «Звезды».

После беседы в редакции Борис Никандрович стал приглашать меня к себе домой «на чай». Я нередко запросто заходил к нему, тем более что жил он недалеко от ПГУ, около школы «Муравейник», в одноэтажном деревянном доме, вдвоем с матерью-учительницей. Главное, что мы обсуждали тогда, это перипетии тогдашней борьбы на философском факультете, в основном с механицистами-богдановцами. Одним из самых влиятельных среди них в Перми был Вернеев — старый коммунист. Он вел курс философии и был председателем Общества воинствующих материалистов-диалектиков. Это было курьезом и создавало почву для постоянных споров и дискуссий на кафедре. Из споров

с Вернеевым можно было понять, что Назаровский твердо стоял на позициях ортодоксального диамата и решительно осуждал его извращения.

Дома у Назаровского была богатая библиотека. Рядом с марксистскими изданиями на полках стояли книги Бердяева, Соловьева, Лосева и др.

М. А. ГЕНКЕЛЬ

«ГОРЖУСЬ ТЕМ,
ЧТО БЫЛА УЧЕНИЦЕЙ
НАЗАРОВСКОГО...»

Я полагаю, что семья Назаровских польского происхождения. Об этом свидетельствует и фамилия, и внешность членов семьи.

Наша бабушка Доротея Хорленская тоже наполовину полька. Ее мать была дочерью Анны Илларионовны Голенищевой-Кутузовой, родной сестры знаменитого полководца, отец был поляком. Члены семьи Генкель и члены семьи Назаровских имели большое физическое сходство. Гимназистка Люся Назаровская, сестра Бориса Никандровича, и реалист Павел Генкель, которые общались в одной компании, были так похожи, что Люсю называли сестричкой Павла.

В 1927 году я познакомилась и подружилась со студенткой университета Лидой Перескоковой. Захожу как-то вечером в домик Перескоковых на улице Толмачева и слышу крик: «Люся!» Затем ко мне подходит молодой человек и представляется: «Я Володя, брат Лиды. Извините, что я вас напугал своим криком. Вы так похожи на Люсю Назаровскую».

Встреча с Борисом Никандровичем состоялась в 1929/1930 учебном году, когда он читал нам, филологам педагогического факультета Пермского университета, курс диалектического материализма. Это были блестящие лекции, очень содержательные, красивые по форме, эмоциональные. Он вел у нас семинар по диамату, заставлял думать, творчески осваивать материал.

Назаровский был очень красив в то время. Высокий, стройный, с пышными русыми волосами, усами и бородкой. Своим одухотворенным обликом, тонкими, правильными чертами лица напоминал нам Иисуса Христа. Его так и называли: Иисус Христос со своими апостолами. Апостолами были студенты Бочкарев и Высотин, историки. Все трое в перемену ходили по коридору и о чем-то серьезно беседовали. Конечно, у Бориса Никандровича было немало поклонниц среди студенток.

Новая моя встреча с Назаровским произошла в 1944 году, когда он уже работал в облисполкоме. Я ухитрилась тогда потерять все хлебные карточки и талон на сухой паек. Это была трагедия для семьи, в которой было трое детей. Я знала, что карточки не восстанавливаются, но все-таки рискнула обратиться к Назаровскому, памятуя о том, какой это добрый, отзывчивый человек. Пришла и встретила пожилого и очень усталого человека, ничем не напоминающего бывшего красавца Назаровского: ни роскошных волос, ни усов, ни бородки, только голубые глаза остались такими же. Он принял меня очень сердечно, вспомнил, что я училась у него. Позвонил в карточное бюро, и мне восстановили все утраченное.

У меня остались очень светлые воспоминания об этом человеке, талантливом, интеллигентном, благородном.

Я горжусь тем, что была ученицей В. В. Гиппиуса, П. Г. Стрелкова и Б. Н. Назаровского. Память о таких людях должна сохраняться вечно!

В. Г. ЗЕНКОВ

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ Б. Н. НАЗАРОВСКОГО

Весной 1948 года, работая в газете «Красный Крым», я решил уволиться и уехать на свою далекую родину в Пермь (тогда Молотов). Узнав об этом, один из сотрудников редакции, Степан Милицин, человек уже в годах, заметно оживился и, одоблив мое решение, сказал:

— В Перми редактором газеты работает мой старый друг Боря Назаровский. Я напишу ему письмо.

Приехав в Пермь, пошел в «Звезду». Письмо, насколько я понял, обрадовало Назаровского. Начались расспросы о жизни и работе и, конечно, о планах на будущее. А в конце разговора Борис Никандрович сказал:

— Оформляйтесь и выходите завтра же к нам на работу.

Что уж было такого в письме, которое я привез, не знаю, но, видимо, оно сыграло решающую роль в моей судьбе. С того дня «Звезда» привязала меня к себе почти на тридцать пять лет, лучшими из которых были так быстро пролетевшие годы работы с Борисом Никандровичем Назаровским.

Уже работая в «Звезде», я узнал, наконец, кое-что о Милицине. В далекое довоенное время были в редакции этой газеты четыре неразлучных друга: Аркадий Гайдар, Борис Назаровский, Савватий Гинц и Степан Милицин.

Эта четверка зримо сохранилась на широко известной сейчас фотографии, где все они образовали своеобразную пирамиду, встав один за другим, один выше другого.

До сих пор невыносимо жалко, что так мало пришлось работать под руководством Назаровского, этого удивительного человека. То, что он делал в газете, нравилось далеко не всем, прежде всего не нравилось руководству обкома партии. Об этом свидетельствует тот факт, что он в результате был снят с работы по надуманной причине.

О Борисе Никандровиче Назаровском написано и сказано немало. Мне хочется добавить лишь несколько штрихов к его портрету, то, что сохранилось в памяти.

Поздно вечером по редакционному телетайпу идет передача указа о награждении орденом Камского речного пароходства в связи с его столетием. Орденами и медалями награждена большая группа работников. Среди награжденных орденом Трудового Красного Знамени упоминается Назаровский — редактор газеты «Звезда». Прочитав эти строчки указа и на ходу одеваясь, Борис Никандрович бросает: «Я в обком».

Как стало потом известно, об указе и своем неожиданном награждении Назаровский доложил бывшему тогда секретарем обкома партии по пропаганде Ивану Александровичу Мельнику. «Это ошибка,— говорил он.— Вы же знаете, что несколько месяцев назад я уже был награжден таким же орденом. Нельзя награждать так часто. Надо исправить эту ошибку».

Мельник позвонил в ЦК партии секретарю А. А. Жданову. Тот выслушал Мельника и удивился: «Чтобы от ордена отказывались! Такого я не помню. Хорошо, разберемся».

Вскоре по телетайпу поступила поправка: фамилию Назаровского из текста убрать.

Время — первый час ночи. Выпуск газеты задерживается. Редактор, дежурный по редакции и я сидим и ждем важное сообщение из Москвы, без которого газеты выйти не может.

Наконец дежурный не выдерживает:

— Может быть, можно мне, Борис Никандрович, уйти домой?

Немедленно следует встречный вопрос:

— Как вы думаете, у вас в сознании есть пережитки капитализма?

Дежурный мнется, виновато улыбается:

— Наверное, есть.

— Ну вот, сидите и боритесь с ними.

Проблема решена. Продолжаем ждать важное сообщение из Москвы.

Вызывает Борис Никандрович секретаря Галю Зави-таеву:

— Галя, вы неправильно отвечаете по телефону. Вы не секретарь редактора, а секретарь редакции. Вам понятно?

— Да, понятно, Борис Никандрович.

Принесли в редакцию некролог: погиб работник милиции. Моя довольно болтливая напарница, с которой мы, сменяя друг друга, работаем в секретариате, прочитав некролог, ляпнула: «Одним меньше».

Редактору позвонили из управления милиции. Он вызвал провинившуюся и, убедившись, что все именно так и было, сказал: «Вы уволены». Ни оправдания, ни слезы не помогли.

Тут же мне было приказано: «Ведите текущий номер и готовьте следующий».

Что-то хуже стал видеть. Трудно работать вечерами. Неведомыми мне путями узнал об этом Борис Никандрович. Вызывает:

— Идите в глазную клинику, что на улице Пушкина, найдете там профессора Чистякова Павла Ивановича, он посмотрит. Я с ним договорился.

Пройти к профессору непросто: меня окружает толпа его сотрудников. Спрашивают: кто, зачем? Появляется профессор:

— Это ко мне, ко мне. Пойдемте, молодой человек. На следующий день сделали операцию.

Захожу в кабинет редактора. Борис Никандрович что-то быстро пишет и при этом громко ругается. Спрашиваю: «Что случилось?» Он, не отрываясь от работы, говорит: «Этот материал нужен именно сейчас, но как написано!» И продолжает чуть ли не переписывать корреспонденцию от начала до конца, не переставая и хвалить, и ругать автора. Автор этот — наш собственный корреспондент в одном из сельских районов. Деревенский мужичок, в грамоте не очень силен, но с большим жизненным опытом.

И вот все готово. Редактор отдает мне по существу переписанный им материал: «Пусть перепечатают и срочно ставьте в номер!»

Вместо болтливой особы, которую редактор был вынужден уволить, стал работать в редакции опытный журналист. Все шло хорошо до тех пор, пока он не почувствовал, что с помощью фельетонов создал себе кое-какой автори-

тет. Это его и сгубило. Однажды ему в сапожной мастерской не починили к сроку туфли. Он вскипел: «Да вы что? Я в газете работаю, напишу про вас!» И показал редакционное удостоверение. В тот же день об этом событии кто-то сообщил в обком партии. Оттуда последовал звонок редактору. Выяснив все обстоятельства дела, Борис Никандрович издал приказ об увольнении зазнавшегося фельетониста. Я пытался упросить не увольнять его, но в ответ услышал:

— Он в мелочах не честен!

Человек с таким недостатком, по мнению Назаровского, работать в газете не может.

Все корреспонденции, вплоть до информационных заметок, Борис Никандрович внимательно просматривал перед тем, как отправить их в типографию. Делал он это обычно вечерами. К утру на его столе оставались материалы, которые необходимо доработать. К каждому приколоты бумажка, на которой указано, что нужно еще сделать, уточнить, поправить или вообще написать заново, если проблема того заслуживает.

Получив утром такое заключение, каждый видит свои промахи и ошибки. Дополнительные разъяснения не требуются.

Опубликован мой репортаж с предвыборного собрания на станции Пермь II. Читаю утром в газете: «Выступает машинист Копытов...» Смотрю в блокнот. Конечно, ошибка — в блокноте его фамилия Корытов. Иду к Борису Никандровичу, говорю, что по моей вине в газете ошибка.

— Ну что же,— говорит редактор,— объявляю вам выговор.

Хотя взыскание не радость, но на душе стало легче: об ошибке редактор узнал от меня. Это хороший урок.

Одно из напутствий Назаровского отъезжающим в командировку:

— Будут вас угощать обедом, расплатитесь до копейки. Может случиться так: дадут вам котлету, а спишут барана.

Однажды Назаровский велел размножить поступившее в редакцию письмо. Обычное, ничем не примечательное письмо. Когда все сотрудники собрались на очередную редакционную летучку, он раздал каждому копию письма и предложил к следующему дню подготовить его к печати. Лучше подготовленное письмо будет опубликовано. И вот вновь все собрались в кабинете редактора. Борис Никандрович объявляет результат. Объясняет, почему выбрал этот вариант, отмечает недостатки других. Обычная школа Назаровского.

Удивительный почерк был у Бориса Никандровича: какие-то крючочки, завитушки. Что-то от готического, остроконечного письма. Его рукописи в редакции могла разобрать только одна машинистка — Ольга Васильевна Грацинская. Когда заходила речь об этом удивительном почерке, Назаровский смеялся:

— Вот возьмите таракана, обмакните его лапки в чернильнице и пустите на бумагу. Следы этого таракана и есть мой почерк.

В кабинете редактора для подготовки очередного номера газеты собрались его заместитель Моисей Григорьевич Гуревич, ответственный секретарь Михаил Александрович

Моценко и я. Номер складывался тяжело, все нервничали. Неожиданно Назаровский говорит Моценку:

— Ну что у тебя за псевдоним такой, Михаил Александрович? Какой-то Кругов. Вот у меня — Серов, у Моисея Григорьевича — Перов, а ты будешь «..ров». И произнес слово, как принято сейчас говорить, ненормативной лексики.

Громче всех хохотал Моценко.

Очередной номер газеты получился неплохим.

В большом зале обкома партии идет собрание областного партийного актива. Секретарь обкома К. И. Галаншин рассказывает об итогах только что состоявшегося очередного пленума ЦК КПСС. Пленум, говорит он, решил отменить как не оправдавшее себя ранее принятое решение о разделении государственных и партийных органов на промышленные и сельские и восстановить ранее существовавший порядок. В конце доклада К. И. Галаншин говорит:

— Единственным коммунистом нашей областной партийной организации, выразившим в письме в ЦК партии свое несогласие с тем решением, считая его ошибочным, был товарищ Назаровский. Как видите, автор этого письма в ЦК был прав, и мне поручено дать ему ответ на это письмо, что я сейчас и делаю.

Эти слова зал встретил гулом.

Р. И. ЧИРКИНА

ШКОЛА НАЗАРОВСКОГО

Я познакомилась с Борисом Никандровичем в годы Великой Отечественной войны. В начале я была внештатным корреспондентом и писала заметки в «Звезду», а потом при-

шла туда на штатную работу. Когда Великая Отечественная война шла к концу, меня послали в Москву на Центральные газетные курсы при ЦК партии, которые я благополучно окончила и была направлена в Азербайджан редактором молодежной газеты.

Б. Н. Назаровский сказал: «Как это? Нам самим молодые кадры нужны».

Он поставил вопрос в обкоме партии, секретарь обкома Н. И. Гусаров поддержал его, позвонил в Москву, и вопрос был решен. Я стала работать в редакции «Звезды».

Вспоминаю первый день, когда я пришла к Б. Н. Назаровскому в кабинет. Представила документы журналиста. Он сказал, протягивая руку: «Ну, вот и хорошо. Молодые кадры нам очень нужны. Сейчас уже кое-кто из раненых фронтовиков-журналистов вернулся в редакцию и приступил к работе. Будем все вместе делать газету — боевую, интересную и нужную».

Я сидела, слушала, глядела на него широко раскрытыми глазами, как на легенду, предвкушая свою «значимость» в газете.

Назаровский снял трубку, позвонил. Появился худощавый человек, в полувоенной форме и кирзовых сапогах. «Вот, — сказал Борис Никандрович, — это Иван Иванович Горлаев, заведующий отделом информации, а это — наша новая сотрудница».

Вначале я работала с Тamarой Помыткиной (Чесноковой), а потом ее заменила Ирина Рыжанова (вышедшая позже замуж за Бориса Никандровича). Затем в отдел пришел Лев Давыдычев.

Утром, приходя на работу, Иван Иванович с ходу обращался к нам с вопросом: «Ну, орлы, что нового в городе?» И мы обязаны были выдать ему всю информацию, все по-

ности за эти сутки в городе. Сам же он был настолько оперативен, что, казалось, нет ничего, чего бы он не знал.

Каждое утро Борис Никандрович проводил летучку, на которой разбирался вышедший номер газеты. Это было нечто. Если летучку проводил Павел Александрович Пономарев, заместитель Назаровского, все бежали в его кабинет весело, вприпрыжку. Если же Борис Никандрович, тогда мы шли не спеша, поджидая идущего следом сотрудника. Назаровский разбирал вышедший номер с пристрастием, невзирая на лица. Попадало всем — от литсотрудника до ответственного секретаря. Первому за то, что написал галиматью, последнему за то, что подобрал невыразительные шрифты, оставил большие «хвосты» текста. Попадало фотокорреспондентам за «дурацкие» снимки, а работникам типографии за «марашки» и верстку. Кто что заслужил — то и получил.

Борис Никандрович был строг к сотрудникам, но справедлив. Он считал, что авторитет газеты создают сотрудники, и чем они компетентнее, тем выше авторитет. Он и к себе относился так же требовательно. Лжи и фальши в газете не терпел. Иногда на летучках он был даже груб, и мы просто боялись его выражений. А он и не старался быть мягким и приятным.

Однажды, разбирая номер газеты, Назаровский сказал по поводу заметки одной сотрудницы: «А это вообще бред сивой кобылы». И не оставил камня на камне, разобрав «творение» по косточкам.

Назаровский не был злопамятным, прощал нам многие наши грехи, очень много помогал молодым журналистам. Иногда он лично давал нам задание, терпеливо разъясняя, как его лучше выполнить. Он внимательно, с интересом следил за ростом сотрудника, учитывая его литературные

запросы и интересы. Старался помочь, подсказать тему, сюжет, терпеливо объясняя, почему та или иная заметка не получилась и почему ее не приняли читатели. «Признание читателей — вот та вершина, к которой должен стремиться журналист», — говорил он.

У Бориса Никандровича была большая библиотека. Помимо художественной литературы она содержала много справочного материала. Он много читал, дорожил книгами, но охотно давал их читать другим. Он был очень эрудированным человеком. К нему можно было обратиться с любым вопросом и получить ответ. Назаровскому нравились любознательность, инициатива, серьезность и исполнительность. Он любил и посмеяться, и пошутить, и для этого всегда находился повод.

Имя Назаровского принесло авторитет газете. Она была оперативной, грамотной, интересной за все время его работы в редакции, а ведь это были суровые годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы.

Б. Н. Назаровский долго вынашивал замысел своей последней книги «Замечательное дело». Его заинтересовала сама история Строгановских заводов. Он обратился к моему отцу, поскольку знал, что тот был уроженцем Добрянки, сыном мастерового, с детских лет работал на производстве и хорошо знал историю металлургического завода, жизнь и быт населения. Он располагал многими интересовавшими Назаровского данными. Отец охотно помогал Назаровскому, знакомил с имевшимися у него книгами, рукописями, заметками, касающимися работы других заводов. Будучи в свое время председателем Делового совета Верхнекамского металлургического округа по управлению Добрянским, Чермозским, Майкорским,

Ижевским и Полазненским заводами, он располагал большим историческим материалом по каждому заводу. Назаровский говорил: «Вы моя ходячая энциклопедия». А отец говорил о нем: «Это просто удивительно, как он много знает!»

Несмотря на свою огромную занятость в газете, собрания, заседания, конференции, семинары, школу рабкоров, Борис Никандрович был очень внимателен к людям. Именно тогда, в трудные годы, благодаря Назаровскому и всем, кто меня окружал, я получила путевку в жизнь, знания, опыт, поддержку — все то, чем дорожит человек, вставший на трудный и ответственный путь журналиста-профессионала.

Где бы я ни находилась потом: в Москве, на Украине, на Крайнем Севере (о. Шпицберген) — я всегда с благодарностью вспоминала о своих первых шагах в печати и о пермской школе журналистики на пути к мастерству.

В. И. РАДКЕВИЧ

СТАРЫЙ РЕДАКТОР

Б. Н. Назаровскому

О, сколько б ни рыдала и рядила
молва про ваш сорокалетний труд,
вся жизнь у вас, пожалуй, проходила,
как вся эпоха,— на сквозном ветру.
Он был попутным — реже, встречным — чаще.
Рвал легкие и штилем застывал.
Но сломанным и мечущимся в чаще
сомнений горьких — вас не заставлял.

— Нам правду дай. Мы около не крутим.
Сметая вопли и словесный сор,
был не однажды резким, как шпигулет,
редакторский суровый приговор.
И, не смахнув со лба холодных капель,
ждал бледный автор «против» или «за»,
когда он взор, безжалостный, как скальпель,
в еще живую рукопись вонзал.
Ах, боже мой, куда все это делось?
Под голову сложивши два крыла,
издательская мудрая оседлость
к вам, говорят, до времени пришла.
Но и сейчас, при свете звезд вечерних
огонь нет-нет махнет из-под льда!
Вы сердцем тот же книжник и кочевник,
как в эти баснословные года.

В. П. АСТАФЬЕВ
ПОДВОДЯ ИТОГИ

...Много было в ту пору и тех, кто злобствовал и скрежетал зубами, что я «с суконным рылом» решил забраться в «калашный ряд». Помню, как корреспондент «Правды» по Пермской области вельможно отчитывал меня за мои творческие поползновения, говоря, что он и не чета мне, но в писатели не лезет, предпочитает быть журналистом. Представительный вид, умение «подать себя» привели к тому, что местное руководство сделало его редактором областной газеты «Звезда», которую до него возглавлял замечательнейший человек Борис Никандрович Назаровский. Воспитанный, культурный и мужественный, он мог возражать

«верхам», самолюбивое партийное руководство области вынуждено было считаться с его мнением.

Борис Никандрович к этой поре уже истратил здоровье и начальство надсадил своей неуступчивостью. Его определили на должность главного редактора областного книжного издательства, в газету же всучили покладистого характером человека, который, если по Крылову: «Хотя немножко и дерет, зато уж в рот хмельного не берет». Быстро он довел «Звезду» до «уровня», ее перестали читать и выписывать, и тому же руководству области пришлось сановитого мужика сгонять на почетную пенсию.

Зато нашему брату, молодым литсилам, повезло: в издательстве царила «мама Римская», то есть директорствовала Людмила Сергеевна Римская, изворотливая, толк в хозяйствовании и людях знавшая, литературу и литераторов, особенно молодых, любившая не менее, чем своих родных детей. В пристяжке — ироничный, тонко воспитанный меломан, эстет, проницательный человек и читатель — Борис Никандрович. Не всякого якова он подпускал к себе, не всякому оказывал доверие и, тем более, наделял дружеским расположением. Я удостоился всего этого, хотя поначалу с трибун пострямлял начальника своего, называл душителем талантов, сатрапом и деспотом и еще как-то уничижительно-обличающе. Старик имел ко мне большое отеческое снисхождение, помог найти и купить избушку в деревне Быковке; в речке Быковке водился хариус, я его ударно ловил и там же, в деревушке, начал ударно писать. У Бориса Никандровича неподалеку, в поселке под названием Винный Завод, на берегу Камского водохранилища была дачка, переделанная из баньки. У него здесь пивали водку и закусывали дарами природы литературные знаменитости и друзья молодости: Аркадий Гайдар,

Василий Каменский, Савватий Гинц, художник Евгений Широков и многие другие. Как я, бывало, появлюсь на Винном Заводе, Назаровский, усмехаясь, скажет: «Виктор Петрович, позвал бы сатрапа-то на ушку». Я и звал, потому как Быковка располагалась в двух верстах от Винного Завода. Мы подолгу с ним беседовали и незаметно, без демонстрации обидного превосходства, Борис Никандрович образовывал мой читательский, музыкальный и прочий вкус. Он первый мне сказал, прочитав мои «уральские» рассказы и, естественно, роман, чтобы я не насиловал свой дар, не приспособливал его к «неродной стороне», цел бы свою родимую Сибирь и сибиряков. Долго живший и работавший в Омске редактором областной газеты, он смог помочь студенту местного сельхозинститута, начинающему прозаику Сергею Залыгину. Затем вот и мне.

Назаровский, да и я тоже, шибко были огорчены, когда пришлось нам расставаться, переезжать с Урала, всю мне душу истерзавшего. Но связь наша не прерывалась до самой смерти Бориса Никандровича. Когда я написал и опубликовал повесть «Пастушка и пастух», Борис Никандрович первым откликнулся большим, отеческим письмом, сказавши в нем, что вот он, слава Богу, и дождался, что я начал реализовывать себя на том уровне, какой мне определил Господь. А когда я появился в Перми, сказал, что «Пастушка» моя уже написана в музыке, и подарил мне пластинку с Пятой симфонией Шостаковича, которую я, увы, никогда не слышал, потому как это произведение раньше почти не исполнялось, да и поныне исполняется редко.

...В город Чусовой мне было возвращаться не очень-то способно. Пообещали квартиру в Перми, и я более года ездил туда — смотреть, как продвигается строительство дома,

в котором была обещана квартира, — мы с женой боялись, что ее или займут, или передумают давать.

Спустя восемнадцать лет после войны мы получили долгожданную квартиру, и тогда я запомнил навсегда родившуюся в ту пору поговорку, что жизнь советского человека делится на две половины: до получения квартиры и после получения таковой. Квартира сдана нам была без света, без воды, без газа, с бетонными пробками в трубах и вывороченной плиткой в совмещенном туалете. Стенки ее едва дышали. «Зала» была проходной, семья накопилась — пять человек. В ту пору без избы в деревне работать мне было невозможно. Вот тогда-то и свозил меня Борис Никандрович Назаровский в деревню Быковку, и для меня наступили счастливые дни и годы плодотворной работы.

...И потом, когда я осуществил свое намерение, уехал с семьей в тихую Вологду, где прожил почти одиннадцать лет, в доброжелательной творческой среде, которой покровительствовало, проявляя такт и заботу, областное руководство, а раз оно хорошо, с пониманием относилось к нам, то и всякое другое население должно было ему подражать, Быковку не забывал, наезжал туда не раз. Снится она мне и по сию пору.

Е. Н. ШИРОКОВ

БОРИС НАЗАРОВСКИЙ

Из воспоминаний художника

Как-то одна журналистка задала мне вопрос: «Если бы сейчас мысленно собрать героев ваших картин в мастерской и послушать, что они говорят, с кого бы вы начали?»

Тогда я в первую очередь назвал Назаровского: «Это мой идеал. Есть такое старомодное слово». И сегодня повторил бы ответ. Борис Никандрович Назаровский дал мне такой духовный и нравственный заряд на всю жизнь, что могу сказать: он присутствует во всех моих работах, а диалог с ним никогда и не прекращался. Даже сегодня, когда нас можно назвать ровесниками, мне особенно не хватает его.

Тогда, в первые годы, я с трудом приживался в Перми. Было и хорошее, но обстановка была тяжелой, даже враждебной. Приношу свои работы в Союз художников. Говорят: работы, мол, хорошие, но чем докажете, что ваши? Вспоминать о подобных вещах не хочу. Признаюсь только, что огорчения мои перерастали в пугающую растерянность. Но тут появились Б. Назаровский, В. Астафьев. Тогда же я познакомился с В. Радкевичем.

К Назаровскому тянулась творческая молодежь. Он был для нас магнитом, компасом, путеводной звездой.

Как странно мы жили когда-то! Могли все лето отдыхать. Уезжали к Борису Никандровичу на дачу, на Сылву, на Винный Завод. Винный Завод — это местечко такое, недалеко от деревни Степановка, там еще при Екатерине II были винные погреба. Назаровский эту легенду подтверждал. Его дивные рассказы по истории Урала заставляли нас расправлять плечи, увереннее шагать не просто по тропе — по легендарной земле. А между тем тропа пролегла через огромное поле малинника. А по малиннику — следы медвежьи. Интересно так! Затем мы непременно останавливались у холодного родника, пили прозрачную студеную воду и отдыхали. Все хочу спросить у кого-нибудь, жив ли тот родник, может, не вписался в благоустройство новых людей.

В Степановку я бегал за парным молоком для Бориса Никандровича. На даче лихо, по-молодецки колол дрова,

совмещающая полезное занятие с загаром. А он все удивлялся, откуда у меня такая выучка.

Все-таки какое это было счастливое время! В память о тех днях остался пейзаж, который я назвал «Домик Назаровского». Дачные вояжи были для нас бесценным даром судьбы. Мы напивались общением и усваивали уроки своего старшего друга и наставника. Прежде всего такие: людям, одаренным от природы, надобно учить историю своего края, своего народа, историю философской и художественной мысли. И еще — стремиться к общению с людьми высокой культуры: это развивает художнический глаз.

Шел второй год моего пребывания в Перми. Я обрел духовное пристанище. Появился круг новых знакомых и друзей. Как-то провожал Бориса Никандровича домой и поделился своими впечатлениями о рассказах В. Астафьева: «Как мощно пишет! Похож на раннего Шолохова». — «Нет-нет. Его прелесть в том, что он ни на кого не похож, — возразил Борис Никандрович. — Он очень самобытен, и, если будет серьезно работать, можно считать, что в России появился большой художник». Я впервые услышал столь высокую оценку писателя. Действительно, Астафьев как-то уверенно ворвался в нашу жизнь из своего Чусового, такой светлый, солнечный, здоровый. Ему очень шло его кожаное пальто. Кстати, Назаровский тоже носил длинное кожаное пальто. Он выглядел очень импозантно. Высокий рост, сухопарость, значительность давали повод чаще всего сравнивать его с Дон Кихотом. Мне не нравилось это сравнение. Оно было слишком поверхностным и не вязалось с сутью Назаровского, истинного интеллигента, обаятельного собеседника, блистательного, глубокого журналиста.

К его 60-летию я написал профильный портрет. Эту мысль мне подала Маргарита Тарасова, недавно приехав-

шая в Пермь главным художественным редактором в книжное издательство. «Приехала какая-то молодая дивчина. Я думал — так, стрекоза какая-то, а она, смотри, как крепко взялась! — удивлялся Назаровский. — Пермская-то книга в гору пошла».

Профильный портрет ушел в Оренбургский музей. Но меня он не устраивал, и я решил, что еще возьмусь за Назаровского основательно. Это «возьмусь» вылилось почти в десять лет. Много воды утекло. Сначала тяжелая история с «Освобождением» и почти двухлетнее «молчание». Потом годы напряженной непрерывной работы: «Баллада о солдате», «Хлеб — фронту», портрет Дмитрия Кабалевского. Пришла уверенность в своих силах, известность. Я почувствовал вкус успеха. Хотелось работать и работать. Я совсем не отдыхал. Решил взяться за новую для себя тему. Задумал большое полотно «Ленин на конгрессе Коминтерна». Борис Никандрович мне очень помогал. Он отважно принялся за просветительно-образовательную задачу и так увлек меня, что работа над этой сложной темой доставила мне удовольствие. Но на выставке в Москве, как мне стало известно, министерская комиссия, увидев нетрадиционного Ленина и «враждебность» в его окружении, назвала это искажением истории и личности вождя. Что тут поделаешь?

А через год — успех. Портрет Астафьева. Третьяковская галерея. Своя и зарубежная пресса.

Назаровский высоко отзывался о моих работах. Я был горд этим более всего. В который раз уговаривал его на новый портрет. «Зачем тебе это надо, — отнекивался он. — Славы я тебе не принесу. Кому интересен безвестный странный тип в косоворотке?» В последнее время Борис Никандрович очень изменился. Почти семь лет как умерла его жена Ирина. Он больно переживал утрату. Было еще мно-

гое, что огорчало его. Но он держался стойко. Мудрость философа и умение смотреть правде в глаза помогали держать спину прямо, не сгибаться и не опускать плечи. Вот так, в полный рост, как на картине. Посреди своих книг, любящий и любимый, он наполнен ожиданием и прощением. В его взгляде сомкнулось время всего долгого прошлого и совсем крошечного будущего, пересекая грань, за которой вечность привычно машет своим холодным крылом.

Назаровского не стало. Прощание с ним казалось невозможным. Боль утраты, горечь и обида оттого, что опоздал, не отпускали меня от холста. Даже в день похорон я вернулся к портрету, работал на пределе душевных и физических сил. Все то время, пока я держал кисть в руках, было моим прощанием с другом и обещанием всегда следовать его духовным урокам.

В одном Борис Никандрович оказался не прав. Уже в следующем, 1973 году, на Всесоюзной выставке-конкурсе портретов «СССР — наша Родина» в Москве «Портрет журналиста Б. Назаровского» получил высшую награду — золотую медаль.

«Кому интересен странный тип в косоворотке?» — такой вопрос о себе мог задать только сам Назаровский.

В. М. МИХАЙЛЮК
ЭТЮД К ПОРТРЕТУ
Б. Н. НАЗАРОВСКОГО

В январе 1973 года в Пермь пришла приятная весть. Портрет журналиста Бориса Никандровича Назаровского работы заслуженного художника РСФСР Евгения Широкова на Всесоюзной выставке «СССР — наша Ро-

дина» в Москве был признан лучшим и получил первую премию.

Об искусстве портрета В. Г. Белинский писал: «На портрете, сделанном... живописцем, человек более похож на самого себя, чем даже на свое отражение... ибо... живописец резкими чертами вывел наружу все, что таится внутри того человека и что, может быть, составляет тайну для самого этого человека».

На полотне Широкова Назаровский удивительно похож на себя: пронизательный взгляд его больших глаз, четкие складки косоворотки, большие руки, засунутые за опоясанный ремень, раскрывают все глубины характера личности на портрете. Узкий трехметровый холст убедительно подчеркивает значительность этого человека. Его внутреннее, душевное состояние соответствовало его наружным данным, а внешность придавала вес и убедительность словам, которые он произносил продуманно и медленно.

Борис Никандрович Назаровский был истинным гражданином Перми. Все его творчество неразрывно связано с городом, с Прикамьем, с Уралом. А сделал он чрезвычайно много. Один только перечень его работ составил бы несколько страниц.

Объекты журналистского внимания Назаровского устойчивы. Его всегда интересовало все изначальное, исходящее из первоисточника, из основы основ. Он исследовал древнее искусство Прикамья, так называемый пермский звериный стиль, и приложил немало сил к его возрождению; написал историю создания герба города Перми; явился инициатором, составителем и редактором фундаментального труда «Революционеры Прикамья», выполненного, как написал один из центральных журналов, в лучших традициях; опубликовал несколько книг о родном крае и книгу, напи-

санную в соавторстве с С. М. Гинцем, — «Аркадий Гайдар на Урале».

Его журналистская молодость совпала с журналистской и писательской молодостью Аркадия Гайдара, с которым он работал в пермской «Звезде» и которому был другом. Вот письмо тех лет. Само по себе оно, может быть, лучше иных пространных повествований передает характер взаимоотношений этих двух удивительно цельных людей.

«Брат Борис!

Был я крайне изумлен, не получив... послания от тебя. Но, зная твоё рвение в поисках у философов и книжников мыслей, разнящихся с учением св. отцов Маркса и Ленина, дабы поразить еретиков их же словоблудием, также неустанное пребывание в молитве, посте и прочих богоугодных состояниях, я простил тебе твоё вынужденное молчание, хотя ответ на мятущий мя вопрос о письме зело мне необходим.

Пребываю в надежде видеть тебя в своей обители в субботу».

Письмо это написано из деревушки со странным названием Винный Завод, расположенной на Сылве, где была дачка Назаровских и куда пермские друзья почти насильно отправили Аркадия на отдых, потому что в этот период он сильно издергался, впадал в нервное состояние, жил неустроенно, стал прибегать к ненадежному успокаивающему средству. Изумительная по своей красоте река Сылва, сосновый бор, тишина и покой сделали свое дело. Уже через несколько дней Борис Назаровский получил письмо от Аркадия, написанное в церковно-славянском стиле, содержание которого свидетельствовало, что его автор воспрянул духом и пришел в равновесие. Позже эта трога-

тельная дружба продолжалась с сыном Аркадия Петровича — Тимуром Гайдаром.

Особенность людей такого рода, как Назаровский, заключается в том, что они не замыкаются в пределах обязанностей своего ведомства, идут к постижению чего-то главного. Петр Чаадаев писал: «Человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее». Борис Никандрович видел ясно свою страну и понимал, что происходит. Он был одним из немногих, кто возражал против переименования Перми в город Молотов, а позже приложил немало сил, чтобы вернуть ей исконное имя. Благодаря ему Перми удалось сохранить историческую преемственность — перенести со старых гербов Перми и Пермской губернии в новые главный символ пермского края — медведя. Он помог молодежной газете «Молодая гвардия», поднявшей в сентябре 1968 года вопрос о возрасте города, отстоять дату основания Перми, предлагая считать датой ее рождения год закладки Егошихинского медеплавильного завода — 1723-й, поскольку до революции летоисчисление велось со дня Указа Екатерины II об учреждении Пермского наместничества в 1781 году. А так как двух дат рождения у города быть не может, редакция газеты просила историков и краеведов высказать свое мнение о том, как точнее установить подлинную дату возникновения Перми.

Три месяца полосы молодежной газеты были представлены для дискуссии. Спор о дате рождения Перми взволновал многих людей. Подавляющее большинство материалов, присланных в редакцию, убедительно доказали, что год рождения Перми — 1723-й. Заканчивая дискуссию, редакция молодежной газеты обратилась в горком КПСС и горисполком с предложением созвать научную конферен-

цию, посвященную истории Перми, с тем, чтобы после нее начать подготовку к празднованию 250-летнего юбилея города.

Но неожиданно появился грозный оппонент — ректор Пермского университета, доктор исторических наук профессор Ф. С. Горовой. Отстаивая в качестве даты рождения 1781 год, он представил в горком и горисполком свой доклад «О дате основания города Перми», в котором предпринял попытку опровергнуть итоги обсуждения в газете. Его доклад, разумеется, не мог быть не поддержан группой зависимых от него университетских историков, а следовательно, и в отделе пропаганды горкома нашли его труд исторически верным. И тогда Борис Никандрович, словно Пересвет с Челубеем, вступил в поединок с профессором. «Пять месяцев назад, — писал он первому секретарю Пермского горкома КПСС С. А. Мелешкову, — я подал в горком свою записку по поводу доклада профессора Горового, в которой убедительно, как мне кажется, показал, что доклад этот представляет несостоятельную попытку ввести городское руководство в заблуждение... Горком тянет, а профессор Горовой опубликовал свой доклад (с сокращениями, но все равно изобилующий грубыми натяжками и ошибками) в редактируемом им «Уральском археографическом ежегоднике». И уже находятся по-чиновному настроенные товарищи, которые говорят: раз его статья опубликована, значит, это официальная точка зрения, значит, нечего и думать, и спорить, и предлагать... Смею заверить, что я найду место и способы выставить профессора Горового на позорище. Но ведь не в этом дело... Во всяком случае, не это главное».

Борис Никандрович такое «место и способы» борьбы нашел. Он, по его словам, написал «целую диссертацию»,

которую направил в Институт истории Академии наук СССР. И научные сотрудники, специализирующиеся на истории городов, официально признали датой основания Перми 1723 год.

В связи с грядущим юбилеем в городе 15—17 ноября 1972 года проходила научная конференция «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Она была весьма представительной. В ее работе приняли участие научные сотрудники вузов, исследовательских институтов и учреждений Перми, Москвы, Свердловска, Омска, Нижнего Тагила, Чебоксар, местные краеведы, архивисты, музейные работники, учителя, писатели, журналисты, ветераны войны и труда.

В программе конференции, кроме всех прочих, стояло два доклада, с которыми должны были столкнуться по поводу даты рождения города два зубра: Б. Н. Назаровский и Ф. С. Горовой. Это вызывало особый интерес. Но Ф. С. Горовой отказался от выступления, поскольку Борис Никандрович — его главный оппонент — скончался. Было предложение зачитать доклад Назаровского и таким образом довести до слушателей обе точки зрения, но оно не было принято.

Таким образом, в 1973 году Пермь впервые торжественно отметила подлинный день своего рождения — 250-летний юбилей. До юбилейных торжеств не дожил и Ф. С. Горовой — он умер 8 июня 1973 года.

Всех, кто знаком с творческим наследием Назаровского, поражает его многообразие. Борис Никандрович откликался на все стороны жизни и реагировал на все события, происходившие в Перми, в Прикамье, на Урале и в отечестве. Он подобен ферзю, самой сильной фигуре в шахматах, передвигаемой во всех направлениях по прямой и по диагонали, достающей цель на любом расстоянии шахматной доски.

Когда ЦК КПСС принял решение о разделении обкомов на промышленные и аграрные, а также о создании совнархозов, Назаровский нашел в себе мужество написать письмо в Центральный комитет против такого разделения и возврата совнархозов — формы управления промышленностью, не оправдавшей себя в 1920-е годы. Эти прожектерские новшества увеличивали во всей стране в три раза число партийных и хозяйственных чиновников и влекли за собой баснословные финансовые затраты на содержание трех учреждений в каждой области. Само же отделение города от села усугубляло и без того тяжелое положение колхозов и совхозов.

Поступок Назаровского держался в секрете. В Пермь из ЦК пришла копия письма с резолюцией: разъяснить автору политику партии. Первый секретарь обкома К. И. Галаншин пригласил Бориса Никандровича на беседу. Зная характер Назаровского, можно смело строить догадку, что секретарь и не пытался переубедить собеседника. Скорее всего они говорили о волюнтаризме Н. С. Хрущева, о его политическом прожектерстве, о призывах «догнать и перегнать Америку», о деятельности партийного и государственного аппарата. Во всяком случае, известно, что Борис Никандрович остался довольным беседой с секретарем и даже проникся к нему уважением. Позднее, в 1964 году, когда Н. С. Хрущева сместили со всех занимаемых постов, К. И. Галаншин на пленуме обкома впервые рассказал о содержании письма и мужестве Назаровского — единственного коммуниста из 150-тысячной армии, посмеявшегося указать ЦК партии на его ошибочное решение.

А жизнь продолжалась. И Борис Никандрович находил себе новые заботы. В мае 1965 года на страницах молодежной газеты началась акция в защиту природы. После пуб-

ликации очерка «Пригоршня чистой воды» под рубрикой «Кама зовет на выручку» был объявлен рейд областной комсомольской организации по проверке очистных сооружений на предприятиях Прикамья. Вскоре к нам в отдел зашел Борис Никандрович и посоветовал организовать коллективное письмо, подписанное представителями науки и культуры. Вскоре такое письмо — «Беречь колыбель жизни» — появилось. Его подписали Б. Н. Назаровский, заведующий кафедрой экономической географии Пермского университета М. Н. Степанов, писатели Л. Давыдычев, Л. Правдин, О. Волконская, художники А. Репин и А. Тумбасов, председатель бюро Пермского отделения Союза журналистов СССР К. Кузнецов, редактор Пермского книжного издательства Р. Белов.

Письмо сочинял Борис Никандрович. В нем говорилось: «Нас, подписавших это письмо, взволновал раздавшийся на страницах молодежной газеты призыв: «В поход, энтузиасты, в поход, комсомольцы-пржектористы! Кама зовет на выручку!» Нам хочется поддержать этот призыв. Смелее — в поход! И рассчитывайте на нашу помощь».

Помощь пришла, откуда мы ее и ждать не могли. Во всесильной газете «Правда», не без влияния Бориса Никандровича, появилась большая статья «Река и люди». Авторами ее были Тимур Гайдар и собкор газеты по Пермской области Петр Богатенков. Они писали: «Вот уже несколько месяцев тысячи и тысячи комсомольцев Прикамья — цех за цехом, предприятие за предприятием, город за городом — проверяют работу очистных сооружений. Там, где они есть, — как действуют? Там, где строятся, — как строятся? Там, где нет и не строятся, — что можно сделать сейчас, сразу? Они тратят на защиту природы родного края свой досуг, свою энергию, жар молодых сердец.

Материалы рейда, начатого по инициативе газеты пермского комсомола «Молодая гвардия», обсуждались на заседаниях областного комитета партгосконтроля. Бюро обкома КПСС приняло специальное постановление, и оказалось, что многое можно сделать почти немедленно».

Трудно переоценить помощь, которую оказала нам, молодым журналистам, статья в «Правде». После нее и к нашей газете, и к участникам рейда стали относиться серьезней и уважительней, да и сами комсомольцы начали действовать смелее. И все это благодаря Борису Никандровичу.

Он всегда если брался за дело, то брался энергично и был неторопливо-точным, выступал против всего показного и других красотостей. Как-то в «Известиях» (кажется, это был отклик на статью в «Правде») появилась статья Евгения Пермяка, в которой предлагалось возвеличить истоки великих рек, и в том числе Камы, монументальными сооружениями.

— А нужно ли? — тотчас откликнулся Борис Никандрович. — Нет ли прелести, больше того — правды жизни в том, что большое и величественное начинается с малого и простого? И где истоки величия Камы? Только ли у Карпушат? Нет, они всюду. С огромной площади — 552 тысячи квадратных километров — собирает воду Кама, сотни и тысячи рек, речек, ручейков, ключей питают ее... Но нужно ли везде ставить монументы? Это невозможно, да и просто вредно: можно нарушить любящее покой рождение реки. Молодым (статья была опубликована в «Молодой гвардии») нужно думать о большем: об уважении ко всем истокам — и тем, которые далеко, и тем, которые близко, под боком, о сотнях ручейков и речек, густая сеть которых охватывает страну. Нужно беречь истоки! Давать им беспрепятственно развиваться. Не уродовать их преждевременным и грубым

вмешательством. Всякие истоки. Истоки рек, истоки мыслей и дел.

Его значительным вкладом в научное исследование по истории Урала явилась редкая по замыслу книга «Замечательное дело». В 1913 году в газете «Северная правда» была опубликована статья В. И. Ленина «Замечательное дело», посвященная скандальной для царской России полувековой тяжбе Павловского и Очерского заводов о наделении их земель.

И вот много лет спустя Б. Н. Назаровский в результате кропотливой работы исследовал затянувшееся когда-то на полвека дело и написал к нему комментарий, который составил целую книгу, получившую высокую оценку в центральной печати. Автор освоил громадный документальный материал, глубоко его аргументировал. Книга написана с блестящим литературным мастерством, живо и увлекательно.

В творческом наследии Бориса Никандровича первостепенное место мог бы занять эпистолярный жанр. Его письма — ценнейший источник для изучения жизни и мировоззрения одного из самых ярких и значительных представителей пермской культуры. А мы?

Мы разучились письма создавать,
Замолкли их чарующие звуки.
И том последний будет тосковать
Без этой удивительной науки.

А. Решетов

Вся жизнь Бориса Никандровича Назаровского, все его научные труды достойные докторской диссертации, публицистика и непрочитанные письма в достаточной степени характеризуют самого автора как человека, сравнивать которого в пермской культуре с кем-либо трудно. Таким он и предстал во весь рост на холсте Евгения Широкова.

Мое знакомство с Борисом Никандровичем Назаровским относится к началу работы Государственного архива Пермской области над изданием документов по истории революции 1905—1907 годов на Урале. Б. Н. Назаровский стал одним из горячих организаторов и вдохновителей этой работы, объединившей историков Пермского университета и архивистов государственного и партийного архивов.

Его глубокий интерес к истории родного края находил выражение в самостоятельной исследовательской работе по отдельным направлениям экономической, политической и культурной истории Урала и Прикамья. Б. Н. Назаровский пользовался безусловным авторитетом среди историков. При обсуждении хода работ по подготовке архивных публикаций участники часто соглашались с его предложениями.

Итогом работы коллектива архивистов и историков стало издание в 1955 году сборника документов «Революция 1905—1907 годов в Прикамье», получившего высокую оценку археографов. В качестве примера удачной публикации сборник был упомянут в учебнике по архивоведению, изданном Московским историко-архивным институтом.

Успешное начало публикаторской работы нашло продолжение в издании сборников документов по истории Октябрьской революции и борьбы за упрочение Советской власти в Пермской губернии. Редакторами сборников выступали ученые Пермского госуниверситета Ф. С. Горовой, Ф. А. Александров, а работа по отбору и комментированию документов была проведена большим коллективом архивистов Перми и ученых Пермского госуниверситета.

Борис Никандрович с живой заинтересованностью относился к работе над сборниками, контролировал процесс издания и откликался рецензиями в газете «Звезда» на выход их к читателям. Оценка, как правило, была доброжелательной, но отмечались и слабые стороны издания, ставились задачи по развертыванию дальнейшей публикаторской работы.

Отношение архивистов к Б. Н. Назаровскому было исполнено самыми теплыми чувствами признательности и благодарности за помощь в работе. Однажды выход в свет очередного сборника документов был отмечен нашим походом к одному из садоводов Перми за цветами. С охапкой цветов мы отправились к Борису Никандровичу домой и доставили ему и его семье много хлопот с размещением наших букетов по всей квартире.

Запомнилось мне сотрудничество с Борисом Никандровичем в ходе редактирования монографии Ф. С. Горового «Падение крепостного права на горных заводах Урала» (Пермь, 1961). По просьбе Бориса Никандровича я провела необходимую работу по техническому редактированию монографии. Борис Никандрович и Ф. С. Горовой регулярно обсуждали в издательстве ход работы над текстом, и обсуждение было достаточно острым. Мне особо запомнился случай, когда Борис Никандрович и Федор Семенович вынуждены были признать мою правоту в изложении одного из положений работы. Но торжествовать мне довелось недолго. При обсуждении следующего спорного места мои соображения были отвергнуты, и Борис Никандрович, как мне показалось, с особым удовлетворением отметил их несостоятельность.

С самыми дружескими воспоминаниями я отмечаю встречи с Борисом Никандровичем вне работы. Мы обменива-

лись книгами, и мне случалось получать от него редкие издания, пользоваться его библиотекой. И я приносила книги, интересные для него, например Марину Цветаеву.

Вспоминаются концерты приезжавших в Пермь знаменитых музыкантов: С. Рихтера и Н. Дорлиак, Зары Долухановой и других, где мы часто бывали вместе. Он особому раскрывался на этих концертах, глубоко воспринимая музыку. Запомнилось, как после концерта в Доме просвещения (ныне одно из зданий Дворца творчества юных) мы дождались выхода Зары Долухановой из зала. Борис Никандрович первым начал аплодировать, и вся публика проводила артистов аплодисментами.

Остались в памяти дни, проведенные вместе с Н. А. Аликиной у Бориса Никандровича на даче, в заброшенной деревне на опушке у соснового бора. Прогулки по лесу, непритворный быт и, главное, беседы с человеком, глубоко чувствующим красоту и боль природы и жизни.

В. И. АБОРКИН

АВТОГРАФ НА ПАМЯТЬ

Я имел с Борисом Никандровичем сотни контактов, будучи директором Дома журналиста им. А. П. Гайдара, приглашал его часто на проводимые там мероприятия. Нередко он и сам заходил на огонек и мы подолгу беседовали. Это был изумительный собеседник, учитель и кудесник. Мог подковырнуть умело, и поддержать, и вдохновить. Он не бывал скучным и однообразным, всякий раз не был похож на вчерашнего. Он был добрым гением и простым человеком. Ему хотелось оставить после себя учеников, и тот, кто хотел у него учиться, получал огромный заряд на всю жизнь.

В моем понимании он был как горьковский Данко — человек с горящим сердцем. И он сгорел в делах, в работе, в заботах, в борьбе.

В 1970 году одновременно вышли в свет книги Б. Н. Назаровского «Замечательное дело» и моя — «Ленин говорит с Прикамьем». Я счел необходимым и возможным подарить свою книгу Борису Никандровичу. В ответ раздался телефонный звонок:

— Долг платежом красен. Не зайдете ли сегодня ко мне?

Без всяких объяснений Борис Никандрович протянул подарок — книгу «Замечательное дело». Открываю, читаю: «Нине Дмитриевне и Владимиру Ивановичу Аборкиным от старика Б. Назаровского. 1970 г.»

Образ Назаровского светел. Пусть всегда живет его имя. Посвящаю ему собственные стихи.

Шел тогда мне, юнцу, девятнадцатый год.
Весь взлохмачен, в шинели отцовской,
я увидел его — ну как раз Дон Кихот!
Мне сказали: Борис Назаровский.

Я в «Звезду», в Дом Гайдара ходил в литкружок
со стихами к Савватию Гинцу.
Иногда навещал «голубой огонек»
шеф газеты, чтоб с нами сразиться.

Ну а мы, молодые, со нравом крутым
защищали и рифмы, и ритмы.
Эх, вернуться бы к тем вечерам золотым,
повторить бы словесные битвы...

Годы шли. На уральских дрожжах мы росли.
Разбредись по различным газетам.
Но всегда мы в душе благодарность несли
к человеку с искринкой поэта.

С той поры перевернуто много страниц.
Пережито немало мгновений.
Память наша о нем пусть заменит гранит —
дар идущих за ним поколений.

Он, как рыцарь, родному Прикамью служил.
Был в делах всеми признанный дока.
Он — такой, как его на холсте отразил
гениально Евгений Широков.

А. Г. БУДРИНА

ВСПОМИНАЯ БОРИСА НИКАНДРОВИЧА

Этого удивительного человека я знала с молодости. Он был достаточно заметной фигурой в городе, человеком талантливым во всем, деятельным, энергичным. Его всегда отличала прямота и смелость суждений. Одни его горячо любили и почитали, другие побаивались, третьи явно недолюбливали и опасались. Я видела его неоднократно на общественных собраниях, на камерных и симфонических концертах вместе с женой, журналисткой Ириной Сергеевной, на оперных и балетных спектаклях, где мы часто тогда бывали. В середине 1950-х годов, когда я пришла работать в галерею, часто встречала его на вернисажах.

Настоящее сотрудничество и дружба с ним начались с того времени, когда Борис Никандрович написал свое знаменитое «Письмо товарищам, любящим наш край». Это было в 1964 году. Назаровский делился мыслями о необходимости обращения к далекому прошлому — незаслуженно забытому искусству нашего края. Речь шла о памятниках

первобытного искусства Прикамья — произведениях пермского звериного стиля.

Два года потребовалось нам на изучение материала и создание в художественной галерее выставки, в подготовке которой Борис Никандрович принимал живейшее участие. Это было счастливое время. В оргкомитет вошли ученые-археологи, этнографы, краеведы, искусствоведы — люди, искренне заинтересованные в результате: В. А. Оборин, В. П. Денисов, Л. С. Грибова, И. А. Лунегов, Ю. Ф. Екубенко, Л. Ф. Дьяконицын, А. В. Оборин, А. А. Черняк, Н. А. Митрополов, Л. Г. Дворсон, Э. П. Андерсон и др.

Мы объехали все музеи области, тщательно отобрали памятники, уговорили, убедили предоставить их нам. Это не всегда было просто. Помню, как сердился И. А. Лунегов, директор Чердынского краеведческого музея («Илья музейный», как его прозвали), что выставка задерживается из-за отсутствия подходящих витрин. «...Не отрицаю, что ваше «трио»: музей, галерею, археологический кабинет (университета — А. Б.) — я поругивал. Далеко живете, не то бы вицей за такое отношение отдубасил... Меня ведь не интересовало, как показывать, в чем показывать. Мне важно было, чтобы чердынский материал был достоянием пермичей».

Экспозицию мы строили, в основном, вдвоем: скульптор Ю. Екубенко, математик-преподаватель университета Ю. Фоминых и я. Работалось радостно, увлеченно, с огромным интересом. Еще бы! В руках были бесценные подлинники, созданные нашими далекими предками, представителями финно-угорских народов — коми, коми-пермяков, эстонцев, финнов, карелов, объединенных общим названием «чудь». Чудские древности, разбросанные по му-

зеям области и собранные вместе, производили ошеломляющее впечатление. Бронзовые идола и бляхи древних обитателей Прикамья были очень своеобразны, часто неповторимы в сюжетах, художественных приемах. Это и объемные, полые двусторонние изображения соболя, орла, терзающего добычу; фигурки куниц, лося, медведя; фантастические птицы с распластанными крыльями и человеческой личиной на груди; шумящие коньковые подвески... Через тысячелетия из дальней дали веков докатилось до нас это редкое, рожденное удивлением перед жизнью чудесное искусство.

В этнографической части экспозиции многое сумела сделать Любовь Степановна Грибова — этнограф, большой знаток коми-пермяцкого национального искусства. В набойках, дубасах, изделиях из дерева, коми-пермяцких кушаках нашло свое отражение древнее искусство чуди.

Теперь, по прошествии четверти века, можно с уверенностью сказать, что зерна, брошенные Борисом Никандровичем, дали богатые всходы. Пермский звериный стиль нашел отражение в произведениях многих пермских художников: Ш. Зихермана, Ю. Екубенко, С. и Е. Колопановых, А. Зырянова, Р. Шевяковой, камнереза А. Овчинникова и многих других.

Талантливый оператор М. Заплатин снял документальный фильм «Древности камской чуди» (сценарий А. Будриной и В. Шаховой, режиссер Л. Кощенников), а затем, основательно исследовав легенду о Золотой бабе, снял фильм и об этом.

Пермский искусствовед А. В. Доминяк, ранее изучавший сибирский звериный стиль, органично перешел к проблеме искусствоведческого анализа пермского звериного стиля. Это как раз то, на что Борис Никандрович обращал

особое внимание: ведь раньше этой проблемой занимались исключительно археологи. Исследования Доминьяка были опубликованы в 1977 году в журнале «Декоративное искусство» и в сборнике «Советское искусствознание» (1979). Издательство «Советская Россия» в 1973 году выпустило в свет альбом гравюр А. Зырянова «Чудские древности Урала», а Пермское книжное издательство в 1988-м — превосходный альбом В. А. Оборина и Г. Н. Чагина «Чудские древности Рифея».

Борис Никандрович очень помогал нам, молодым тогда искусствоведам, своими советами, блестящей эрудицией. С ним было всегда интересно. Мы любили бывать у него дома. Сколько хороших дел начиналось после долгих и содержательных бесед с ним! Случалось, он и журил нас, и бранил за недостаточную расторопность, за поверхностный подход в решении некоторых музейных проблем.

Незадолго до своей кончины, в один из самых тяжелых моментов моей жизни, Борис Никандрович попросил меня зайти к нему домой. Мы долго говорили. Он многое рассказал мне тогда о себе, о своих жизненных ситуациях и переживаниях. Сумел сказать самые нужные слова, которые дали мне возможность не только удержаться на ногах и выстоять, но и продолжать жить и плодотворно работать. Этого забыть невозможно.

Совсем недавно я получила потрясающей силы документ — подлинник письма Бориса Никандровича Назаровского от 12 января 1936 года Нине Александровне Будриной, в котором шла речь о Зое Александровне Будриной, ее сестре. Письмо написано в горестные дни кончины Зои Александровны, этой удивительной женщины, так много сделавшей для воспитания молодых людей. Многие из них учились в художественном училище, организованном в Пер-

ми в 1919 году П. И. Субботиным-Пермяком. Борис Никандрович пишет:

«О Зое Александровне меньше, чем о ком-либо, иногда думалось, что она может умереть. Это потому, что она всегда была очень молода душой. И не мог быть не молодым человек, который всего себя отдавал другим, становясь от этого еще богаче... Само существование Зои Александровны у меня, как, я уверен, и у других наших людей, отделенных от нее годами и верстами, давало ощущение чего-то устойчивого в жизни. Всегда можно было найти у нее душевный приют. И вот этой-то уверенности, что есть в жизни такое надежное место, мы сейчас и лишились...»

Мне трудно было писать ей, Зое Александровне. Надо было писать все или ничего. А писать все — значит всего себя осмотреть с ног до головы и трезво взвесить. Это не так легко было мне сделать в последние годы... Тот период, когда я попал в руки Зои Александровны, был, пожалуй, самым решающим периодом моей жизни. Теперь легче взвесить все. Мне приходилось часто спорить с Зоей Александровной, вплоть до ссор с ней. Теперь можно сказать трезво: без нее ни мне, ни кой-кому другому не найти было бы пути в жизни. То хорошее, что есть у нас, от нее берет свои истоки, и это хорошее будет жить.

Нас было много, «второрайонников», — в Ленинграде, и на Дальнем Востоке, и в Ташкенте. И народ разный, разными путями пошел, но все мы в эти дни, я уверен, вспоминали одно и то же: беседы между книжных полок, прогулки по темным улицам Перми, инсценировки и литературные суды, вечера в вашей комнате у рояля, все то, без чего не могли жить, чем дышали...

Есть люди, своими отдельными качествами превосходящие Зою Александровну, но нет человека, в котором бы все эти качества так сочетались, как в ней. Ведь это и позволяло ей управлять жизнями и чувствами таких различных людей...

Поверьте одному, что память о Зое Александровне живет у людей, которые при всей своей грубости любили и любят ее».

Это писал еще совсем молодой человек, которому было немногим за тридцать. И это не было лишь словами. В течение всей жизни Б. Н. Назаровский и С. М. Гинц в дни памяти Зои Александровны всегда непременно приходили к Нине Александровне, чтобы вспомнить своего учителя и друга.

Н. Н. ГАШЕВА

ДВА МЭТРА

В 60-х годах прошлого века, когда я только пришла работать в Пермское книжное издательство, два этих имени часто произносились вместе: Назаровский и Гинц. Или — Гинц и Назаровский. Так это и соединилось в моем сознании. В самом соединении имен что-то было: для меня — смутное знание об их юности и дружбе, общей творческой работе, а кроме того — «брэнд», как сегодня бы выразились, этих имен в Перми, овеянный почтительным уважением к авторитету, знанию, уму Бориса Никандровича Назаровского и Савватия Михайловича Гинца.

Оба они родились в начале века (Гинц — в 1903-м, Назаровский — в 1904 году). Для меня тогдашней — даль немыслимая. Разрыв во времени — вещь непростая. Хотя мы с ними жили в одном веке, мы были не людьми одного

времени, а с разных планет. И потому мои воспоминания не могут быть полными, скорее это всего лишь штрих, деталь к двойному портрету.

Савватий Михайлович работал в издательстве, в редакции художественной литературы (туда-то я и пришла в 1964 году после службы на областном радио). Борис Никандрович время от времени появлялся в редакции. Оба были снисходительны, терпимы, более того — подчеркнуто уважительно относились к нам, молодым. И — с интересом. Возможно, они ждали такого же интереса к их жизни, судьбе, к их времени от нас. Но мы (впрочем, лучше говорить только о себе) — но я была лишь почтительна к старшим и довольно беспечна, чтобы глубоко вникать в их непростые жизни. После смерти обоих мэтров их отсутствие ощущалось остро и больно. А с возрастом мне стало понятно, как много я могла бы узнать, почувствовать, если бы была внимательнее и умнее.

Не берусь судить, что думали они о нас, помню только, что попытки сближения они предпринимали.

Так, Борис Никандрович однажды пригласил меня и моего мужа Бориса Гашева на день рождения. Это было очень неожиданно. Мы в той компании были самые молодые (и резко молодые) — как ученики и профессор. Предполагаю, что Б. Н. Назаровский интересовался больше Борисом Гашевым, который был тогда редактором краеведческой литературы. Борис хотел (и отчасти осуществил это) поднять уровень краеведческих изданий, ежегодно издавать разные «Вестники», «Календари-справочники» и т. п., как это было принято раньше (читай — до революции). Б. Н. Назаровский такую направленность мыслей одобрял, и они об этом говорили, но подробностей я не помню. А в той компании было нам очень интересно — это так...

Помню, как оживлял всегда Борис Никандрович «принудилровку» политзанятий (была такая форма якобы учебы). Все, кто работал в издательстве, должны были (независимо от желания) являться на эти занятия. И партийные, и беспартийные (как я). В те времена, когда эти занятия посещал Назаровский, он умел придать им интерес, вовлечь людей в полемику, сообщить совершенно новые (для меня, например) сведения. Было не только терпимо, но порой и любопытно. После смерти Бориса Никандровича «принудилровка» всегда была только тягостна. Помню его острый, порой насмешливый взгляд, беспощадную логику, светящийся в глазах ум. Наверное, в жизни он умел быть жестким, твердым. Савватий Михайлович был (или казался?) мягче, добрее. Впрочем, человеческая твердость и достоинство С. М. Гинца прошли страшную и безусловную проверку, когда была арестована его жена Нана Кирилловна. Вот и суди тут о твердости или мягкости...

Лучше расскажу одну историю, где оба: и Борис Никандрович, и Савватий Михайлович — отчетливо проявили свое отношение к событию, в моей биографии не рядовому. В 1968 году вышел в свет задуманный и составленный мною поэтический сборник «Княженика». В него вошли стихи десяти авторов, только девушек и женщин. Мода на издание женской прозы и женской поэзии еще не началась. Мы «вылезли» первые. И получили по полной! Надо сказать, что поэзию тогда в стране активно печатали, читали и слушали, но уже началось сверху завинчивание гаек. В Москве, конечно, почувствовали это раньше нас, «оттепель» 60-х кончалась, начинался «мороз» застоя. А мы еще резвились. И ударили по бедным «девушкам» из всех пушек. Сначала рывкнула партийная газета «Звезда». Потом помянули «Княженику» недобрым словом на съезде писателей

и в центральной прессе (нечего было писателям России больше делать, как анализировать первые публикации девчонок из Перми!) Потом начали «прорабатывать» редакцию, меня, в частности.

И тогда нас поддержали два мэтра, два уважаемых журналиста и редактора, да еще Ольга Александровна Волконская, которая вернулась незадолго перед тем из эмиграции и была поселена в Перми. Ольга Александровна, человек, привыкший к западному деловому миру, сказала:

— Надя, вы знаете, что было бы в Париже, получи книжка такую прессу, как ваш сборник?

Я, конечно, не знала.

— Издали бы повторный тираж, тысяч двадцать экземпляров!

А Борис Никандрович и Савватий Михайлович принесли мне две странички, отпечатанные на машинке. Из них сохранилась одна, я ее здесь и привожу.

Надежде Гашевой и ее друзьям
— чтение для утешения

Рецензия на первую книгу Гайдара

Аркадий Голиков (Гайдар). В дни поражений и побед. Повесть. Изд. «Земля и фабрика». 1925. Стр. 192. Ц. 1 р. 25 к.

Судя по заглавию, читатель вправе ожидать от этой книги эпической широты, большого охвата темы, больших полотен.

На деле же оказывается, что это — просто плохая, неряшливо написанная повесть о трех краскомах, вместе кончивших командные курсы и вместе участвовавших в борьбе с бандитами на Украине и в гражданской войне.

Серьезность и ответственность темы нисколько не затруднила автора, у него все делается очень просто: трудности и сложности обстановки гражданской войны он разрешает в ничего не знача-

щих в его передаче эпизодах, совсем не убедительных и ускользающих из внимания бесследно.

Три героя Голикова не имеют характерных черт и мало чем отличаются друг от друга. Если бы автор во второй части повести переменил их местами и имя одного дал другому, ничего не изменилось бы в развитии сюжета, сбитого и расхлябанного.

Красная армия, рабочие и крестьяне проходят как тени, слабые и неверные, и перед читателем, сменяя друг друга и рябя в глазах, неизменно действуют три главных персонажа, схематичных и неживых.

Вялая любовная интрига, бутафорские буржуи, карикатурные офицеры и трафаретные бандиты дополняют фон этой книги, достаточно скучной, несмотря ни на какие взрывы и грохоты, устраниваемые автором, к которым читатель остается глух и безразличен.

Борис Аннибал.

Журнал «Книгоноша», № 16—17, 5 мая 1926 г., стр. 54.

Борис Аннибал — видный в те годы литературный критик, весьма плодovitый. Подобный же разнос повести Гайдара учинил еще более видный критик — Михаил Левидов — в журнальном обзоре и в книге «Простые истины». Осуждению подверглась повесть в рецензиях журналов «Звезда» и «Октябрь».

А он — Гайдар — ничего, выдержал.

Это и вправду меня утешило. Тем более, что на второй, не уцелевшей (вернее, пока не найденной мною) страничке был текст письма одной дамы, возмущенной тем, как пишет... Лев Толстой. Дама поминала и ужасно осуждала ту сцену в романе «Война и мир», где Наташа Ростова говорит Соне (а князь Болконский слышит это):

— Нет, ты посмотри, какая луна!.. Ах, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь? Так бы вот села на корточки, подхватила бы себя под коленки — ту же, как можно ту же, натужиться надо — и полетела бы. Вот так!..

В конце этого необычного утешения стояли две подписи: короткая, размашистая — С. Гинц, длинная, но узкими, убористыми буквами — Б. Назаровский.

Лишь спустя годы и годы я по достоинству оценила все: и сам изящно-рыцарский поступок двух мэтров, двух седовласых умников, которые лучше меня понимали, какой роковой поворот назад, во тьму делает страна. И форму, которую они нашли, чтобы выразить свое отношение к очередному погрому (а погром уже шел по всей стране, били по головам творческую молодежь, пресса зверела на глазах). И выбор цитат из критических разносков в творчестве таких разных авторов. С. М. Гинц и Б. Н. Назаровский были авторами книги об Аркадии Гайдаре, но их тезаурус, их культурный багаж был, конечно, очень велик, а при этом они не подчеркнули разницы в статусе двух упоминаемых писателей, подчеркнули только, что в разные века замахивались на талантливых людей разные (маститые и нет) критики. И кто, мол, помнит теперь этих критиков? А произведения писателей — живут, если того достойны. Цитата же из Толстого — особая тонкость. Мэтры словно говорили нам: «Не прерывайте стремления к полету! Только вот придется поднатужиться...» И отсылали при этом к высшему достижению русской литературы — к прозе Льва Толстого.

А еще в упомянутой сцене из романа есть затаенный вздох князя Андрея, который слушает Наташу: «И дела нет до моего существования!» Стоит вспомнить, что князь Андрей к этому времени уже видел «высокое небо Аустерлица», уже пережил желанье славы, смерть жены, уже покинул службу, во многом разочаровался. Но после встречи с Наташей он едет и видит старый дуб, который видел и прежде, и готов был сравнить себя с ним, однако дуб уже преобразился, за-

зеленел молодыми весенними побегami. «Сквозь столетнюю жесткую кору пробились сочные молодые листья...»

Так я сегодня понимаю весь подтекст того давнего утешения, полученного от двух мудрецов и знатоков литературы, которым сейчас исполняется по сто лет. Может быть, кто-то этому не поверит, но я так чувствую, и внутренне знаю, что права. Тем более, что тогда, к новому 1969 году, я получила маленькую открыточку, где рукой Савватия Михайловича Гинца были выведены строки из стихотворения Бориса Пастернака «Быть знаменитым некрасиво»:

Другие по живому следу
пройдут твой путь за пядью пядь,
но поражения от победы
ты сам не должен отличать.
И должен ни единой долькой
не отступаться от лица,
но быть живым, живым и только,
живым и только — до конца.

Я рада, что, хоть и с запозданием, услышала завет двух мудрецов, двух учителей, двух мэтров. Кланяюсь им за это.

М. В. ТАРАСОВА

«В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ СТАЛО ИНТЕРЕСНЕЕ,
КРАСИВЕЕ, ВЕСЕЛЕЕ РАБОТАТЬ...»

Очень мне повезло с началом трудовой биографии — я более двадцати лет работала рядом с Борисом Никандровичем Назаровским и его единомышленниками.

В 1955 году, после окончания Львовского полиграфического института, я получила направление в Молотовское

книжное издательство. Летела в город на Каме в настроении неопределенности и тревоги: нужна ли я в чужом и неизвестном издательстве, таком далеком от родительского дома.

После первого же разговора с директором издательства Людмилой Сергеевной Римской и главным редактором Борисом Никандровичем Назаровским я поняла, что такой специалист издательству нужен и на меня возлагаются большие надежды. Оформление книг здесь действительно находилось в плачевном состоянии.

Так я сразу оказалась в окружении творческих бесребреников, увлеченных своим делом и его перспективами. Литературными редакторами тогда работали будущие классики пермской литературы и журналистики Л. Правдин, С. Гинц, А. Домнин, А. Крашенинников, Л. Давыдычев, Н. Вагнер, О. Селянкин, Р. Белов и др. Отсюда и та творческая атмосфера, в которой было очень интересно и радостно что-то придумывать, налаживать заново, искать...

Борис Никандрович внимательно присматривался ко мне, пытаюсь понять, что кроется за яркой внешностью этой молоденькой и модной девицы, что она умеет... Людмилу Сергеевну предостерегал: ох, не избалуйте ее! Я, в свою очередь, ощущала эту заинтересованность и недоверие. Случайные, ненавязчивые беседы переходили в большой и содержательный разговор, мягкие полутона сменялись четкими и целенаправленными рекомендациями и заданиями. Легкая ирония Назаровского для меня, наивной и самонадеянной, была своего рода допингом. Мне очень хотелось сдвинуть с мертвой точки оформление и качество издания пермской книги, доказать многоопытному главному, что я не просто девица, а грамотный специалист.

Борис Никандрович продолжал наступление, не давая передышки. И я излагала свои идеи: прежде всего привлекать новых молодых художников-графиков, полностью изменить взаимоотношения с типографией, добиться безусловного исполнения полиграфистами всех элементов оформления, задуманных художниками.

Своей работой, требовательностью к себе и окружающим Борис Никандрович задавал тон всему издательству. Особенный интерес, мне кажется, представляли редсоветы. Детально, на высоком профессиональном уровне обсуждались издательские планы, рукописи. Блистательный ум, заразительное трудолюбие Назаровского делали его авторитет бесспорным, хотя с ним и спорили, и конфликтовали. Он обладал ценнейшим даром подмечать самое существенное и учил этому нас. Делая устный отзыв или письменную рецензию на рукопись или комментируя ее исключение из издательского плана, Борис Никандрович часто был беспощадно конкретен и жесток, но всегда с явным желанием поднять общий уровень изданий.

Во все времена он был необыкновенно современным, хотя и любил оговариваться о своей старомодности, неприверженности к «стильным» на сегодняшний день приемам в литературе и искусстве.

Сложная судьба в журналистике не погасила его гражданской активности. Он реагировал на все события, происходившие в Перми, Прикамье, стране.

Когда возник вопрос о переименовании Молотова, Борис Никандрович приложил немало усилий, аргументируя необходимость вернуть Перми ее исконное имя. Когда я, еще толком не знавшая ни истории Прикамья, ни истории Перми, робко сказала, что «Молотов» благозвучнее и красивее «Перми», Борис Никандрович с удивлением посмотрел

рел на меня, усадил рядом и кратко рассказал мне про Пермь Великую, про пермский край и про то, почему Пермь называли Молотовым.

Так же терпеливо и настойчиво он убеждал и местные власти, писал статьи, отправлял обстоятельные исторические справки в республиканские и союзные инстанции.

В 1966—1969 годах по всей стране стали создаваться гербы городов. Дошла волна и до нас. Именно Борис Никандрович, возглавив жюри, разработал концепцию герба Перми, отмечая при этом, что самым убедительным был бы старый герб города, утвержденный окончательно в 1783 году.

С большой эмоциональной силой, убежденностью историка и краеведа, красноречием журналиста Назаровский прочел несколько лекций по геральдике в Союзе художников, в библиотеках, выступал по телевидению. Очень подробно он останавливался на расшифровке главных символов Прикамья и Перми: медведе (сила и предусмотрительность), мальтийском кресте (солнце и защита), Евангелие с восьмиконечным православным крестом (христианское просвещение или медвежий угол, покоренный христианством).

Официально, в газетах, был объявлен конкурс на создание современного герба Перми. О восстановлении старинного герба не могло быть и речи: Евангелие, кресты... Жюри было очень разочаровано результатами первого тура — пришло более ста проектов, но создавали их, в основном, пионеры и пенсионеры.

Подводя итоги, Борис Никандрович предложил вывести меня из состава жюри и обязать принять участие в разработке современного герба Перми наряду с другими художниками.

После второго тура было отобрано десять наиболее удачных эскизов (все — под девизами, никто не знал их авторов). А в третьем туре победителем оказался наш с Евгением Нестеровым эскиз. После решения жюри, одобдившего нашу композицию с паровым молотом, промышленно-энергетическим зигзагом в центре и старинным гербом Перми у основания (правда, вместо Евангелия — раскрытая книга над медведем), состоялись официальные встречи. Первая — с председателем горисполкома Перми Г. С. Калининским — была доброжелательной. А первый секретарь обкома КПСС Б. Ф. Коротков был суров: «Убрать медведя!»

Борис Никандрович не зря читал лекции по геральдике. Я бросилась на защиту медведя: «Это наши корни. Мы действительно медвежий угол, и это не стыдно. Не случайно в археологических раскопках было обнаружено множество бляшек-оберегов, где преобладали медведи, лоси. Это пермский звериный стиль. Медведь — прекрасный символ. Правда, бывает еще и медвежья болезнь...»

Медведя удалось отстоять. Спасибо мудрому Назаровскому! Когда через несколько лет по всесоюзному телевидению выступал главный геральдист страны академик Вилинбахов, он отметил пермский герб как один из самых удачных. Все его символы принадлежали только Перми: никаких колб, шестеренок и колосьев, как на гербах большинства городов СССР.

Кстати будет сказать о скромности Назаровского. Заполняя анкеты, в графе об образовании он писал: «среднее». Главным он считал самосовершенствование. Но лично я не встречала более образованного человека.

Вскоре появились и первые результаты в улучшении оформления пермских книг. У издателей возникла потреб-

ность поделиться успехами с читателями. Впервые были проведены выставки пермской книги (1962, 1964 и 1969). В залах собирались художники, издатели, полиграфисты, приглашались искусствоведы, авторитетные гости из Москвы. Выставки помогли увидеть свою работу со стороны, понять, что получилось, где просчеты. За сравнительно короткий срок вокруг издательства объединилась группа интересных молодых художников: Ю. Лихачев, Е. Нестеров, Р. Багаутдинов, В. Аверкиев, В. Кадочников, В. Петров, С. Можаяева, С. Ковалев и др. Именно тогда, на обсуждении выставки, Борис Никандрович сказал, что в издательстве стало интереснее, красивее, веселее работать...

Удалось наладить систему обсуждения с полиграфистами исполнения сложных по оформлению книг. И вскоре в копилку Пермского книжного издательства посыпались дипломы, медали, награды, добрые отзывы в местной и центральной печати.

В личном общении Борис Никандрович бывал разным: то ироничным, строгим, колючим, то предельно деликатным и веселым. В издательском коллективе часто отмечали малые и большие события и, как правило, Назаровский говорил главные слова, был остроумен, элегантен, очень смешно и заразительно хихикал, если вокруг начинали «чуть прекрасную нести».

После смерти жены Борис Никандрович переехал в маленькую квартиру. Стайка молодых сотрудников провела в его доме несколько дней, упаковывая книги для переезда. У него была отличная библиотека, и часто упаковочный процесс останавливался, а хозяин, сидя на стремянке, посвящал нас в неведомые нам истории и байки. Потом «за доблестный труд» дарил на память книги. Мне достался Р. Кент — «Это я, господи».

Много раз летом мы гостили на даче у Льва Николаевича Правдина и его жены Ирины Борисовны. Это совсем близко от маленькой избушки Назаровского на Винном Заводе. Как много интересного узнавали мы за эти приезды! И как Аркадий Гайдар на спор ложился вот в эту колоду с ледяной родниковой водой. И как, гуляя по эти лесам, молодые Гайдар, Гинц и Назаровский, не срезая рыжиков, прямо на корню их подсаживали, поливали уксусом и вскоре тут же съедали. Я узнала, как нужно умыться росой рано утром, какие цветы и травы можно использовать и для чего. Лев Николаевич Правдин был непревзойденным грибником. Казалось, что он видит лес насквозь, а это был всего лишь опыт семнадцати лет работы на лесоповале с последующей реабилитацией. У Бориса Никандровича был дешевенький фотоаппарат, и он «щелкал» нас, как правило, застывая врасплох, — не любил позы. У меня сохранилось несколько его фоторабот.

Запомнилось его отношение к мелочам. Подарили нам как-то щенка породы доберман-пинчер. Я с ним замучилась — уход нужен, как за младенцем, а у меня работа, семья. Борис Никандрович сказал очень серьезно:

— Да, это большая роскошь. Уж лучше воспитайте сына. Да и работать нужно, ведь вы — художник...

Вскоре один восьмиклассник пожелал заполучить собачку, и я с легким сердцем отдала щенка в надежные руки.

Борис Никандрович был очень внимательным и чутким товарищем. Как-то пришла на работу, не видя света белого, — болел зуб. Борис Никандрович куда-то позвонил и тут же отвел меня к очень хорошему специалисту, поделившись со мной на долгие годы таким ценным знакомством.

Приближался юбилей Бориса Никандровича. В издательстве ломали голову: что ему подарить. Я предложила попробовать уговорить нашего прекрасного портретиста Евгения Широкова написать портрет Назаровского. Евгений Николаевич был этому предложению очень рад. Упробив Бориса Никандровича попозировать, я привела его в мастерскую художника. Результатом этого знакомства стала серия замечательных портретов журналиста Назаровского и многолетняя дружба Широкова с ним.

Борис Никандрович всегда был за взаимообогащение, за активное творческое сотрудничество писателей, художников и читателей. Многим творцам и труженикам дарил он свое дружеское расположение. Как недостает нам его дружбы, слова, улыбки.

Л. Г. ДВОРСОН

СЧИТАЮ СВОИМ НАСТАВНИКОМ

С первых дней моей работы в Пермском областном краеведческом музее я познакомилась с Б. Н. Назаровским. Он был тогда главным редактором областного книжного издательства. В 1950 году я пришла работать в музей со студенческой скамьи, после окончания Пермского государственного университета. Можно представить себе, сколько трудностей навалилось на молодого директора, совершенно не знакомого с хозяйственной работой. Думала, отработаю три положенных года и уйду в школу. А проработала в музее без двух месяцев тридцать один год. И во многом благодаря Борису Никандровичу. Он был первым человеком, ободрившим меня, вселившим надежду. Говорил Борис Никандрович всегда очень убедительно и доброже-

лательно. Я считаю его своим первым наставником и учителем.

В то же время он был требовательным и взыскательным редактором. Когда мы обратились к нему с великой просьбой помочь музею возобновить издательскую деятельность, прерванную в 1930-е годы, то получили не только моральную поддержку. Назаровский стал первым редактором сборника «На Западном Урале». И даже название сборнику придумал он. Мы считали его своим «крестным отцом». С его легкой руки работа пошла и дальше. На протяжении двадцати четырех лет вышло шесть сборников «На Западном Урале». Но первый выпуск рождался в муках. Нужно было одновременно и доставать бумагу, и работать с авторами. Первый опыт работы молодого по возрасту и малочисленного тогда состава научных сотрудников музея был той школой, которую мы прошли под руководством Бориса Никандровича.

В 1952 году Б. Н. Назаровский стал бессменным, до последнего дня своей жизни, членом ученого совета музея. Вспоминаю такой разговор по телефону:

— Борис Никандрович, мы вас включили в состав ученого совета музея. Вы будете у нас одним из почетных членов.

По молодости и неопытности я назвала его «почетным», имея в виду то уважение, с которым музейщики относились к этому прекрасному, мудрому человеку. Борис Никандрович, при всей своей интеллигентности, тактичности в обращении с людьми, резко оборвал меня:

— Я не хочу быть «почетным», хочу активно участвовать в вашей работе.

В январе 1966 года в Перми состоялась областная учредительная конференция общества охраны памятни-

ков истории и культуры. В состав президиума областного совета был избран Б. Н. Назаровский. Он активно помогал становлению общества. Понимая, что для сохранения историко-культурного наследия необходимы огромные средства, Борис Никандрович предложил открыть в Перми ювелирно-гранильный завод. Предполагалось, что завод будет производить изящные изделия из местного камня в сочетании его с металлом и деревом с учетом нашей уральской тематики, прежде всего пермского звериного стиля. И эта мечта Б. Н. Назаровского осуществилась. Обществу помогли местные органы власти: выделили помещение, средства на приобретение оборудования, станков, сырья. Первым директором завода стал геолог, участник Великой Отечественной войны Игорь Эмильевич Залкинд. А рекомендовал его на эту должность Б. Н. Назаровский.

Изделия завода очень скоро завоевали популярность. Они демонстрировались на международных ярмарках в Москве, Осаке, Лейпциге и других городах. Часть прибыли завода перечислялась на счет общества. Деньги шли на музей в Хохловке, на реставрацию памятников истории и культуры.

Е. Д. ХАРИТОНОВА
ЖИВЫМ ОСТАЛСЯ В ПАМЯТИ МОЕЙ

Среди друзей музея он выделялся не только высоким ростом, сухопарой фигурой и характерным профилем с бородкой, но и особой манерой держаться, разговаривать с людьми так, что вам казалось, будто вы и есть самый интересный для него собеседник. Его отличали независимость

и чувство собственного достоинства, присущие интеллигенции старого поколения.

Наше знакомство произошло в отделе дореволюционной истории, где часто бывал Борис Никандрович. Кажется, познакомила нас Эмилия Павловна Андерсон, заведующая отделом. Она любила беседовать с ним и нередко вступала в острые дискуссии относительно некоторых политических аспектов нашей истории. Когда в конце 1960-х годов перестраивалась экспозиция Первой русской революции в нашем крае, она стремилась показать не только работу большевиков, но и острую борьбу партий. Однако не только партия кадетов, к которой принадлежал Никандр Матвеевич Назаровский, отец Бориса Никандровича, известный в Перми врач и редактор газеты «Камский край» в 1906 году, но и мелкобуржуазные партии «не прошли» по распоряжению начальства и цензуры обллита. Пришлось убрать из экспозиции интересный фрагмент политической борьбы, фактически имевшей место. Назаровский, узнав об этом, был совсем не огорчен, в отличие от сотрудников отдела. Посмеиваясь в бороду, он старался превратить в шутку даже взрывоопасную ситуацию. Если, конечно, речь не шла о принципиальной позиции, которую он считал нужным отстаивать до конца. В данном случае его жизненный опыт подсказывал, что не следует предаваться грусти.

С большим интересом отнесся он к попыткам отдела истории найти современников И. Ю. Петровского, основателя первого книжного магазина в Перми. Радовался моим находкам, обнаруженным в результате встреч с вдовой внука Петровских, воспитанницей этой семьи, и старожилами города, часто посещавшими «Книжный магазин Ольги Петровской». Именно Назаровский подсказал мне номер следственного дела в ГАПО периода революции 1905—1907 годов.

Итогом этого сотрудничества стала статья, опубликованная в сборнике «250 лет Перми»¹.

Живо интересовался он экспедиционной работой музея. А может, даже и завидовал своему коллеге А. М. Граевскому², который ездил с Э. П. Андерсон в экспедиции на север области. Всегда он умел радоваться чужим успехам.

На музейных заседаниях и конференциях выступления Бориса Никандровича отличались нестандартным мышлением. Он был нетерпим ко лжи, несправедливости, фальсификации и мог убедительно доказать неправоту собеседника или оппонента.

Круг интересов Назаровского был чрезвычайно велик. Помимо истории края, он интересовался фольклором, собирал материалы о старообрядцах. В его огромной библиотеке было немало дореволюционных изданий, в том числе, например, русские сказки, собранные А. Н. Афанасьевым.

В последние годы Назаровский сделал массу выписок о медведе. Это было связано с его обращением к истории герба Перми. Верность медведю фигурирует и в нашей переписке, которая продолжалась, когда я уехала в Петрозаводск работать в институте истории, языка и литературы Карельского филиала АН СССР. Он живо откликнулся на сообщение о моей встрече с медведем вблизи соснового бора у поселка Кончозеро. Приведу фрагмент письма от 29 сентября 1971 года:

«Не менее благодарен я за ваше сообщение о встрече с медведем. Еще одно подтверждение того, констатированного множеством сказок, легенд и рассказов факта, что медведи склонны утаскивать к себе женщин. Вы разумно бежали к людям. А то женщинам придется жить с медведями много лет, пока не придет чудесное избавление. Защита кандидатской диссертации

ции чуть было не сорвалась. Прошу при этом заметить, что заинтересованность в таком сближении с представителями (представительницами) рода человеческого проявляют именно медведи. Медведицы менее агрессивны, хотя Афанасьевым зарегистрирован случай, когда медведица утащила мужчину. И кто бы это был? Сельский поп! Какой скандал!»

Отпуск был ему крайне необходим. Слишком много сил отдал Борис Никандрович борьбе за обоснование первоначальной даты Перми. Это сказалось на его здоровье.

Он очень любил жизнь. Его интересовало все. Живо откликался на письма о Карелии, сожалея, что не довелось там побывать. Бурно радовался подаркам — книгам Карельского книжного издательства. Высоко оценивал его продукцию: «Они (книги) отлично сделаны и в литературном отношении, и издательски. У вас вообще делают хорошие книги. Не так давно мне попала на глаза повесть А. Линевского «Листы каменной книги». «Купил и прочел. И мне что-то понравилось. По-моему, убедительно и достоверно. Давно не бывал у Андрея Ромашова³. Ему надо показать». И еще сожаление: «Вы там в своей автономной республике вообще вольно живете. Видел на днях в книжном магазине солидную книгу «Слепни Карелии». Вот так! У нас издание подобной книги, безусловно, исключено».

Он знал, что мне не хватало Перми, и постоянно морально поддерживал меня: посылал книги, изданные в Перми («Сказки Прикамья» и др.). Огромное ему спасибо!

«В моем представлении это красивая и поэтическая страна», — писал он, опираясь на книжные знания о Карелии и «Калевалу».

В чудную пору белых ночей я заканчивала свою диссертацию о солеварении в Прикамье в XVIII веке. Окно квар-

тиры, которую я снимала, выходило на Онежское озеро. Вспоминались пушкинские строки: «Пишу, читаю без лампады...» В ответ на мою просьбу просмотреть диссертацию опытным оком, Борис Никандрович написал: «Диссертацию вашу прочесть не обещаюсь. А вот если вы сочтете целесообразным, могу принять на литературную правку автореферат. Отредактировать лист для меня не труд, а ваше дело — принять или отклонить мои поправки. Это просто в порядке взаимных услуг». Можно представить, как я обрадовалась, получив такой ответ. С благодарностью вспоминаю о его бескорыстной помощи.

В день защиты я получила от него подарок. Он был настолько уникален, что позволю себе сказать об этом. На зеленом конверте его трудночитаемым почерком было написано: «Распечатать, посмотреть и прочитать только в Петрозаводске или Москве, обязательно в присутствии друзей, приятелей, товарищей». Внутри находился камешек, изображающий спеленатого ребенка (был найден при археологических раскопках в Перми). Я храню его как талисман.

В ноябре 1971 года Назаровский рассказал о своей мечте подготовить сборник документов и материалов «Как возник город Пермь» с приложением карт и планов Егошихинского завода XVIII века. Собирался привлечь к работе над книгой А. С. Черкасову, П. И. Хитрова, А. Г. Козлова, М. Н. Степанова, Е. В. Ястребова.

«Считаю, что вас уже привлек», — писал он. Проспект книги был уже полностью продуман. В последнем письме он снова пишет об этой задумке. Но планам не суждено было осуществиться. Последнее письмо датировано 12 февраля 1972 года. Я получила его в Петрозаводске уже после смерти Бориса Никандровича. Вместе с письмом пришла бандероль с книгой Е. В. Ястребова «Как были открыты

Уральские горы». Он сетовал на нездоровье, но еще собирався выступать в музее («пока я оружия не складываю»). Сообщив о своей поездке в санаторий под Москвой, дал адрес: «Учитывая время, пишите туда, а если будете в Москве, в частности 11 марта, когда у меня будет день рождения (68 годков) вдали от родного края...»

Но 11 марта его не стало. В моей памяти он остается живым и по сей день.

М. Н. СТЕПАНОВ

УРОКИ НАЗАРОВСКОГО

Б. Н. Назаровский оставил заметный след в моей жизни, оказав ощутимое воздействие на мое формирование как исследователя-краеведа, даже как человека вообще, хотя личных встреч у нас было сравнительно немного.

Впервые довелось встретиться с ним немногим более пятидесяти лет назад. Я оканчивал Московский университет, работал над дипломной темой «Экономико-географическая характеристика города Молотова». Тогда, в 1952 году, комплектовался очередной, 17-й, сборник альманаха «Прикамье». Теперь не припомню, как о моем материале стало известно в местном книжном издательстве. Скорее всего контакты с ним возникли через В. И. Рябухина, друга юности, который тогда после окончания Пермского университета подрабатывал на жизнь в качестве корректора в этом издательстве. Не чужд он был и пермскому краеведению.

Как бы там ни было, мы вдвоем с ним написали краеведческий, для солидности названный экономико-географическим, очерк «Наш город». Речь, разумеется, шла о Перми, или, по-тогдашнему, Молотове. В альманах его приня-

ли и через некоторое время сообщили, что на рецензию отдали «самому» Борису Никандровичу Назаровскому. Это известие на нас нагнало страх: как же, главный редактор издательства снизошел до безвестных авторов, молодых, начинающих, совсем зеленых...

Заходя в издательство, я еще до знакомства с рецензией неоднократно мельком видел Бориса Никандровича, но почитительно сторонился его. Мне он казался недостижимым на своем Олимпе.

Но вот рецензия у нас в руках. Несколько страничек на машинке. Общая доброжелательная тональность, но немало замечаний. Главные — текст неприемлемо сухой, совершенно забыт человек. «Вывод: поскольку авторы мне неизвестны, не знаю, справятся ли они с доработкой очерка». И тут нельзя не помянуть добром членов редколлегии альманаха Людмилу Сергеевну Римскую и Клавдию Васильевну Рождественскую, которые приободрили нас, познакомили с секретами технологии доводки текста к сдаче в производство. За доработку мы взялись горячо, со всей энергией молодости. Воодушевляло то, что путеводная нить была дана не кем-нибудь, а самим Назаровским. К этому времени он был уже хорошо известен как автор книги «Западный Урал в Великой Отечественной войне» (совместно с В. Ф. Тиуновым), как многолетний редактор областной газеты «Звезда». Его имя было на слуху.

Вызывали уважение его предельно серьезное отношение к нам, только вступающим на стезю краеведения, и высочайшая требовательность, без каких-либо скидок на нашу молодость и неопытность, и, наряду с этим, неподдельная доброжелательность. Конечно, очерк пришлось изрядно перелопатить. Там, где было уместно, вносились указания на конкретных людей — передовиков производства,

инженеров, ученых, артистов, писателей... Текст оживлялся также с помощью цитат из Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. И. Мельникова-Печерского, других авторов. Был использован и такой прием, как рассказ о «микрореографии» города в виде воображаемого путешествия по нему.

В процессе работы мне пришлось уехать в Москву для продолжения учебы, так что основная тяжесть доводки пала на В. И. Рябухина. Это была наша первая краеведческая публикация. Вскоре она вылилась в книгу «Город Молотов»¹. И «крестным отцом» ее был Б. Н. Назаровский.

Таким образом, еще «на заре туманной юности» от Б. Н. Назаровского был получен первый урок — урок требовательнейшего отношения к оппоненту вне зависимости от его веса в науке и обществе, без скидок на его молодость и неопытность, причем неотъемлемой частью этой требовательности была действительная помощь в виде адресных советов.

И одновременно был получен второй урок: мы на всю жизнь усвоили ту простую истину, что для массового читателя (и не только для него!) надо писать живо, с выдумкой, вызывать у него интерес, стремление дочитать попавшуюся в руки вещь до конца.

Третий урок относился к экономии времени, бережному отношению к нему.

Однажды в 1956 году, когда готовилась книга «Пермь» (выпущена местным издательством в 1957 году), причастных к ней собрали в Пермском горкоме КПСС. Среди приглашенных были Б. Н. Назаровский и я. Как нередко бывало, к назначенному времени собравшихся не приняли. В ожидании совещания люди разбрелись по кулуарам, коротая время в разговорах. Борис Никандрович, в отличие от остальных, скромно устроился в уголке приемной, развернул папку и, отренившись от окружающей сутолоки,

углубился в просмотр взятого с собой материала. И пока мы праздно слонялись, он за те полчаса, которые «подарило» нам начальство, успел выполнить какую-то работу. Вот наглядный образец продуманной организации труда!

Он стремился экономить не только свое, но и чужое время. Примечательны беседы с ним, совещания, которые он проводил. Всегда он сразу приступал к сути дела без каких-либо предисловий, разминок. Говорил по существу, не отвлекаясь на посторонние темы, емко, но отнюдь не сухо.

И тут мы подошли к едва ли не главному уроку Б. Н. Назаровского — уроку мастерства речи. И письменной, и устной. Несмотря на лаконичность, его речь покоряла образностью, эмоциональностью, была насыщена ассоциациями, сравнениями, поражала эрудицией, высокой интеллигентностью. Хотя, разумеется, подобной цели он специально перед собой не ставил — так у него получалось невольно, само собой. Интеллигентность скрыть невозможно, как и, повторяя мысль академика Д. С. Лихачева, невозможно притвориться интеллигентом. И что теперь, в наши дни, особенно общественно значимо: его речь была правильной, культурной, подлинно литературно-русской. Невольно вспоминаешь об этом, когда в уши все время рвется косноязычие, которым изобилуют современные радио, телевидение, окружающая бытовая повседневность.

Урок интеллигентности — так можно обобщить все сказанное выше о Назаровском. Но подлинная интеллигентность — это не только культура речи, поведения, взаимоотношений с людьми. Это еще и активное, заинтересованное отношение к жизни. Вот оно-то было в высшей степени свойственно Борису Никандровичу.

Здесь уместно вспомнить два эпизода из его жизни.

В 1950—1960-е годы мы были одержимы новым строительством. В те времена сооружались Камская и Воткин-

ская гидроэлектростанции, воздвигались гиганты химии и цветной металлургии в Березниках и Соликамске, выросла нефтехимический комбинат в Перми, причем с наветренной стороны относительно главного ядра города. Наряду с этим как бы на задворки нашего сознания оттеснялись факты многократного усиления воздействия на природу хозяйственной деятельности человека, роста объемов вредных выбросов в атмосферу и воды. Причем существовали строгие цензурные ограничения на публикации о пакостях, наносимых производством природе.

И вот как-то весной 1965 года ко мне домой позвонил Борис Никандрович. «Надо выступить в защиту Камы», — этими словами он начал разговор. Речь пошла о загрязнении реки, о необходимости незамедлительно обратить внимание жителей Прикамья на буквальное умерщвление ее на наших глазах. Я выразил готовность принять участие в работе над будущей публикацией, но оно ограничилось этим разговором. К сожалению, сейчас не упомяну, какой именно информацией мне довелось снабдить собеседника и насколько она была использована, лишь следующий этап моего участия в этом деле вылился в учинении подписи под уже готовым текстом, озаглавленным «Кама зовет на выручку». Он был помещен в газете «Молодая гвардия» 6 июня 1965 года. Активное участие в подготовке публикации, помнится, принял Роберт Петрович Белов. Среди подписантов, помимо троих упомянутых, были также краевед, преподаватель университета С. Ф. Николаев, писатели Л. И. Давыдычев, О. А. Волконская, Л. Н. Правдин, художники А. И. Репин и А. Н. Тумбасов, журналист К. М. Кузнецов.

Публикация вызвала широкий общественный резонанс. В газете прошел еще ряд выступлений под общей рубрикой «Бережь колыбель жизни». А в конце августа было принято

постановление бюро Пермского обкома КПСС об усилении охраны водоемов и рационализации использования водных ресурсов.

Второй эпизод связан с борьбой — именно борьбой в настоящем смысле этого понятия! — за выявление истинной даты основания города Перми. Полемика Б. Н. Назаровского с профессором Ф. С. Горовым по этому вопросу теперь уже опубликована.

Мало кто помнит дискуссию по этому поводу в «Молодой гвардии» осенью 1968 года. Возможно, Борис Никандрович имел какое-то касательство к ее организации. Во всяком случае, у нас были разговоры на эту тему. В известной степени плодом этих разговоров стала статья «Пермь — не исключение», написанная мною совместно с преподавателем Пермского университета П. Н. Чепкасовым и опубликованная в рамках дискуссии. В статье подчеркивалось, что для городов Урала, выросших из заводских поселков, характерно запаздывание времени официального признания их городами по сравнению с фактическим основанием. Пермь не была исключением в их ряду.

В связи с этим вспоминается, как Борис Никандрович развивал идею того, что ему по принципиальным соображениям гораздо важнее вести биографию города от возникновения заводского рабочего коллектива медеплавильщиков (т. е. от 1723 года), чем от указа императрицы 1781 года. Позицию Ф. С. Горового, обосновавшего вторую точку зрения, он считал аполитичной, чуждой классовому подходу. Подобную «политизацию», конечно, сегодня можно рассматривать по-разному, но Назаровский был сыном своего времени. Как, впрочем, и автор этих строк. Поэтому такой поворот мысли старшего товарища произвел на меня большое впечатление и, чего греха таить, тоже был воспринят в качестве важного урока...

Однако эта «политизация», можно полагать, зная строй мысли Назаровского, являлась наиболее убедительным и доходчивым для тогдашних «руководящих товарищей» своеобразным синонимом положения о том, что именно производственно-экономические функции населенного пункта — главный признак для отнесения его к городскому или сельскому поселению. «Возникновение заводского рабочего коллектива» в приведенном контексте как раз и отражало процесс становления названных функций Егошихи, которые повлекли за собой формирование и других ее градообразующих функций: транспортных (пристань на Каме), торговых (снабжение провиантом караванов с Чусовой и верховьев Камы), административно-хозяйственных (Пермское горное начальство), социально-инфраструктурных (цифирная школа, госпиталь)... Что было проигнорировано оппонентом Бориса Никандровича. Примечательно, что не имевший ученой степени Назаровский в строго научном отношении оказался прозорливее доктора исторических наук Горового ².

В заключение скажу: я имею все основания поблагодарить судьбу за то, что она свела меня с такой незаурядной замечательной личностью, как Борис Никандрович Назаровский.

Н. Д. АЛЕНЧИКОВА

ДАНЬ ПАМЯТИ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Борис Никандрович Назаровский... Какое огромное и благотворное влияние оказывал он на всех, кто имел счастье быть знакомым, общаться и работать с ним!...

В день его похорон трудно было протиснуться в Дом журналистов. Интеллигенция города пришла сказать последнее «прости» этому замечательному человеку. Ни на одних похоронах я никогда больше не видела столько рыдающих женщин и мокрых мужских глаз. Горько плакала и я. Поэтому не запомнилось ничего из того, что было сказано во время гражданской панихиды. Похороны состоялись на Южном кладбище, несколько дальше от теперешней второй отметки квадрата номер семь, слева от главной аллеи кладбища. На поминки, организованные приемным сыном Бориса Никандровича Сергеем (тогда, в 1972 году, они официально не запрещались, но и не одобрялись), в скромной квартире Бориса Никандровича на улице Газеты «Звезда» собрались его близкие друзья и соратники. Комната была набита до отказа, люди стояли, сидели на каких-то облучках. Было сказано очень много замечательно проникновенных, наполненных душевным теплом и горечью утра- ты слов.

Память не удержала всего сказанного, но основным рефреном прозвучало, что Борис Никандрович не ушел от нас до конца, что часть его души живет и будет жить в каждом из нас, оказывая действенное влияние на наши поступки, решения, отношения с людьми. Художница М. В. Тарасова говорила о том, каким ей представляется будущий памятник на могиле Бориса Никандровича: Дон Кихот с изображением пермского медведя на щите. Действительно, внешне его облик удивительно соответствовал известному персонажу Сервантеса. Только сражался он не с ветряными мельницами, а с вполне конкретными людьми и органами по принципиальным вопросам, не допускающим компромиссных решений, с косностью и ограниченностью партийных чиновников, курировавших Перм-

ское книжное издательство. Да, он был коммунистом, убежденным коммунистом и верил в конечное торжество коммунистических идей. Впоследствии памятник оказался несколько иным.

Впервые я услышала о Б. Н. Назаровском сразу же по приезде в Пермь (тогдашний Молотов), куда была направлена после окончания Московского государственного историко-архивного института. Я начала работу в областном государственном архиве младшим научным сотрудником советского отдела. Шел август 1953 года. В содружестве с партийным архивом обкома КПСС коллектив Государственного архива Пермской области готовил к изданию сборник документальных материалов «Революция 1905—1907 гг. в Прикамье». Научное руководство подготовкой сборника осуществлял доцент исторического факультета Пермского государственного университета Федор Семенович Горовой (будущий профессор и ректор ПГУ) и кандидат исторических наук Ф. А. Александров. Редактором сборника от Пермского книжного издательства был Борис Никандрович Назаровский.

Штат ГАПО в то время был невелик: три старших научных сотрудника возглавляли три отдела (отдел Октябрьской революции и социалистического строительства, отдел дореволюционных фондов и отдел секретных фондов). Самым большим был советский отдел: помимо начальника и архивно-технического работника ему полагался еще и младший научный сотрудник. На эту должность я и прибыла. Отдела использования документов как такового не существовало. Ответственной за использование была в то время Елена Николаевна Лукьянова, старший научный сотрудник, тоже выпускница МГИАИ. Она-то и занималась, в основном, подготовкой юбилейного сборника. Участие в вы-

явлении, сверке и археографической обработке документов принимал весь коллектив научных сотрудников архива во главе с директором. Мне, в частности, было поручено составление справочника по заводам и фабрикам, упоминаемым в документах.

В один из первых дней моей работы в архиве Елена Николаевна торжественно сообщила, что сегодня придет *сам* Борис Никандрович Назаровский. Мне, столичной уроженке, это имя ни о чем не говорило. Но было интересно познакомиться с *настоящим редактором книжного издательства*, о котором с таким трепетом вещала моя коллега. Я увидела высокого, очень худого мужчину средних лет с узким лицом аскета и пронизательно-строгим взглядом серых глаз. Бороды он тогда не носил, был тщательно выбрит. Был немногословен, лаконичен и производил впечатление человека сухого, «застегнутого на все пуговицы», невольно заставляющего собеседника держать дистанцию.

Поначалу отношения между нами складывались как робко-почтительные (с моей стороны) и скептически-изучающие (с его стороны). Понадобились время и большой опыт совместной работы, чтобы сократить эту дистанцию. Но до конца она мною так и не была преодолена: мешало мое благоговейное преклонение перед ним, хотя отношения были уже дружески-доверительными. Я бережно храню подаренные им экземпляры книг «Аркадий Гайдар на Урале» и «Замечательное дело». Один из двух экземпляров «Гайдара» адресовался непосредственно моим дочерям, которыми он живо интересовался. Он часто повторял мне: «Вам нужно поступать в аспирантуру и защищать диссертацию». На что я, смеясь, отвечала, имея в виду детей: «Да у меня дома две диссертации готовятся!» В дарственной надписи к «Замеча-

тельному делу» есть очень дорогие для меня слова: «с благодарностью». Это — фактическая оценка моего труда по созданию «Обзора фондов Государственного архива Пермской области по истории землевладения и землепользования рабочих частных горных заводов Пермской губернии». Обзор был опубликован в одном из научных сборников незадолго до начала работы Бориса Никандровича над «Замечательным делом» и, по его словам, очень облегчил ему поиск необходимых для книги документов.

Еще одна реликвия — небольшой лист бумаги с рецензией Бориса Никандровича на очерк одного из авторов сборника «Революционеры Прикамья», где я упоминаюсь как «серьезный автор». Я очень высоко ценила любой знак его одобрения: улыбку, удовлетворенно-поощряющий взгляд, короткое «интересно» или «хорошо».

1950—1960-е годы стали расцветом публикаторской деятельности Государственного архива Пермской области. Тогда были подготовлены и изданы сборники документальных материалов «Революция 1905—1907 гг. в Прикамье», «Борьба за упрочение Советской власти в Пермской губернии», «Революционеры Прикамья», «В. И. Ленин и Пермский край», получившие высокую оценку как в научных кругах, так и среди широкой общественности (сейчас они уже стали библиографической редкостью). Все сборники готовились совместно с партийным архивом Пермского обкома КПСС. Ряд лет ежегодно издавался «Календарь-справочник Пермской области», насыщенный сведениями о памятных событиях истории нашего края. «Календарь» пользовался большим успехом у публики и не залеживался на книжных прилавках, несмотря на значительный тираж. Было очень жаль, когда по прихоти какого-то московского чинуши издание подобных «Календарей» было запрещено.

Инициатором всех этих изданий и их душой был Борис Никандрович.

Научным редактором издаваемых документальных сборников был Федор Семенович Горовой, но так всепроникающе, повседневно и глубоко во все дела археографической подготовки сборников, как Борис Никандрович, он не вникал. С глубоким уважением относясь к архивным подлинникам, Борис Никандрович требовал от составителей необходимости соблюдения всех правил подлинной научной публикации: точных ссылок, комментирования документов, наличия необходимых справочников в приложении к сборникам. Это способствовало введению в научный оборот гораздо большего количества архивных документов, чем позволял объем сборников, и высоко поднимало авторитет пермских архивов и Пермского книжного издательства. В частности, в Главном архивном управлении СССР сборник «Революционеры Прикамья» считался образцом подлинно научного оформления документальных изданий. Высоко котиrowались и другие наши документальные сборники.

А сколько сил и нервов Бориса Никандровича было положено на то, чтобы добиться разрешения партийно-советских органов на максимальный объем сборника «Революционеры Прикамья» и выделение бумаги для его издания! Не менее напряженной и важной была работа с большим (около 80 человек) авторским коллективом этого сборника. Он считал необходимыми регулярные встречи с составителями и авторами для обсуждения вопросов, возникающих в процессе работы. А для того, чтобы эти вопросы возникали, нужно было обладать суммой знаний не меньшей, а нередко — и большей, чем авторы и составители. Он, как никто другой, умел *слышать* своих оппонентов и,

если убеждался в их правоте, не боялся изменить свою точку зрения по данному конкретному вопросу. Подумать только: 150 биографических очерков было пропущено через его ум, сердце, нервы, не говоря уже о чисто редакторской работе!

Немалую роль сыграл авторитет Бориса Никандровича в активизации интереса средств массовой информации к публикации статей пермских архивистов, основанных на документальных материалах, к популяризации документов по истории родного края, истинным и горячим патриотом которого он был.

Борис Никандрович внимательно следил за всеми этими публикациями, радовался обнаружению новых документов, найденных архивистами. Он был скуп на похвалы и всегда ограничивался коротким: «Это было интересно», «Это было хорошо». Но при этом глаза его так замечательно сияли, столько в них было доброжелательства и поощрения, что никаких других слов и не требовалось.

При заслуженно высокой самооценке он был необыкновенно скромн и ни с кем не держался свысока. О его человеческих качествах можно судить хотя бы по такому факту: когда вернулся из ссылки репрессированный друг его юности М. С. Альперович — одинокий, без прописки и жилья, он был принят в семью Назаровских как родной и прожил у них несколько лет. Об этом узнавалось стороной. Сам Борис Никандрович никогда об этом не говорил, очевидно, считая, что иначе и быть не могло.

Борис Никандрович очень серьезно относился к работе Государственного архива, особенно в части организации использования и популяризации хранящихся в нем документальных ценностей. Глубоко уважал труд архивистов, их

работу по развитию форм использования документальных материалов, по совершенствованию научно-справочного аппарата архива. Он был постоянным посетителем читального зала архива, особенно в период работы над своими книгами, и всегда заходил в наш отдел использования, чтобы поделиться своими новостями и узнать о наших новостях. Говорил о событиях культурной жизни, о новых публикациях в журнале «Новый мир», который он считал лучшим толстым журналом. По его мнению, каждый прогрессивно мыслящий интеллигентный человек был обязан его выписывать хотя бы для того, чтобы материально и морально поддержать это издание. Очень высоко оценивал деятельность А. Твардовского на его нелегком поприще. Помнится, именно эти разговоры сделали нас с мужем из регулярных читателей этого журнала постоянными его подписчиками.

Являясь членом научного совета Государственного архива, он не пропускал ни одного его заседания. Несмотря на свою постоянную сверхзанятость, всегда приходил на заседания хорошо подготовленным к обсуждаемым проблемам. Так было и при обсуждении перспективных планов архива, и при обсуждении проспектов сборников; так было и при обсуждении аннотаций к готовящемуся в 1970-х годах «Путеводителю» по архиву, создание которого он считал очень важным и необходимым делом. В состав научного совета в то время входили такие видные историки нашего края, как Ф. С. Горовой, Ф. А. Александров, П. И. Хитров, М. И. Черныш и др. Но запомнились лишь выступления Бориса Никандровича: ясность мысли, конкретность замечаний и предложений, убедительная четкость формулировок. Кстати сказать, он был (рискну так выразиться) «повивальной бабкой» большинства монографий наших историков, положенных в

основу их кандидатских и докторских диссертаций. До конца его жизни все наши историки глубоко уважали его и прислушивались к его мнению.

Особенно много и плодотворно он работал с Ф. С. Горовым. Практически все монографии, выпшедшие из-под пера этого видного уральского ученого, были отредактированы Борисом Никандровичем. Их творческое сотрудничество длилось на протяжении многих лет. Тем драматичнее был полный разрыв их отношений, связанный с датой возникновения Перми. Борис Никандрович считал, что Пермь ведет свое начало от 1723 года, с возникновения Егошихинского завода. Федор Семенович утверждал, что этой датой может быть только 1781 год, когда был подписан указ императрицы Екатерины II об учреждении Перми.

Противостояние было настолько серьезным и так глубоко переживалось Борисом Никандровичем, что это окончательно подорвало его здоровье. Помню, каким удрученным, непонимающим и разочарованным он приходил в это время в наш отдел. Ему было непонятно, как уважаемый уральский историк и умный человек может отрицать дату основания города с года основания на его месте первого рабочего поселения? Для него это было очевидным и принципиальным. Поэтому он последовательно и доказательно отстаивал свою точку зрения в развернувшейся дискуссии, которая расколола пермских историков. Победила в конечном итоге точка зрения Бориса Никандровича. Однако дожить до 250-летия родного города ему так и не пришлось. Эта «схватка» оказалась губительной и для Федора Семеновича Горового, который умер через год после ухода из жизни Бориса Никандровича, тоже не дожив до юбилея Перми.

«ВСЯКОГО ВАМ СЧАСТЬЯ,
ХОРОШИЕ ЛЮДИ!»

Журналисты и редакторы нашего поколения знали Бориса Никандровича в 1960-е — начале 1970-х годов, — так сказать, позднего Назаровского. В нашей среде он был кумиром, признанным, самым высоким авторитетом. К нам, молодым, он относился отзывчиво, доброжелательно, всегда был готов помочь, мы же ловили каждое его слово. Но однажды я с удивлением услышала от одной из тех, кто работал под его началом в «Звезде»: «Не думайте, что Борис Никандрович всегда был таким добрым. Редактора «Звезды» Назаровского мы знавали и суровым, и жестким. От него даже плакали. Да-да, бывало и такое». Слова этой женщины смутили меня, но не доверять ей, уважаемой, умной и находившейся в хороших отношениях с Назаровским, не было основания.

Однако в моей памяти хранится и свидетельство самого Бориса Никандровича по поводу его отношения к людям. Как-то я, в ту пору старший редактор историко-партийной и краеведческой литературы, заговорила с ним о серии книг, которую выпускало Пермское книжное издательство, кажется, по его же замыслу, — «Искры памятных лет».

— А почему бы вам, — сказала я, — самому не написать книжку в эту серию?

— О чем? — удивился он.

— Ну, о событиях, очевидцем и участником которых были. О людях...

— О каких людях? — вдруг спросил он, подняв голову.

— Об окружающих... — неуверенно сказала я.

И вот тогда после долгой паузы он печально произнес:
— Я всегда слишком много думал об идеях и очень мало — о людях.

Позже мы увидим, что он судил себя слишком сурово.

Читая документы: автобиографии, рецензии, письма, отзывы о нем, — я увидела, что Назаровский, действительно, разный в разные периоды жизни — время накладывало отпечаток и на него, хотя он в гораздо большей степени, чем кто-либо, был внутренне свободен. В 1930-е годы он, фактический редактор областной газеты в Омске, осуждает на ее страницах врагов народа, но, видимо, не так рьяно, и, уволенный, исключенный из партии, вынужден оправдываться, что не виновен в их укрывательстве. Война сурова сама по себе; так вот, будучи одним из руководителей Молотовской (Пермской) области, Назаровский, конечно, не мог не поступать жестко, в унисон с требованиями центра. Однако после войны и в последующие годы, видимо, под влиянием несбывшихся ожиданий, явственно обозначается в нем внутреннее расхождение с проводившейся в стране политикой. Внешне этот разлад выражается в выстулплениях против стиля и методов работы первого секретаря обкома партии Прасса, в письмах в ЦК, а еще позже — в уходе в историю, в краеведение.

Какая бы сторона личности Назаровского ни исследовалась, этой эволюции, изменений в его восприятии жизни и воздействии на нее не обойти. Предлагаю, имея все это в виду, посмотреть, как в разные годы относились к нему люди, принадлежащие, в основном, к среде творческой интеллигенции, каким в их восприятии предстает Борис Никандрович.

В 1920-е годы, по рассказу профессора А. Н. Пономарева, студентки педфака Пермского университета, среди которых была и его сестра, сочинили каламбур:

Я не была на лекции Флеровского,
Пыталась покорить Бориса Назаровского.

Своим умом, большой ученостью молодой Назаровский, без сомнения, привлекал внимание мыслящей молодежи Перми, но был недоступен, по-видимому, не одним только девушкам.

Да и в более поздние годы, как писал Виктор Петрович Астафьев, «не всякого якова он подпускал к себе, не всякому оказывал доверие и, тем более, наделял дружеским расположением». Но тот, кто читал статью В. П. Астафьева «Подводя итоги», знает, с каким уважением и благодарностью вспоминал потом писатель о нашем Борисе Никандровиче. Хочется особо подчеркнуть: Назаровский первым посоветовал Астафьеву писать не об уральской, а о сибирской жизни, которую начинающий литератор знал гораздо лучше.

А поскольку сферой его деятельности была печать — руководство газетой, а затем редактирование и издание книг, то, надо думать, несладко приходилось иным авторам. Мы можем это почувствовать по эпиграмме на Назаровского 1950-х годов пермского сатирика Афанасия Матросова:

Что сей редактор вам
предложит —
На стенке надо зарубить!
Любого автора он может
Поднять, прославить и убить.¹

В статье Астафьева Назаровский предстает уже ближе к тому, каким его помнит наше поколение. Но, разумеется, не все могли видеть то, что доступно было лишь близким друзьям и знакомым. Поэтому любопытно еще одно свидетельство, на этот раз Лии Лазаревны Соломянской, жены Аркадия Гайдара.

Получив от С. М. Гинца грустное письмо, возможно, с сетованием на то, что не клеится работа, она 11 марта 1964 года (в день рождения Бориса Никандровича) отвечает: «Наверно, тебе всегда нужно присутствие Борички. Он, как интенсификатор, как моторный двигатель: «Давай, давай, Савушка!» И ты включаешься в его ритм. И ты все можешь! Боричка только с виду медлителен. Внутри у него сидит довольно жесткий и беспокойный бес деятельности. Он затухает только тогда, когда ему что-либо становится скучным. Тогда его и домкратом не поднимешь. Но пока Боричке интересно, пока он увлечен — поднимет и закрутит вокруг себя все!»²

Мои первые собственные впечатления о Назаровском относятся к году пятьдесят девятому. И касаются они тоже отношений Бориса Никандровича с талантливыми, творческими людьми. Речь, в частности, о художнике Маргарите Вениаминовне Тарасовой.

Я приехала в Пермь весной 1959-го и, кажется, той же осенью меня выбрали секретарем комсомольской организации, куда, кроме работников газеты «Молодая гвардия», входило несколько сотрудников «Звезды» и книжного издательства. В райкоме сказали, что есть в организации человек, который давно не платит членские взносы и с которым надо бы «разобраться», может быть, и освободиться от него как от балласта. И назвали фамилию Тарасовой. Я никошеньки еще не знала, а ответственный секретарь нашей газеты Борис Брюшинин посоветовал: «Обратись к главному редактору издательства Назаровскому, он дядька умный. Как скажет, так и поступи».

Назаровского я увидела в крохотной комнатухе, где помещались только стол и два стула — для хозяина и посетителя, справа было окно, а слева круглым боком сюда

заходила печь-голландка. И вот возле этой печи стоял и грел руки высокий худой человек с удивительно насмешливым, веселым взглядом. Изящным, другого слова не подберешь, жестом, с неожиданно уважительным полупоклоном он пригласил сесть, сам сел напротив. Узнав, по какому я делу, посерьезнел и сказал примерно следующее: «Я прошу вас не торопиться. Маргарита Вениаминовна молодой талантливый специалист, с приходом ее в издательство совершенно изменился облик наших книг. Она, можно сказать, произвела у нас революцию в оформительском деле. А с взносами недоразумение, я думаю, произошло потому, что у нее родился ребенок и она длительное время жила у родителей во Львове. Теперь приехала. Правда, в настоящее время ее нет в издательстве, но как только она появится, я непременно пришлю ее к вам, а вы обязательно дайте ей поручение. И уверяю вас, Тарасова будет очень хорошей комсомолкой». На том и порешили.

Вспоминаю, что с взносами и в самом деле произошло недоразумение. Они были уплачены еще до моего прихода, просто райкомовский учет оказался неповоротливым. Через несколько дней, действительно, у нас в редакции появилась Рита, присланная Назаровским. Мы тут же привлекли ее к делу: комсомольцам «Молодой гвардии» был поручен выпуск уличной газеты «Не проходи мимо!», так вот Тарасова, будущий заслуженный художник республики и известный человек в городе, рисовала тогда заголовок к этой газете...

К Маргарите Вениаминовне Назаровский, мало сказать, благоволил. По-моему, он ее просто отечески любил, прежде всего потому, что ценил как специалиста. Вообще, его отношение к людям, в первую очередь, зависело от того, как человек умел работать и насколько масштабно мыслил.

М. В. Тарасова вспоминает, как Борис Никандрович пенял директору издательства Л. С. Римской за то, что она слишком «сюсюкает» с художницей. «Вы ее балуете», — говорил Назаровский. Сам же он свое расположение проявлял по-другому. Только убедившись, что она серьезный и заинтересованный специалист, стал поддерживать художественного редактора в ее требованиях к производственному отделу и типографии. Он воспитывал Маргариту Вениаминовну в общественном духе, заставлял выступать с докладами и публикациями, рекомендовал в партию (в разговоре аргументировал необходимость ее вступления так: чем больше в партии будет творческих людей — тем лучше). В последние годы, когда Борис Никандрович был уже на пенсии, но часто приходил в издательство, он оказывал на Маргариту Вениаминовну, да и на всех нас влияние больше в шутливой форме, но так, что его слова заставляли нас подтягиваться.

За начинающими, в частности журналистами «Молодой гвардии», Назаровский следил пристально, с пристрастием. Некоторых выделял и позволял себе хвалить публично. Так, в одном из выступлений, стенограмма которого хранится в архиве, он говорил: «А у нас есть талантливая молодежь. Я не хочу приводить много примеров. Но скажу. Взять такого талантливого журналиста, как Ризов, — у него совершенно своеобразный курс и, надо сказать, что это очень интересный товарищ»³. По-моему, скупостью слов здесь соблюден все тот же «назаровский» принцип: «Хвали, да не перехваливай».

В середине 1960-х годов вышли первые тоненькие книжечки, объединенные серией «Юноше, обдумывающему житье». Все авторы — молодые пермские газетчики и сотрудники радио. С гордостью вспоминаю, что на со-

стоявшемся обсуждении в Доме журналиста наши книжечки одобрил сам Назаровский. Из всех письменных и устных лестных для нас отзывов это была самая ценная похвала.

Прошедший коридоры власти Назаровский знал, что людям иного склада, особенно занимающим руководящие должности, надо объяснять, что такое творчество и что представляют собой те, кто наделен талантом. Не раз и не два на всевозможных собраниях, везде, как только выдавался удобный случай, он говорил об особенностях руководства творческой интеллигенцией.

«У творческих работников,— читаем стенограмму его выступления в 1967 году,— есть одна странная черта — это признание права каждого художника на индивидуальность, на свой подход к действительности, на свое понятие действительности, на свое отражение этой действительности, и в то же время творческий работник бывает нетерпим»⁴.

«Одной только строгостью, одними жесткими требованиями,— продолжал он наставлять власть имущих,— нельзя добиться от писателя хорошего романа или драмы, от художника — хорошей картины, от режиссера и актеров — хорошего спектакля. Действуя только такими средствами, можно получить лишь серые, поверхностно-иллюстративные произведения, которые лишены совершенно необходимого в искусстве «вечно тревожащего демона любви и негодования», говоря словами Герцена». И далее, там же: «...мало запрещать и не допускать, надо еще воодушевлять, поддерживать, пропагандировать. Смею сказать — нет сердца более отзывчивого на заинтересованное внимание, на доброе слово, чем сердце писателя, художника, артиста»⁵.

Напомню, что говорилось все это в 60-е годы, в годы всплеска вольнолюбия в творческих кругах и усиления гонений на «Новый мир», на Твардовского, на художников — участников выставки в Манеже. Кстати, Борис Никандрович посылал Твардовскому письмо к 60-летию, вероятно, с тем, чтобы тот знал, что в провинции есть люди, его поддерживающие. Это письмо было подписано прямо и определенно: «Б. Назаровский, журналист-коммунист»⁶. И он, действительно, был искренним коммунистом, одним из самых лучших, потому что, самообразовываясь, всю жизнь рос и достиг того уровня, который позволял ему мыслить диалектически, глубоко и многомерно.

Неудивительно, что, будучи не поверхностным, а истинным приверженцем коммунистической идеи, он критически оценивал процесс ее осуществления и особенно остро реагировал на несправедливую, как он понимал, политику руководства партии в отношении творческой интеллигенции. При этом вел себя открыто, не раз говорил и писал об этом.

В последние годы жизни Б. Н. Назаровского мучили и более глубокие сомнения, о которых можно только догадываться. Так, в 1969 году он предложил для нашей политехучебы ряд тем, среди которых была такая: «В. И. Ленин и Максим Горький. История дружбы и споров». Доклад по ней готовила я, рвущаяся на части в ту пору между работой, семьей, часто болевшим ребенком и общественными обязанностями. За доклад меня, помнится, похвалили, однако сама я, хоть и увлеклась темой, но многого не додумала и была не удовлетворена. Неудовлетворенным, я чувствовала, остался и Борис Никандрович, но, что-то пробурчав, ничего определенного не сказал. Мысленно много раз я возвращалась к этой теме и отношению к ней Назаров-

ского. Мне кажется, я приблизилась к пониманию того, чего он ждал от нас. Он, думаю, хотел, чтобы с высоты времени, издалека мы бы поняли не только правоту Ленина, но и правоту Горького, его страхи за судьбу мыслящих людей России, его боязнь, что духовные и интеллектуальные достижения нации растворятся в массе бескультурья и невежества.

Полагаю, что во многие головы Назаровский заложил вопросы, над которыми мучился сам, и эти вопросы продолжают беспокоить нас до сих пор.

Но в чем он, безусловно, был убежден, так это в необходимости преемственности разных поколений русской интеллигенции и в необходимости воспитания в человеке общественных интересов. К этим идеям он не раз возвращался в выступлениях на собраниях, в разговорах, письмах. Например, в письме к Савелию Григорьевичу Ходесу, директору Пермского театра оперы и балета, где речь идет о книге по истории театра, Назаровский подчеркивает: «Надо избежать примитивного противопоставления: до Октябрьской революции все плохо, после Октябрьской революции все сразу стало хорошо. ...Ничто хорошее и в далеком прошлом не может быть забыто» ⁷. В выступлении на кустовом партийном собрании он говорил: «Русская интеллигенция прошла большой и тернистый путь. Своими делами на протяжении более чем века она, русская трудовая интеллигенция, доказала неизменную верность интересам народа» ⁸. Для Бориса Никандровича такие утверждения не были шаблонными, пустыми словами. Общественные интересы он и в повседневности ставил намного выше своих личных, был истинным подвижником, крайне непритязательным в быту (кстати, аскетом увидел и изобразил его художник Е. Н. Широков). Можно утверждать, что к себе Назаров-

ский относился куда более жестко, чем к другим, он всегда следовал определенным принципам, а принципы эти были предельно высоки.

Так, он писал (следовательно, и думал): «А ведь только тот поступок морален, который свершается без расчета»⁹. И щедро дарил свои идеи, а нередко свой журналистский и редакторский труд окружающим, ничего не ожидая взамен.

Только что приведенная цитата — из письма к кинорежиссеру, приславшему Борису Никандровичу на отзыв разработку фильма «Серебряные трубы» об Аркадии Гайдаре. В том же письме-ответе Назаровский, кстати, излагает волновавшую его в ту пору мысль: «В учении Льва Николаевича Толстого о непротавлении злу насиллем есть рациональное зерно, о котором когда-нибудь скажут полным голосом. Часто упрощают: Толстой учил непротавлению злу. Какаая ерунда! Он учил различать зло, протавиться ему, звал к этому сопротавлению и сам сопротавлялся, не боясь риска и не щадя себя. Рациональное же зерно заключалось в том, чтобы не опускаться в борьбе до уровня протавника, который морально ниже тебя. Не опускаться даже в порыве боевой страсти, даже терпя от протавника чудовищные несправедливости»¹⁰. Назаровский говорил это, в известной степени, о себе.

И многое еще можно было бы выписывать из литературоведческих рассуждений Бориса Никандровича, соотнесенных каждый раз с действительностью, с раздумьями по поводу нее. Да лучше собрать все эти письма, внутренние рецензии, выступления, статьи и опубликовать, что будет очень интересным чтением. Потому что, во-первых, Назаровский своей личностью полностью оправдывал слова Н. А. Добролюбова: «...в провинциях-то и живут люди, рассуждающие, серьезно интересующиеся наукой и лите-

ратурой, с любовью следящие за современным направлением мысли». А во-вторых, масштаб вопросов, которые его волновали и которыми он жил, и масштаб мышления таковы, что высказывания его не утратили актуальности и сейчас. А кое-что даже лучше понимается теперь, в связи с крутыми переменами в нашей действительности.

Подводя итоги, скажу, что, несмотря на суровость и жесткость раннего и зрелого Назаровского, несколько смягчившегося в последние годы жизни, людей, любивших и по сию пору любящих его, — много. Это объясняется просто: Борис Никандрович в высшей степени талантливо поддерживал и растил в людях самые ценные, самые высокие человеческие качества: умение и желание мыслить самостоятельно, ко всему подходить творчески, различать добро и зло, защищая одно и сопротивляясь другому, поступать высоконравственно, т. е. прежде всего бескорыстно. Люди под его требовательным взглядом старались быть и становились лучше. Несмотря на то что, к стыду нашему, пенсионер Назаровский жил чрезвычайно скудно, если не сказать бедно, фактически не кто иной, как он, был в Перми 1960-х — начала 1970-х годов средоточием, центром общественной и культурной мысли. Это была вершина такой высоты, какой не так часто достигает развитие интеллекта и нравственности.

В заключение снова обратимся к словам самого Бориса Никандровича Назаровского. В том, что он написал однажды Виктору Петровичу Астафьеву и его жене Марии Семеновне, услышим напутствие тем, кого он при жизни одаривал своей дружбой, и тем, кого непременно поддержал бы сейчас, если бы остался с нами: «Всякого вам счастья, хорошие люди! Счастья всем нам! Счастья стране!»¹¹

С Борисом Никандровичем Назаровским я познакомился не случайно, хотя поначалу это были всего лишь «односторонние» эпизодические встречи. Все же я чуточку фаталист. Вероятно, фатальная предопределенность превратила («перекодировала») эти встречи в дальнейшем если не в дружеские, то, бесспорно, в приятельские отношения. Что касается фатальной неизбежности, то она была обусловлена далеко не обыденным сближением интересов. Даже самые первые личностные контакты были продиктованы творческими проблемами. Я сознательно говорю о некоей «предуказанности» наших отношений, так как поздней осенью 1967 года по приглашению директора художественной галереи А. В. Оборина приехал в Пермь, где и встретился с тем, что давно привлекало и интересовало, — с памятниками художественного творчества древних народов Прикамья.

Мои интересы к пермскому звериному стилю были неслучайными. Примерно за год до своего приезда я защитил дипломную работу в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина по теме «Звериный стиль в искусстве скифо-сибирских племен Хакаско-Минусинской котловины». Мне было рекомендовано довести дипломную работу до диссертации. Вполне понятно, что памятники, представленные на выставке в Пермской государственной художественной галерее, не только заинтриговали меня. В них обнаружили глубинные контакты и параллели с художественным творчеством древнейших народов Сибири. Вполне понятно, что пермский

звериный стиль определил тематику посвященной ему диссертации, которую я защитил в Научно-исследовательском институте теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств. Своеобразной прамбулой к ней и даже определенной программой стали сначала встречи, а затем беседы с Борисом Никандровичем, пожалуй, одним из первых в Перми оценившим не только историческую значимость, но, что более существенно, художественно-эстетические достоинства древнейших раритетов. По его инициативе и при его участии в Пермской художественной галерее была открыта программная выставка изобразительного и декоративно-прикладного искусства не только предков коми-пермяков, но и современных художников и мастеров талантливого народа. Она не была фундаментальной, но все же исправила ошибку одного из первых собирателей и хранителей прикамских древностей Н. П. Серебренникова. В свое время, при создании художественной галереи, Николай Николаевич отказался от памятников пермского звериного стиля из-за их «малых художественных и вовсе неэстетических достоинств».

Насколько помню, первыми действиями были устные и письменные обращения Бориса Никандровича к общественности и неоднократные встречи с музейными сотрудниками. Борис Никандрович стал инициатором и активно действующим лицом в создании Пермского камнерезного (впоследствии ювелирно-гранильного) завода, вдохновив на это нелегкое дело опытного инженера-производственника с большим профессиональным стажем И. Э. Залкинда. Трудом и хлопотами И. Э. Залкинда была отремонтирована заброшенная аварийная школа, добыто оборудование, найдены и приняты сотрудники и начат выпуск изделий, посвященных пермскому звериному стилю. Об этом мне подробно

рассказывал Борис Никандрович, и он же познакомил с первым директором и первыми сотрудниками камнерезного завода.

Я до сих пор храню подаренный Борисом Никандровичем машинописный текст с авторскими правками — в нем идет обстоятельный разговор о значении памятников первобытного творчества. Этот текст был подарен, когда наше первичное знакомство в галерее переросло в серьезные творческие встречи и беседы. Первая из них состоялась в «рабочем кабинете» — небольшой проходной комнатке так называемой «хрущевки», по вполне объективной и конкретной причине. Журнал «Урал» предложил Борису Никандровичу написать статью о пермском зверином стиле, но он был вынужден отказаться, так как работал над книгой «Замечательное дело». К тому времени я неоднократно беседовал с ним на встречах в галерее не только о художественной конкретике занимающего меня первобытного творчества. Вероятно, о моих увлечениях рассказала Назаровскому заместитель директора галереи по научной работе Агата Григорьевна Будрина. Она не только опубликовала в газете «Звезда» материалы, посвященные пермскому звериному стилю, но и помогла мне выступить с докладом, затрагивающим этот вариант уральского искусства на конференции Академии художеств СССР. Сообщение появилось затем в специально изданном сборнике.

Свое первое приглашение в гости Борис Никандрович объяснил уже в «домашней» обстановке. Он предложил мне написать в журнал «Урал» требуемую статью. Прежде чем статья была отправлена, ее неоднократно редактировал и корректировал Борис Никандрович. Пришлось почти полностью переработать первый вариант, который по неопытности был написан в возвышенно-мажорных тонах. Тогда

я начал понимать его оценочный критерий: краткость — сестра таланта. К сожалению, я постиг суть этого принципа, но так и не достиг должного уровня. И все же, приступая к очередному сочинению, постоянно вспоминаю рекомендации Бориса Никандровича. И если что-то дельное состоялось в моих немногочисленных публикациях, с благодарностью вспоминаю деликатные и корректные наставления своего первого наставника.

Хорошо помню один разговор. Борис Никандрович рассказывал о своем первом писательском опыте. Я узнал о его работе в газете «Звезда» в 1920-е годы. В беседе вспомнилось имя Аркадия Петровича Гайдара. И Борис Никандрович достал фотографию молодых улыбающихся, озорных сотрудников редакции. На первом плане, зажав в зубах красивую курительную трубку, Аркадий Гайдар, а над ним, в модной шапке-эскимоске, восседает смеющийся Борис Назаровский. Позднее, будучи на очередном семинаре директоров литературных музеев в Нижнем Новгороде, я побывал в Арзамасе, в мемориальном доме-музее А. П. Гайдара, где решил «расширить кругозор» музейщиков, пересказав то малое, что знал о фотографии и ее владельце. Конечно, получился небольшой конфуз, когда сотрудница музея подвела меня к стенду с представленной на ней фотографией и очень подробно поведала и о Гайдаре, и о Борисе Никандровиче.

Однако я уклонился от начатого рассказа. Мы говорили с Назаровским о литературе и ее взаимосвязях с изобразительным творчеством. Пришли к единому мнению, что визуальная и вербальная информации не просто дополняют друг друга. В какой-то степени это вполне самостоятельные взаимодействующие «тексты». Наверное, проверяя мои оценочные критерии, Борис Никандрович спросил, какие

гайдаровские произведения меня особенно привлекли. Узнав, что «Голубая чашка», с лукавинкой поинтересовался, знаю ли я, кто ее редактировал? И с торжественной улыбкой назвал имя Самуила Маршака. Я вспоминаю об этом, несколько не стремясь к переоценке творческой самобытности А. П. Гайдара. По-моему, надо достойно оценивать своих учителей и наставников.

Разумеется, не только А. Гайдар был предметом наших разговоров. Борис Никандрович вводил меня в круг местных проблем и, конечно, в область своих профессионально-творческих интересов. Не скажу, что он преследовал цель просветить или «перевоспитать» меня. Это были обыденные беседы, скорее вопросы и ответы весьма заинтересованных собеседников, нащупывающих точки соприкосновения и взаимодействия творческих проблем. У меня было больше вопросов. Из-за неоднократных житейских перемен я был если и не бомжем, то уж точно перекасти полем. Вполне естественными для моего собеседника были вопросы, откуда прибыл и кто я «есмь». Узнав, что сибиряк, Борис Никандрович спросил, знаю ли я своего земляка. Пожалуй, тогда я впервые услышал имя писателя В. П. Астафьева, больше известного в то время пермским читателям, и узнал некоторые подробности его творческой биографии.

От Б. Н. Назаровского я узнал о Вологде, в которой тогда жил и трудился Виктор Петрович. И о том, кто и за что устроил травлю, вынудившую писателя покинуть обжитые пермские места. К сожалению, мне так и не удалось встретиться с прославленным земляком, хотя я стал его соавтором в одном из каталогов-буклетов, посвященном нашему общему другу художнику Алексею Мотовилову. Узнав о землячестве с В. П. Астафьевым, я не без наивной гордости упомянул других известных земляков: про-

славленного художника В. И. Сурикова, И. М. Смоктуновского и М. А. Ладынину, уроженку села, которое осталось для меня малой родиной. К сожалению, мои личные встречи с двумя знаменитыми земляками: И. М. Смоктуновским и М. А. Ладыниной — состоялись уже после расставания с Борисом Никандровичем. Однако в моей памяти осталась фраза, оценивающая наше взаимное притяжение. Когда я сказал, что родом из села Назарово, он тут же изрек каламбур: «Я — Назаровский, вы — назаровский»!

В моей памяти сохранилась и печальная последняя встреча — прощание с Борисом Никандровичем.

Не помню, кто из японских поэтов сказал: «Что говорить о печалях? Разве их все перескажешь!» И потому, памятуя это наизидание, вспоминаю и говорю только о беспечальных, радостных и вдохновляющих встречах с Б. Н. Назаровским, моим душевным и духовным наставником, моим творческим земляком.

В. М. ШИРИНКИН

ПО ДОЛГУ ДРУЖБЫ И ТОВАРИЩЕСТВА

Б. Н. Назаровский и А. П. Гайдар

О том, что в Перми жили ровесники Гайдара, работавшие вместе с ним в редакции газеты «Звезда», — С. М. Гинц и Б. Н. Назаровский, я узнал в дни подготовки к 60-летию со дня рождения писателя. Заведую в редакции газеты «Молодая гвардия» отделом учащейся молодежи, я был озабочен тем, как интереснее рассказать о тимуровском движении в области. Основные материалы газеты за 22 января 1964 года организовывала заведующая отделом пропаганды Альмира Сычева (Зебзеева).

Благодаря деятельному участию Б. Н. Назаровского, номер получился содержательным и интересным. Борис Никандрович предоставил редакции несколько редких фотографий, познакомил с первой женой Гайдара Л. Л. Соломянской. Ее воспоминания о гайдаровской молодости, о его жизни в Перми хорошо дополняли статья С. М. Гинца «В начале большого пути» и воспоминания полковника Орлова, которого судьба свела с Гайдаром в дни кровопролитных боев за Киев летом 1941 года.

Назаровский, упомянутый в газете только в связи с предоставлением фотографий, остался в тени, на втором плане. И это, как я потом убедился, работая с материалами его архивного фонда, было не случайно, а вытекало из его принципиальной позиции. Красноречиво свидетельствуют об этом строки из его письма Л. Л. Соломянской: «Почему все время, когда речь идет о Гайдаре, должны мы вертеться на первом плане в качестве единственных соратников, наследников, правопреемников или что-то в этом роде. Мы (имеется в виду также С. М. Гинц) вовсе этого не добиваемся и даже несколько обременены и чувствуем себя неудобно. В масштабах Перми у нас собственной славы хватает»¹.

Через год после гайдаровского 60-летия в Пермском книжном издательстве вышла из печати книга «Аркадий Гайдар на Урале». Мне довелось тогда ближе познакомиться с одним из ее авторов — Борисом Никандровичем Назаровским. Произошло это в одном из крымских санаториев, куда он приехал поправить свое здоровье, отдохнуть от напряженных трудов над книгой. Он еще не остыл от работы над ней, и гайдаровская тема была едва ли не постоянной в наших ежевечерних прогулках у моря, в санаторном парке. Приближалось 25-летие со дня гибели Гайдара, в Перми намечился вечер его памяти, и Назаровский, размыш-

ляя о судьбе своего старого товарища, делился мыслями о том, каким должно быть его слово о Гайдаре на этом вечере. Позже я попытался записать в своем блокноте это его выступление и потому смысл сказанного могу передать достаточно точно: Гайдар погиб как солдат, защищая своих товарищей, свою родину. Печально короткой была его военная тропа. Путь его замкнулся по кругу: он воевал и погиб в тех же местах, где воевал смолodu. Он был многогранным, сложным человеком, в его биографии, в его личности переплелись, казалось бы, непримиримые противоположности: добро и зло, оптимизм и нравственные мучения. Школа Гайдара — школа жизни целого поколения. На его книгах выросла молодежь, выстоявшая в Великую Отечественную войну.

Изучая книгу «Аркадий Гайдар на Урале», документы личного архивного фонда Назаровского, в котором только с материалами гайдаровской темы выделено более десяти дел, неизбежно приходишь к выводу о том, что Борис Никандрович считал своим нравственным долгом восполнить пробел в биографии писателя, касающийся «пермского периода» его жизни. Мне думается, что приведенный выше отрывок из его письма к Л. Л. Соломянской не отражает подлинного отношения Назаровского к изучению и пропаганде творчества Гайдара, и, возможно, в письме прорвалось лишь накопившееся напряжение, вызванное бесчисленными просьбами редакций газет и телевидения, пионеров и школьников выступить по юбилейному поводу. То, что он делал, красноречиво свидетельствует: всегда, а в последние годы жизни особенно, он отдавал много душевных сил воссозданию подлинного, правдивого облика молодого Гайдара, анализу его журналистского творчества в пермских газетах.

Не сразу и не вдруг и не только по юбилейному поводу решились старые товарищи Гайдара приступить к работе. Им порой казалось, что они плохо помнят подробности редакционной жизни той поры, что о Гайдаре в памяти сохранились лишь несущественные детали, непригодные для печати. Пришло решение детально изучить архивные материалы, связаться с иногородними «звездинцами», тоже работавшими с Гайдаром.

Возникшая идея создать о Гайдаре книгу постоянно подогревалась заинтересованным дружеским «давлением» Солянской. Она горячо, убедительно внушала пермским товарищам Гайдара и особенно Назаровскому уверенность в успешном исходе дела, а потом стала внимательным рецензентом рукописей будущей книги, которые ей посылали авторы. На сколько трудных вопросов Назаровского пришлось ей отвечать!

Работа захватила Б. Н. Назаровского настолько, что он убежденно пишет Г. Н. Плеско в конце 1963 года: «Мне кажется, что я способен сказать о Гайдаре «нужное слово...»² А в письме к старому «звездинцу» Г. Ляхину Борис Никандрович, ярко выражая свою нравственную обязанность, взывает к чувству долга своего давнего знакомого: «Гайдар был хорошим парнем, несмотря на некоторую неустойчивость его характера. И он прожил хорошую жизнь. И как герой ее закончил. И мы, товарищи Гайдара, обязаны сказать о нем все, что знаем, пока еще не все перемерели. Вот я и взываю к вашему чувству долга»³. Подобных писем старым «звездинцам» было направлено несколько, но, к сожалению, помочь чем-либо Назаровскому ни один из них, кроме Г. Н. Плеско, оказался не в состоянии.

«Нам хочется написать так, чтобы вопрос о пермском периоде жизни Гайдара был исчерпан, и ни один из иссле-

дователей его жизни и творчества не мог бы никогда обходиться без этой книжки»⁴, — писал Б. Н. Назаровский в разгар работы над рукописью. И это его желание, поддержанное реальной помощью Л. Л. Соломянской, сестрой писателя Н. П. Поляковой и другими, а главное, собственным подвижническим трудом, исполнилось.

Во вступительных словах книги Б. Н. Назаровский писал, что это попытка охарактеризовать жизнь Аркадия Гайдара на Урале в 1925—1927 годах, его работу в газетах «Звезда» и «Уральский рабочий», заглянуть в процесс превращения бойца и командира в писателя Аркадия Гайдара⁵.

Попытка удалась блестяще. Впечатляют собранные вместе в архивном деле отзывы на эту книгу.

Приведем сначала отклик «Литературной газеты» о том, что авторы продолжают традицию серьезного, вдумчивого изучения человеческой и творческой биографии Гайдара.

Автор публикации «Новое о Гайдаре» В. Железников констатировал, что книга «заполняет пустую клетку в биографии писателя»⁶.

Эмоционально откликнулась на выход ее первого издания Л. Л. Соломянская: «Мои милые, очень хорошие люди, поздравляю вас! Сделать такую книгу — это подвиг!»⁷ Лия Лазаревна более чем кто-либо из окружения Назаровского знала, насколько тяжелый труд он принял на себя.

В папке архивного дела сохранены рецензии газет, письма читателей, писателей, литературоведов, близких гайдаровской теме. По-разному выражено единое мнение: книга удалась. Так, крупнейший советский писатель Константин Федин, знавший еще «допермского» Голикова, мечтавшего стать писателем, писал Назаровскому: «Хорошо написанная, она — на мой взгляд — дает живой и верный портрет Гайдара... Именно невыдуманность вашего рассказа там,

где история прихотливой жизни Гайдара соблазняет лично не знавших его писать турусы на колесах, невымысленность делает ваш рассказ увлекательно-красочным. Кроме портрета вы дали верную и очень интересную картину газетно-редакционного быта молодой нашей печати 20-х годов»⁸.

Сестра писателя Н. П. Полякова признается в письме Б. Н. Назаровскому: «По-настоящему хороших книг о Гайдаре я теперь знаю только две: В. Смирновой «Аркадий Гайдар» и вашу...»

Книга «Аркадий Гайдар на Урале» разошлась мгновенно. Изданная, как остроумно заметила ленинградский литературовед Е. Путилова, «гомеопатическим тиражом» (3 тысячи экземпляров), она сразу стала раритетом. География писем — от Спасска-Дальнего Приморского края до Оленегорска Мурманской области. Алма-Ата, Москва, Чимкент и Николаев на Украине — вся страна. Уже через год авторы вынуждены были обосновывать свою заявку на ее переиздание: «Со всех концов страны мы получаем просьбы прислать книгу со ссылкой, что книготорг не удовлетворяет требованиям на нее... Мы разослали примерно 120 экземпляров, но исчерпали свои запасы и вынуждены отвечать отказом...»⁹

Второе издание, дополненное новыми материалами, тиражом уже десять тысяч экземпляров, вышло в 1968 году.

В этом же году Б. Н. Назаровский вместе с С. М. Гинцем сделали еще одну крупную работу о Гайдаре: по заказу пермского телевидения написали сценарий телефильма «Ал-лор два креста», который был впервые показан в январе 1969 года. Режиссер Л. Кощеников удачно воплотил замысел сценаристов: дать в игровом фильме творческий портрет молодого журналиста Аркадия Гайдара. Сами они выс-

тупили в фильме как рассказчики и комментаторы в кадре. Показали фильм и на вечере в Доме журналиста, посвященном 65-летию со дня рождения А. П. Гайдара.

С выходом второго издания книги и телефильма и без того известные литературные редакторы Б. Назаровский и С. Гинц приобретают широчайшую популярность среди юношества, пионеров-тимуровцев. Приглашения на встречи и сборы присылали почтой из многих школ. Свою позицию по отношению к таким выступлениям Б. Н. Назаровский выражал еще раньше. Первое упоминание о его публичном выступлении о Гайдаре относится к 1951 году, когда отмечалось десятилетие со дня гибели писателя. Сохранился рукописный конспект выступления «Писатель Гайдар в Перми». Правда, трудно теперь установить, где оно состоялось. А тогда, в 1960-х годах, Б. Н. Назаровский писал в одном из писем московским друзьям, что в определенных аудиториях — студенческих, школьных — выступать не отказывался, и это вызывает удовлетворение, хороший душевный настрой.

Вот живая картина, пронично нарисованная самим Назаровским в письме Л. Л. Соломянской в октябре 1963 года: «Мучают меня здесь ребята с Гайдаром, и предвижу страшные мучения по поводу 60-летия. Страшно трудно отказываться идти к ним... Но когда являются девушки 13—14 лет, взволнованные, да еще с Висима — старого мотовилихинского поселка... Ну как откажешь? Поехал я к ним на такси. Машина не взяла гололед в гору. Пер с ними добрых два километра в гору, да потом так же под гору. В конечном счете самому приятно, но радикулит обострился»¹⁰.

Трудно сказать, сколько было таких встреч с молодежью; лишь о некоторых упоминалось в печати, например о торжественном сборе пионеров пермской школы № 115 в Доме журналиста.

Особенностью публичных выступлений Б. Н. Назаровского о Гайдаре, как и в книге, была острая полемичность. Как и сестра писателя Н. П. Полякова, он постоянно боролся против домыслов и вымыслов, проникавших в печать. Сам он подал пример скрупулезного, документально точного подхода к жизнеописанию и анализу творчества своего старого товарища.

Нельзя не отметить стремление Назаровского выйти с гайдаровской темой за пределы Пермской области, о чем свидетельствует приуроченная к 20-летию со дня гибели Гайдара публикация в журнале «Уральский следопыт» малоизвестного рассказа Гайдара «Пути-дороги» с его комментариями. Этот же рассказ был опубликован им в газете «Литературная Россия», а в «Советской России» — статья «Писатель-боец».

В феврале 1972 года на квартиру Назаровского в Перми принесли письмо от московской школьницы Оли Жуковой. Она, как и многие ее ровесники, просила прислать «самую правдивую книгу» о Гайдаре, которую, она слышала, написал Борис Никандрович. Но он уже не смог выполнить ее просьбу: 11 марта Назаровский скончался в подмосковном санатории.

Свой нравственный долг по отношению к своему старому товарищу он выполнил, написанные им о Гайдаре страницы — одни из лучших в обширной литературе о писателе.

Назаровский был моложе Гайдара всего на два месяца. Оба они вошли в историю культуры XX века: Гайдар — как один из основоположников советской детской литературы, Назаровский — как разносторонний знаток и исследователь истории и экономики Урала, редактор и автор талантливых книг.

ВСТРЕЧИ,
КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

Вспоминать минувшее — это листать страницы своей жизни, воскрешать события и встречи с людьми. Они, как верстовые столбы, отмечают отрезки на моем пути. Их было много у меня: и счастливых, и горьких. К числу знаменательных событий отношу знакомство с Борисом Никандровичем Назаровским.

В 1959 году я окончил среднюю школу и готовился к поступлению в Омское военно-инженерное училище имени Д. М. Карбышева. Но медицинская комиссия в Омске отправила меня обратно, и я остался не у дел: прием в госуниверситет и ремесленные училища закончился, и я, ожидая у моря погоды, ходил в больницу на процедуры.

Однажды осенью, наверное, это было в конце сентября или в октябре, я прочитал объявление в газете «Молодая гвардия» о приеме в школу юных корреспондентов, юнкоров. В своей Юговской школе я активно занимался общественной работой, в том числе и выпуском стенгазеты. Много писал. Прочитав объявление, решил поступить в школу юнкоров.

Через месяц начались занятия в редакции, которая располагалась в здании на ул. Карла Маркса (сейчас — Сибирская). Занятия проходили по вечерам, раз в неделю. Было очень интересно. Аудитория бурлила, обсуждая предложенные ей темы. Мы выполняли какие-то поручения редакции и были горды оказанным доверием.

Занятия вели известные, авторитетные журналисты Перми. Каждый из них заложил частицу своих знаний в мою

память, но я намерен рассказать об одном из них — о Борисе Никандровиче Назаровском. Он поразил нас всех и ростом, и внешностью. В нем было что-то мистическое — от Дон Кихота или Мефистофеля. Бывая в магазине «Мысль», я часто встречал здесь эту высокую фигуру. Но откуда я знал, что это и есть Назаровский! И вот эта легендарная личность стоит перед нами! Не знаю, как другие, а я оцепенел от неожиданной радости: как? с нами будет заниматься тот самый Назаровский, который у всех на слуху?!

Наверное, излишне говорить, что он сразу поразил нас своей интеллигентностью, эрудицией, образованностью, четким изложением мыслей, аргументированностью выводов. И если с другими журналистами мы вступали в спор, то в отношении Бориса Никандровича ни у кого не возникало такой мысли — настолько сказанное им было совершенно. Все произнесенное Борисом Никандровичем рождало только одно желание: узнать еще больше и быстрее.

С тех пор минуло более сорока лет. К сожалению, записи, что я вел во время занятий в школе юнкоров, не сохранились. Запомнилось одно из занятий по теме «Очерк», что проводил Борис Никандрович. Он отметил, что, несмотря на многовековое существование этого жанра, до сих пор не утихают споры о том, каким быть очерку: должен ли автор строго придерживаться фактов или может отступить от них? Нас поразило признание Бориса Никандровича: «Я не знаю. Есть примеры, опровергающие и то, и другое. Истина лежит где-то посередине».

В последующие годы я изредка встречался с Борисом Никандровичем в Доме журналистов, но эти встречи ограничивались только приветствиями. Правда, в 1971 году вновь выпал случай пообщаться, даже сотрудничать с ним. Я как инструктор отдела пропаганды и агитации Пермского гор-

кома КПСС готовил вопрос о работе редакции газеты «Вечерняя Пермь» на заседание бюро горкома партии. В состав бригады по подготовке этого вопроса я пригласил и Бориса Никандровича, который охотно согласился. Спустя какое-то время он представил мне анализ публикаций в газете по вопросам культуры, литературы, искусства: потрясающий документ по глубине анализа, широте охвата проблем, меткости наблюдений и изяществу изложения.

23 апреля состоялось заседание бюро горкома партии. Я выступил с сообщением, положив в его основу материалы представленных мне справок и прежде всего справки Бориса Никандровича, выгодно отличавшейся от многих других. Я сильно нервничал, и не столько потому, что это был мой «дебют» на бюро, а потому, что в его заседании участвовал Б. Н. Назаровский. Если мысли авторов других справок я смог передать по-своему, «сдобрив» их своими наблюдениями, то переделать на свой лад мысли Назаровского было невозможно. Я не выдержал такого напряжения и пригласил его к себе: «Борис Никандрович, хочу посоветоваться с вами. Я многое взял из вашей справки для своего выступления, может быть, посмотрите, что я могу оставить, а что возьмете вы для себя, — вам ведь тоже придется говорить».

— Вы не волнуйтесь. Я только рад, что материал не пошел в корзину, а мне есть что еще сказать...

А. Л. ПЕТУХОВ

«МЫ ЖЕ В РОССИИ СКРОМНЫ...»

Борис Никандрович Назаровский — герой не моего романа, хотя работать в Перми журналистом и ничего не знать о Назаровском было бы странным. Но чем больше вдумыва-

ешься в его жизнь, тем больше расходится ее восприятие с отношением к Назаровскому близко знавших его людей. Процесс этот очень даже естественный, и сами мифы об ушедших чаще всего вполне безобидны, они уже не «хватают» живых. Но милые любящему сердцу детали не должны исказить общественное значение личности для остальных.

Борис Никандрович Назаровский, вполне ортодоксальный коммунист-пропагандист, пришел к коммунизму не мальчиком с фабричной заставы, уязвленным социальной несправедливостью. Он «врос» в систему сначала через отношения с соучениками, которые (цитирую) «были лучше, веселее и умнее», а потом через образование, работу в библиотеках и печати.

Несмотря на ненавязчивость социализации, Назаровский всегда должен был помнить о своей социальной «неполноценности», быть интеллектуально изощренным и исключительно скромным. Первое качество, несомненно, сыграло свою роль в период непрекращающихся чисток, а второе в потрясающей щепетильности было способно переходить в свою противоположность. Достаточно вспомнить публичную отповедь краеведу А. К. Шарцу, который, с извинительной для ветеранов склонностью к романтизации, обрядил Назаровского в буденовку и сделал организатором сбора книг в освобожденной Перми. Столь мелкий при тогдашнем тотальном «приукрашивании» истории случай позволил публично унижить краеведа и подчеркнуть — судя по всему, с некоторым запозданием — беспримерную скромность нашего героя.

Почти все, кто знал Назаровского, отмечали его острый интеллект, ироничность которого, а то и прямая язвительность, проявились во всем блеске в более безопасные времена. Его «Письмо товарищам, любящим наш край» — во-

обще пародия на письма Ленина съезду партии. Характерен сам тон письма, автор которого, будучи отгеснен от повседневного принятия решений, принародно выговаривает руководителям области за нераспорядительность и отсутствие полета мысли и при этом прекрасно понимает, как такие решения в плановой системе принимаются. К тому же ему еще достаточно было собственного влияния, чтобы дать делу ход... Человек, умеющий читать не только то, что написано, но и о чем хотелось написать, да не может, увидит в этой выходке глубокую драму личной нереализованности.

Явление того же ряда — борьба за «правильный» год основания Перми. Один только пафос этой борьбы позволяет догадываться о вненаучной ее составляющей. В самом деле, уточнение возраста, скажем, Казани на несколько сотен лет, при исторически сложных ее отношениях с Москвой, не вызвало такого накала страстей.

Понятно, что в насквозь статусной системе СССР одинаковый возраст Перми и Свердловска позволял сдерживать соседские амбиции в борьбе за плановое распределение ресурсов. Скажите же об этом со всей коммунистической принципиальностью! Нет, крайним оказался профессор Ф. С. Горовой. В вину профессору Назаровский ставил то, что Горовой отсчитывал возраст города от указа императрицы, а это чуждо классовому подходу. Стоит напомнить, что к тому времени почти тридцать лет общественному сознанию всей мощью пропаганды внушалась идея общенародного государства, устарелости прямолинейного классового подхода. Кому как не редактору областной партийной газеты, директору издательства об этом знать! И он прекрасно знал, иначе просто не выжил бы в качестве одного из руководителей пропагандистского комплекса.

Но какова ирония: пожертвовать достижением мысли своей партии, предметом ее гордости в целях защиты от притязаний императрицы.

Как Борис Никандрович Назаровский подводил баланс своей необычной жизни, был ли «стопудово» уверен в своей правоте или прикрывал знаменитой иронией разочарование? В сущности, это уже и не важно. Важно другое. Своими последними, столь прогремевшими делами он показал, что теоретические дефиниции, в которых запуталась партия, стали терять свое значение. Не строгость идеи, а качество повседневной, будничной жизни стало императивом сознания даже таких ортодоксов, как Назаровский. Проживи он еще, не он ли бы первым в Перми озвучил: «Больше социализма!»

Аккуратно вписавшись своей сознательной жизнью между революцией и перестройкой, Борис Никандрович ее логикой подтвердил: распад социализма по-советски неслучаен.

В. Ф. ГЛАДЫШЕВ

ЧЕЛОВЕК СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Назаровский был, безусловно, яркой личностью. Его с полным правом можно причислить к видным представителям думающего класса советской интеллигенции. Но с неременной оговоркой: своего времени.

Да, именно так: Борис Никандрович Назаровский — человек своего времени, плоть от плоти. К такому выводу невольно приходишь, когда знакомишься с его трудами, как опубликованными, так и хранящимися в архивах, когда листаешь подборки пожелтевших газетных и журнальных публикаций.

Природа одарила его щедро. Ему были присущи широкая образованность, целеустремленность — все это выделяло Назаровского в среде пермской интеллигенции. Он умел видеть дальше многих — но не настолько, чтобы быть пророком...

Занимая ведущие посты в газетной, издательской сфере, Назаровский не только «озвучивал» (хотя часто занимался и этим), но и формулировал партийную политику в отношении «инженеров человеческих душ» (писателей).

Наученный горьким опытом выживания под прессом «века-волкодава», Назаровский вполне сознавал цену ошибки на идеологическом фронте. Он был способен лавировать, перестраиваться, приспосабливаться. Чтобы понять это, достаточно познакомиться с его основополагающими работами, написанными «до» и «после»: до разоблачения культа личности и после этого события. Прежде всего для нас имеют значение обзор местной литературы за 1951 год «К итогам литературного года»¹, работа «О культе личности», написанная вскоре после XX съезда партии, и ряд других.

В преамбуле своего трактата 1951 года автор делает примечательный реверанс: «Я не могу раскрыть все богатство всех фактов, говорящих о руководстве партией литературной деятельностью, об отеческой заботе тов. Сталина...» И это после того, как он на семи (!) страницах машинописного текста рассказывал несчастным литераторам о «плодотворности указаний партии» и о том, как надо отмечать 5-летнюю годовщину со дня опубликования исторического для советской литературы постановления ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Не забыл докладчик расписать и важность комментариев к упомянутому постановлению тов. Жданова, а также доклада тов. Берии по случаю 34-й годовщины революции.

1951 год — это пик борьбы с космополитизмом, «преклонением перед иностранщиной». Назаровский много внимания уделял поискам рецидивов антипатриотических взглядов в литературной критике. Вслед за газетой «Правда» он еще и еще раз бьет по «не разоружившимся до конца космополитам, которые... пытаются оторвать советских писателей от великого наследия русских классиков, принизить достижения советской литературы».

Все эти заклинания можно понять и объяснить лишь в контексте времени: без подобного расшаркивания тогда было не выжить.

Но вот дальше... Дальше начинается самое что ни на есть измывательство над душой творца. Призвав покончить с либеральным отношением к буржуазному национализму и безыдейности, докладчик переходит к ситуации в местной литературе. Кстати, пропесочивать местных литераторов было кому и раньше. Летом 1951 года, например, Молотовский обком «подверг большевистской критике» работу издательства и писательской организации. Сначала это произошло на собрании городской интеллигенции, затем — на партактиве.

В послевоенный период книг вроде бы стали выпускать больше. И произведений печатается немало. Появились новые имена. Но не все ладно в литературном мире Прикамья. Назаровский требует «повышать художественный уровень», разрабатывать темы созидания, борьбы за мир, «выступать против американо-английских поджигателей войны, против их растленной идеологии».

Пресловутых космополитов самый подкованный в области докладчик разбивает, что называется, по пунктам. (По иронии судьбы, первый сборник материалов о Б. Н. Назаровском, выпущенный в 1993 году, вышел под названием

«Гражданин Перми». Как известно, именно так один наш знаменитый космополит — И. Бродский — назвал другого знаменитого космополита — С. Дягилева.)

Во-первых, Назаровский убеждает, что наши произведения должны отличаться «большей населенностью персонажей», поскольку коллективный труд — главная ценность. Но это не означает, что не должно быть гармоничного образа. Ведь есть же в советской литературе яркие герои (Олег Коневой и другие).

Во-вторых, Назаровский отвергает мнение буржуазных писателей (А. Жида, О. Хаксли, Д. Пристли) о том, что якобы герой только тогда будет ярким, когда у него в наличии — раздвоенность сознания.

Но дело не только в буржуазных писателях. Оказывается, ошибочную позицию занимает и кое-кто из наших литераторов. Например, Вера Панова в статье «Несколько мыслей о технологии нашего мастерства» решительно обрушилась (наплась отважная женщина!) на критиков и редакторов, которые требуют, чтобы положительный герой был человеком «абсолютно гармоничным». Вера Федоровна в этой примечательной статье, по мнению Назаровского, «вольно или невольно блокируется с теми, кто считает, что только человек негармоничный может быть интересен». Между тем, она «обходит неоспоримый факт развития советской литературы, что главными героями нашей литературы являются люди гармоничные». (Как, однако, бывает занудлив и неинтересен этот докладчик!)

Но далее прозвучало высказывание, явно заставившее слушателей если не вздрогнуть, то внутренне напрячься. А кто-то, возможно, украдкой вытер холодный пот со лба. Снисходительно погладив В. Ф. Панову, которая все же «высказала в этой статье много правильных положений»,

Назаровский выстрелил, как из пушки, следующей угрожающей фразой: «Об этом споре важно напомнить потому, что сторонники указанной космополитической теории не разоружились до сих пор». Напомним: людей с ярлыком «космополит» в ту пору исключали из партии, изгоняли с работы, отправляли за решетку.

Опытный докладчик, Назаровский решил дать аудиторией передохнуть. Он бросает в зал ряд положительных примеров. По сути же, его положительный заряд — пресловутая теория бесконфликтности. Проще говоря, это когда в произведении идет борьба не «плохого с хорошим», а «хорошего с еще более хорошим». Иначе в советской литературе быть не могло.

Например, в большой повести Ивана Реутова «На Урал-реке» замысел, отмечает тов. Назаровский, «отвечает указанию тов. Сталина, сделанному в письме Д. Бедному». О чем указание? О том, что «революционное прошлое России, ее героического рабочего класса служит воспитанию чувства национальной гордости, которая способна творить чудеса».

На этом фоне просто зубодробительной критике подверг Назаровский новые произведения А. Спешилова, в частности его повесть «В колхозе «Зарево». У этого автора «люди остались бледными», потому что он «не раскрыл руководящей роли партийной организации в сплочении колхозников для помощи фронту», «совсем не разработал образ секретаря райкома», «не показал борьбы, которая происходит в деревне против частнособственнической тенденции». К тому же писатель «непродуманно пользуется провинциализмами». В этом месте мне подумалось, грешным делом: а может, не так плохо и написана спешиловская повесть с таким плохим названием? Да ведь и назва-

ние-то такое — «В колхозе «Зарево» — автору присоветовали в издательстве².

Другой увесистый тезис, который развивает Назаровский, — опасность национализма. И делается это на примере коми-пермяцких поэтов. Вот цитата из стихотворения поэта-фронтовика Николая Попова «Домой»:

Все ближе, ближе Коми край,
Места мне эти так знакомы.
Что бьешься сердце? Не страдай!
Теперь мы скоро будем дома.

(Сборник «Мича асыв» — «Ясное утро»)

Критику «непонятно, почему... герой, возвращающийся с войны, чувствует себя дома только около Ракшино (село на границе Карагайского района и Коми-Пермяцкого округа. — *В. Г.*), а не в Советской стране вообще» (!).

Как говорится, все это было бы смешно, когда бы не было так... опасно. Ведь прошло всего-то около десяти лет после того, как в Коми-Пермяцком округе «выкосили» цвет коми-пермяцкой интеллигенции — и именно за излишнее воспевание своей малой родины, за «националистические извращения». Правда, Назаровский счел нужным отметить, что Попов «не ограничивается этим, он идет дальше, к Родине, к Сталину». А процитированные строки поэта предлагает считать «просто оговоркой».

Докладчика надо было слушать, но услышанное воспринимать «от обратного». Так вот и впитывалась в кровь интеллигента привычка не верить сказанному с высоких трибун и напечатанному в газетах, эта знаменитая советская культура чтения между строк.

Предвижу возмущение из рядов нашего уважаемого ветеранского корпуса: «Ну, уж это слишком, это ты загнул...»

Ничего не слишком. Посмотрим, кого счел нужным похвалить критик Назаровский, кого ставит в пример, и, главное, за что.

Отрадным явлением он считает приход в литературу писателей, знающих производство. Отметив, что они «чаще еще инженеры, чем инженеры человеческих душ», критик, однако, одобрительно отзывается о произведениях Б. Фрадкина («Ответственный представитель»), который «может с увлечением, захватывающим читателя (?), рассказывать, какие проблемы встают при конструировании втулки шатуна». И когда Назаровский говорит о том, что Фрадкину «пружиной для острого сюжета послужили особенности конструкции маслосистемы координатно-расточного автомата», тут уже не понять, где критик шутит, а где серьезен. Но ясно, что воспринимать похвалу нужно опять-таки по принципу «от обратного», то есть, все наоборот. Но тогда и в критикующей части — нам надо поступать так же?

Не исключено, что и так. Посудите сами. Молодого писателя Л. Давыдычева Назаровский публично «раздраковал» за то, что тот «пишет на малозначительные, неоднократно пережитые темы». А в пример приводит сюжет рассказа Давыдычева «Ткань жизни» — об ослепшем человеке, который находит силу воли и поддержку коллектива для того, чтобы не сдаться перед несчастьем.

Ловлю себя на мысли, что такому критику уже не веришь и в других выкладках и выпадах. Олег Селянкин «занимается пустячками»? Нет, думаю про себя, наверное, в чем-то эти «пустячки» интересны, писатель искал себя, искал новые темы и выразительную технику писания.

Или возьмем того же А. Спешилова, который, похоже, стал для Назаровского излюбленной мишенью, каким-то точильным станком. Критикуя молотовских писателей за

то, что они «не индивидуализируют язык персонажей, не обращают внимания на интонационно-синтаксическую организацию речи», докладчик удивляется: «Откуда-то залетело к Спешилову неправильное убеждение, что нужно писать обязательно короткой фразой!.. И это ведь не потому, что Спешиллов не может и не умеет писать. Он обладает даром поэтической речи, я помню его и как поэта».

Налицо — вкусовщина, странное для Назаровского, не характерное для него (во всяком случае, в поздний период жизни) стремление подогнать неординарных под одну колюдку. А вдруг в пермской глубинке нарождался свой Хемингуэй? Пройдет не так уж много времени, и автор книг «Прощай, оружие!» и «По ком звонит колокол» станет модным, стиль «Хема», писавшего короткими рублеными фразами, будет популярен настолько, что породит массу подражателей. Обидно за уральского писателя-самородка, который упрямо искал свой почерк.

Читая творения Назаровского (подобные этому литературному обзору), я, признаться, иногда останавливался в недоумении, возвращался к первому листку: да он ли это, Борис Никандрович ли это пишет? Так получилось, что с творческим наследием Б. Н. Назаровского автор этих строк познакомился уже после его смерти (не считая, конечно, книги о Гайдаре). Внимание мое привлекли, прежде всего, труды позднего Назаровского по краеведению, его исторические изыскания, которыми он вплотную занялся, выйдя на пенсию. К этим работам нельзя относиться без уважения.

Но это же два разных человека! Назаровский до смерти Сталина — и после. Два Назаровских...

Впрочем, характер и эрудиция проглядывают и в его довоенных газетных публикациях, и в послевоенных сочи-

нениях. Представьте себе: Назаровский даже осмеливается цитировать Евангелие! (Позже он не раз будет прибегать к Вечной книге.) Правда, с иронической подоплекой: например, он советовал редколлегии альманаха «Прикамье» в качестве эпиграфа взять цитату из Евангелия от Матфея, стих 19 главы 19 «Люби ближнего своего как самого себя». Это по поводу рассказа Льва Давыдычева «Счастье Семена Горового», опубликованного в шестнадцатом номере альманаха. Суть рассказа в том, что главный герой помогает роженице и от своего поступка он испытывает счастье, не видя в этом ничего особенного. Он просто привык помогать людям. Но критик узрел в этом «ложный рецепт счастья, уводящий нас в далекое прошлое».

«Мы не против моральной проповеди, — доказывает Назаровский. — Тов. Жданов говорил: «Наша литература имеет право на то, чтобы учить других новой общественной морали». Но мораль рассказа Давыдычева порочна! Это не наша мораль. В старом обществе люди были разобщены, там был бы понятен и в чем-то оправдан Горовой... В нашем обществе в труде на благо коллектива — основной источник счастья...»

Тут уже ничего ни убавить ни прибавить, как говорится. И понятнее становится причина того, что в середине века (так, кстати, называется книга Владимира Луговского, написанная в те годы) в нашей литературе образовался провал. Безвременье.

Критик Назаровский справедливо подмечал недостатки в произведениях молотовских писателей. Его расстраивал тот факт, что «наши писатели сбиваются с языка художественного на язык протокола».

Не осталось в литературе того периода почти ничего стоящего, заслуживающего внимания потомков, потому что

это по большому счету — не литература. Потому и не литература, что слишком часто устраивали тогда «инженерам человеческих душ» промывание мозгов. Вспомним 1951-й: практически за один год — три идеологических собрания, три коллективных проработки! Какая уж тут высокая художественность, если ведущий критик не призывает, а требует с главной трибуны: «Беритесь за центральные темы, не занимайтесь пустячками, пишите быстрее!»

Как азартно Назаровский цитировал строки начинающего поэта В. Радкевича (сборник «Добрый путь»): «Современник! Сегодня за все мы в ответе!» И бросал призыв: «Так отвечайте!»

Стоит ли удивляться словам Виктора Астафьева, который написал, как мы знаем, немало благодарных слов о людях, о природе Урала — но он же говорил и немало резкостей. Однажды, уже в 1980-е годы, он порадовался за Льва Кузьмина, за то, что тот «состоялся как личность и как писатель». И добавил: «а то в Перми не шибко стойко творческое лицо, видно, климат виноват, в тумане все и в дыму, ничего определенного не видно». В этой реплике слышатся отзвуки идеологических проработок середины XX века. Сказались страшные последствия промывания писательских мозгов.

В другой своей работе об истоках и природе культуры личности, созданной под влиянием XX съезда партии³, Б. Н. Назаровский предстает перед читателем уже в качестве ученого, исследователя. Хотя и здесь проявился его критический дар. Как опытный полемист и стойкий идеологический боец, Назаровский поставил перед собой задачу дать отпор буржуазным пропагандистам, которые неправильно истолковали исторические решения партийного съезда.

Нет смысла подробно останавливаться здесь на пагубных последствиях сталинского культа личности, о чем подробно пишет и сам Б. Н. Назаровский. Но его волнует также и то, что на Западе курс партии, взятый на исправление ошибок, истолковали как признак слабости социализма и как предвестник краха самой социалистической системы. И Назаровский пытается доказать своим незримым оппонентам, как они ошибаются.

Его подход к теме основателен и научен. Он стремится доказать, что критики социализма ошибаются в главном своем обвинении. Культ личности вовсе не является неотъемлемой частью системы, сопутствующей государству диктатуры пролетариата. Поскольку в Советской стране основополагающим является принцип коллективизма и т. п. Напротив, убежден критик: культ личности — это неотъемлемое качество капиталистического строя. Далее Назаровский переходит в ответную атаку. Он доказывает свой тезис, цитируя Ницше, критикуя теорию сверхчеловека, которая была использована гитлеровскими нацистами.

Более того, проявления культа личности Назаровский находит и в старой, дореволюционной России. В частности, он возмущается тем, что уральским заводовладельцам (Строгановым, например) совершенно ошибочно приписывались многие заслуги, хотя на самом деле все было сотворено народом.

Пафос антикультовой статьи Назаровского свидетельствует о том, что он, несмотря ни на что, верит в живучесть социализма и верит в его победу в противоборстве двух лагерей, двух систем. Ведь диссидентом он не был и не мог быть.

История, как мы знаем, рассудила по-своему.

В известном смысле Б. Н. Назаровский относился к числу «ваятелей» социализма, он являлся его идейным защитни-

ком — и одновременно жертвой тоталитарного строя. В этом трагизм его положения. Он всегда был на виду. И часто просто вынужден был, как говорится, соответствовать. Хотя в душе бывал настроен совсем по-другому. В течение долгого времени он шел в авангарде тех, кто гасил творческий поиск — это объективно, поскольку он один из тех, кто требовал писать «под диктовку партии». Та метаморфоза, которую претерпели его взгляды к концу жизни, во многом типична для думающего и совестливого человека. Отсюда, в частности, тема серебряных труб архангела Гавриила, проблема выбора совести, возмездия и воздаяния ⁴. Не забудем: Борис Никандрович относился к тем немногим людям, кто внимательно читал Вечную книгу. Конечно, сначала, в молодости, он читал Библию совсем с другой целью — чтобы критиковать «опиум для народа». (Его начитанность в этом плане оригинально претворилась в шутливой переписке с А. Гайдаром.)

Необходимость переосмысления неизбежно пришла к нему. И нельзя сказать, что поздно. Мудрость запоздалой не бывает. С годами мощный пласт духовности, заложенный библейскими цитатами, был переосмыслен Назаровским — и уже без всякой критической задиристости.

Человек сложнее умозрительной схемы. В том числе — и моего расклада о двух разных Назаровских. Такого в принципе быть не могло.

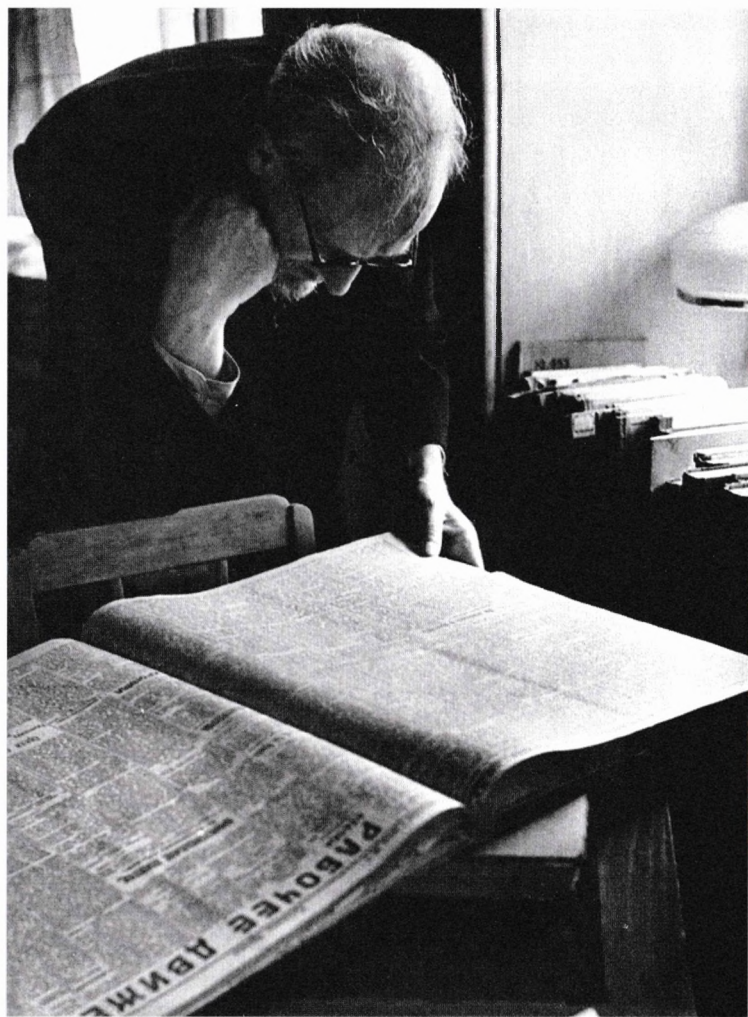
Вот он критикует Александра Спешилова, долбит и долбит его. Но в семье писателя живет добрая память о том, как Борис Никандрович, бывший в военную пору заместителем председателя облисполкома, фактически спас писателя от голодной смерти, отправив его в санаторий. Вот он «пластает» излишне смелых писателей, но тот же Виктор Астафьев, называвший Назаровского «сатрапом»,

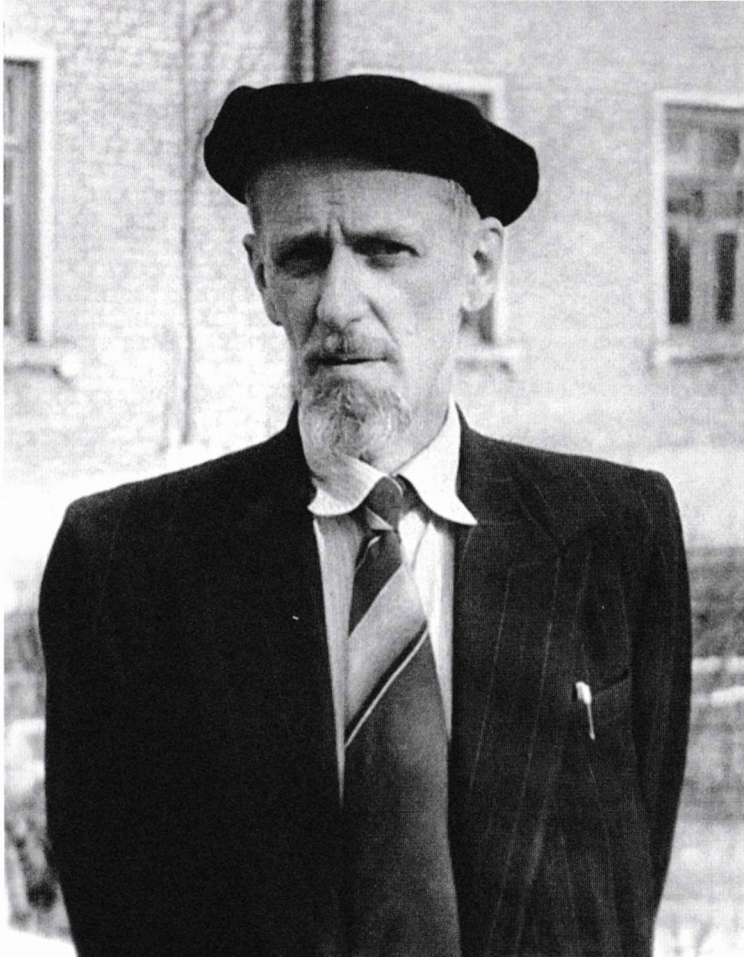
несмотря ни на что, относился к нему с уважением. Значит, было за что.

Сложная штука — жизнь. И Назаровский — в качестве героя своего времени — интересен нам сегодня тем, что, вопреки собственным постулатам, не был гармоничной личностью (смотри выше), но — сложной и противоречивой натурой.

«Второрайонники». 1962 г.

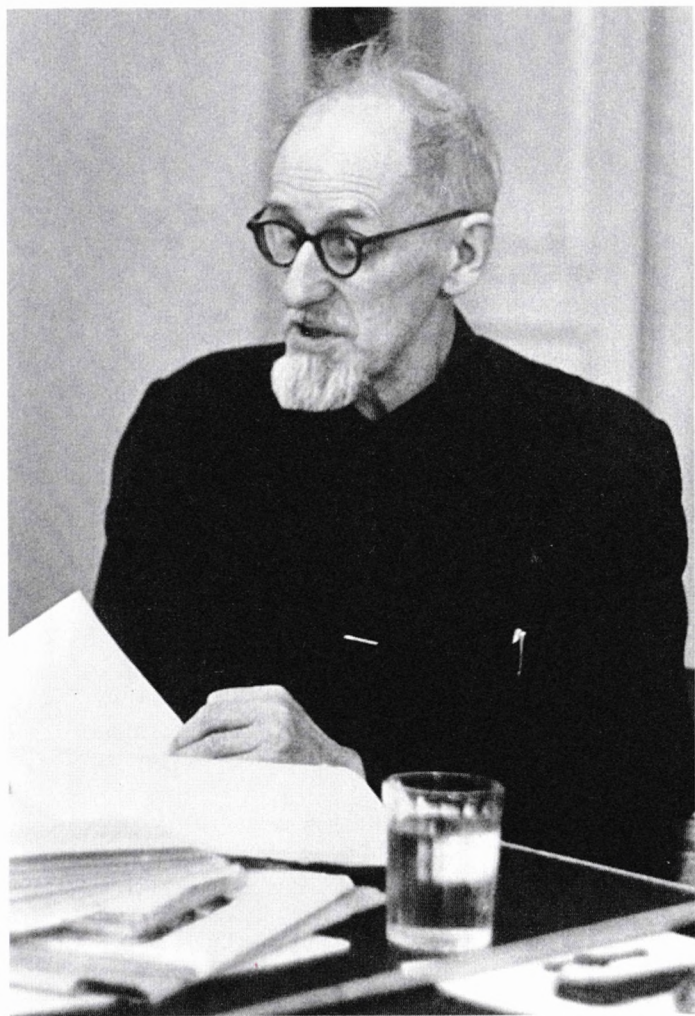
Б. Н. Назаровский. 1950-е гг.

Б. Н. Назаровский в библиотеке им. А. М. Горького. 1961 г.

В Пермском книжном издательстве. 1970-е гг.

Б. Н. Назаровский. 1969 г.

В областном краеведческом музее. 1971 г.

Б. Н. Назаровский и Т. А. Гайдар. 1960-е гг.

На Винном Заводе. 1967 г.

ПИСЬМО Б. Н. НАЗАРОВСКОГО В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС «О ПЕРЕСТРОЙКЕ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ»

20 ноября 1962 г.

Уважаемые товарищи!

Считаю своим правом и даже долгом поделиться с вами мыслями, которые вызывает доклад Н. С. Хрущева на Пленуме Центрального Комитета партии 19 ноября 1962 года, мыслями, которые мучают меня, коммуниста, т. к. они расходятся в ряде существенных пунктов с тем, что принимает сейчас Центральный Комитет. Лучше высказать свои сомнения и возражения вам прямо, чем таить или шушукаться по сторонам.

Доклад тов. Хрущева содержит ряд бесспорно верных положений, и реализация их, несомненно, послужит улучшению руководства народным хозяйством. Однако то положение, которое выдвинуто в докладе в качестве головного, — перестройка партийных организаций и советских органов по производственному принципу — представляет в высокой степени спорным и вызывает ряд возражений...

Разделение области на промышленную и сельскохозяйственную в ряде районов страны трудно провести. Таким районом является, в частности, Урал, например, наша Перм-

ская область. Промышленные предприятия: машиностроительные заводы, нефтепромыслы, леспромхозы и т. п. — разбросаны по всей ее территории, а не только сосредоточены в городах. Они, можно сказать, перемешаны с сельскохозяйственными предприятиями. В одном сельсовете, в одном поселке есть и промышленность, и сельское хозяйство. Какой тут будет Совет? Промышленный? Сельскохозяйственный? Попробуй тут раздели, ведь это же живая жизнь, которая идет на одной территории и переплетена множеством производственных, бытовых, семейных, культурных и прочих связей. О единстве земли, на которой идет реальная жизнь, никак не следует забывать.

Сельское хозяйство вообще переплетено с промышленностью, и дело идет к их сближению, а не к их отдалению. Даже в нашей преимущественно промышленной области с ее отсталым сельским хозяйством продовольственное снабжение осуществляется в значительной степени за счет местных ресурсов. Мы все последние годы воспитывали (и совершенно правильно) горожан в духе понимания того, что подъем сельского хозяйства — общенародное дело. Добились понимания этого (частью воспитательной работой, а частью через желудок — перебоями в торговле). А сейчас в какой-то степени отгородим от взоров и влияния горожан сельское хозяйство. Это напрасно. И с кого будет спрашивать рабочий за недостатки в продовольственном снабжении? С горсовета, с горкома, со своего промышленного обкома и промышленного облисполкома? Они же за сельское хозяйство не будут отвечать. С сельскохозяйственного обкома и облисполкома? Но их городской коммунист и городской рабочий не выбрали, и они перед горожанами не отчитываются. Сколько будет плодиться «пограничных» недоразумений и трений с завозом картофеля, поставками молока, мяса! Сейчас их ула-

живают обком и облизполком. А произойдет разделение? Очень опасаясь, что Центральный Комитет будет получать жалоб куда больше, чем получает сейчас.

Раздвоение советских органов неизбежно приведет к раздуванию советского аппарата, и так большого. Это, вместе с происходящим сейчас раздуванием центрального аппарата, нельзя будет компенсировать даже сокращением райисполкомов и совнархозов. К тому же весь этот аппарат отдается от масс, растет в верхних звеньях, а следовательно, будет меньше поддаваться контролю масс.

Все приведенные соображения возбуждают большие сомнения в достаточной продуманности и целесообразности предлагаемой Президиумом ЦК меры — перестройки партийных организаций и советских органов по производственному принципу. Она может запутать простую и ясную сейчас массам структуру и не принести действительного улучшения дела.

Н. С. Хрущев очень правильно напоминает нам об отрицательных явлениях периода культа личности. В числе их была и боязнь коммунистов высказать откровенно свои мысли, свои сомнения. Мы очень дорого расплатились за эту боязнь. Вот почему я считаю своим долгом коммуниста прямо сказать Центральному Комитету о сомнениях в продуманности предпринимаемой им перестройки.

Напомню, что, когда еще при жизни Ленина началось изменение административно-территориального деления республики, к этому делу подошли очень осторожно: больше года вели обсуждение вопроса, обсуждение открытое, в печати, не раз все примерили и все же провели изменение сначала в виде опыта только в двух больших областях — Уральской и Центральной Черноземной. Не лучше ли сделать подобным образом?

ПИСЬМО Б. Н. НАЗАРОВСКОГО
В ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПО ПОВОДУ ПОВЕСТИ В. МАТВЕЕВА
«ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
ХЛЯБИНСКОГО СОВНАРКОМА»
(М.; Л.: Мол. гвардия, 1931. 96 с.)

3 августа 1964 г.

Литературный уровень повести тот же, что у «Золотого поезда»¹. Он, мягко говоря, не высок. Литературное дарование автора ограничено. Он равняется на приключенческую литературу 1920-х годов и в основном соответствует ее уровню. Пожалуй, «Последний день Хлябинского совнаркома» несколько чище, ровнее, чем «Золотой поезд», что, возможно, относится на счет редактора.

Но повесть увлекает и читается с неослабевающим интересом до конца. Увлекают самые события, напряженность обстановки, стремительность развития действий, пленительная фигура Голованова. Она не лишена положительного политического содержания. Она показывает, какой сложной была местами обстановка в первые месяцы после установления Советской власти, как смыкались в борьбе против этой власти разнородные элементы и как необходима была революционная решимость.

Все же возможность ее публикации сейчас вызывает сомнения.

У повести — фактическая основа, которая легко видна каждому вятичу и уральцу. Хлябин — Вятка. В этом не оставляет никакого сомнения точная характеристика географического положения города, упоминание Трифоновского монастыря в нем.

Некоторые фамилии оставлены, по-видимому, без изменений. Так, действительно существовал командир отряда балтийских моряков Дрылевский, игравший видную положительную роль в Вятке в 1918 году. Таким образом, вятичи скажут: «Это про нас». Автор относит описываемые им события к марту 1918 года (празднуется первая годовщина февральской революции). Действительно, в это время положение в Вятке было очень напряженным. Вятским губисполкомом был сформирован совнарком, в который входили комиссары отделов (зав. отделами). Среди них были и эсеры, и меньшевики, и просто авантюристические элементы. Совнарком вышел из-под большевистского руководства. Партийная большевистская организация Вятки была в это время крайне ослаблена. Из шестисот членов партии работу вели человек сорок. На общегородские собрания приходило и того меньше. Советский аппарат был крайне засорен. В нем сплошь сидели служащие старого аппарата, в том числе тридцать четыре полицейских чина, включая исправников.

А в городе концентрировалось офицерье. Сюда понаехали и некоторые великие князья.

Е. С. Садырина, автор наиболее обстоятельной работы об Октябрьской революции в Вятской губернии, рисует положение так: «Пробравшиеся в Советы эсеры и меньшевики пытались разложить Советы изнутри. При поддержке партии «левых» эсеров и меньшевиков в Советы проникли старые царские чиновники, бывшие торговцы, промышленники и т. п. Перекрашиваясь в коммунистов, своими антинародными действиями они стремились вызвать у народных масс недоверие к Советской власти».

Между советскими учреждениями происходило множество конфликтов. В частности, губисполком и совнарком находились в состоянии острого конфликта с городским Советом. Это и послужило основанием для приезда комиссии областного Совета. Садырина пишет: «Для расследования конфликта Уральский областной Совет направил специальную комиссию в сопровождении отряда Красной гвардии». По Садыриной, эта комиссия прибыла в Вятку 23 марта, а 24 марта уже прошло заседание губисполкома с ее участием, на котором были приняты первые меры по оздоровлению обстановки. Она же пишет дальше: «Инициаторы авантюры (какой, не уточняет) были арестованы и преданы суду». (Цитирую книгу: Садырина Е. С. Октябрь в Вятской губернии. Киров, 1957. С. 142—143). Она, Садырина, защитила диссертацию на эту тему в 1955 году в нашем университете.

Значительно более глубоко говорится о такой обстановке в Вятке весной 1918 года в других книгах, в частности в сборнике воспоминаний «За власть Советов», выпущенном в Кирове в 1957 году. Надо заметить, что Садырина писала свою работу еще в обстановке культа личности Сталина, когда история усиленно прилагивалась. Вполне возможно, что события носили более напряженный и драматический характер.

Все же опубликование сейчас «Последнего дня Хлябинского совнаркома» возмутит кировчан и вызовет их протесты. Матвеев писал повесть по своим воспоминаниям. Ребров — он, а Голованов — А. Г. Белобородов ² (как и в «Золотом поезде»). Даже на рис. 45 Голованов изображен похожим на Белобородова.

Матвеев ничего не уточняет по документам. Он

заострял характеристики, преувеличивал. К этому толкали интересы занимательности. В результате некоторый отход от действительности. В Вятке все же были предприятия и были рабочие. Был железнодорожный узел и мастерские, были кожевенные заводы, овчинно-меховые заводы, спичечная фабрика, а в губернии — довольно крупные машиностроительные и металлургические предприятия.

Были и местные зрелые работники: Дерюшев, Лалетин, Попов. Была ослабленная, но все же местная парторганизация. Была, наконец, группа присланных из Питера работников.

А Матвеев рисует Вятку сплошной дикостью, совсем отрицает роль местных сил. Все спасение — из Екатеринбурга и Перми.

Да, на Вятку тогда распространялась власть Уралсовета и влияние Уралобкома, и они были положительными. Но такое освещение событий, конечно, оскорбит вятичей.

Если и публиковать повесть, то только с послесловием, написанным кем-либо из вятских историков и краеведов. Можно произвести предварительное прощупывание: перепечатать повесть и послать ее на рецензирование той же Садыриной. Или запросить заведующую краеведческим отделом Кировской библиотеки им. А. И. Герцена (очень толковую женщину, фамилию которой я могу отыскать), какие были в свое время отзывы на повесть «Последний день Хлябинского совнаркома» и как эта повесть оценивается сейчас. Она ответит.

Вот что можно посоветовать. Публиковать же ее просто так — нельзя.

28 сентября 1964 г.

Дорогой Александр Кузьмич!

В какое трудное положение вы меня поставили!

В своей книге «Технические библиотеки Пермской области»¹, на с. 27, рассказывая о создании библиотеки Пермского суперфосфатного завода (завод имени Серго Орджоникидзе), вы написали следующее: «В июле 1919 года, после освобождения Перми от колчаковских банд, комсомольская организация во главе с Б. Н. Назаровским (ныне известный журналист, персональный пенсионер) организовала дружину по собиранию книг из домов бежавшей буржуазии. Назаровский обратился в Пермский губревком с просьбой выделить лошадь для транспортировки книг. Но ревком смог предоставить только осла. В течение многих дней в Перми можно было наблюдать картину: высокий худой юноша в буденовке, в опорках на босу ногу ведет по улице за мочальную веревку осла, нагруженного книгами».

Прочитавший эти строки может подумать, что это рассказывал вам я сам. Между тем я этого не рассказывал. И в этих строках далеко не все правда.

Я никогда не стоял во главе городской комсомольской организации. В 1919—1922 годах вообще не был в комсомоле, а принадлежал к интеллигентским, по преимуществу, кружкам самообразования. В комсомол был принят в январе 1923 года. Когда меня называют старым комсомольцем, всегда вношу уточнение: в комсомол я вступил позже многих своих товарищей.

В июле 1919 года в нашем городе комсомольской организации, по-моему, еще не существовало. Не помню, чтобы инициатива сбора книг исходила от нее. Это была инициатива только что возникших органов народного образования или прямо ревкома, которые поручили сбор книг районным библиотекам.

Я был привлечен к этой работе знакомой — заведующей 3-й районной библиотекой Викторией Рудольфовной (фамилию забыл), которая знала, что я нуждаюсь в заработке. Возможно, что инициатива исходила от районных библиотек, а ревком поддерживал ее. Я был зачислен библиотечным учеником сначала 3-й, а потом 6-й районной библиотеки и в числе нескольких других товарищей, таких же подростков, действительно занимался тем, что свозил книги из брошенных квартир в одно место. Я не ходил в ревком ни с какой просьбой. Это делали старшие.

Таким образом, роль моя была очень скромной и не заслуживает упоминания.

Не говорю уже о деталях. Это был мул, а не осел. Он был дан с тележкой. Фигура моя, вполне возможно, производила комичное впечатление. Но буденовки на мне не было: откуда ей взяться у подростка, который жил в Перми с родителями при Колчаке? Но это уже совсем несущественно. Существенно, пожалуй, то, что мы нашли много химической литературы не только у Тупицыных², а и у Кобяка³, который имел на Екатерининской улице заводик минеральных вод.

Ваша книжка, несомненно, содержит интересные данные, и я никак не хочу дискредитировать ее, но я-то совершенно напрасно въехал в эту книжку на осле. А на книжке стоит весьма почтенная фирма: «Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ

СССР». Страшно подумать! И вдруг — полумифический осел!

Простите шутку.

Так как меня знают немного в городе, я вынужден послать копию этого письма в самые близкие учреждения, куда вы послали свою книжку: в центральную библиотеку, краеведческий музей, государственный и партийный архивы и, пожалуй, в техническую библиотеку завода имени С. Орджоникидзе.

Прошу вас не обижаться на это, но мне очень не хочется, чтобы товарищи считали меня хвастунишкой, приписывающим себе чужие заслуги.

Б. Назаровский.

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ —
Г. Ф. ЧУДОВОЙ

Уважаемая тов. Чудова!

Пишет вам старый пермский журналист, работающий ныне в книжном издательстве, — Назаровский.

В библиографическом отделе нашей библиотеки мне показали ваш запрос по поводу «Жизни ни во что (Лбовщины)» и попросили совета. Вот я пишу вам, так как ответить как раз способен.

«Жизнь ни во что (Лбовщина)» написана Аркадием Петровичем Голиковым, то есть Гайдаром.

Гайдар работал в Перми, в редакции газеты «Звезда», в качестве фельетониста с октября 1925 по февраль 1927 года. Я в это время работал секретарем редакции и был с Гайдаром в близких приятельских отношениях.

В декабре 1925 года отмечалось 20-летие революции 1905 года и, в частности, вооруженного восстания, которое происходило и в Мотовилихе. В эти дни вспоминалось и имя Александра Лбова, командира одной из боевых дружин. У мотовилихинцев он считался одним из основных героев первой революции.

Гайдара, очень тяготевшего ко всему окутанному дымкой революционной романтики, Александр Лбов чрезвычайно заинтересовал. Он пошел в архив, порылся в старых делах, в воспоминаниях, к тому времени собранных, и решил писать повесть.

Газета была заинтересована в романе или повести, в художественном произведении, которое можно было бы печатать с продолжением и которое помогло бы завербовать подписчиков, в то время очень ценившихся.

Так в газете начала печататься «Жизнь ни во что». Она печаталась с 10 января 1926 года по 3 марта 1926 года, всего было 39 подвалов. Затем повесть была выпущена отдельной книжкой значительным по тому времени тиражом. Повесть пользовалась в Перми и Мотовилихе огромным успехом. Ее помнят до сих пор. И до сих пор нас, книгоиздателей, время от времени спрашивают: почему не переиздаете?

Заведующая истпартом окружкома ВКП(б) К. Г. Ольховская в дни, когда «Лбовщина» появилась в «Звезде», прибежала в редакцию и, ломая руки, вопияла: «Что вы делаете? Разве так можно!» Увлеченные успехом повести, мы отклоняли все ее протесты, заявляя, что она не понимает художественной литературы.

Не судите ни Гайдара, ни нас строго. Все мы были очень молоды, нам было 22—23 года. Гайдар только-только начинал литературный путь и был совершенно неопытен. Ма-

териал он изучил очень поверхностно, бегло, интересуясь лишь канвой фактов. На этой канве он построил по правилам бульварной литературы повесть, рассчитанную на занимательность. Рита, Жидовка — фигуры, прямо заимствованные из бульварных романов. Все же Гайдар в этой повести чувствуется. Сам он эту повесть любил, и уже в 1930 году я ему посылал в Москву экземпляр отдельного издания: он собирался перерабатывать повесть и издавать ее в Москве. Издание, естественно, не состоялось.

В заявлении от автора, которое предшествовало повести в «Звезде», Гайдар откровенно писал:

«Ясно, что после трехнедельного (боюсь, преувеличение — *Б. Н.*) беглого осмотра затрепанных страниц рапортов и донесений я не мог дать исторически точный очерк лбовщины. Да я и не собирался этого делать. Моя задача была — дать для читателей «Звезды» крепко сколоченную, легко читаемую сюжетную повесть...»

Вот так оно и вышло...

Вас может заинтересовать еще один вопрос: почему в большой статье С. Гинца и Б. Назаровского «Аркадий Гайдар в Перми» (альманах «Прикамье», № 16, Пермь, 1962, с. 260—283) ничего не говорится об этой повести Гайдара.

Дело в том, что книга «Жизнь ни во что» была в те годы изъята из обращения как книга, дающая извращенное изображение исторических событий (К. Г. Ольховская была, конечно, права), и соответственно из статьи убрали содержащийся в ней критический анализ этой повести. В последних книгах о Гайдаре эта повесть упоминается как одно из ранних его произведений.

Историки не дали, к сожалению, полной характеристики лбовщины. Ее обходят как тему скользкую. Это было все же явление, обусловленное спадом революции и носив-

шее многие черты такого спада, хотя лично Лбов и был фигурой честной и обаятельной.

Наиболее верные оценки я находил в старой большевистской печати, особенно верна, по-моему, оценка «Солдатской газеты». Списочек материалов я прилагаю. Учтите — я не библиограф и не записывал точно, как полагается. Список очень не полон. Ваш список я переписал и за него благодарен.

*Назаровский Борис Никандрович,
Пермь, ул. К. Маркса, 30,
Пермское книжное издательство.*

Н. П. ПОЛЯКОВА —
Б. Н. НАЗАРОВСКОМУ

12 февраля 1965 г.

Здравствуйте, Борис Никандрович!

Извините, что так долго не отвечала вам, но получилось это не потому, что осталась равнодушна к вашему подарку или же не хотелось вам написать, а наоборот, я все откладывала свой ответ, чтобы на досуге внимательнее прочитывать вашу книгу и подробнее написать о ней свое мнение.

Но этот месяц у меня, как назло, получился такой хлопотный из-за болезни сына, внука и еще разных дел, и вышло все-таки так, что я невежливо задержала свой ответ и все равно пишу вам не так подробно, как хотелось бы.

Я, конечно, благодарна вам за книгу и за самое желание сделать мне приятное в день рождения моего брата. Сразу же стала ее читать, хотя мешали слезы, но, можно

сказать, это были слезы радости, что, наконец, вышла еще одна правдивая и хорошая книга о Гайдаре.

Чувствуется сразу, что написали ее люди, которые знали Гайдара и, главное, которые сами понимают его — что очень важно.

Написана книга, по-моему, серьезно, деликатно, без... залезания в чужую жизнь, без этой бутафории и претензии на занимательность, которой так увлекаются Ю. Мишаткин, горьковский В. Малюгин, Б. Камов и вот теперь еще М. Котов и В. Лясковский.

Вы, наверное, читали в «Правде» от 8 января их, на мой взгляд, отвратительную статью «Подвиг Гайдара» — где не видно никакого его подвига, а Гайдар выставлен самонадеянным, высокомерным хвастунишкой и ментором, поучающим своих собратьев-корреспондентов какими-то прописными истинами и не подходящими к такому патристическому моменту пословицами.

По-настоящему хороших книг о Гайдаре я теперь знаю только две: В. Смирновой «Аркадий Гайдар» и вашу «Аркадий Гайдар на Урале». И хотя обе они не для широкого чтения, а больше литературоведческие, но это — основа, канва, по которой уже можно расшивать узор, не сбиваясь вкривь и вкось. Жаль только, что обе эти нужные книги вышли таким маленьким тиражом. Их обязательно надо переиздать.

Дорогие товарищи, подскажите, что делать дальше и как заступиться за Гайдара? Ведь, наверное, движимые лучшими к Гайдару чувствами писатели хотят и у читателей вызывать к нему такие же чувства, но... к сожалению, берутся за «биографические очерки» и проч. люди, которые сами его не понимают, и получается так, что они невольно навязывают читателям кто какого выдуманного Гайдара. Попала ли вам в руки книжечка библ. «Огонек» изд. «Правда» М. Ко-

това и Вл. Ляковского «Аркадий Гайдар на войне»? Мне кажется, хуже еще ничего не было о Гайдаре, а ведь это только отрывки из какой-то их книги, и тираж 102 тысячи...

Я написала в редакцию «Правды» по поводу статьи «Подвиг Гайдара»; прошло уже 12 дней — ответа пока нет.

Конечно, я не писатель и не критик, и мое мнение могут считать пристрастным, поскольку я сестра Гайдара, — пишите же вы, дорогие товарищи, и опровергайте все то, что искажает образ Гайдара.

Одновременно с вашей книгой я получила в подарок из Ленинграда от незнакомой мне И. Свирской (доцент института им. Н. К. Крупской) тоже книгу «О литературе для детей» с ее статьей «О подлинных и мнимых традициях Гайдара», в которой она борется за настоящего Гайдара.

Я очень осторожно со всеми говорю о Гайдаре, но с вами мне о нем говорить легко.

Еще раз благодарю за хорошую книгу, и когда буду ее перечитывать, всё отмечу, что вызывает какие-либо вопросы, и напишу тогда вам еще.

Желаю вам здоровья и успехов в ваших работах.

Н. П. Полякова.

Р. С. Это письмо относится также и к С. Гинцу, но я не знаю его полного имени, а поэтому адресую письмо вам.

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ —
Р. И. РАБИНОВИЧУ

Дорогой Рафаил Иосифович!

Передавать ваши «Небольшие поправки к большой статье» в редакцию «Вечерней Перми» нет никакого смысла, в редакцию «Звезды» — тем более. Не поместят. А Дубилета

[с ними] познакомят. Имейте, кроме того, в виду, что ни я, ни Савватий уже давно не являемся в пермской журналистике столь почтенными персонами, какими были раньше. Правда, нам выказывают некоторые знаки уважения, но все равно считают стариками, которым пора на полный покой, так как они безнадежно отстали от современных требований и современных приемов журналистики.

Теперь по существу. Мне кажется, вы занимаете в отношении Дубилета неверную позицию. Это добросовестный журналист, очень патриотически настроенный в отношении Перми и Камы и многое сделавший для воспитания хорошего патриотизма у камских речников. Он, Наум Иосифович Дубилет, появился у нас во время войны, эвакуированный с Днепра, где вырос из рабкоров в журналисты. Почти все это время работал в водницкой газете и собкором «Водного транспорта». Сейчас на пенсии, но продолжает очень активно работать среди водников, выпускает с их помощью всякие брошюрки и методические пособия по Каме.

Вы заинтересованы в том, чтобы о Мешкове ¹ была сказана правда. Никакая брошюра о Мешкове не может быть выпущена, если газеты и журналы не расчистят ей дорогу. И «Вечерняя Пермь» колебалась перед опубликованием статьи Дубилета. А он уже дважды пробился с Мешковым в печать.

Сегодня по нашему местному радио также говорили о Мешкове по статье Дубилета.

Дубилет ваш союзник, а не конкурент (он о брошюре и не думает), и я советую относиться к нему как к союзнику.

Что это значит?

Передайте свое письмо в «Вечернюю Пермь». Я бы советовал начать его так:

«В газете «Вечерняя Пермь» появилась большая и содержательная статья Н. Дубилета² о Н. В. Мешкове. Статья эта заинтересовала всех пермяков, в том числе и живущих сейчас в других городах.

Но Н. Дубилет недостаточно полно характеризует деятельность, а следовательно, и облик Н. В. Мешкова. Он ничего не сказал о помощи, которую оказывал Мешков Высшим женским курсам Лесгафта в Петрограде» и т. д.

Где-то в конце сказать: «У Дубилета есть некоторые неточности в отношении биографии Н. В. Мешкова. Он пишет, что Мешков появился в Перми пятнадцатилетним юношей...» и т. д.

Словом, надо снять опровергательный тон, предложить газете не опровержение, а дополнение и уточнение. Такого рода материал будет приемлем для «Вечерней Перми», и не исключено его опубликование.

Кроме того, вам самому надо выступать в других органах по поводу Мешкова. Повторяю: сразу брошюра — невозможно. Почему вы не публикуетесь в «Уральском следопыте»? Такая публикация очень важна для издательства, облегчит его разговор по поводу нашей книжки в обкоме и в комитете по печати. Я не знаю плана вашей книжки, но его надо хорошо продумать.

Теперь о некоторых спорных между вами и Дубилетом вопросах.

Дубилет, мне кажется, прав, проявляя осторожность в отношении похвал Мешкову. Он имеет письмо от Л. А. Фотиевой³, к которому она приложила более подробную копию своего письма к академику Ю. А. Орлову. Он мне показывал эти письма.

Мы знаем, что Н. В. Мешков оказывал помощь революционным организациям (не только социал-демократам,

а и эсерам, и любым другим) в начале века, перед первой революцией и во время революции, когда он жил, преимущественно, в Перми. По-видимому, он переправил Фотиеву в Женеву. Мостовенко ⁴ знал Мешкова по предреволюционным годам. Красин ⁵ ведал денежными делами партии до 1908 года. После того как он рассорился с Лениным, он вообще отошел от партии и вернулся в партию уже в 1917 году. Располагаете ли вы какими-то документами о помощи Мешкова революционным организациям в годы реакции, нового подъема, первой мировой войны? Есть ли основания говорить, что его помощь была непрерывной до самой революции?

У меня лично сложилось такое впечатление, что Мешков, сохраняя уважение к революционной борьбе (он издавал журнал «Минувшие годы», посвященный годам революции), все же переключился больше на просветительную и благотворительную деятельность. Проверьте сами себя. Письма Фотиевой, насколько я их помню, не дают оснований для утверждения, что помощь Мешкова была постоянной.

Относительно саботажа Мешкова в момент национализации флота. Тут Дубилет основывался на воспоминаниях старых речников. Саботаж предпринимателей проявлялся в форме прекращения финансирования своих предприятий, поскольку они оказывались под рабочим контролем. И мешковская контора перестала заботиться о ремонте флота, о зарплате речникам.

Ваш аргумент: не может быть, чтобы в таких условиях сами водники выдвигали его на руководящий пост, а уже в 1920 году он стал консультантом и т. д. — неубедителен. Все могло быть в те бурные годы. Мы сейчас уже забыли, что профессор Преображенский ⁶, первооткрыватель калийных солей и прикамской нефти, был министром в колчаковском

правительстве, был осужден, сидел в тюрьме и только какая-то случайность спасла его от гибели. (Рассказывают, что он в тюрьме стал ругаться: чего вы кормите нас без соли, ведь у вас под боком лежит соль, дураки вы, большевики, и т. п. Нашелся какой-то умный человек, решивший, что, пожалуй, такого знающего человека не стоит пускать в расход.)

Я советовал бы некоторые ваши опровержения снять или смягчить.

О карьере Мешкова ходят легенды. Я читал в записках старого уральского журналиста Весновского ⁷ справку о Мешкове. Он утверждал, что Мешков начал коробейником в Чердынском уезде, потом брал подряды на доставку Мотовилихинскому заводу песка и еще чего-то, словом, начал транспортные операции и богател постепенно. Дубилет руководствовался одной из таких легенд. Если вы располагаете более точными данными о Мешкове, их, разумеется, следует сообщить.

Публикуйтесь скорее! Примите ту тактику, которая делает возможной и книжку о Мешкове. Н. В. Мешков во многом интереснее Саввы Морозова. Заголовок статьи Дубилета я нахожу неудачным.

Вот вам мои советы. Всего доброго!

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ —
С. А. МЕЛЕШКОВУ

22 октября 1971 г.

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Прошло уже три года с тех пор, как газета «Молодая гвардия» провела на своих страницах обсуждение вопроса о дате основания города Перми и выдвинула перед горко-

мом КПСС и горисполкомом предложение начать подготовку к его 250-летию.

Решение этого вопроса было задержано тем, что профессор Ф. С. Горовой представил в горком и горисполком свой доклад «О дате основания города Перми», в котором предпринял попытку опровергнуть итоги обсуждения в газете. Доклад Ф. С. Горового был поддержан группой университетских историков. В отделе пропаганды горкома нашли его убедительным.

Пять месяцев назад — 19 мая 1971 года — я подал в горком КПСС свою записку по поводу доклада профессора Горового, в которой убедительно, как мне кажется, показал, что доклад этот представляет собой несостоятельную попытку ввести городское руководство в заблуждение.

Мне известно, что горком и горисполком запрашивали мнение по этому вопросу Института истории СССР Академии наук и получили ответ, что историки, специализирующиеся на истории города, считают датой основания Перми 1723 год, хотя долгое время наше поселение (подобно многим другим городам) не имело официального статуса города.

Казалось бы, все ясно. И многих пермяков обрадовало утверждение, сделанное нашим депутатом В. Н. Лебедевым на I сессии Верховного Совета РСФСР, что наш город не молод, что он основан в 1723 году. В этом заявлении увидели намерение отметить 250-летие.

Но вопрос о праздновании юбилея все же не решен. Приближающаяся юбилейная дата обойдена во время торжеств, посвященных вручению городу ордена Ленина. Она обойдена и на последней сессии городского Совета, где сказать о ней было бы чрезвычайно уместно.

Меня, и не только меня, поражает медлительность горкома. Ведь до 250-летия города остается всего полтора года.

В Свердловске, который основан также в 1723 году, еще год тому назад создан юбилейный комитет. Поражает кейлейный характер обсуждения этого вопроса в горкоме. Я не говорю о себе, человеке, не имеющем ни чина, ни звания, от меня можно просто отмахнуться. Есть другие люди, поддерживающие, насколько мне известно, ту же точку зрения: кандидаты наук, доценты, историки П. И. Хитров, А. С. Черкасова, В. А. Оборин, географы М. Н. Степанов, П. Н. Чепкасов, Ю. А. Власов, архитекторы А. С. Терехин, Г. С. Ларькин и др. Если горкому еще что-либо не ясно, почему не пригласить в горком ту и другую стороны и не выслушать их в споре? Если все ясно, тогда не может стоять вопроса о том, отмечать или не отмечать юбилей, как не стоит вопроса, следует или не следует с уважением относиться к родителям; тогда отметить юбилей — наш моральный долг. Смею напомнить, что В. И. Ленин с постоянным и глубоким презрением относился к Иванам, не помнящим родства.

Сколько городов за это время отпраздновало свои юбилей и как хорошо это получалось! Вот последним отпраздновал свое 400-летие Артемовск, впервые упомянутый в документах 400 лет тому назад как «сторожка бахмутская», т. е. укрепленный сторожевой пункт, и лишь в 1783 году получивший статус города, а в 1924 году переименованный из Бахмута в Артемовск.

Что за проклятые люди мы, пермяки, что нам не дают отметить 250-летие своего города?!

Смею утверждать, что этот вопрос возникает не только у меня. На него пытаются найти ответ и другие, и попытки эти приводят к нелестным для городского руководства выводам. Не скрою, что и мне непонятны колебания горкома, эта медлительность, свидетельствующая то ли о чрезмер-

ном спокойствии, то ли просто о равнодушии и стремлении избежать лишних хлопот.

Между тем в условиях нашего города отпраздновать его юбилей особенно полезно. Город не просто сумма производственных коллективов. Он нечто большее. Но его единство, его сплоченность, заинтересованность в нем всех горожан надо постоянно поддерживать и укреплять. Пермь выросла из поселков, создававшихся около предприятий. До сих пор наш город разбросан, некоторые его районы даже разобщены. Условия быта горожан крайне пестры: кто живет во вполне благоустроенных домах, а кто и в бараках, и в избах-развалюшках. У нас много закрытых предприятий, и это также не способствует сплоченности города. Юбилей города — прекрасный трамплин для разносторонней пропагандистской, агитационной и организаторской работы в массах, работы не шаблонной, а творческой. Неужели это непонятно?

Горком тянет, а профессор Горовой опубликовал свой доклад (с сокращениями, но все равно изобилующий грубыми натяжками и ошибками) в редактируемом им «Уральском археографическом ежегоднике». И уже находятся починовному настроенные товарищи, которые говорят: раз его статья опубликована, значит, это официальная точка зрения, значит, нечего и думать, и спорить, и предлагать... Смею заверить, что я найду место и способы выставить профессора Горового на позорище. Но ведь не в этом дело... Во всяком случае, не это главное.

Я третий раз обращаюсь в горком по вопросу о юбилее города (заявление на имя секретаря горкома тов. Флоренко в мае 1969 года, заявление на Ваше имя 19 мая этого года, настоящее письмо). С горечью констатирую, что ответа до сих пор не получил.

1 ноября 1957 г.

Дорогой Леонид Петрович!

...За книжку спасибо. По содержанию она очень хороша. Ряд воспоминаний я прочел с большим интересом. Сделаны они чистенько. Оформление мне кажется у нас более удачным (нашу книжку я посылаю). Спусковые полосы у вас не удались. У нас же биографические справочки хорошо сочетаются с портретами. Портреты вообще оживляют, придают больше непосредственности.

Вот ваш сборник документов мне понравился значительно больше нашего. Воевал я, воевал с Горовым, и все-таки того, что нужно, не отвоевал. Сборник пухлый, и в то же время в нем многого не хватает. Это сугубо между нами.

Посылаю тебе еще кое-что из наших изданий. Только с условием: мою книжку не читать и тем более не критиковать. Здесь ее пока хвалят, но критики она заслуживает очень существенной, это я хорошо знаю. Но критики на мой век уже хватит, я получил ее, свою порцию, сполна и хочу последние годы прожить как-нибудь без критики. Или с самым минимумом ее.

По поводу Вишневого¹. Профессорские документы у него есть, труды у него есть (гл. образом, по антропологии), в нашем университете он преподает, но грамоты общей и литературной у него не хватает. Это, как ты знаешь, с нынешними профессорами бывает частенько, культура у них неважнецкая. Чиним избавлены от необходимости заботиться о своем культурном развитии.

Несколько лет тому назад он дал для альманаха «При-

камье» статью о Кривошекове ². Мне сунули ее на рецензию. Статья была слабая. Я, помню, в рецензии писал, что незачем пытаться делать из Кривошекова революционера, ибо он был заурядным либералом, и что надо раскрыть значение его географических работ в связи с общим состоянием этой науки и интересами края, а не ограничиваться перечислением этих работ, что делал Б. Н. Вишневский. Он на меня страшно обиделся и обижен до сих пор. Знаю, что он последние годы продолжал работать над Кривошековым, нашел что-то новое. Вообще, несомненно, что он Кривошекова знает лучше, чем кто-либо другой. Автор он трудный, упрямый и неграмотный, но возможный. Мы только что выпустили в серии «Замечательные люди» его книжку о К. Т. Хлебникове ³. Думаю, что с вами он будет более покладистым и податливым, чем с нами.

Со мной живет Мишка Альперович ⁴, переехавший сюда из Кутаиси, и даже сейчас, осенью, находящийся, что у нас здесь погода лучше, чем в Грузии. Несмотря на все пережитое, он бодр духом. Вообще, очень мало изменился, все такой же жизнерадостный теленок, хотя у этого теленка седовато-лысоватая голова. Он тебе, наверное, сам напишет.

Б. Назаровский.

6 октября 1960 г.

Дорогой Леонид Петрович!

Заметил ли ты в последнем, 13-м, номере «Коммуниста» мою корреспонденцию о работе Пермского книжного издательства ⁵, которая должна была вызвать у Б. Л. Крупаткина большее злопыхательство, чем приказ министерства? Не заметил? Избавлен от руководства семинарами, чтения лекций и потому сего почтенного органа не чита-

снь? Все же посмотри. Посмотри, но не читай. Лучше я пришлю тебе оригинал статьи. Ее мне заказали из редакции «Коммуниста», заинтересовавшись нашими планами. Ее у меня принял с некоторыми поправками весьма приятный тов. Пчелин. Он любезно прислал мне на просмотр гранки. Но он дал одновременно гранки на просмотр членам весьма обширной и еще более почтенной редколлегии. И тут началось! Небольшую часть поправок и сокращений произвели при моем участии (все по телефону, я должен был приезжать для этого в город), а большую и более существенную — помимо меня. В результате из приличной постановочной корреспонденции (скромностью я не страдаю) получилась развернутая информация. Все мои ехидства против догматиков оказались снятыми, все недовольства существующим положением вещей сокращенными. И даже гонорара что-то, черти, долго не шлют. Одним словом, сплошные неприятности.

Боюсь я редколлегий. По отдельности каждый из нас ничего, а как только попадаем мы в редколлегию — начинаем проявлять требовательность и в результате бываем способны загубить совместными усилиями всякую свежую и самостоятельную мысль.

Доклад на тему «Редактор и автор» я делал очень давно, чуть не два года назад. Выпустили его изложение недавно, тиражом 500 экземпляров ⁶. Я доволен. Знающие меня пермские журналисты (из городов и районов области) прочтут с удовольствием и некоторой пользой. Я их знаю, очень хорошо знаю.

Но я почти уверен, что, если этой тоненькой брошюрой заинтересуются в Москве, в Союзе журналистов или в редакции «Советской печати», да дадут ее кому-либо на внутреннюю рецензию, то будет разнос и мне, и нашему отде-

лению. А почему здесь ничего не говорится об опыте редакторской работы Ленина? (Кстати сказать, у него как у редактора нам мало что можно заимствовать, он был редактором в очень своеобразных условиях, а то, что можно заимствовать, стало азбучной истиной.) А почему здесь нет ссылки на постановление ЦК от 9 января о задачах партийной пропаганды? И так далее, и тому подобное.

Лучше к этой теме не возвращаться. Редколлегия «Урала» тоже потребует всяких доделок и переделок. А мне это сейчас не с руки, тема для меня старая. Да к тому же расширить ее в сторону художественной литературы я не смогу. Вот так.

Нас так кругом захвалили, что просто страшно становится ⁷.

Но, кстати: сделайте дружественный жест — наградите редактора «Библиотечки путешествий и приключений» Граевского Александра Моисеевича своим значком. Вам это немного стоит, а жест хороший. «Библиотечка» будет жить, следующие выпуски будут лучше. Я давно собираюсь тебе об этом написать.

Журнал ваш мне по-прежнему нравится, в частности понравился номер об охране природы.

У нас затевают на январь грандиозную краеведческую конференцию⁸, на которой я, по-видимому, буду выступать с докладом об издании литературы о крае. Конференция с секциями, все чин чином. Она может быть интересной. Тебе стоит на нее приехать: будут и темы, и люди. Обо всех уточнениях я тебе напишу позже.

За анекдотик спасибо. Он прелестен.

Посылаю свое летнее фото. Завидуй!

Наши тебе и всему семейству кланяются.

Б. Назаровский.

Дорогой Леонид Петрович!

Приветствую тебя и поздравляю с Первым мая. Хороший, несмотря ни на что, праздник. Все-таки весна и все-таки будет лето!

...Я до сих пор занят всякими хлопотами с Днем печати. Затеял наш Союз журналистов грандиозную выставку, и вместо того, чтобы привлечь к этому делу знающих людей из музея, распределил эту работу между несколькими журналистами, из которых, кажется, один я понимаю, что это совсем непростое дело. Написал, кроме того, статейку о начале рабкоровского движения в Перми и роли «Правды». Обещают поместить, хотя уже изрядно выхолостили: я там попытался сказать о мясниковщине и мясниковском требовании свободы печати⁹, а редакция на это не решается. Ну черт с ним, возможно, что и написал я неудачно, тема это сложная и требует специального исследования, за которое никто не берется.

Нашел прекрасную работу. Оказывается, вахтеру в партархиве платят 45 рублей (половину ставки нашего редактора), и за эти деньги он должен через два дня на третий дежурить в помещении с 5 часов вечера до 9 часов утра. Можно оставлять с собой дела и вести любое расследование. Удивляюсь — почему не стоит очередь на занятие этого места. Вот несообразительная молодежь! Меня же на эту работу не хотят принимать. А я бы смог тогда исследовать мясниковщину, да и многое другое.

Миша у нас оскандалился: на днях у него произошло острое расстройство мозгового кровообращения, церебральный ангиоспазм, кажется так. Он потерял сознание, а потом очнулся с расстроенной речью и ограниченным движением рук.

Сейчас понемногу отходит. Но очень трудно удержать его в лежачем положении, которое для него главное, — совершенно не привык человек болеть и постоянно порывается сесть и встать. Во всяком деле важны навыки. Ты, кажется, уже достаточно квалифицированный больной.

Относительно Вишневого. Его дружно вытурили все остальные географы. Старик он, как рассказывают, совершенно невозможный, страшный склочник, все время на всех ворчит и ябедничает, а как преподаватель не особенно ценен, если не больше. Тиунов¹⁰ здесь руководящей роли не играл. Василий Филиппович ушел с ректорского поста по другим обстоятельствам. За аварию со студентами, ушедшими в туристский поход (трое погибло), ему объявили строгий выговор с предупреждением, что он счел несправедливо жестоким, так как прямой его вины не было. Он и подал в отставку. Отставка была принята. Сейчас он профессор на экономическом факультете, ведет курс планирования народного хозяйства и, кажется, искренне доволен более спокойной жизнью.

Я ведь тебе, наверно, писал, что ректором сейчас Горовой. Это не лучший вариант и, боюсь, что с его характером он недолго на этом сложном посту пробудет.

Присылал ли я тебе книжку Вишневого о Кривошекове и книжицу Горовой о реформе? Напиши обязательно. За последнюю нас Главиздат выругал. Но мы должны были издать: обком требовал, так как Горовой грозил отъездом в Свердловск, а это лишило бы наш университет аспирантуры.

Вот, пожалуй, и все, Леонид Петрович. Пиши. А главное — основательно выздоравливай, не спеша загружать себя работой, в наши годы следует быть осторожным. Этот печальный факт надо признать.

Твой Б. Назаровский.

Дорогой Леонид Петрович!

...Весна у нас на редкость ранняя, вторую неделю стоит жара, доходит до 20 градусов в тени. Снег сошел не только в городе, а и на южных склонах полей. Начали сеять. На деревьях распускаются листья. Что-то будет — морозы неизбежны. Вдруг ударят сильные? Пока радуемся, а потом взвоем.

Летом я собираюсь пожить на Сылве, в Винном Заводе, надеюсь, что наше палаццо там сохранилось. Буду очень рад принять тебя в нем. Если приедешь с женой — тем более.

Готовимся ко Дню печати. Выпустили книжку, которую в числе других послал тебе сегодня. Меня, как старого ветерана, привлекают ко всяким мероприятиям. Копался в старой «Звезде» и вспоминал молодые наши годы. Перебрал старые письма, чудом сохранившиеся у меня, и тоже — волна воспоминаний.

Очень быстро в те годы жилось, смена людей и событий шла в темпе куда более высоком. Двигались, приезжали, уезжали, меняли работу, вступали в новые связи. Я уже запутался, — что с кем когда было.

Надо бы составить синхронистическую таблицу: Назаровский, Гинц, Альперович, Плеско, Неверов, Гайдар и т. д., и по месяцам — что, когда, с кем происходило. Если у тебя выберется свободное время, составь, пожалуйста, свою графу по месяцам с 1919 по 1926 год (ты тогда, кажется, прочно осел в «Уральском рабочем»).

Особенно трудно будет с Игорем Орестовым — вот мятущаяся душа! Перебирал я его письма — чем только он не занимался, куда только его не носило! Сейчас, кажется,

твёрдо осел в Пятигорске, получили мы недавно от него письмо, пишет, что решил больше никуда не переезжать.

Натолкнулся я, перебирая «Звезду», на Гиршковича ¹¹, на его самоубийство. Ты ведь его знал? Очень хороший парень был, и очень жаль его, запутал парня Ганька Мясников.

Неприятное ощущение на работе бывает и у меня: видишь, что люди делают глупости, раздражаешься, а по-настоящему вмешаться не можешь — нет у тебя сил, чтобы принять на себя все руководство и всю ответственность, чтобы сказать: дайте, лучше я сам сделаю. Старость имеет свои неприятности, во многом близкие к тем огорчениям, которые переживают дети. Находишься на положении тех, о которых говорят: хочет, но не может. Приходится, старик, мириться с таким неприятным положением. Я еще годик-полтора поработаю в издательстве и, если жив останусь, перейду на подножный корм, постараюсь хоть в последние дни жизни сам писать, а не править написанное другими.

Вот я и заскулил, чего делать не следует.

Пиши. Не обижайся, что я не сразу отвечаю.

Кланяйся жене и дочери.

М. С. АСТАФЬЕВА —
Б. Н. НАЗАРОВСКОМУ

24 апреля 1969 г.

Дорогой Борис Никандрович!

Давно получили Ваше доброе письмо! Получили и программы телевидения, и вырезку из «Вечерней Перми». За все Вам самое сердечное спасибо. Спасибо и за отзыв о спектакле ¹ (хотя это совсем не то слово).

Не писала Вам по двум причинам. Во-первых, В. П. как-то очень неважно себя чувствовал и физически, и душевно, и тревога моя большая мешала мне думать о чем-либо другом. А во-вторых, хотелось ответить Вам тоже чем-то значительным, а оно не случилось.

Г. Добровольская — актриса, на мой взгляд, разная, вернее, не всегда понятная, что ли. С очень хорошим чувством я приняла ее в «Останутся воспоминания» — тоже в литературном театре. Зато в «Звездопаде» она совсем никакая. Как хороша она, какая большая ее удача в «Варшавской мелодии», в «Дурочке» и в других спектаклях [нрзб] как никакая, опять же, Лариса в «Бесприданнице». Ну, это мне так кажется, а вообще она очень талантлива, и я безмерно рада и за нее, и за Виктора Петровича, и за успех спектакля. И, конечно, жаль очень, что не довелось его увидеть.

А мы здесь один раз сходили в филармонию, послушали прелестную музыку в исполнении скрипача Игоря Фролова. Он в Перми бывал не раз, и потому мы его вспомнили и с удовольствием шли на встречу с ним. Филармония — в бывшем дворянском собрании. Красивая лестница внутри, уютные залы, сохранена роспись на потолках, люстры, только с лампочками вместо свечей.

Пришли мы пораньше, походили, посмотрели, вошли в зал. И сделалось мне грустно... Мы редко посещали сольные концерты в Доме политпросвещения, чаще слушали симфонические концерты в оперном театре. Всякий раз, когда мы ходили, был для меня праздником. Я с самого утра уже была в каком-то особом настроении, всё старалась делать так, чтоб все домашние были довольны, чтоб всем было хорошо и никто не испортил бы мне этого светлого настроения. И в театре: и этот зал с зелеными, будто бархатными

стенами, и сверкающий паркет, и удобные кресла, и люди, и оркестр, и музыка... И такое трепетное благоговение охватывало меня.

Я, наверное, ни к чему пишу про все это, и зря утомляю Вас, но я глубоко печалюсь, не видя всего этого здесь. Когда зазвучала музыка — это прошло, отдалилось. И вот я думаю, как еще много раз, еще долго будет наслаждение музыкой граничить с утратой чего-то безмерно родного ². Извините меня, Борис Никандрович, никому другому я этого не говорила.

А вчера мы посмотрели «Братьев Карамазовых» — первую и вторую серии. Что сказать? Хороший фильм! Не хватает ума постигнуть талант писателя. И несколько раз подумалось: а видел бы это сам Федор Михайлович! И несколько раз закипали слезы. Один Алёшенька чего стоит! И странное дело: И. Пырьев поставил этот фильм! Пырьев, который снимал «Свинарку и пастуха», «Сказание о земле Сибирской», «Богатую невесту». И надо же было углядеть в Лаврове Ивана.

...А Виктор Петрович ездил на рыбалку на Кубенское озеро. Привез много сороги, окуней приличных, щук и даже нельму! Но и искупался: от берегов за день отъело лед. Как-то обойдется? Пока ничего, спит хорошо и никаких пока простудных явлений. Вчера вечером сидели, разговаривали, и он заговорил о том, что, очевидно, засядет за «Звездапад». Когда вычитывал гранки из «Сов. России», то очень почувствовал, что повесть эта наиболее слабая среди других. А за время работы над сценарием нашел много интересных деталей, написал несколько кусков, отчего она стала глубже, драматичней, полней. Но прежде нужно доделать «Пастушку», пока не перегорел. А работа трудная, в чем-то даже на этих порах непосильная, нужен разговор, большой и объективный, что ли. Думает над нею много.

Сегодня получили телеграмму от Петра Павловича — отца В. П., едет в гости сюда, а после праздников, вместе ли мы с ним, один ли пока, — отправится в Пермь, в Быковку.

Андрюша ³ пишет редко, и оттого, что не дают им там спокойно служить, и оттого, что жизнь — служба — однообразна и малопривлекательна.

Погода здесь уже больше похожа на лето: сухо, тепло, но деревья еще голые, с набухшими почками.

Обзавелись картой Вологодской области — странная она, нисколько на Пермскую не похожа: и не густо населена, и дорог железных мало, а болот много, рек и речек тоже много.

Витя много рассказывал про Спас-камень, который возвышается среди Кубенского озера. Еще давно монахи соорудили искусственный остров и на нем воздвигли монастырь. Монастырь этот пытались взорвать, чтобы кирпичом попользоваться, но ничего из этого не получилось, и так полуразрушенным стоит он и по сей день, видный со всех сторон.

Вот пока и все. Жизнь здесь идет спокойно. У Вас же там это время было наполнено всевозможными событиями. Как-то они разрешились?

Искренне Ваши, М. С. и В. П. Астафьевы.

[1969 г.]

**Здравствуйте еще раз,
дорогой Борис Никандрович!**

Хотя у нас никаких существенных новостей за это время не случилось в жизни, все-таки хочется поговорить.

Ну, о съезде, теперь уже дело прошлое, не знаю, надо ли чего писать. Виктор Петрович на него не ездил и не

сжалеет. Зато после съезда у нас побывало немало очень добрых, умных и милых людей. В том числе Николай Николаевич Яновский с супругой-критиком, из Новосибирска, он заведует отделом прозы в «Сибирских огнях». Человек удивительный, много переживший, познавший, но не утративший и чувства юмора, и тонкого понимания всевозможных жизненных ситуаций, очень эрудированный и деликатный, умный человек. Не случайно Виктор со дня знакомства с ним, а это случилось при редактировании там «Кражи», не переставал им восхищаться. Я тоже благодарна жизни, что она даровала мне такое приятное знакомство. Были Виктор Лихоносов из Краснодара, бывший сибиряк, и Виктор Потанин из Кургана. Замечательные, умные и серьезные ребята. И пишут оба хорошо, талантливо. Да Вы, наверное, читали и того и другого. Было все эти дни очень хорошо нам с ними, было много интересных, острых, серьезных разговоров, и впечатления после их отъезда остались самые приятные. И еще осталась уверенность, убежденность такая большая и добрая в том, что в литературе много работает достойных и талантливых литераторов, что работают они добросовестно, глубоко знают жизнь и не допускают в своем творчестве компромиссов.

А теперь Виктор Петрович отводит душу на рыбалке, ездит на Кубенское озеро, ловит сорогу, щуку, окуней и даже нельму! Рад-прерад, что удалось ему выкроить время для рыбалки.

А вчера вот пришло известие из Перми о том, что там вроде бы уж начали работу над спектаклем «Черемуха». Это по рассказу «Руки жены» он писал пьесу. Это приятно. Рассказ добрый, люди описаны в нем хорошие. И еще написали о том, что в театр снова возвращаются Вельяминов ⁴ и Добровольская. И вроде претендуют на заглавные роли в этом

спектакле. Это уже печально. Виктор Петрович, по-моему, еще ни разу не сталкивался с таким предательством (мужским), какое пережил с артистом Вельяминовым и, конечно же, вовсе бы не хотел видеть в лице его своего главного героя. Ну, если дело дойдет действительно, то, очевидно, нужна будет еще кое-какая доработка в тексте (его маловато) и распределение ролей (он ведь знает очень многих актеров в театре), и тогда он скажет свое мнение и слово.

...С наступлением тепла сильнее затосковалось о милой сердцу Быковке. И будем мы там непременно, только когда это случится, трудно сказать.

...Очень поздравляем Вас с выходом книги! ⁵ Издана она хорошо, и я ее на днях показывала вместе со сборниками стихов Бурылова и Михайлова, недавно вышедшими в Перми, а особенно «Потешки» ⁶, показывала архангельским издателям с намеком — как надо издавать книги! Здесь было собрание — утверждение и изменение издательского плана и вообще разговор издателей с авторами. Книги переходили из рук в руки. Все хвалили издания и особенно издателей-пермяков. Архангельцы пытались было оправдаться: мол, другая у них база, другое положение... А «Потешки» вообще вызвали фурор! Еще бы!

Спасибо Вам, Борис Никандрович, за них огромное, спасибо за Вашу книгу. Виктор сейчас читает. Зная, сколько нервотрепки и всевозможных переживаний стоило Вам ее появление на свет, желаем, чтобы следующая Ваша книга избежала бы такой участи и оказалась бы более везучей. Желаем Вам сил соразмерно Вашим делам и замыслам, желаем бодрости духа и легкого, заслуженного отдыха летом на природе, на Винном.

Со сборником рассказов о войне, который составлял Виктор Петрович, тоже дела идут не гладко и тоже вызы-

вают немало негодования, разочарований и переживаний. Дело дошло до того, что рассказ, именем которого назван сборник, и тот «ушли». А название осталось. Что тут скажешь?

Еще раз желаем Вам всего самого наилучшего и доброго здоровья.

Ваши навсегда, В. и М. Астафьевы.

Привет Савватию Михайловичу.

[1970 г.]

**Здравствуйте,
дорогой Борис Никандрович!**

Вот уже скоро неделя, как вернулись из поездки по Северу, а все еще пребываем под впечатлением увиденного, услышанного и пережитого за это время. Поездка получилась неожиданно интересной, удивительной и удачной в смысле погоды, потому что за все время нашего путешествия лишь один раз после обеда был дождь, а так все солнце, тепло, сухо, самая золотая осень. Все дивились (тамошние жители), что в сентябре и такая погода.

Началось все с того, что издали, со стороны посмотрели мы на Урал! Сначала горы проступили далеко-далеко в дымке, как мираж, затем все приближались, проступали явственней, и сделались видны снега на вершинах гор, а когда проехали Полярный Урал, они подступили к самой линии! И я только все понять не могла, когда все говорили: «Сибирь, Сибирь». А мы же ехали на Север!

Наяву увидела я и северное сияние! И тундру, и кедровые вековые и молодые, даже сами шишки сшибали! И бруснику собирали! И рыбы отведали всякой, даже самой редкой в наши времена, и дичи было, сколько хотели! И хантов

видели, даже в чумах у них побывали. И сама Обь — река, на другие не похожая. А путешествовало нас немного: мы с Виктором Петровичем, Капустины — художники, муж с женой из Москвы (он оформлял «Синие сумерки»), Летов — журналист из Салехарда и команда из трех человек. Плыли сначала по малой Оби, затем по большой.

Пока ехали, пока плыли, все думалось: какая же большая наша матушка-земля! И сколько на ней народу. Сколько судеб! Железная дорога расположена в неудобных местах, и впору вспомнить: «А по бокам-то все косточки русские...» И эти уединенные, отгороженные от мира заведения видели. Их много обочь дороги, даже «полосатиков» видели. И трудно было освободиться от дум, что человек — самое разумное существо на земле и как неразумно он распоряжается подчас своей жизнью.

И хантов надо было увидеть. Их уж немного осталось на земле, но они сильны в своих обычаях, традициях, и цивилизация на них влияние оказывает разное: пьют очень много, а живут по-прежнему грязно и неуютно. Обычаи свои оберегают (мы были на захоронениях у них) и в то же время на зимовьях у них замки, большие, амбарные... Много, много раздумий возникало при виде их.

И вообще, всего не напишешь. Отложим до встречи. Мы ведь не теряем надежды на Ваш приезд, Борис Никандрович, и думаем, что он уже не за горами.

Виктор Петрович где-то в половине октября дней на пять должен будет выехать в Архангельск, там выездное правление будет проводиться, широкое (Карелия, Архангельск, Мурманск, Вологда и пр.). И после будет все время дома.

А сейчас уже вошел понемногу в работу. Правда, очень переживал, что трудно будет после такого продолжитель-

ного перерыва входить в рабочий настрой. Но вот начал новую, большую вещь о войне, на много лет. И рад, что расписывается.

Погода у нас самая осенняя началась: тепло, но дожди перепадают почти ежедневно. Ирина гостит где-то в Перми, ждет Андрея, а он еще не вернулся из колхоза.

Открылась здесь очень интересная выставка икон. Мы думаем, что Вы ее увидите, потому что очень надеемся видеть Вас нашим дорогим гостем на нашей серебряной свадьбе, которая будет праздноваться 25 октября.

С пьесой Виктора Петровича — пока никаких вестей от режиссера нет. Иринка должна зайти узнать.

Вы уж сейчас, очевидно, перебрались на городскую квартиру? Хотя сентябрь, и вообще осень там чаще бывала хорошей, теплой и сухой. Петр Павлович ведь тоже там пока до сих пор, вот уж вместе с Ириной приедут сюда.

Как поживают Наташа⁷ и Надежда Алексеевна? ⁸ Я ей писала немного, но ответа пока нет, да и то сказать — летом регулярной переписки не получается.

Новостей у нас пока никаких не накопилось. С утра Витя работает, я тоже занята, а вечером отправляемся в кино. Сегодня идем домой, он и говорит: «Рассказать кому-нибудь о нашем образе жизни, скажут: дураки! идиоты! Каждый день в кино! Да фильмы все хорошие, но и «переживательные». Такая нагрузка!»

Но как-то тут разом идут все хорошие фильмы. Вот и сегодня посмотрели двухсерийный фильм американский «Поезд». Это о спасении картин. Ошеломляющий фильм. Возникает опасение, что наш подобный фильм (на этом же материале — «Достояние республики») после этого окажется в затруднительном положении, или, как это сказать, трудно ему будет пробиться «в люди».

Передавайте, пожалуйста, наши приветы Наташе и Аликиным. Очень будем рады видеть Вас у нас здесь. И пока на том прощаемся.

Искренне Вам преданные, Астафьевы.

[1970 г.]

Уважаемый Борис Никандрович!

С праздником Вас! И всего Вам самого доброго, приятного, здоровья Вам и бодрости на многие годы!

Огромное спасибо Вам за поздравление, за все Ваши хорошие слова и пожелания, и за медведя, прелестного и молодого, — глядя на него, так и хочется улыбаться и радоваться.

Вот и отзвенела наша серебряная, и Виктор Петрович уже понемногу пытается войти в рабочий настрой, пока разбирается с почтой, отписывает деловые ответы, разбирает рукопись, поскольку на днях должен приехать редактор и надо будет сидеть над нею. У меня мой настрой произошел очень быстро, потому как быт не терпит отлагательства и промедления.

Одним словом, жизнь начинает обретать оседлый образ. И зима вот, видимо, приближается — сегодня ночью был первый заморозок. А снега пока не было совершенно.

В «Роман-газете» работу — редактуру «Последнего поклона» — он закончил, и обещают дать во втором номере будущего года. О выездном секретариате Вы уже, очевидно, в курсе дел. Витя говорит, что еще не слышал такого умного разговора при такой большой аудитории. Посылаю Вам «Северную правду» — поглядите. Там же и рассказ Виктора Петровича. И еще посылаю поэму Виктора Коротаева. Материал удивительный. Он же ее «не дотянул»,

побоялся, что опередят. А вообще — Витя ему об этом говорил, — это должно быть чем-то вроде «Медного всадника», на этом же уровне, или хотя бы как «Зодчие» у Кедрина. Что работать над этой поэмой ему надлежит не год и не два.

Василий Иванович ⁹, как вице-президент клуба болгаро-советской дружбы, вскорости после Архангельска отбыл в Москву, теперь где-то в Киргизии и говорит, что если это переживет, то долго жить станет. Первую часть романа «Боковик» он закончил, а за вторую засесть пока недосуг.

Я, будучи в Архангельске, закончила редактуру своей книжки, в нее войдут две повести: «Отец» — несколько дополненная и «Данька Елохов» — перелопаченная основательно. Сдали в производство.

От Андрея пришло письмо, бодрое, доброе, учебой доволен, общежитие будет с первого ноября уже постоянное. Дважды уже получил стипендию, комиссию прошел, получил зачетку и студенческий билет, и что теперь он настоящий студент, и вот он уже изучает историю, и все равно будет археологом! Дай-то бог. Мы за него рады и благодарны добрым людям безмерно. Пожалуйста, передайте наши приветы, поздравление с праздником и добрые пожелания Елене Николаевне ¹⁰.

О делах с пьесой Витя пока ничего определенного не знает, ничего не пишут. Ну, напишут еще.

Борис Никандрович, а видеть Вас мы всегда рады и терпеливо ждем, когда Вы соберетесь к нам на Вологодскую землю. Она хоть и северная считается, но вот видите, и зимы еще нет, и тепло стоит, и люди хорошие.

*Всегда искренне Вам преданные и любящие Вас,
Виктор и Мария Астафьевы.*

19 ноября 1970 г.

Здравствуйте, дорогой Борис Никандрович!

Недавно, дня два-три назад, из Пермского драмтеатра прислали, вернее, вернули Виктору Петровичу пьесу: где-то и кто-то ее не затвердил. Чодришвили в рукопись вложил и письмо, но оно столь невразумительно и пространно, касательно желаемой дружбы и сотрудничества, что ни огорчить, ни обрадовать, естественно, не могло. Огорчительно вовсе другое — то, что он вернул свой вариант пьесы, и удастся ли Виктору каким-то образом выручить свой, прежний; а в этом, по сути дела, от авторского текста и замысла не осталось и камня на камне, и вовсе неудивительно поэтому, что его не затвердили. Еще огорчительно то, что так долго все это тянулось, ну и, наконец, все разговоры, кои велись по поводу спектакля, работы над ним в уже вполне определенной форме, настраивали на поездку в Пермь. Ну а теперь все это изменилось и отодвинулось на какое-то время, и как скоро оно наступит, трудно сказать.

Видите, и я пишу так же витиевато и невразумительно, вместо того, чтобы прямо сказать — видать, долго нам еще не свидеться, если и Вы вдруг отложите свой к нам визит. Не откладывайте, пожалуйста, его далеко, а как выдастся подходящее время да будет соответственное настроение и здоровье — приезжайте.

Новостей за это время пока никаких не накопилось. Праздники миновали, и вроде спокойней сделалось жить. Виктор понемногу работает. Понемногу потому, что все еще неважно себя чувствует. Сначала, еще до праздников, застудил где-то горло, а потом привязался грипп — не грипп, но состояние такое же: когда вроде и не очень болен, а делать ничего не можешь и сам себе не рад. ...Однако,

несмотря на недомогания, каждый день садится за стол — дела ведь, к тому же самые неотложные, появляются именно тогда, когда не до них. Ну вот вчера отправили рукопись «Затесей». Пишет предисловие к однотомнику Ивана Паникина, который выйдет к его 50-летию. А тут еще завалили рукописями. А ведь у него один глаз да больная голова — и для себя, для работы надобно бы поберечь. А что поделаешь? Удобную такую мотивировку нашли: мол, мы вас издаем, так уж и вы нам помогите!..

Женя Носов из Курска вон тоже пишет, что лето пропало — поехал на Нижнюю Волгу и попал в холерные места и просидел. А когда вернулся домой, тоже ни покоя, ни одиночества не нашел, тоже, говорит, завалили рукописями.

Ну, было бы здоровье, все остальное как-то образуется.

Тут как-то сидели вечером, говорили о том, о сем, Витя и говорит: «Смотри, уж два года почти, как мы здесь живем! Время-то «тикает» (как у Вити Коротаева в стихотворении сказано: «Годики, как ходики...»).

И много всего за это время было! А вот с «Пастушкой» дело так и не сдвинулось. Конечно, если бы пойти на уступки, то те же «Сибирские огни» хоть сейчас взяли бы — недавно письмо как раз об этом пришло. Но... Много было интересных поездок и встреч, и знакомств, и разговоров. Вот во вторник (вчера звонили) собираются приехать к нам Юрий Васильевич Бондарев, Юрик Сбитнев и художник, тоже Юрий — Федотов. Такие встречи и разговоры приятны, интересны и полезны. А там, если будет лучше со здоровьем, то Витя поедет в Москву на недельку — вычитывать верстку в «Роман-газете» да на редколлегию в «Наш современник». А после и опять надобно бы за стол — осень да зима всегда для Вити были самым рабочим време-

нем. Он и за это время написал пять затесей, будто между делом; три из них, на мой взгляд, просто превосходные.

Ну, это о делах.

А так жизнь идет, живем помаленьку. Зимы и холодов у нас пока еще не было, но будет и то и другое, и, видимо, уж не за горами.

...Борис Никандрович, я недавно тут перепечатывала письма Суворина к Розанову, и вот некоторые посылаю (вторые экземпляры для Вас закладывала). Витя говорит, что Вы все это знаете и, очевидно, их имеете. Ну если так, то и ладно. А если, мало ли, не попадали они Вам на глаза — почитайте.

На днях написала Надежде Алексеевне письмо — у них ведь, очевидно, уже Алеша приехал домой?

...Дружно и старательно болеем за пермский «Молот», но, видно, не доходит наша молитва или пермский болельщик настоящий перевелся — дела-то у «Молота» неважные».

О том, что в драмтеатр приехал новый главреж и второй тоже молодой и новый, слышали. Что-то дадут эти перемены? Какой у них нынче репертуар? Что из классики ставят? Ну все, я прощаюсь с Вами на этом, а то вопросам и конца не будет. От Виктора Петровича Вам горячий привет.

*Искренне Вам преданные, Виктор
и Мария Астафьевы.*

15 марта 1971 г.

Дорогой Борис Никандрович!

Вот уж скоро месяц, как мы вернулись с Урала, и хотя уже много всего и всякого за это время произошло, а кажется, будто совсем недавно мы гостили у Вас, недавно покидали свою милую деревенскую избушку... А и весна

уж на дворе — солнечно, тепло и сыро; и собрание писательское прошло, и сороковины по Коле¹¹ справили. Время не стоит на месте.

Собрание прошло очень хорошо, разговор шел откровенный, серьезный, даже, наверное, слишком серьезный. И В. П. выдал такую речь — и относительно современной критики, и по поводу «Нового мира», и о военной литературе, — что после его выступления сразу же объявили перерыв, и все ребята почему-то подходили ко мне и всё утешали: мол, не бойтесь, ничего не будет, мол, мы в обиду не дадим... Присутствовали на нем и секретарь обкома, и зав. сектором печати при ЦК. Одним словом, высказали всё, хотя представители ожидали скорее всего истерики и пр., но не такого разговора, и потому в заключительном слове этот самый зав. сектором заявил, что понял теперь, почему сюда просятся переехать Распутины, Лихоносовы и пр. Но, мол, я их не пущу сюда...

И сороковины по Коле отметили тоже путем, как говорится, все съездили на кладбище, отряхнули венки, поговорили, погоревали, выпили по рюмке горькой, на могилу покропили, а после уж застольем сидели до позднего часа, стихи читали, пели, говорили, плакали, всё вспоминали, вспоминали...

И вот теперь уже всё позади. Два дня назад вернулись из Москвы, В. П. ездил на редколлегию в журнал, а после «обмывали» «Последний поклон» в «Роман-газете». Настроение после выпивок да после всяких событий пока еще не то, чтоб работалось либо жилось спокойно, но вот В. П. сегодня уж весь день сидел за столом, писал предисловие к книге Е. Носова, которая будет издаваться в издательстве «Современник» и войдет в нее почти все, что он написал за двадцать лет. Удивительный он человек, этот Женья

Носов, талантливый, скромный, думающий, эрудированный — с ним даже вроде молчать и то интересно, а уж говорить и думать... В. П., если ничего не стряется, летом собирается с ним на пару поехать в Сибирь, попутешествовать по Енисею, надышаться, наговориться, отдохнуть.

В. И. Белов написал прекрасный роман, первую часть. Какая у него память на детали — диву даешься. А какие люди в романе! Их уж много он ввел, наверное, всех, кои будут присутствовать и во всех остальных частях, но их всех уже видишь и никого не спутаешь, и Африкана, отца Ивана Африкановича, ввел, видимо, думает развить его линию. А завтра он улетает в Москву на недельку — посидеть над архивами. Саша Романов, секретарь, уехал в Переделкино поработать, Витя Коротаев заканчивает нынче ВЛК¹². Так, вроде, все при деле.

А как там поживаете Вы? Что нового? Всё надеемся на Ваш приезд сюда. Книжку «Тепло добра» мы пока не купили. Вы, Борис Никандрович, если будет случай, то купите, пожалуйста, для нас. И еще, когда будете проходить мимо охотничьего магазина, что внизу Вашего дома, то, пожалуйста, купите еще значков с рыбкой — такие малюсенькие значечки — обещают нынче хорошую рыбку, будто и нельма ловиться будет, а награждать нечем! (Виктор тут всех насторожил и заинтриговал, что каждый, кто поймает нельму, будет награжден значком!) Это, разумеется, вовсе не обязательно, но если будет случай зайти да окажутся они в продаже, то уж и купите.

«Пермь вечернюю» с отрывками из «Пастушки»¹³ прислали нам, а с публикацией всей повести пока вопрос никак не разрешился, правда, пришло письмо из «Современника» с предложением «кое-что» сделать, и тогда бы они попытались ее определить.

Очень желаем Вам доброго здоровья, успешных и интересных дел, солнечной хорошей погоды, бодрого настроения и всего-всего хорошего.

Посылаю Вам свою книжку не удивить, а просто от всего сердца на добрую память.

Всегда Вам преданные, Ваши В. и М. Астафьевы.

[Апрель 1971 г.]

Дорогой Борис Никандрович!

Поздравляем Вас с наступающим праздником! Желаем Вам доброго здоровья на многие годы, интересных и успешных дел и всего-всего хорошего!

У нас все пока по-старому, все живы-здоровы.

Виктор Петрович совсем уже было собрался лететь в Красноярск на премьеру «Кражи», но в последний момент передумал. Радостно это и боязно. Радостно — увидеть свое на сцене, впервые, да к тому же на своей родине! Боязно — не остались ли от «Кражи» рожки да ножки, пьесу писал не он.

И на пленум (был приглашен) не поехал, а направился на рыбалку, и вот явился только вчера вечером, усталый и довольный. А сегодня приезжают А. М. Граевский и Л. Фомин из Свердловска.

Последнее время Виктор Петрович хорошо поработал, пожалуй, впервые в этом году. Написал предисловие (слово о друге) к книге Е. Носова; рассказ «Про жестокую любовь» и доделал «Ночь космонавта» — рассказ получился многомысленный и большой — 50 стр.

Посылаю Вам как праздничный привет журнал «Смена», в нем удивительные фотографии удивительных (рукотворных!) цветов и портрет этого вологодского умельца, а текст написан Виктором.

А вообще, живем потихоньку и, вольно или невольно, и мысли, и разговоры снова и снова о Коле. А он уже более трех месяцев лежит успокоенный и ко всему земному безучастный; и женщину, любившую и погубившую его, осудили...

Все свершилось. Но никому не стало легче. И все не верится, что он никогда больше не придет, не будет читать стихи, играть на гармонии и петь... И она все стоит перед глазами, и не ранешная, а уже подсудимая, такая красивая и молодая, прямо как у Блока... И какая мудрая боль (если только боль может быть мудрой) была в ее последнем слове!..

Что-то вовсе не о том, о чем принято писать в праздничных письмах, пишу я. Простите меня!

На днях вернулся из дома творчества А. Романов — секретарь, пришел к нам и такие читал стихи! Глубокие и прекрасные. Ну и молодец! А та женщина, находясь под следствием в тюрьме, написала поэму, да такую... — проговорился следовательно, что, мол, жаль, что нет такой статьи...

Как все это постигнуть?

Опять я что-то не то пишу. Как говорил Р. Гамзатов с трибуны съезда писателей: «Язык все вертится вокруг большого зуба...» Так и тут.

Все ждем тепла и лета. Если все будет хорошо, то В. П. в конце мая собирается в Сибирь. А я — на Урал, в Быковку. Но... планы пока строить рано, поговаривают, будто из-за Волго-Балта и наш город может сделаться «оседлым», и как оно все будет, сказать трудно.

Витя вчера, просматривая газеты, где-то вычитал, что в издательстве «Современник» художественный редактор В. Вагин ¹⁴. Уж не Володя ли покинул Пермь?

Ну вот, вроде и все пока. Выберется время, напишите нам, пожалуйста, о себе и пермяках. Наташе и Сереже наши приветы и поздравления с праздником.

Всегда Вам преданные, В. и М. Астафьевы.

Р.С. При случае передайте, пожалуйста, привет Елене Николаевне Лукьяновой.

М. С.

[Май 1971 г.]

Уважаемый Борис Никандрович!

Мы не раз вспоминали Вас за праздничным застольем и пишу, чтобы передать Вам приветы от здешних наших друзей и пожелать Вам доброго здоровья и всего-всего лучшего!

И как привет посылаю Вам местную газету с литературной страницей и последнюю (изданную при жизни) книжку стихов Н. Рубцова.

У нас опять все по-старому. Сегодня провожаем последних гостей — А. П. Соболева с женой, а завтра Витя с В. И. Беловым уезжают в Ленинград выступать на секции прозы и перед читателями.

А у меня уже и машинка на столе, и рукописи В. П. — засяду надолго. Праздник прошел хорошо, именинник был здоров и весел, но безголос (оставил голос на рыбалке). Зато рыбы на столе было вдосталь и во всяких видах.

Погода наладилась, стало тепло и сухо. Андрей пишет, что у него пока все хорошо. Толя наш посылал мне очки и завернул их в несколько «Вечерок». В одной оказалось интервью Л. Давыдычева о разных делах писателей. Ясно одно: от скромности он не умрет. А Андрей Ромашов прислал рукопись повести с оговоркой, что не очень рассчиты-

васт на прочтение ее Виктором, но как доказательство, что все-таки работает, т. к. для многих членство в писательском союзе стало почетным тунеядством. «Пастушку» у Вити настоятельно обещают дать в 8-м «Нашем современнике» — хотя это еще ничего не значит, но все-таки на душе легче.

А как Вы, Борис Никандрович, поживаете? Чем заняты? Вернулась ли из отпуска Наташа? Привет ей.

Вам горячий привет от Вити.

С глубоким уважением, ваша М. С.

[Осень 1971 г.]

Здравствуйте, дорогой Борис Никандрович!

Так давно Вам не писала, что не знаю, с чего и начать. Жизнь наша идет вроде бы по-старому: те же дела да заботы, так же не хватает дня, и чем дальше, тем больше хочется успеть. А получается когда как, так и живем.

Виктор Петрович в Москве с Андреем. Андрей поехал посмотреть, побывать на выставках да встретиться с другом, с которым вместе служили в армии. А Виктор Петрович — по делам. В издательстве «Молодая гвардия» должна выйти у него большая книга, в ней и повесть «Пастух и Пастушка». Они всё выжидали, и только когда появилась публикация в журнале, рискнули ее оставить в книге, но точно по журнальному варианту и ни слова больше. Вот и вызывали его освободить рукопись от непроходимого.

Работал он все это время немного и урывками. Правда, написал несколько затесей, да рассказ большой правил (о космонавтах). Он уж был набран в «Огоньке», но совпало это с гибелью наших космонавтов ¹⁵, и дело на том кончилось. А урывками работал и потому, что при случае ста-

рались выбраться на природу, пользуясь благоприятной погодой и возможностью, и потому отчасти, что летом в городе работать трудно, шумно. Рассчитывает на осень, осенью он всегда много и добро работал.

Завтра-послезавтра должен приехать сюда Женья Носов из Курска, да вот Граевские завтра приезжают, мы их немного потаскаем по городу, и все вместе отправимся куда-нибудь в деревню, чтобы рыбачить, брать ягоды, охотиться, если будет желание, разговаривать и на время освободиться, если это возможно, от суеты сует.

Пермские издатели прислали трогательное поздравление ему с наградой — было приятно. На «Беларусьфильме» снимают фильм по его рассказу «Ясным ли днем».

Андрей много и очень заинтересованно рассказывал об экспедиции, и вообще очень рад, что учится, что изучает историю и что все-таки станет поздно или рано археологом. В Вологде он дома себя не чувствует — от этого немножко грустно, а вообще, мы с Витей рады тому, что он серьезно, с сознанием ответственности относится и к учебе, и к жизни. Если так будет, так и слава богу, как говорится. Скоро ему уже уезжать.

Мы же скорей всего наведаемся и в Пермь, и в Быковку уж поздней осенью.

А как поживаете Вы? Как здоровы? Как провели лето? Я как-то так нынче прожила этот месяц в деревне, что и с Вами свидеться не смогла: то дождь пристигнет, так что с полдороги с Толей дважды возвращались; то Вас не было; то в тревоге и в переживаниях больших пребывала из-за Вити, пока он там устраивал всякие сложные и нелегкие, безрадостные дела.

Посылаю Вам сборник стихов А. Яшина — у вас его, наверное, нет, а издан прилично.

Ну вот пока и все. Вот придет Витя, порасскажет, как там и что, и я напишу опять. А пока очень желаю Вам доброго здоровья, бодрого настроения и хорошей погоды, чтобы Вы подольше пожили на даче. Передайте, пожалуйста, приветы наши Аликиным, как увидите.

Всегда Вам преданная, М. С.

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ —
В. П. и М. С. АСТАФЬЕВЫМ

[1971 г.]

Дорогие Виктор Петрович и Мария Семеновна!

(В данном случае позволяю себе поставить женское имя вторым.)

Поздравляю вас!

Поздравляю прежде всего с большим литературным успехом, каким является повесть «Пастух и пастушка». Поздравляю с опубликованием этой повести в журнале (а следовательно, и в книгах), то есть с разрешением от бремена, которое приносит облегчение и открывает путь дальнейшему.

Поздравляю (с большим запозданием) с награждением Виктора Петровича орденом Трудового Красного Знамени. Хороший орден. До меня в Винном Заводе весть эта не дошла. Печать, даже специальная литературная, это писательское награждение по каким-то соображениям замалчивает.

Главное все же — «Пастух и пастушка».

Второй день хожу я под впечатлением этой повести и с мыслями о ней. Я же не читал ее раньше и по ка-

ким-то обстоятельствам не был в издательстве, когда ее читал Виктор Петрович. Не знаю поэтому, что пришлось исключить, чем пожертвовать. Знаю твердо: и в этом варианте повесть — сильная вещь, говорит многое и говорит убедительно. К сожалению, мысли, возникающие при ее чтении, трудно высказать публично. Можно навредить автору. Для того чтобы высказать не навредив, надо иметь талант, например, Лакшина.

Про что эта повесть? — думал я, всегда заинтересованный содержанием. Как можно формулировать ее тему, именно тему, а не сюжет. Скорее всего так: повесть эта про то, что война убивает. Не на войне убивают (про это пишут все, даже самые сладкопевцы), а война убивает.

Борис умер не от осколка мины, попавшего ему в плечо, он умер потому, что сердце его, еще не огрубевшее сердце, больше того, понежневшее после свидания с Люсей, не перенесло войны. Впрочем, и загрубевшее сердце Мохнакова тоже не перенесло, пожалуй, потому, что он прикоснулся к Борису и, даже враждебно-высокомерный, почувствовал его и проникся к этому сосунку уважением.

Борис получил рану во время особенно страшного ночного боя. Не только контузию от взрыва своей гранаты (хотя и эта вещная, физическая подкладка событий существует). Напряжение этого боя надорвало его сердце. Мир сделался зыбким с этого дня, от этой снежной, черной и кровавой круговерти пошли уже неуспокаивающиеся волны. Говорят, что сцена боя затянута, что такая затянутость не нужна для сюжета. Возможно — если брать сюжет, случай. Для темы же сцена боя нужна именно такой, во всей ее длительности, пусть кажущейся. Помимо прочего, без такой большой сцены не будут прочитаны старик и старуха.

После ночного боя шло нарастание надрыва. От раны так не умирают. От раны наступает смерть, а не успение (прекрасное, из церковного оборота, слово, которое, боюсь, сейчас, после астафьевского открытия, затаскают). Из этого зыбкого мира Борис спокойно уходит в вечный сон, в полное успокоение. Поезд его сна и санитарный поезд.

Свидание с Люсей. Оно целомудренно. Нет, не только написано целомудренно, а написано так потому, что было целомудренным. И веришь, вопреки всему, о чем говорит рассудок, что эти люди были действительно созданы друг для друга. Оно, это свидание, обнажило еще больше сердце Бориса. Кажется, после этого сказано: «Нести свою душу Борису сделалось еще тяжелее». Еще бы: в ней уже двое.

Сначала кажется неправдоподобным, что они не обменялись адресами. Может быть, было бы легче, если бы прощание не оказалось таким неожиданным и, со стороны Бориса, нелепым. Не знаю. Так естественно и прочно то, что произошло между ними ночью, это полное слияние тел и душ, что Борису, наверное, и не подумалось о войне, которая разлучит их. Борису, ошеломленному первой близостью с женщиной. Разлука стала раной, хотя сам он ее не замечал. Это в подсознании.

Люся — женщина, и потому мудрее. Да и пережила она, конечно же, больше, хотя автор ничего не рассказал о ней, выписаны только глаза, только лицо, все остальное оставлено домысливать читателю. Тут исключение из общего стиля. Благодаря ему, Люся остается в повести немногим абстрактным женским началом, точнее — началом женственности. Да если бы была написана жизнь Люси — до и после, — повесть потеряла бы силу большого обобщения. Плачущая над одинокой могилой даже не названная

одинокая старая женщина потеряла бы свое значение огромного символа. Бояться такого символа нечего.

И еще повесть про то, что каждый человек незаменим. Можно заменить солдата, комвзвода, его помощника. Можно заменить тракториста, председателя колхоза, рассыльного колхозной конторы. Человека заменить нельзя. Он всегда единственный, неповторимый и незаменимый. Потеря одного уже обедняет мир.

В повести нет пустых фигур, нет имен. Все живут, и все реальны, и как реальные запоминаются от Карышева с Малышевым до немца-денщика. Всё же сосредоточение авторского внимания на двоих, даже на одном, достигает такой степени, что родит эту мысль.

Конструкция повести жесткая, беспощадно жесткая, как беспощадно жестока война. Голос автора в этой повести тот же, знакомый нам: мужественный, грубоватый и нежный. Будут, конечно, говорить о сентиментальности. Но без сентиментальности нет и не может быть человечности. Даже в сентиментализме, как в литературном направлении, нет ведь ничего дурного, в нем здоровое начало внимания к человеку, а не к чину, не к мундиру, не к системе.

Как всегда коротко и очень, сверх обычного, плотно. Видно стремление сделать всё вещным, осязаемым, не дать вырваться в абстрактную декларацию.

Есть шероховатости в этой, свидетельствующей о росте мастерства вещи, и может быть, я напишу о них, но сейчас писать об этом не хочется. Сейчас просто хочется поблагодарить автора.

Восьмой номер «Нашего современника» я купил в газетном киоске в бане, что на Горьковской. Хороший киоск.

Там такой же хороший аптечный киоск, прекрасный буфет, а зимой, говорят (я зимой моюсь дома, на лето же у нас плотно выключают горячую воду), даже поят чаем. И главное — в бане чисто. Наладил эту баню, как писали, отставной военный в каком-то порядочном чине, вроде майора. Бывают же молодцы, пощаженные войной! Экземпляр этот отдал вчера Аликиным. Наташа купила еще на вокзале, когда ехала на Винный Завод, но оставила там. Попытки мои, Надежды Алексеевны, Савватия купить еще не увенчались успехом, хотя я спрашивал в восьми-десяти киосках. Везде было по одному-двум экземплярам, и везде сразу купили. Подозреваю еще, что Гребнев мог бегать и скупать.

Так как в ожидании «Пастуха и пастушки» я покупал и шестой, и седьмой номера «Нашего современника», то пришел к выводу, что журнал этот, мною ранее игнорируемый, надо на будущий год выписать. Сообщаю это члену редколлегии.

...А теперь еще автору. Очень много горечи вложил он в подзаголовок «Современная пастораль». Наверно, скажут — от злости или даже озлобления. Но пасторали существовали только в литературе, а не в жизни. Те самые вельможи, что на балу у графини (в опере «Пиковая дама») слушали: «Мой миленький дружок, любезный пастушок...», у себя в поместьях тягали пастушек к себе в постель, а пастухов сдавали в рекруты. Даже в давние времена, в четвертом или пятом веках нашей эры Лонг писал своих «Дафниса и Хлою» как утопический роман. Счастливая Аркадия — сказка, прекрасная, но сказка. Человечество идет долгим, тяжелым, кровавым путем. И в том, что современная пастораль написана

правдиво, в этом сказывается прогресс, пусть отрицаемый автором.

Смоют когда-нибудь дочиستا
Слезы всего человечества
Грязь со всего человечества?
Вот что узнать мне хочется!

Такое короткое стихотворение написал больше ста лет тому назад, в 1846 году, Шандор Петефи. Мне помнилось: «кровь со всего человечества». Всё же проверил, перед тем как написать. Оказалось — «грязь». Пожалуй, сейчас написалось бы «кровь»...

Мужество правды и человеческая нежность есть в «Пастухе и пастушке». И пусть говорят... Читатель примет.

Очень благодарю Марию Семеновну за ценный подарок — стихи Яшина. Просто не знаю — чем отдаривать. Мало хорошего выпускает наше издательство. Пожалуй, лучшее — это «Сто верст до города» И. Минина (повесть), но она, наверное, у вас есть; да новое издание «Сказок Прикамья» с иллюстрациями Светланы Можяевой.

Я только начинаю переселяться в город, еще нигде не был и новостей у меня нет. На Винном Заводе жил у меня несколько дней Евгений Николаевич Широков. И не один, а с дочуркой Людой. Дочурка от самой первой жены. Ей 14 лет, живет она в Подмосковье и только недавно узнала о подлинном отце (есть отчим). Отцу этому она очень рада, смотрит на него влюбленными глазами. И он, Женья, обнаружил неожиданные для меня отцовские качества. Очень заботлив, правда, не всегда разумен. И другие художники внимательны к Люде. А она — хорошая девочка. Очень хозяйственная, всегда все торопит — помыть, подмести, прибрать. Красивая девочка. Пере-

шла в восьмой класс. Кончает по классу фортепьяно детскую музыкальную школу.

Граевский у вас, о себе расскажет. Гинц чувствует себя слабенько, слабее, чем я. Пишет книжку о Василии Каменском. Надо ему эту книжку обязательно кончить, тем более, что наши власти решили все же восстанавливать дом-музей Каменского в Троице.

Всего вам самого доброго. Если что написал не так — простите. Надеюсь, что зайдете, когда окажетесь в наших краях.

М. С. АСТАФЬЕВА —
Б. Н. НАЗАРОВСКОМУ

Дорогой наш Борис Никандрович!

С праздником Вас, здоровья Вам и всего-всего хорошего!

Наша письменная связь оборвалась на все лето, ну, наверное, так тому и быть, если учесть, что в этот суматошный период мозги вроде усыхают, тело наливается ленью, а душа обращается к природе. И никакие дела путем не идут на ум.

Утешает одно, что Вы все это понимаете и тоже чувствуете, и потому мне не надо объясняться за столь длительное молчание, а только хочется сказать, что с наступлением ненастья и холодов, времени более спокойного и располагающего к делам, переписка наша снова обретет порядок и силу. И это не обещание. «И не мни себе, что я сие в устрастку пишу: воистину исполню!..» — как писал Петр Великий сыну своему блудному.

О себе не знаю, что и написать. Будто все по-старому. То, что у Вити напечатали повесть и приходит много отзывов, — это победа и радость, что большинство читателей ее поняли и приняли. В числе немногих, после Вашего, Борис Никандрович, письма, пришли также очень интересные письма по поводу повести от С. П. Залыгина, Василя Быкова и др. Правда, полковники и подполковники организованно выступили в «Красной звезде» против подобной литературы вообще и данной повести в частности. Но Витя, прочитав газету, сказал: это пережить можно, это ничего, мол, сам бы и похлеще это сделал!..

Огорчительно другое: Витя почти всю осень ничего не делал: разгоряченный вернулся из лесу и напился студеной водицы — и вот по сию пору недомогает и ничего для себя не делает. Однако дела неотложные — всякие мероприятия, чтение рукописей и пр. — не оставляют в покое, и читает он их великое множество, а то, что у него один зрячий глаз и контуженная голова — кому до этого дело, равно как и до его планов, рабочего настроя и личных дел и намерений.

От поездки в ГДР отказался из-за нездоровья, хотя для работы в будущем над романом она не была бы бесполезной. А вот в Тулу на собрание молодых едет — обязательно. Лучше бы, конечно, в Семипалатинск, на юбилей Ф. М. Достоевского, но о приглашении на празднование юбилея сообщили поздно, тогда, когда переиграть уже ничего невозможно.

Лето у нас нынче было всякое. Пока был дома Андрюша, ездили по области, рыбачили, брали грибы и ягоды, купались, отдыхали, говорили и осматривали памятники старины и дивные красоты Средней Руси. Потом почти такой же образ жизни продолжался и с Граевскими. И вот

уж осень. Стояла она здесь нынче сухая, теплая и красивая, но вот уж несколько дней перепадают дождинки, тихие, подвижные, вроде не ливни, а после них сразу делается грязно и неудобно кругом.

...У меня все те же дела и заботы, только силы да здоровье не те, но тут уж ничего не поделаешь, все закономерно. Чем дагыше, тем больше переживаю, что мало удастся читать. Вот совсем недавно прочитала в «Новом мире» повести Ю. Трифонова «Обмен», «Предварительный итог» и «Долгое прощание». Есть над чем подумать. Читаю в «Иностранной литературе» роман «Аэропорт», но долго, медленно читаю.

В понедельник собираюсь вместе с Витей на выставку вологодских художников в Москву — на ней будут великолепно представлены Тутунджан и С. Сергеев, кроме всех прочих. У Сергеева с огромным успехом (без его ведома и инициативы) прошла выставка в Италии.

Сходим в театр, если удастся, и Витя в Тулу, а я порыскаю по магазинам в поисках теплых ботинок для Андрея и домой, за дела.

Борис Никандрович! А как Вы? Как себя чувствуете? Чем заняты? Что нового в Перми? ...Еще раз самое сердечное спасибо от Вити и от меня за такое удивительное письмо. Он его (перепечатанное) отослал в редакцию журнала — чтоб взяли на вооружение, как уж вовсе налегать станут.

Приветы знакомым. Неизменно Вам преданные, Ваши Астафьевы.

Пришла о выставке со статьей местная газета — почитайте, как будет время. А я в свою очередь постараюсь прислать и каталог.

• *Ваша М. С.*

26 января 1972 г.

Кругом Астафьев. Включишь телевизор — Астафьев, включишь радио — Астафьев. Включать уют не пробовал, но все возможно в наш век технического прогресса.

Вообще-то я стараюсь реже включать современные каналы массовой информации, но тут приболел немного, сидел (и сижу) дома, и нельзя же все время читать и писать. Приболел потому, что немного простудился, видимо, от форточки, которую и в самые холода держал открытой на предмет необходимого мне кислорода. А холода у нас стоят упорные. Не иначе господь бог сильно разгневался на наших метеорологов, которые предсказали для Перми теплую погоду на две первые декады января. Вот господь бог и устроил не только рождественские морозы (у нас круто похолодало 6 января) и крещенские морозы, а и потепления между ними не дал и, похоже, собирается держать нас в этом холоде до самого Сретенья, когда, по пословице, «зима с летом встретится».

Сначала я смотрел передачу (нашу пермскую) о выставке художников Урала, Сибири и Дальнего Востока в Москве. Ее вела Агата Григорьевна Будрина. Были вмонтированы записи выступлений на заключительном обсуждении выставки. И один из искусствоведов, а затем и художник московский говорили о портрете писателя Виктора Астафьева как об одной из лучших в этом жанре работ за все последние годы. И хотя портрета на выставке не было (он путешествует по границам), Агата Григорьевна вмонтировала его в передачу. Отличный портрет ¹.

Выключил телевизор. Неожиданно позвонила Светлана, племянница:

— Смотрите ли? Там Астафьев...

Включил, действительно, Виктор Петрович сидит, откинувшись, в креслах и очень гладко говорит.

А на следующий день по местному радио передача: «С чего начинается Родина». Разговор о книге Виктора Астафьева «Последний поклон». Немного непонятная передача. Был не разговор, а рассказ, чей — не сказали...

Все это и побуждает меня написать вам.

Человек я старый, и так как привык всегда использовать в личных (хотя и не корыстных) целях всякое свое положение, то и использую сейчас это единственное положение старого человека, которое позволяет поворчать даже на знаменитости.

Виктор Петрович! Вы рискуете перестать походить на свой портрет. Не для этого вас писал Женья Широков. Портрет вас связывает и обязывает. Извольте походить на себя!

Вам нельзя сниматься откинувшись: видно брюшко. Вам нельзя позволять снимать себя снизу, с подбородка: лицо получается припухлое. Вы куда лучше (но не идеально) выглядите с наклоненной вперед головой (когда читали). Ближе к портрету.

Но возникает и общее сомнение: полезно ли вам вологодское масло? Не полезнее ли вам быковская картошка? Не надо ли вам посоветоваться с врачами, установить для себя режим питания и жизни? Подходят годы, когда надо, безусловно, надо заботиться о себе и держать себя в форме.

Вам нельзя ни умирать, ни зажиреть. От вас человечество еще должно получить многое. Не следует расходовать свое сердце на обслуживание разжиревшего организма: на этом сердце быстро перетруждается, а оно пужно для дру-

гого. Знаю все ваши возражения, знаю, что вы можете раздраженно сказать: что он мешается не в свое дело! И все же пишу.

Прошлое, сделанное — связывает и обязывает человека. Не только и не столько, конечно, портрет, на котором видны ваши бойцовские качества, в частности умение взвесить свои силы. Обязывает «Пастух и пастушка».

Об этой повести мало пишут. Возможно, и замалчивают. Есть такой прием. Глубоко уверен, что она станет куда более известной в будущем и останется как художественное свидетельство нашего века в памяти народа. О «Последнем поклоне» справедливо говорили, что произошел переход от автобиографических рассказов к большому философского порядка обобщению (об этом последнем не глубоко говорили). Еще большая сила художественного обобщения в энергичной мысли, устремленной к человеку, в «Пастухе и пастушке». И какой-то круг людей, может быть, не столь широкий, но важный для вас, художника, ждет от вас многого, ждет большего. Почему-то я уверен, что вы не исчерпали своих возможностей роста, и хотя жду «Затесей», жду еще более широких обобщений.

Правда, я на месте вашего Союза писателей поступал бы с такими людьми, как вы,— людьми, одаренными от природы и показавшими, что они способны использовать все свое дарование,— по-иному... Я бы прикреплял к каждому из вас двух-трех настоящих профессоров, обеспечивал бы вам на три-четыре года целковых по 500 из Литфонда (в месяц) и побуждал бы учиться. Античную культуру, историю своего народа, начиная с первобытных времен, историю философской, художественной и политической мысли надо постигнуть всем таким людям. Вот прикрепить бы вас к Арсению Владимировичу Гулыге², о кни-

гах которого я вам говорил, кажется, чтобы он давал вам задание, что прочесть, и встречался бы с вами раз в четыре-пять месяцев, чтобы просто поговорить.

Общение с людьми высокой духовной культуры вам, человеку вполне сложившемуся, никак не повредит, не порвет связей с землей, свежести опущения природы не нарушит. Оно обогатит, разовьет художнический глаз. Способности этого глаза очень велики.

Для всего этого надо держать себя в форме, быть к себе требовательным во всем. Ничего не сделаешь, талант — жестокий дар.

Сегодня ночью я решил высказать вам все это.

Вчера, 25 января, было семь лет со дня смерти Ирины³. Обычно я заранее напоминаю Сергею и зову его. А тут забыл. Он пришел сам, вспомнил и мать, и приемного отца, молодец, и притащил бутылку хорошего коньяка. Пришла и Светлана. Вот мы и выпили, а ночью я допивал остатки, вспоминал и думал.

Ужасное дело смерть. Мучительно и трудно билось, не поддаваясь ей, сердце Ирины. Потом врач говорила мне, что при ее пороке сердца — чудо, что она дожила и до 50 лет. А ведь сейчас, семь лет спустя, уже умеют с такими заболеваниями бороться, уже могли бы ее и отстоять.

Смерти не надо поддаваться. Никакой. Против нее борьба. И только в движении вперед победа.

Простите, Мария Семеновна и Виктор Петрович, если я что не так написал. Отнесите это за счет старости и коньяка (хотя я давно уже вполне протрезвел и хорошо отоспался).

Не забывайте Перми и Быковки.

Всего вам доброго.

14 июля 1956 г.

Дорогая Надежда Алексеевна!

Очень рад вашему обстоятельному письму.

Все же не все в нем понял. Почему вы так огорчены тем обстоятельством, что библиотека и читальный зал института закрыты? Неужели это лишает возможности работы с документами архива института? Тогда это скандал. Тогда вам не надо задерживаться после курсов в Москве, а потом снова добиваться командировки специально для работы в архиве ИМЛ ¹.

Но как же вы раздобыли листовки Пермской группы, очень ценные самим фактом своего существования? И если вы их раздобыли, то нельзя ли получить и «Рабочий бюллетень», и прочее? Кстати, надо добывать возможно полнее «Уральский листок» Пермского комитета Уральского союза с.-д. и с.-р., раз уж мы решили давать его документы. Интересовались ли вы этим листком, когда были в Свердловске? Сейчас туда собирается Елена Николаевна. Может быть, попросить ее поинтересоваться?

Вообще, напишите еще раз о делах, о том, что вам удастся и что не удастся. Боюсь, что все старые большевики разъехались по дачам. Узнайте по крайней мере их адреса. Честное слово, это нужно не только и не столько для нас, издательства, сколько для вас — архива. Видите, как активен Свердловск.

Здесь прошло обсуждение сборника по 17-му году ². Тихо, мирно, почтенно. Только я и возражал против некоторых моментов, и то в мягкой парламентской форме. Горовой

уехал на курорт, но твердо намеревается снова приехать для сборника. Дело у них идет медленно, боюсь, сильно затянут.

Научные работники быстро разъехались. Но в городе довольно бурная жизнь. Наша молодежь едет на восток — на целину. К нам приезжает молодежь с запада — на стройки. Своих посылаем в деревню — убирать хлеб. А колхозники едут в Казахстан — заготавливать солому (своей не хватает). Вообще — бурное движение. Наши театры уехали, один в Ленинград, другой в Киров. А у нас поток гастролеров: Свердловская оперетка, Крымская оперетка, Малый театр, Кировский театр, какой-то Московский театр драмы и комедии, масса эстрадников.

Не теряйте бодрости духа и сделайте все, что можно. Сборник наш должен быть не просто хорошим, а лучшим из всех подобных. Помните это твердо. Пишите.

Б. Назаровский.

13 ноября 1961 г.

Дорогая Надежда Алексеевна!

Получил письмо, в котором вы сообщаете, что сборник ³ будет готов не ранее 15 ноября. Посылать его мне не имеет никакого смысла. Я около 1 декабря буду в Перми.

Но вот что следовало бы сделать.

1) Точно подсчитать объем. Просчитать количество машинописных строчек в каждом документе (включая строки заголовка и легенды) и записать на каждом документе, на втором экземпляре карандашиком (так не нужен будет пересчет после сокращения).

2) Дать сборник в таком виде на рецензию. Все же стоит его рецензировать, не надо быть самонадеянными.

Мне кажется, можно на кафедру истории КПСС университета. А потом печатно поблагодарить их за помощь. Если это сделать до моего приезда, время будет сэкономлено.

Решайте с К. Н. Пятницкой ⁴.

Мне здесь стало надоедать. Скоро уже месяц. Поживу еще недельки две и тронусь. Здесь стало холодно. Я даже простудился немного. Все же зимой жить в санатории куда скучнее. И не работается здесь, больше читаю.

Прошу передать привет всем товарищам.

Б. Назаровский.

15 февраля 1964 г.

Дорогая Надежда Алексеевна!

Поздравляю Вас с днем рождения! Всего Вам самого доброго: здоровья, бодрости, веры в свои силы, успехов, всего, что сами пожелаете.

Самое, пожалуй, главное, — вера в свои силы, желание сделать многое. Только с большими замыслами можно что-то сделать. И не ограничивайте себя в замыслах, не считайте себя человеком маленьким.

Я сбился со счета и не знаю, сколько Вам лет. Но хотя Вы и подросли, преимущества возраста остаются за мной: мне совсем скоро шестьдесят — «полное совершеннолетие», как, успокаивая себя, говорят старики. Прислушайтесь же к старшему товарищу, питающему к Вам добрые чувства: многое надо сделать, никаких скидок себе давать не надо, нельзя.

Моя жизнь здесь течет мирно. Я сам стараюсь ничем не осложнять ее. Туберкулез меня мало беспокоит, беспокоят нервы, которые явно сдают. Вот я и обеспечиваю себе, по возможности, бездумную жизнь. Иначе мысли меня изводят.

Я не получил отклика на свое письмо Вам, но еще не потерял надежду, что Вы мне черкнете.

Еще раз: всего Вам доброго, самого доброго.

Б. Назаровский.

Свердловская область, Белоярский район, туберкулезный санаторий Башенево, корпус 1, палата 4.

25 декабря 1964 г.

С Новым годом, дорогая моя!

Пусть этот год станет благополучным и счастливым для тебя и для нас. Пусть он будет хорошим для всей страны нашей.

Это я произношу заклятия.

Набирайся сил в начале года. Набирайся сил для себя, для своей работы, набирайся также успокоенности и благоразумия (умеренного, неумеренное благоразумие плохо)...

...Работал я здесь много, и, хотя результат невелик, я доволен собой: могу работать. Сегодня и завтра самые последние дела: еще в архив, еще в библиотеку и домой, в Пермь, о которой я уже соскучился. «Уже» — залетело тут зря: целых три недели я в отъезде.

Мой напарник Савватий уехал в Пермь в субботу.

Был у Анны Григорьевны ⁵ (в воскресенье), познакомился с ее сыном. Очень хороший человек. Но об этом надо рассказывать много. Принят я был очень хорошо, с полным доверием.

Твой Б.

[Лето 1965 г.]

Вот я уже и устал. Единственная письменная работа, которую я могу сейчас делать, — это писать тебе.

Пишу я тебе каждый день. Что из этого может выйти?

Мыслимы два варианта. Первый — я тебе надоем, ты скажешь: какой он скучный и однообразный, какой он мелкий и даже мелочный. Второй — я так привыкну каждый день быть хотя бы в письмах с тобой, что, когда нам каждый день видаться станет невозможным, умру от тоски. Так и так завязываю себе веревку на шее. «Мы будем гибнуть откровенно» ⁶.

Утром был на заседании оргкомитета звериной выставки ⁷ и принимал в нем деятельное участие, укрепляя вместе с В. А. Обориным ⁸ колеблющийся дух А. В. Оборина ⁹. Этому содействовала и Дворсон. Было человек 10—12. Прошло плодотворно, и дело, кажется, на мази, причем может получиться очень интересно. Внимания мое привлекали на заседании больше не девушки, а мальчики, очень милые, очень перспективные мальчики из музея и художественной галереи: Шилов, Чудинов, Черняк ¹⁰. Просто сердце радуется, когда видишь такую хорошую молодежь. По моему настоянию включили их в оргкомитет, их, не имеющих пока чинов, но желающих работать. Боюсь только, что управление культуры вычеркнет. Впрочем, еще повоюем.

После заседания зашел в партархив. Там только что кончили разговаривать с тобой по телефону, оттуда только что ушел М. С. Разговаривал только с Л. В. и А. Г. Других что-то не было видно. Посмотрел «Челябинскую новь». И статья твоего коллеги очень толковая, и газета вообще интересная. Надо бы с этой статьей познакомить Горового, даже снять для него копию. Посмотрел, кроме того, несколько дел, сверил кое-что внушающее мне сомнение в «Истории Урала» и был, кажется, прав.

Ребята собираются в дорогу. Завтра, нет, послезавтра вечером, в семь часов, улетают.

Вот вся обстановка...

[1965 г.]

Дорогая моя ...!

Я наметил себе на сегодняшний воскресный день обширный план работы. В самом конце этого плана поставил: «Письмо»...

Вот я перепечатал для тебя стихи. А оказалось, с тобой вся книга. Но я не жалею. Это вместо письма. Пастернака я люблю. Это все же не единственный мой поэт. Не меньше я люблю и Маяковского, и Блока. Меня научил любить Пастернака Игорь Орестов, человек куда более литературно грамотный, чем я, научил еще в самом начале 20-х годов. Через Пастернака я познал некоторые тайны поэзии. Поэтому он мне близок. Мне неприятна несправедливость, долгие годы творимая в отношении этого большого поэта. Такая несправедливость поневоле возбуждает у многих симпатию к нему. И у меня тоже. Сам Пастернак в автобиографии говорил, что ему не нравятся все его стихи, написанные в довоенное время. Но мне они — эти, часто до полной непонятности закрученные стихи,— нравятся. Они всегда несут заряд бодрости и свежести. Какой-то свердловский поэт написал: «Вот так безумие Ван-Гога снимает с наших глаз бельмо». В какой-то степени это приложимо и к Пастернаку. Пусть он излишен, пусть часто непонятен, но он заставляет нас и лучше видеть, и полнее чувствовать мир.

Обо всем этом я думал написать тебе утром. А днем зашел ко мне один интересный товарищ и дал интересней-

шие выписки из статьи Марины Цветаевой, в которой сопоставляются Маяковский и Пастернак. У нее очень много верного и о том, и о другом. Я постараюсь перепечатать и послать тебе этим же письмом.

Был я на пленуме горкома, посвященном работе с интеллигенцией. После долгого перерыва был среди актива на партийном обсуждении вопроса и не раскаиваюсь, что немного напросился на приглашение. Потолкался на людях, встретил многих старых знакомых и еще больше совсем мне неизвестных работников, послушал, что и как говорят. Полезно. Сидеть только в своей берлоге — одичать можно. Доклад был самокритичный, но неглубокий. Выступления — больше самоотчеты. Все же кое-что и интересное почерпнул. Очень хорошим было выступление К. И. Г.¹¹ Я даже не ждал от него такого. С искренней заинтересованностью и тревогой, и желанием помочь. Хотя тоже мимо многого важнеего.

В тот же день, еще утром, мне позвонил Федор Семенович. Советовался по поводу биографий революционных демократов, сколько их писать. Кажется, берется за дело. Это очень радостно. Уговаривал его, чтобы писал поживее, интереснее, но из этого, видимо, ничего не выйдет, даст сухие справки.

...Работал с Наумовой¹², с ее рукописью и с ней, как ответственной за VI главу. Должен прямо сказать, что сделанную вами в результате коллективного обсуждения рекомендацию не принимаю, и ни сердца, ни руки предлагать не буду. Впечатление от нее как от научного работника у меня формулировалось так: самоуверенная бестолковость.

А вообще, чем больше я работаю с этой рукописью, тем больше чувствую, как не хватает нашим товарищам, весь-

ма почтенным (не хватает, помимо прочего, более важно — настойчивого стремления к истине, например), как им не хватает чувства пропорции и ритма, которые воспитывает искусство, как им не хватает эмоционального воспитания вообще, без которого человек не может быть полноценен ни в какой сфере. Впрочем, я об этом, кажется, писал в другой связи. Удивительная аритмичность, приводящая к уродствам в написанном. Постоянная потеря пропорций. И непонимание того, что без пропорциональности никакое здание, в том числе и книжка, не держится.

Из Москвы получил от Зорьки Плеско (дочери Шурки и Галины), которая работает редактором в издательстве «Молодая гвардия», выпущенную этим издательством книжку: Арк. Гайдар. «История о неуловимом билете. Рассказы. Очерки. Фельетоны». Книжка сделана плохо и снабжена беспомощным предисловием. Прислала Зорька и записку, в которой от Г. Н. общий поклон всем, особый — Андрею. Сам сегодня звонил Ольге Орестовой, узнать, что всё же с ней. Оказалось, в порядке. Едет к брату в Пятигорск лечиваться. Звонил в порядке успокоения совести.

Завтра с утра у меня много дел: разговор с Поповым, просмотр рукописи перед сдачей на машинку и т. п.

Вот, кажется, все написал, о чем хотел рассказать. Завтра пойду на почту.

Б.

23 января 1966 г.

Дорогая моя Наденька!

Не пиши мне часто. Точнее: не старайся писать мне обязательно часто. Это представляет тебе физические трудности, просто неудобно, это, по-видимому, представляет и

известные моральные трудности. Я понимаю. Поэтому не старайся отвечать на каждое мое письмо.

...Но это письмо я отправлю тебе сразу. Дело в том, что произошла существенная перемена. Мне все же продлили срок лечения в санатории до двух месяцев. ...Вот я перед тобой оправдываюсь, оправдываю свою задержку здесь. Главное оправдание в том, что я все это делаю для тебя. Не было бы тебя, я бы так не старался.

Сегодня отправили вместе с Володией Ширинкиным поздравление «Молодой гвардии», которая 5 февраля празднует свой юбилей ¹³. Не забудь поздравить «МГ» официально. Редакторы приходят и уходят, газета остается.

Еще вспомнил нужное для «Революционеров». Когда был у Шарца, я смотрел дело Остроумова ¹⁴, того, о котором написал Л. С. Кашихин. Там два варианта воспоминаний самого Остроумова. А Кашихин их не знает, кажется. Ему надо обязательно посмотреть. Проверь, пожалуйста, по биографии, по источникам и поговори с Л. С., знает ли он материалы Шарца, и в случае нужды уговори Шарца — показать Кашихину.

От Шарца, конечно, можно многое извлечь. Путь к этому непростой: где-нибудь публично похвалить его, чтобы он об этом услышал. Он лучше реагирует на похвалу (как, впрочем, и другие люди, в том числе я). А сейчас я тебе советую поблагодарить его за альбом официальным, на бланке, письмом.

Завтра, в понедельник, 24-го, ты должна получить от меня в архиве письмо с микробукетом, который дойдет, конечно, в жалком виде. Ничего, что я послал на архив? По-моему, ничего. Володя Ширинкин ¹⁵ не только поснимал меня, но и напечатал снимки. В следующем письме пошлю тебе некоторые.

Все же досадно, что много времени у тебя тратится по мелочам и впустую, и что ты не отдыхаешь. Вести жизнь такими темпами нельзя, да и просто не стоит.

Я всегда с тобой. ...Пиши мне, но не насилуй себя, пиши когда захочется и о чем захочется.

Твой Б.

8 февраля 1966 г.

Дорогая моя!

Сразу стало легче на сердце, словно гора свалилась, и радостнее на душе. И день светлее. Пришел после мертвого часа вниз, к почте, и наконец-то получил письмо от тебя. Это на пятый день! Подумать только, четыре полных дня жил без письма от тебя! Чего только я не передумал: конечно, сам уговаривал, пиши реже, но думал черт знает о чем... Очень мне было плохо два последние дня.

В предпоследнем письме ты сказала: завтра днем напишу деловое письмо о «Р. П.». Вот я и ждал этого завтра. А только через несколько дней написала: «Через недельку всерьез займусь». Это просто сакраментальная фраза! Придется мне воздействовать на тебя через издательство. Дело то находится на грани катастрофы. И не обходи, пожалуйста, В. Ф.¹⁶ Он же может дома работать. Пишите заключения и заворачивайте биографии авторам на доработку.

Обязательно продумайте порядок работы, особенно — рецензентов. Надо (мне кажется) дать всю книгу (рукопись ее) со всеми биографиями и с предисловием и приложениями на рецензию еще до правки, до редактирования. В пользу этого два мотива: 1) потом можно сказать: замечания рецензентов учтем при редактировании; 2) если ждать редактирования, дело очень затянется. Уж лучше потом,

после редактирования, еще раз показать рецензентам. Против такого порядка одно: рецензенты вообще забракуают. Но тут надо рецензентов хорошо выбрать: требовательных, но благожелательных. Вот и надо сейчас подобрать и предварительно договориться. Как с институтом? Надо ли им показывать?

Убедительно прошу обсудить все это с В. Ф. и в издательстве и сообщить свои соображения. Свою обязанность я вижу прежде всего в том, чтобы написать Лбова и предисловие. Я, между прочим, почитываю здесь Ленина и нацеливаюсь на предисловие.

Буду сегодня-завтра писать Мише и попрошу его... Впрочем, и тебя прошу. В журнале «Вопросы истории» за прошлый год, в одном из тех номеров, которые я покупал, есть нужная для нашего предисловия статья Нечкиной о Ленине и революционном наследии, она помещена, кажется, первой. Вот я попрошу Мишу выдрать ее аккуратно и послать мне. ...Самое хорошее, если ты зайдешь к нам и вместе с Мишей поищешь этот номер, сама вырежешь и пошлешь. Это будет куда надежнее. Миша сейчас один, без ребят, мне немного боязно за его хозяйничанье. Но черт с ним, пусть идет все прахом, лишь бы ты от меня не отреклась.

Здесь библиотека не выписывает ни «Вопросов истории», ни «Вопросов истории КПСС». Это в таком специальном санатории, санатории, где люди живут по три-четыре месяца! И кажется, я единственный спросил эти журналы, удивив библиотекаря.

Я прочел очень интересный и давший мне кое-что для Лбова сборник «Горький и Леонид Андреев. Незвестная переписка». Сейчас читаю второй том воспоминаний И. П. Майского и прекрасную книжку М. Э. Матъе «Во

времена Нефертити», выпущенную недавно издательством «Искусство». Если увидишь — хватай!

Да, у меня к тебе еще просьба. Несколько неожиданно для меня вышли «Избранные диалоги» Платона. Их надо обязательно добывать. Я прошу Мишу выписать. Но прошу, выпиши и ты. Мне надо два экземпляра. Проект запроса прилагаю. Вот сколько всяких дел!

У вас, говорят, устойчивые морозы. У нас было два дня холодных, один день даже снег лежал, а сейчас снова тепло. Днем на солнышке в пальто просто тяжело.

Сегодня днем выпил с горя мадеры. Но вообще-то не пью. Очень мне тревожно стало за тебя. Сейчас все прошло, и я тебе бесконечно благодарен за хорошее твое письмо. Не забывай меня, моя родная. Единственная моя. Надежда моя. Упование мое. Любовь моя, все разом: и Вера, и Надежда, и Любовь. Может быть, только Софии — мудрости — не хватает. Впрочем, она — их мать. Она их породила. Человек, который не верит, не надеется и не любит, не мудр.

Твой Б.

10 февраля 1966 г.

Дорогая моя!

Вчера я не пошел в кино и решил написать десять писем. Написал пять коротких: Светланке, Мише, ребятам отдельно, Т. М. Сувориной, Сталине Грицких (деловое). Твое откладывал, да так и не написал: по телевизору (он в холле рядом с нашей комнатой) стали передавать «Хованщину» великого Мусоргского. Сначала слушал из-за двери, а потом не смог — стал слушать и глядеть. Уж очень хорошая опера. Пояснения давала прекрасным, простым, дове-

рительным тоном какая-то весьма симпатичная женщина-музыковед. Сидела у рояля, говорила и проигрывала отдельные темы. Очень приятно. К тому же говорила с большим сегодняшним политическим подтекстом.

Страшно хотелось, чтобы ты смотрела и слушала. Боюсь, что эта передача прошла мимо тебя.

А опера замечательная. И постановка, как говорила музыковед-комментатор, историческая. Она поставлена в редакции Д. Д. Шостаковича, в новой музыкальной редакции. А раньше давалась в редакции Н. А. Римского-Корсакова, который сглаживал остроту Мусоргского, умерял его крайности, его трагизм. Шостаковичу же Мусоргский близок по духу. Ты скажешь, при чем здесь редакция? Дело в том, что Мусоргский ни одной оперы до конца не дописал, не доделал по причине пьянства (об этом комментатор не говорила), и другим, понимавшим значение его музыки, приходилось доделывать¹⁷. Поставил эту оперу в редакции Шостаковича Свердловский оперный театр. Не знаю, все ли хорошо, но основное — хоры — хороши бесспорно.

Вот я и отвлекся от писем. Очень болтлив становлюсь в твоём присутствии.

...Д. Ф. Зуева сообщила в письме, что получила из Свердловска изданную там книгу В. Романова «Иван Кабаков». Тебе надо ее купить, несколько экз. В том числе один для меня (вот попрошайка, совершенно потерявший стыд и совесть попрошайка).

Еще, кстати, в юбилейном номере «Молодой гвардии», который получил Володя Ширинкин (хорошо тебя знающий), на второй странице, очень невидно, помещено весьма важное обращение к юным следопытам¹⁸, ты, поди, и не заметила. А оно действительно важное. Если взять это дело в свои руки, можно множество хороших дел сделать.

Послушайся, пожалуйста, меня: прочти внимательно это обращение, подумай и найди соответствующее видное место в этом движении для учреждения, которое ты возглавляешь...

И еще просьба. Ты, конечно, будешь на областной конференции. Напиши мне, пожалуйста, свои впечатления. Мишу я просил прислать «Звезду» с отчетом, а у тебя прошу именно впечатления. Вот какую уймищу просьб и поручений обрушил я на тебя. Но, честное слово, все необходимые и некоторые — в твою пользу.

Пиши все же возможно чаще. Так приятно получать письма от тебя. Ну все, я тебя несомненно измучил своими каракулями. Я тебя очень люблю и не могу без тебя существовать. Уже твердо сложилась привычка обо всем говорить с тобой.

Твой Б.

[Февраль 1966 г.]

Все другие письма — в сторону. Получил сегодня от тебя большое, спокойное и очень хорошее письмо. Письма от тебя, как водка (по определению Михаила Светлова), плохими не бывают, они бывают хорошими и очень хорошими. Вот это — очень хорошее, хотя и растревожило меня некоторыми моментами.

Сначала, чтобы не забыть: сегодня днем термометр показывал на солнце +25! Но это, говорят, еще не означает весны. Еще будут и похолодания, не такие, конечно, как в родной нашей Перми, но все же... Вообще, зиму я нынче обошел, ведь приеду во второй половине марта, когда уже больших холодов не будет.

Сейчас, только что, смотрел «Обыкновенный фашизм». Я добился. Два раза делал заявки, а вчера выступил при

отчете киномеханика. Тот ответил: возможно, завтра вне плана покажем. А сегодня подошел ко мне: видите, как оперативно мы учитываем критику? Я же агитировал всех идти на фильм. И не зря. Даже нашим фильм показался хорошим. Ты не смотрела? Похоже, не смотрела, если бы смотрела — написала бы.

Это не исторический, а философский фильм. Главное в нем — мысль, переложенная на язык огромного исторического документального материала. А мысль эта и прямо высказывается. Она проста. Человек должен оставаться человеком, он не должен превращаться в механического исполнителя, отдавать, отчуждать свою мысль, свою волю другому, человек не должен превращаться в массу, которой распоряжается кто-то один. Это основное. Есть некоторые выпад-ды-шпильки, особенно в том, что касается литературы и искусства. Гитлер, оказывается, говорил: «Писателям и художникам надо время от времени грозить пальцем». Устраивал для них приемы и поучал их. Тут явный намек.

Но в целом фильм хороший, умный, убедительный, и ты его обязательно посмотри. Как раз вчера библиотекаря прониклась ко мне доверием, дала книгу на близкую тему, о которой я так же, как о фильме, слышал много хорошего. Это книга А. И. Полторака «Нюрнбергский эпизод», вышедшая в серии военных мемуаров и только что нашей библиотекой полученная. Действительно интересная книга. Только времени у меня на чтение не остается. Так спланировано лечение. Надо меньше ходить в кино, а я почти ничего не пропускаю.

Как я посмотрю на свое отношение к тебе, все выходит, что я тебя нещадно эксплуатирую. Вот и в письмах все время сыплются на тебя поучения, наставления, рекомендации, просьбы и даже требования. Вот и сейчас я не могу

удержаться от просьб. ...Володя Ширинкин, с которым я разговаривал о медведе, утверждает, что в прошлом 1965 году в Свердловске вышла книга (книга!) о гербах городов Урала. Вот это да! Все мои открытия, выходит, уже открыты! Он утверждает, что видел эту книгу у Жоры Чагина ¹⁹. Будь добра, позвони в музей, узнай у Чагина, есть ли эта книга, кто ее автор, как называется. Мне надо срочно ее доставать, спорить с ней или учитывать ее открытия. Не сильно везет мне с медведем. Ну ничего, не это главное...

Твой Б.

31 декабря 1966 г.

Дорогая моя ...!

Уже много дней живу без тебя, что трудно. Сегодня письма от тебя нет. Надеюсь, что завтра — 1 января — будет.

Я тебе просто буду рассказывать, как проходят мои дни.

Сигнальные экземпляры «РП» вчера все же появились. Мне позвонили в час дня, когда я готовился к обсуждению в Союзе писателей рукописей Корякиной-Астафьевой. Пришлось сдерживать нетерпение и участвовать сначала в обсуждении. День вышел вообще напряженный.

Обсуждение прошло хорошо, в узком кругу людей, рукопись прочитавших. Высказались Авенир Крашенинников, Геннадий Солодников, я, Эля Зебзеева (быв. Сычева), Давыдычев. Мнение оказалось общим. Будет книга из двух повестей, но одну из них, главную, — «Дело это женское» — надо в корне перерабатывать и несколько раз переписать. Вторая — «Ночное дежурство» («Ночной дозор» — лучше, как я предложил и все согласились) — по-

чти готова. Она, как я вчера только заметил, опубликована уже в «Уральском следопыте», но в сокращенном и сильно обедненном варианте. Рассказы единодушно забраковали. Автор — Мария Семеновна — страшно волновалась, хотя все были ее хорошими знакомыми.

С обсуждения побежали в издательство, где И. Я. К.²⁰ рассказывал об идеологическом совещании-семинаре. Я-то слушал его раньше. Там посмотрел сигнал. Книга хорошо смотрится, обложка удалась. Все наши многочисленные приложения и указатели не выпирают, кажется (благодаря непарели), что их мало. Но все же книга выглядит пухлой. Ни стащить, ни послать пока не имею права. Хотя директор утверждает, что из типографии уже вывозится часть тиража. Будет еще некоторое время томительного ожидания.

И. Я., которому книгу показали, заметил только одно: «Ну, теперь к вам пойдут письма с обидами от тех, о ком не написали». Конечно, такие письма будут. И с поправками будут. Только бы вышла. Он торопился, его ждала машина, но я все же успел высказать возмущение пятью процентами прироста бумаги в новом году, высказать в развернутой и острой форме.

В самом деле — жуткое безобразие. Хвастаемся тем, что возобновляем горьковское издание — Библиотеку всемирной литературы. А я зашел в магазин подписных изданий, спросил, когда же подписка на «Всемирную литературу» (о ней как раз в тот день утром по радио говорили), мне отвечают: «Что вы, да она в прошлую субботу прошла, только один день, и с дракой». Потом уже рассказали: очередь установилась в четверг, проверялись чуть не каждый час, а в субботу в течение полутора часов вся подписка была закончена. Вот тебе наша высокая культура! Культура-то действительно растет, а хлеба этой культуры — бума-

ги — нет. Я подписался. Прибег к блату и подписался на две первые серии (кроме третьей, в которую входит современная литература). Конечно, окончания этого издания я не увижу, но хоть начало посмотреть.

А после ухода И. Я. там же состоялся предновогодний выпивончик. Заранее сбросились по целковому, и все было сделано хорошо, хотя и «а ля фуршет». Правда, художники и тут постарались: развесили гирлянды из винных наклеек (достали в типографии, подобно Алеше), декорировали помещение и сделали превосходный, истинно дружеский шарж на Давыдычева, которому в Новый год исполняется 40 лет. Конечно, по ходу дела еще сбрасывались два или три раза, но все было в меру, пили, главным образом, сухое вино (коньяка и шампанского так у нас в городе и не появилось). Домой я пришел в девять часов вечера и только тогда пообедал. Ночью пришлось еще винца потянуть, чтобы заснулось. Но спал хорошо и проснулся вполне нормальным.

Сейчас уже вечер. В десятом часу отправлюсь к Гинцам. Вернусь от них в час, не позже, дождусь двух часов, и дома еще раз выпью за тебя.

...Прости мою болтливость. Но вот написал тебе и спокойнее стало.

Твой Б.

[Январь 1967 г.]

Дорогая моя!

Получил вчера к вечеру твое письмо с кратким отчетом о встрече Нового года. Как видно, режим у вас там достаточно либеральный. Ну что ж, это правильно. Строгие запреты никогда и ни в чем не были эффективны.

Я мог бы писать тебе каждый день и хотел бы, но просто это неудобно. Поэтому терпи мои длинные, болтливые письма.

Подаренный тобою барометр резко пошел с «ясно» на «переменно» и идет к «осадкам». У нас быстро теплеет и начинается (наконец-то!) снегопад. А то была голая мерзлая земля, на которую и смотреть-то неприятно.

Сегодня суббота. Спокойный для меня день: издательство не работает. Идет собрание областного партактива с приездом из Москвы докладчиком (знаю кто, но говорить до опубликования не полагается, сама из «Правды» узнаешь). Конечно, интересно было бы послушать из первых рук. Но даже Граевскому и Сувориной билетов, кажется, не досталось. Может быть, будет городской актив, тогда попытаюсь.

Пишу я утром. Конечно, у меня много дел. Надо, наконец, написать рецензию на М. Корякину (до сих пор не написал!), а то неудобно. Надо прочитать пачку материалов, переданных мне как члену жюри конкурса имени Гайдара ²¹. В понедельник жюри должно собраться, а 21 января, в день рождения Гайдара, состоится вручение премий и вообще вечер его памяти, на котором мне предстоит произнести речь. В понедельник же мне надо быть в 117-й школе на сборе в честь Гайдара, что меня значительно больше угнетает, чем любое журналистское мероприятие.

Еще мне надо прибираться и свертываться, готовиться к переезду (о чем немного попозже).

Вчера в Доме журналиста прошло обсуждение творчества журналиста А. Никитина ²². С меня давно взяли обязательство принять участие. Готовиться мне было совсем некогда. Кое-как успел выбрать из своих папок его материалы и прочитать их с подчеркиванием. Всё же выступил,

кажется, длиннее всех. Обсуждение прошло хорошо. Никитина и похвалили и, главным образом, поругали: за многословие, штампы, склонность к пышным выражениям и т. п. Он, оказывается, окончил исторический факультет Московского университета, а не факультет журналистики. Ну, тогда с него надо спрашивать больше.

Было много народа и хорошая атмосфера. Желающие бегали в буфет. Меня тоже уговорили выпить 50 граммов. Но я на этом остановился. Посмотрел документальные фильмы и в десять вечера ушел домой.

Звездинские ребята всё время жалуются мне на редактора и обстановку. Мухин ²³ твердо хочет уходить. Почти договорился о том, что станет собкором газеты «Водный транспорт» (вместо Дубилета). Это хорошая для него, больного человека и человека, стремящегося к самостоятельной литературной работе, должность, достаточно интересная. Обком давал согласие, но, как он сказал мне вчера, дело затормозилось. В обкоме колеблются — как быть со «Звездой». Уж очень неладно там с кадрами.

Они, звездинцы, всё же готовятся к 50-летию юбилею и хотят выпустить книжку, в которой приглашают меня принять участие. Я, конечно, согласился. То или иное участие.

Каждый день ходил в издательство. Из обкома никаких звонков. Из обллита — тоже. В понедельник или во вторник позвоню в обллит или зайду. Срок уже минует. Тотчас пошлю тебе и буду продвигать книгу в продажу.

Вчера снова был у своего дома. ...Одному можно расположиться просто по-буржуйски, хотя планировка далеко не идеальная. Окна моей квартиры выходят на восток (пожалуй, даже на северо-восток) и одно — на юг (на юго-восток). Очень просторная кладовка, можно засунуть и часть

книг, и часть одежды. Но окончательно утрясаться буду, наверное, уже при тебе.

Сейчас заходила Г. Г. Воронцова²⁴. Сначала позвонила: не прочитал ли я ее диссертации. Я ей сказал, что не прочел и в ближайшие дни не прочту буду переезжать и что лучше бы она у меня на это время диссертацию забрала. Она так и сделала. Показал ей книгу. Дал ей свой новый адрес. Живет она, оказывается, совсем поблизости от этого дома.

Начал связывать папки для передачи в архив. В понедельник или во вторник договорюсь с Л. В.²⁵ о перевозке. Часть папок переправил Светланке (всякие личные, но не все).

Последние дни сплю со снотворным хорошо и чувствую себя спокойнее.

...Привыкаю к одинокой жизни. Плохо привыкается. Уже жду твоего возвращения. Но очень прошу тебя: не беспокойся, отдыхай, лечись, учи английский язык. Здоровье и силы нужны тебе больше, чем мне.

Я все время думаю о тебе. Сознание того, что ты хоть как-то со мной, — поддерживает.

Твой Б.

10 января 1967 г.

Дорогая моя!

Сейчас настукивал рецензию на рукопись М. Корякиной в трех экземплярах, перешел к письму к тебе. ...Союз писателей просил написать немного — две странички, было бы что приложить к расходной ведомости (они же мне 75 рублей заплатили), но у меня все равно получилось 12 страниц. Сегодня отдам, а то неприлично затянул.

Сейчас вторник, 10-е, начало 11-го часа утра. В 11 должны подъехать девочки из архива, чтобы забрать папки и книги. Набралось много, хотя сдаю далеко не все. Вчера кончил связывать папки с помощью Светланы. По дороге приходится сортировать. При ваших девочках мне это было бы неудобно. Между прочим — мучительно смотреть на свои архивы, берeditь память всякими воспоминаниями.

Вчера получил от тебя днем короткую тревожную записку (реакция на мои тревоги в письме). А вечером очень хороший телефонный звонок. Был страшно рад разговору с тобой, хотя и не мог выразить своей радости. Ты-то чувствуй себя спокойно. Это я напрасно волную тебя слишком уж дневниковыми письмами. Мало ли что за день не бывает, настроение сменится не раз. А я всё на тебя сваливаю. Лечись, отдыхай, учись, читай. Приезжай выросшей, пополневшей, начитанной и разговаривай со мной на английском языке.

Я веду себя хорошо. Не пьянствую. Так, немного сухо-го со Светланкой. В воскресенье ходил с З. М.²⁶ в концерт на скрипача Власова. Конечно, он первоклассный скрипач. Но драматической силы, художнической глубины у него, по-моему, не хватает. Знаменитую бетховенскую «Крейцерову сонату» он исполнил, как мне показалось, без достаточного внутреннего накала и волнения. А во втором отделении играл довольно популярные виртуозные вещи. Принимали его очень хорошо. З. М. выглядит очень неважно, видно, что болела.

Вчера еще бегал в 117-ю школу выступать перед ребятами о Гайдаре. Месяца два тому назад обещал. Всё откладывал, и откладывать дальше стало уже невозможно. Просто утренник во время каникул. Докладик, монтаж из произведений Гайдара (даже довольно удачный) и мое

выступление. Была, главным образом, мелкота, но слушали довольно внимательно. Подарили мне очень удачно сделанную из бумаги красную гвоздику.

Масса мелких дел валится на меня и затрудняет жизнь. Сегодня вот надо идти на профсоюзное собрание. А игнорировать его неудобно: издательские ребята мне во всем помогают.

У нас эти дни было совсем тепло и хорошо, примерно как у вас в Подмоскowie. Сегодня начало снова холодать.

Сейчас дождусь девочек из архива, сгружу им папки и пойду в обход: на почту — сдать письмо и спросить письмо, в Союз писателей, в магазин, поеду в мебельный магазин, присмотреть, что купить для новой квартиры.

Большое тебе спасибо, что помнишь обо мне и что звонила.

...Твой Б.

11 января 1967 г.

Дорогая моя!

...Когда я пришел в издательство, чтобы форсировать вывозку книги в магазины, выяснилось, что вывозить-то нечего. Типография сделала в последние дни декабря 500 экземпляров, необходимых для того, чтобы книга была засчитана в выполнение плана прошлого, 1966, года и на том остановились. Эти 500 экземпляров попали на базу, а с базы в библиотечный коллектор. В магазины же давать нечего.

Поднял некоторый шум, и сегодня издательство должно произвести напор на типографию. Кроме того, надо сместить ледерин на переплете. Этот цвет всё же неудачен. Сегодня этой операцией займется Рита.

Мне в ближайшее время надо, кроме переезда:

— Читать материалы, представленные на конкурс имени Гайдара (часть уже прочитал) и участвовать в заседаниях жюри.

— Выступить 21-го на вечере памяти Гайдара.

— В «Молодой гвардии» участвовать в обсуждении творчества Димы Ризова ²⁷, а для этого перечитать его.

— Выступить на съезде работников культуры ²⁸ от имени Общества охраны памятников (уговорили Митрополов и Дворсон, но это еще не наверняка, я поставил условием, чтобы они заранее договорились о предоставлении слова).

— Участвовать в выборе места для архитектурного заповедника.

— На семинаре многотиражных газет, посвященном 50-летию, выступить с заключительным словом. Для этого посмотреть газеты (поручение горкома, тут уж отказ невозможен, да и хочется высказать свои мысли).

— Участвовать в редактировании рекомендаций по пермскому гербу.

Это не говоря о том, что на мне висит медведь для телевидения. Много, всё по мелочи, но много.

Настроение у меня всё же после вчерашнего разговора с О. А. сильно улучшилось.

Следующее письмо я тебе напишу от руки...

Твой Б.

6 января 1968 г.

Дорогая моя!

Наконец-то я получил вчера к вечеру твое письмо. ...Получил и сразу успокоился.

Чем дальше, тем больше погружаюсь в разные дела и хлопоты. Смотрю и немного правлю Сивкова ²⁹. Кончил чи-

тать в листах Тиунова. Вчера были с Савватием в телестудии. Надо доделывать нашу передачу о Гайдаре в «Литературном театре». Она должна пойти у нас 13 февраля, а потом — на Москву. Надо, наконец, доделать книжку о Гайдаре³⁰. А для этого еще посидеть в здешней библиотеке. А сейчас побежим с Гинцем на свидание с челябинскими пионерами, которые приехали сюда и требуют встречи с нами. У меня же обед не готов. Задумал борщ, а то надоел бульон, который я непрерывно ел после возвращения в Пермь.

Вот мои мелкие заботы. О больших не пишу.

Это письмо пошлю по упрощенному адресу. Сообщи, дойдет ли. До которого числа тебе можно посылать письма и после которого складывать их у себя?

Растеряха ты моя дорогая.

Твой Борис.

[Январь 1968 г.]

Дорогая Надежда Алексеевна!

Почему это вы собираетесь 14-го выезжать из Марьино? Если память мне не изменяет, мы с вами виделись в Москве 20-го декабря. Почему такой маленький срок? Или вы собрались ехать досрочно, чтобы поболтать в Москве? Честное слово, не стоит, даже ради алмазной выставки. Используйте отдых до возможных пределов.

Очень мне не нравится, что вы плохо едите и плохо спите. Это выходит совсем не лечение, а наоборот. Поди, перегрузили вас всякими лекарствами и процедурами. Извольте спать!

...Зима здесь у нас, в родной Перми, стоит замечательная. Снега много, а морозов настоящих не было. Обещают в ближайшие дни.

...Я окончательно запутываюсь в делах. Пришлось срочно читать некоторые вещи и основное — подготовку книжки — всё откладываяю. А Граевский, наш редактор, с которым удобно работать, собирается около 20 января ехать в Москву, а оттуда — в Гренобль, на Белую олимпиаду, в качестве спортивного корреспондента, но за свой счет. Знай наших! Это, конечно, любопытно, но я бы, не зная языка (а он, конечно, не знает французского), не поехал: плохо чувствовать себя дураком.

Ко мне заходила Елена Николаевна, давала почитать интересную (но не очень, не так, как «Пушкин») прозу Марины Цветаевой. Задержать, к сожалению, нельзя — чужое.

Ужасно не хватает времени. Множество его отнимают всякие общественные и бытовые мелочи. Только отрехшись от всего, можно сделать что-либо значительное. И ведь не пьянствую я. И нет желания, и хочется сохранить работоспособность, и денег мало (всё же проездился!), и перестали на Комсомольском продавать по маленькой и поить жаждающих людей. Ударились в другую крайность.

Я огорчен, что так скоро кончается ваш отпуск, что вы его, кажется, плохо использовали для здоровья, но рад, что скоро вас увижу. Хотя и писал вам, о многом остается рассказать. Надеюсь, что вы сразу же позвоните.

Всего вам доброго.

Ваш Б. Назаровский.

20 июня 1968 г.

Завещаю Н. А. придерживаться таких правил (когда пишет).

1. Хронологическая последовательность.
2. Логическая последовательность.

3. Насыщенность точно изложенными фактами.
 4. Насыщенность мыслями.
 5. Ничего пустого. Никаких общих, тем более штампованных, затасканных фраз.
 6. Равномасштабность изложения.
 7. Плавность переходов.
 8. Подчиненность всего общему ритму.
 9. Эмоциональная окрашенность.
- Винный Завод — Пермь.*

14 декабря 1968 г.

Дорогая моя Надежда Алексеевна!

Вчера, в пятницу, я позвонил вам и не застал: вы были в театре. Такое ваше отсутствие меня вполне устроило. Я в этот вечер кончал читать в «Новом мире» статью Лакшина³¹ «Посев и жатва», которую, надеюсь, вы или прочли, или прочтете. Рад, кроме того, что вы в добром здравии, хотя и подозреваю, что градусник разбит «незначай с намерением». Но ваше здоровье всегда относительно. И, кроме того, я верю в вашу живучесть.

Конечно, хотелось бы знать, как началась работа. Я всё же надеюсь, что вы пошлете мне какую-то весточку, особенно в связи с тем, что задержитесь в Москве. Я же в этом письме просто расскажу о всяких всячинах, чтобы вы не забывали родной город.

Установилась прекрасная погода (надолго ли?). Температура —10, обещают сегодня даже —6. Идет снежок. Его уже навалило много, и ходить на лыжах сейчас сушее удовольствие.

Сам я стал выходить на улицу и передвигаюсь, не столь быстро, как хотелось бы, но все же передвигаюсь.

Вчера был в горисполкоме на новом обсуждении дел с гербом. Горисполкомовское начальство все же накричало на Бойченко и Голубеву, которые совсем забросили это дело. Собрали художников и архитекторов, которые непосредственно займутся работой. Но пришли Королев с Курдачевым. Оказывается, секция ветеранов еще в октябре обратилась с письмом к горисполкому, в котором протестовала против медведя как пережитка царизма. Пришлось мне снова все разъяснять. Poleмика шла в самой мягкой форме. Все художники и архитекторы безусловно и с энтузиазмом за медведя. Дворсон от участия в разговоре дипломатично уклонилась, чтобы не портить отношения ни с теми, ни с другими. Впрочем, и я не испортил: Королев и Курдачев выказывали мне всяческую симпатию, но всё же не соглашались, считая, что только они — предки, а других, более ранних предков (Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева и т. п.) можно и забыть ³².

А третьего или четвертого дня был в Доме журналиста на обсуждении профиля «Вечерней Перми», первый номер которой выйдет 31 декабря. Было многолюдно и оживленно. Тоже выступал.

Кстати, знаете, кто будет у Мухина замом? Это еще не официально, но, кажется, твердо: Леонид Александрович ³³. Он, похоже, не прижился на нынешнем своем месте. А Граевский уже почти наверняка идет собкором «Речного транспорта». Держится бодро. В издательстве в его кабинете сидит Гринблат ³⁴. Я выразил ему, Гринблату, свое почтение и свое соболезнование. Последнее его встревожило, что и требовалось.

Объяснялся с Вершининым по поводу «ЗД» ³⁵, которое еще не кончил. С утра занимался им, сейчас сел за письмо, чтобы отнести, когда пойду по делам на улицу. «Крупскую»

он еще не сдал, но говорит, что только из-за технических задержек. Книжкой доволен. Сейчас раздумываю, как быть с «ЗД». Очень хочется мне еще раз все поправить, еще раз перепечатать и только после этого сдавать. Но она в плане будущего года, и надо сдавать, чтобы Москва не разгневалась.

Да! Отснимался в нашей кино-оперетке ³⁶. Ужас! Я там произношу несколько фраз перед кинокамерой и несколько фраз за кадром. Всего две минуты, не больше. Завезли ко мне оборудования — гору (накануне). Пришло 9 человек! Установили три прожектора (или как их там). Мучились сами и меня мучили в общей сложности (с монтажом и демонтажом оборудования) три часа. И, кажется, не добились того, что нужно, — говорю я все-таки плохо. Снимался в окружении медведей.

Вот сколько всяких новостей я вам наговорил.

С мясом у нас в городе положение прежнее: его почти нет. Если там есть кубики — закупайте, и вам пригодятся, и я не откажусь, и продукт транспортабельный. После 1 января, надеюсь, будет лучше.

Жду хоть коротенькой записки от вас. Очень интересно, как вы оценили спектакль в «Современнике».

...Доброго вам здоровья. Почтительно целую ручки.

Низкий поклон Клавдии Николаевне и Борису Федоровичу.

Ваш Б. Назаровский.

5 декабря 1969 г.

Дорогая Надежда Алексеевна!

Хотел бы начать письмо не этим стереотипным обращением, а чем-либо иным, например — Принцесса Хрустального дворца! ³⁷

Или — Диотима! ³⁸

Но и то и другое обязывает написать письма в одном стиле: торжественно-восхваляющем или исповедальном. Я же не чувствую себя способным создать такое письмо, мое будет пестрым. Помимо прочего, я просто должен сообщить вам некоторые пермские новости (надеюсь, вы еще не вполне утратили интерес к Перми и пермякам). Поэтому я и обращаюсь столь традиционно.

Правда, новостей у меня мало.

Что касается меня, то новое и печальное в моей жизни состоит лишь в том, что я не жду телефонного звонка. Знаю, что никто мне сейчас не позвонит просто так, без корыстного расчета, поинтересоваться моим состоянием и самочувствием. Если и позвонят, то с каким-нибудь расчетом, обязывающим меня предложением, стремлением навязать еще что-либо. Кажется, одной вам я интересен просто так, сам по себе.

Жду вестей от вас, но знаю, что вы далеко и ждать придется долго. ...Блаженствуйте, отдыхайте и лечитесь. Буду терпеть.

Провожу время по преимуществу в библиотеке. Проворачиваю много книг с некоторой пользой. Вижу основную опасность — потонуть в литературе, которой по мере чтения оказывается все больше и больше. Все же выписал несколько книжек по МБА.

Кроме того, на той неделе, нет, на этой, дважды выступал в школе № 133 по поводу Гайдара и в студии телевидения (перед работниками студии) с докладом «Ленин как редактор». Иной раз выступить, конечно, надо, иначе совсем закиснешь. Но к докладу в телестудии пришлось готовиться. Ходил в воскресенье с Наташей на фортепьянный концерт.

А вот дальше меня ждет просто катастрофа. Обещал я на той неделе выступить в типографии на тему «Ленин и книга», но старого своего доклада не нашел, придется готовить новый. Это отчасти лучше — выйдет короче.

Обещал какой-то родительнице из соседней школы выступить там. На 15 января меня зовет в педагогическое училище (не там ли вы выступали?) старый знакомый Сергей Иванович Смольников, выступить там. 15-го же — пленум правления Союза журналистов, а там с докладом будут выступать чайковцы, которые на полном основании объявят меня непорядочным человеком, не отвечающим даже на письма. И 15-го хороший симфонический концерт. А 16-го — выездное заседание президиума Общества охраны в Березниках.

Как я выпутаюсь — не представляю, особенно потому, что я кое-кому обещал или полуобещал. Единственный выход из положения — сломать руку или ногу (или симулировать). Но тогда как ходить в библиотеку?

Были бы вы, вы бы все разом решили.

К тому же я запутал свои отношения со «Звездой». Статьи, подходящей для них, я так и не дал. А сейчас уже поздно: книжка через семь-десять дней выйдет. Тираж уже отпечатан, дело за брошпоровкой и переплетом. Надо идти в редакцию объясняться и просить не гневаться по этому поводу на книжку.

Вчера, в четверг, меня испугали в издательстве сообщением, что иллюстрации нашлись в Свердловске. Не испугали, а взволновали. Но оказалось, очередное вранье Филиппова.

Признаюсь вам, что «Замечательным делом» я занимался так много и долго, что уже больше не могу им заниматься ни в какой форме.

Виделся в библиотеке с Нат. Дм. Потом она звонила по телефону. Потом я разговаривал с Володией Вагиным и Евстолией Павловной в издательстве. Это по поводу вашей книги ³⁹. Но ясности у меня нет. Одно ясно — печатать ленинские тексты другой, красной, краской отказались по причине явной безвкусицы этого приема, который сделал бы книгу крикливой и грязной (красный текст читается хуже, чем черный). Володя Вагин (худ. редактор) утверждает, что ленинские тексты будут перебирать курсивом, чтобы их выделить. В корректорской утверждают, что и этого не сделают. Корректоры еще не кончили, и листы еще не ушли в типографию. Сообщить вам, что с этой книгой благополучно, к сожалению, не могу. Надеюсь, что Вагин стоит на своем. Корректоры правильно говорят, что выносить номера документов на поле книги, когда они будут печататься не красным, а тоже черным шрифтом — нелепо. Боюсь за вашего научного редактора, она может взбунтоваться.

Вообще-то горюшко с издательством. Всыпать бы им.

К сожалению, лучших новостей у меня нет. Похолодание наступает у нас медленно, ровно. Снега нет. Не только симулировать, но и просто поломать ногу или руку вполне возможно.

Вернулся из Ленинграда Сережа. Привез бульонных кубиков. Они кстати.

Целую неделю я не пил ни капли (выпил все запасы и не пополнял). Только сегодня — матрасу ⁴⁰. Вот какой я образцово-показательный. Кончил читать «Бедного Авросимова» (нашел последний номер журнала). Прочел написанную каким-то англичанином биографию Огюста Родена. Интересно, хотя малосодержательно. Но если там окажется у вас под руками — прочтите.

Наташа получила почетную грамоту по случаю завоевания места лучшего молодого рабочего цеха. Очень горда. Она взяла отпуск, но уезжать пока не собирается. Сейчас с товарищами на литературном концерте: кто-то заезжий читает стихи Симонова. Вспоминает вас. Сегодня заходили ко мне Гинцы, которым она разъяснила, что поставщик всех медведей — вы.

Сплю с усиленными порциями снотворного.

Простите, что так много написал. Вы же знаете, что только с вами я могу разговаривать обо всем, свободно.

Жду все же вестей из «Хрустального дворца». Сохраняю надежду, что не буду совсем забыт.

С любовью и почтением.

Ваш Б. Назаровский.

[Середина декабря 1969 г.]

Дорогая Надежда Алексеевна!

Сегодня добрую половину дня провел в издательстве. Так и не дошел до библиотеки, в которую направлялся с заходом в издательство. Разные дела — от заботы о собственной книжке до семинара, который надо обязательно провести в этом месяце.

Дела с вашей книжкой проясняются. Ленинские тексты будут перебирать, чтобы выделить их шрифтом, а не краской. Будут переверстывать всё, заполняя сейчас многочисленные пустоты. Изменяют форматы некоторых фотографий (клише), чтобы привести их к большему единообразию. Я еще убеждал отказаться от вынесения на поля номеров документов, что, по-моему, портит книгу. Ведь читателю мало дела до номера документа. Он на него почти не обращает внимания. Зачем же его так резко выделять? Будет

перелистывать книгу, и останется впечатление чего-то су-
губо канцелярского, сплошь и подчеркнуто перенумерован-
ного. Не знаю — убедил ли.

Пока у корректоров (их двое — Лариса и Евстолия Павловна) готовы 8 листов. Сегодня в конце дня должен был появиться Тимофей Игнатьевич и решать с ними воп-
росы. Вслед за этим будет смотреть техред. Кончат только к концу недели. В типографию уйдет числа 15-го. А рабо-
та — огромная. Сейчас можно быть уверенным, что в теку-
щем году книга не появится. Думаю, что вы уже после
возвращения будете подписывать исправленные листы в
печать. Уже в январе.

Настукиваю вам всё это и сомневаюсь — не зря ли. Не
мешаю ли вашему отдыху. Вы, поди, уже отлежались, при-
шли в норму и окунулись в вихрь светских развлечений...
А я — с делами. Но мне кажется, что мое сообщение мо-
жет вас успокоить (если, конечно, вы не совсем забыли о
пермских делах).

Нагрузка у меня на ближайшее время еще возрастает.
17—18 декабря состоится большая межвузовская конфе-
ренция по истории, которую организует Я. Р. Волин. Там
будут, оказывается, секции и будут участвовать граждан-
ские (общие) историки, в том числе и сам шеф. Мне, ко-
нечно, интересно послушать. Книжка моя к конференции
не появится. Только к концу года. Переплет еще не начи-
нали делать. С трудом идет и другое издание — «Задачи
союзов молодежи» в оформлении В. Вагина. Кстати, бла-
годаря его настойчивости переделывают вашу книгу. А зев-
нула тут, проглядела — Рита.

Заходил Володя. Принес флибустьера ⁴¹. Наташа соби-
рается в Омск. ...Игорь уехал в Москву с докладом и образ-
цами продукции к самому высокому своему начальству ⁴².

Геннадий Ильич послал с ним Борису Федоровичу свеженаловленную рыбу. Сережка, заняв у нас 80 рублей, уже покупает «Прогресс». Вот дела вашего пермского окружения.

Любое ваше поручение будет принято к исполнению.
Доброго здоровья и хорошего настроения.

Неизменно ваш, Б. Назаровский.

16 декабря 1969 г.

Дорогая Надежда Алексеевна!

Радостных известий у меня только два.

Первое — начал регулярно получать письма от вас. Получил уже третье, в котором вы сообщаете, что и мое письмо до вас дошло.

Второе — у нас прошел снежок, стало немного теплее, а главное, уютнее. И практическая польза: можно надевать валенки.

Очень рад вашему бодрому и стойкому настроению, решению перетерпеть все, но вылечиться. ...Терпите и воздастся вам! — как говорил то ли сам Иисус Христос, то ли какой-то из его апостолов. На церковный лад меня настроила книга Голубинского «История русской церкви», которую я читаю и которая дает много антирелигиозного материала. Писал я вам о ней в прошлом письме или нет? Даже это забыл.

Теперь о делах более или менее нейтральных.

Ралюшка пока здесь. Собирается домой завтра или послезавтра. Вчера у меня был маленький сбор. Пришли: она, Савватий, Сережка да мы с Наташей. Был подан кролик, подстреленный на рынке. Шел довольно интересный разговор, чему способствовало отсутствие сколько-нибудь инте-

ресного вина. Стоял портвейн № 13, правда «Абрау-Дюрсо». Ну просто сухой закон в Перми.

Наташа уехала час тому назад на вокзал. Намерения ее неопределенны: то ли вернется к Новому году, то ли нет. ...Сережа уезжает завтра, в среду, в Ленинград. Улетает. И не поддастся уговору проехать через Вологду. Так огромная коробка конфет для Астафьевых и стоит. Сережа вернется к концу месяца.

Завтра открывается организованная Я. Р. Волиным ученая конференция. Она называется так: межвузовская научная конференция «В. И. Ленин и местные большевистские организации России». Пройдет три дня. Первый и последний дни — пленарные заседания, а 18-го — работа секций. Семь секций! Отдельные интересные доклады есть на каждой. Но как их поймать?

Открывается конференция докладом вашего (из института) Д. М. Кукина на широкую тему — «В. И. Ленин и партия». Думаю послушать. Из наших выступают Волин, Быкова, Хитров, Кашихин, Горовой. Он на секции, посвященной 1917 году. Кажется, будет спорить со свердловчанами. Тоже хочется послушать. Приезжают Быстрых и другие ⁴³. Вообще же довольно широко: Урал, Поволжье, центральные области, Сибирь, Москва. Программа у меня одна. Если стащу завтра вторую — пошло вам.

Остальное — сплошная неприятность.

Книгу мою режут. Будут набирать заново. Приехала какая-то дама из республиканского комитета по делам печати и нашла, что подзаголовок недопустим: «Как уральские мастеровые тягались с графами Строгановыми за землю, что эта тяжба показала и чем дело кончилось». Я спорил отчаянно. Приготовил справку, в которой убедительно показал, что Ленин такие, точнее, такого же характера

заголовки и подзаголовки любил и употреблял. Ничего не помогло. Она, видите ли, согласовала по телефону вопрос с высшим начальством в Москве. Предложила пойти на суд к Ивану Яковлевичу. Я не отказался. Но там вопрос был решен не в мою пользу. Так как выдирать и вклеивать титульный лист нельзя и так как на 105 странице есть еще грубая опечатка, решено набирать все заново. Единственное, в чем она права: обложка оказалась отвратительной: очень неудачен цвет и коленкора, и гравюры, впечатление грязное, и обложку-то надо менять. Но это можно было сделать: книга сшита в блоки, обложка сделана (переплет), но еще на блоках не закреплена. А опечатку на 105 странице можно ликвидировать и клейкой страницы, так делают. Книга откладывается на месяц-полтора минимум, если не возникнут новые сомнения и препятствия ⁴⁴.

Оформление других книг: «Задачи Союзов молодежи» и «Ленин и Пермский край» — Володя Вагин повезет еще раз на просмотр в Москву, хотя их смотрел здесь на месте приезжавший из комитета художественный редактор.

Ужасная волокита, перестраховка и бюрократизм. Там, в комитете, людям нечего делать, вот они и придумывают себе работу и легкие заслуги.

Принимаю усиленно элениум, запивая его чем бог пошлет (сегодня послал алжирское). Не буду больше об этом, так как расплывусь и запью, а ко мне в восемь вечера должна прийти Ралюшка.

В воскресенье ходил на фортепьянный концерт. Играл Скавронский. Очень хорошо — Скрябина, и вообще оставил приятное впечатление своей манерой держаться просто и непосредственно.

Вчера позвонила Зинаида Михайловна. Просто справиться, как живется.

Кажется, полный отчет. Крепитесь! Больше настойчивости! Верьте в полное выздоровление! Пишите.

Всегда ваш, Б. Назаровский.

17 декабря 1969 г.

Дорогая Надежда Алексеевна!

Поскольку вы проявили некоторую заинтересованность в письмах из Перми, я позволяю себе писать вновь.

Был сегодня на открытии межвузовской научной конференции. Зал оказался далеко не полным (могли бы хоть студентов нагнать). Открыл И. Я. В кратком вступительном слове сказал о том, что такое Пермь и Пермская область и приветствовал. Затем В. Ф. Сивков приветствовал от старых большевиков и говорил о революционных традициях края (довольно невнятно). Доклад члена-корреспондента Академии наук на тему «В. И. Ленин и партия» был фактически докладом о новых ленинских документах, опубликованных в Полном собрании сочинений (видимо, раньше и по другому поводу подготовленный). Не содержал никаких проблем, а только иллюстрации к известному. Вполне подошел бы для вступительной лекции для студентов, начинающих изучать историю партии. Для собравшейся аудитории был явно слишком элементарен. Слушали плохо.

Я после этого доклада ушел в библиотеку. Как узнал вечером, два других доклада не были более интересными.

Ко мне подходил проф. Фадеев из Горького. Молил до-
стать для него «Революционеров Прикамья». Я расчувствовался, обещал, и вечером через Марину Аликину-Ивонину послал ему предпоследний экземпляр, а кроме того, две книжки «Рабочего Прикамья» с материалами Никитина

о Заломове в Перми. Он, Фадеев, все-таки настоящий ученый, и их «Очерки» одни из лучших. Сам же я решил пойти на другую секцию — по 1917 году, чтобы послушать Федора Семеновича, который собирается ругаться со свердловчанами. Люблю, когда происходит некоторая драка.

19-го будет заключительное заседание, видимо, краткое.

Да, подходил ко мне Рябухин ⁴⁵, до которого дошел мой восторженный отзыв о его книге. Ничего, симпатичный и сравнительно молодой парень.

Не только аспирантки, но и кандидатки, вроде Г. Г. Воронцовой, сидели в качестве регистраторов.

Вчера вечером, после выступления «муравьев» по телевидению (его вел, и удачно, Моисей Гуревич), ко мне приехала Ралюшка и посидела часика два. Поговорили обо всем понемногу. Я сказал ей, что вы никак не смогли взглянуть к ней по дороге вперед, но надеетесь на обратный путь. Она явно довольна поездкой в Пермь ⁴⁶. Собирается приехать еще для работы в архиве, но при вас. А Людмила Викторовна (тоже регистратор) сожалела, что не смогла поговорить с ней о воспоминаниях для комсомольского сборника. Выразила мне надежду, что это сделаете вы, повидавшись с ней (Ралюшкой) в Москве. Поимейте это в виду.

Ралюшка уехала сегодня днем с «Камой». Я ее не поехал провожать. Ее провожали старые «муравьи», и едет она вместе с «муравьем» — москвичом Мулей Симановским. Она не в обиде.

Заходила сейчас Светланка. Забрала котлеты, закупленные для нее еще Наташей, которая уехала вчера, тоже не провоженная мною (можно так сказать?) на вокзал.

Кажется, всё. Сейчас, после «Прикамья вечернего», отнесу это письмо в почтовый ящик и лягу спать. Днем не спал. Устал. Умеренно выпил.

Хотя мне вас жалко, жалко, что жизнь в «Хрустальном дворце» далеко не дворцовая, но я рад вашей стойкости и решимости выздороветь, которой вам до сих пор не хватало.

Всего вам самого-самого доброго, самого-самого хорошего.

На всякий случай посылаю вам медведей для новогодних поздравлений.

Ваш Борис Назаровский.

30 ноября 1970 г.

Дорогая Надежда Алексеевна!

Письма от вас все нет, и мне становится совсем грустно. Пишу все же вам, чтобы вы не забывали о Перми.

Л. Л. Соломянская упорно работает в архиве. Очень довольна. Жить ее перевели в гостиницу «Прикамье», где удобнее во многих отношениях. Часто бывает у меня. В субботу ходила с Наташей на лыжах за город (не сильно). Погода у нас отличная. Снег выпадает обильно, температура умеренная: 5—8 градусов.

С нужными (и некоторыми ненужными) людьми Ралюшка встретилась и установила контакты. Хорошо сказала о Л. Г. Дворсон: «Она вся состоит из одних улыбок».

Приехали Правдины. Позвонили, доложились и даже пригласили к себе воспользоваться остатками богатств, вывезенных ими из Ялты. Судя по их рассказам, обилие там неправдоподобное. Мы сходили втроем (я, Ралюшка и Наташа) и провели скучный вечер. Все-таки удивительно! Всё гладко, прибрано, богато, даже, казалось бы, в интеллектуальном отношении (книги). Но все это как-то напоказ и

ничем изнутри не освещено и не согрето. И на главном месте огромный телевизор, который и доминирует по вечерам, даже при гостях. Пишет Лев Николаевич усиленно и, как он говорит, успешно «Бухту Анфису»⁴⁷. Что это будет — не знаю, хорошего не жду. Не может написать хорошего человек, в такой степени сосредоточенный на самом себе.

От М. С. Астафьевой получил письмо, в котором она сообщает, между прочим, что написала и вам. От Виктора Петровича — фотографию с надписью: «Страшному медвежатнику Б. Н. Назаровскому от страшного глухарятника В. Астафьева». На фотографии он в лесу с двумя огромными глухарями. На лице — самодовольство, которого нет на портрете писателя Астафьева, просматривающего свою рукопись.

Широков, отрастивший огромную бороду, не отступил-ся от мысли написать еще раз меня⁴⁸. Затащил в свою мансарду, показал набросок (первый), фотографировал многократно во всяких позах, а вчера с двумя ассистентами (фотографом и Ниной Васильвной)⁴⁹ заявился ко мне и еще фотографировал и примерялся в домашней обстановке. Но займется всерьез нескоро, сейчас есть заказы.

Вчера вечером ходили в концерт: Ралпошка, Елена Николаевна, Наташа и я. Наш камерный оркестр исполнял Бетховена по случаю приближающегося двухсотлетия со дня рождения. Совсем малоизвестные произведения малых форм (кроме известных песен: «Сурок», «Тоска» и др.) и даже один ранний концерт для скрипки с оркестром, который исполнялся в первый раз в нашей стране (ноты не так давно найдены и совсем недавно попали к нам). Оркестр хороший, бесспорно хороший. Зал был переполнен

(даже дополнительные ряды), и публика принимала оркестр отлично.

Еще должен сообщить вам тяжелую новость: умер Феофан Александрович Александров ⁵⁰. Умер в больнице. Непосредственная причина смерти — отравление организма в результате того, что почки совсем отказались работать. А это последствие склероза и гипертонии. Врачи теперь утверждают, что все болезни у него были очень запущены и что ему давно надо было на пенсию. Хороший был парень. Искренне его жаль.

Вот этой печальной новостью я и должен закончить письмо.

Всего вам доброго! Напишите, пожалуйста.

Ваш Б. Назаровский.

3 декабря 1970 г.

Дорогая Надежда Алексеевна!

Наконец-то получил вчера, 2 декабря, весточку от вас, короткую, но весточку. А то я начал уже беспокоиться...

Хотя Лия Лазаревна и отвлекала меня, работал в библиотеке. Сегодня съездил сначала в музей, потом в архив: Елена Дм. Харитоновна достала для меня на день фотографию Адриана Пушкина ⁵¹, в архиве ее пересняли. Не удержался, стал попрекать их беззаботным отношением к архиву Мешкова и коллекции Шарца. Нат. Дм. потащила меня к новому начальнику ⁵². Познакомился с ним и имел объяснение. На меня он не произвел приятного впечатления. Думает не о том, что бы сделать, а о том, как бы не взять на себя лишнего. Такой вырабатывается склад мышления и восприятия у советских работников. Всё же намеревает-

ся что-то предпринять: сам сходить к Шарцу (который грозит все отдать в Свердловск).

Встретил там, в архиве, Лениану Алексеевну. Спросил, как с «Археографическим сборником» ⁵³. Оказалось, он, готовый, застрял по финансовым соображениям: числят за кафедрой истории СССР две тысячи долга за нереализацию издания, и пока этот долг не будет покрыт, бухгалтерия отказывается визировать новый заказ в типографию. Должны сами вносить деньги на погашение долга, на Трефилову приходится 50 рублей. Когда-то соберут! А «Археографический сборник» вышел большим, и будет тоже дорогим, и тоже залежится.

Звонил сегодня Верзилов ⁵⁴. 15 декабря он уходит с работы. Пенсия ему уже назначена. А заместителя еще нет. Котируются: Н. Ф. Пичугин (с радио-теле), Виктор Артемьевич Микрюков (зам. зав.), Бессонов, кандидат философских наук, зам. зав. отделом, мне совершенно неизвестный, без какого-либо опыта работы в газете. Верзилов за последнюю кандидатуру, но я боюсь, не с личным ли расчетом: пусть узнают, что может быть и хуже.

Совсем близко от нас, чуть ниже обновленного молочного магазина по Комсомольскому проспекту, подготовили новый магазин, на котором появилась вывеска: «Алмаз. Ювелирторг». Что там будет? Не знаю. Надеюсь, что это побудит вас чаще заглядывать в наши края.

Погода у нас превосходная. Похолодало, но умеренно. Я надел валенки. Очень удобно. Декабрь обещают теплее и снежнее среднего многолетнего.

Вот, кажется, все новости. Уже утомил вас своим письмом. Всего вам доброго, здоровья и бодрости.

Ваш Б. Назаровский.

1 октября 1971 г.

Дорогая Надежда Алексеевна!

Пожалуюсь вам: холодно!

На термометре у моего окна всего один градус тепла. Дует сильный северо-западный ветер. Сегодня с утра два раза начинал сыпать снег. Спасаясь с помощью приобретенного по вашей рекомендации «радиатора бытового электрического типа РБЭ-1», снабженного автоматическим выключателем. Штука, действительно, удобная. Благодарю! Тепла в наши дома еще не дали, и боюсь, что это дело затянется (даже опробование не проводили).

По-прежнему очень собою недоволен: плохо работаю. Преодолею одну трудность с «Беловодьем», осталось в этом «Беловодье» еще две трудности, да надо, кроме того, дополнительно поискать кое-что в библиотеке и в архиве (гос.). Написал пустяковую рецензию на книжку «Бережь природу Прикамья», выпущенную соответствующим обществом. Капитальный труд нашего общества — «Памятники»⁵⁵ — никак не может появиться в свет. Хотя надеюсь увидеть сегодня в издательстве сигнальный экземпляр.

Пойду в издательство на партийную учебу, которая, в отличие от прошлых лет, начинается точно в срок. Программа довольно интересная — вопросы формирования коммунистического человека. В издательстве появились новые люди, может, что и получится толковое. Лично я думаю обеспечивать этот семинар дискуссионным материалом. Хотя опубликованные в «Правде» материалы большого идеологического совещания идут мне в жилу. Моя дискуссионность будет умеренной.

До издательства должен побывать в книготорге, чтобы выклянчить подписку на Достоевского.

Так холодно, что Наташа вряд ли поедет на Винный Завод. В прошлый выходной поехала в надежде, что там соберутся люди, а никто к ней не приехал, и она была очень разочарована. Уж нынче-то ясно, что никто не приедет.

Жизнь моя по-прежнему течет изолированно. Как только немного разойдусь с работой, пойду в люди.

Елена Николаевна «Ежегодника» не несет и ко мне не идет, хотя по телефону признала, что у нее много моих книг, а я ей обещал дать на два дня «Пастуха и пастушку». Бойтся скомпрометировать себя в глазах шефа близким со мной знакомством. Но это пустяки, это переживем.

Начинаю ждать весточки от вас.

Ваш Б. Назаровский.

6 октября 1971 г.

Дорогая Надежда Алексеевна!

Наконец-то получил от вас письмо. Только сегодня — 6 октября. Это ваше второе, с точным адресом письмо. А то я уже засомневался, как быть — писать или не писать, не приставать, как говорится. Между тем потребность общения с вами никогда не проходит.

Зачем вам стенокардия? Ну зачем?! Не по возрасту хаете себе болезни! ...И раз болезней у вас прибавляется, вам надо немного перевоспитаться, сбросить явный излишек легкомыслия в отношении к своему здоровью. Как видите, потребность в общении выливается, к сожалению, в привычные формы выговора и наставлений.

У нас холодок. На крышах снег не сходит. Но топить, слава богу, начали, и я оживаю. Оживаю, кроме того, и потому, что, кажется, начинаю работать. Правда, не над тем, что нужно, а над всякими второстепенностями и тре-

тьестепенностями. Появился все же на меня спрос, правда на мелком уровне, и возобновляются связи и контакты.

Выступал у нас в издательстве на семинаре. Написал для издательства длинную рецензию на небольшую литературоведческую брошюру. Правлю реферат Харитоновой (она явилась переродившейся, ожила в Карелии). Правлю для Тиунова его брошюрку. Установил контакт с Черкасовой (той, что выступает вместе с Хитровым против концепции Горового), она дала мне посмотреть свою диссертацию. «Археографический ежегодник» вышел, и Е. Н. его принесла. Как буду действовать (кроме письма Шмидту), еще не решил. Несколько дней назад С. Г. Мухин сам предложил переработать «антидокторскую диссертацию» в статью для газеты, но сняв прямую полемику. Сегодня, как вы знаете, Перми вручили орден ⁵⁶. Городские власти, надо надеяться, говорили с Капитоновым и о юбилее. Узнаю у Мухина завтра или послезавтра, когда суматоха уляжется. Можно, конечно, прямую полемику оставить для другого места.

Вчера еще была В. К. Алексеева ⁵⁷, притащила на консультацию экспозиционный план выставочного зала в диораме, но с расчетом, что я при ней посмотрю и всё скажу. Я так отказался. Был еще один интересный парень — новый режиссер из кинокомплекса для советов по задуманному им киноочерку «Чудаки». Задумано интересно, и хочется помочь. Если вы вспомните каких-либо интересных и полезных пермских чудаков — напишите.

В воскресенье ходил на фортепьянный концерт. С Наташей, которая на Винный Завод не ездила, так как была очень плохая погода. Хороший пианист — Лазарь Берман. Настоящий мужской удар, склонность к виртуозным вещам, но и стремление дать их глубже. В Листе, даже в его «Тарантелле», звучали трагические нотки.

Сережа не появляется.

В «Новом мире», 8-м номере, который только что пришел, прочел довольно интересную повесть Юрия Трифонова «Долгое прощание».

Вот я и удовлетворил свою потребность беседовать с вами. Посылаю любопытную для вас заметку из сегодняшней «Звезды». Спасибо за марку! Сохраню бережно!

Всего вам самого, самого доброго! Пишите, пожалуйста.

Наташа очень кланяется. Так она формулировала.

Ваш Б. Назаровский.

10 октября 1971 г.

Дорогая Надежда Алексеевна!

Со свойственным вам великодушием простите меня, такого надоедного. Пишу просто так. Потому что соскучился. Потому что хочется поболтать.

Сейчас воскресное утро. Я один. Наташа вчера утром уехала на Винный Завод и пока не вернулась. Собралась неожиданно и поехала, несмотря на плохую погоду, которая за минувшие сутки еще ухудшилась. Сейчас густо идет мокрый снег. Он тает, и все же кое-где на траве и на крышах лежат белые пятна. На термометре чуть-чуть больше нуля.

Жаловаться нечего: пора такая, да и везде, даже у вас, под Москвой, погода неважная. Вообще-то говоря, для сельского хозяйства любые осадки нужны, земля у нас очень сухая, а надо, чтобы она ушла под снег насыщенной влагой. С заготовкой хлеба у нас, похоже, вполне благополучно, и с семенами тоже. С картошкой хуже: средний урожай, оказывается, всего 50 центнеров. И с зябью плохо.

Это я пишу, по-видимому, по тому случаю, что сегодня День работников сельского хозяйства.

Как вы могли заметить по газете, которую я вам послал, во время торжеств по случаю вручения Перми ордена тема ее 250-летнего юбилея не прозвучала. Это печально. Какие-то силы еще сопротивляются. Дипломатичный С. Г. Мухин, у которого я пытался дознаться, какова расстановка сил, уклонился от ответа, но все же дал понять, что вопрос еще не решен и что кто-то колеблется: надо ли.

Вот те на! Сначала сомневались — можно ли? Эти сомнения были рассеяны (отношу не столько к себе, сколько к Институту истории) ⁵⁸, теперь стали сомневаться — надо ли? Как будто это не право пермяков и не долг их перед предками. Как будто можно сомневаться, помнить ли о своих родителях или нет. Вы понимаете, что мое возмущение Ф. С. в связи с этим еще возросло. И им, и теми чинушами, которые... не желают высказать свое мнение и лавируют, заглядывая в рот начальству.

Чуть-чуть не сел было вновь за тему города, но остановил себя. Плохо у меня с нервами, а снотворного нет. Вот пойду на днях в поликлинику, запасусь снотворным, тогда сяду за все ехидства, которые намереваюсь написать в разные адреса. Пока же отвлекаюсь всяким другим, всякой мелочью.

Правда, вчера мне повезло. Отыскал в своем ящике барбамилку, да еще 0,2. Принял и проспал с 12 до 9. Вот как действует с отвычки!

Читаю диссертацию Черкасовой. В ней мало материала по Егошихе, но все же есть два-три очень интересных и важных документа. Узнал, что не только она и П. И. Х. ⁵⁹, но и Оборин занимает правильную позицию. Да, узнал

у Димы Ризова, что учительница Н. Конюхова (на нее дважды ссылается Ф. С. в своей «ученой» статье в «Уральском археографическом ежегоднике», как на единственно правильно осветившую вопрос) — это та самая Конюхова, которая бывала у вас в архиве. О ней говорят как о шизофренике. Не знаю, так ли, но что она истеричка, что у нее старческий психоз — это несомненно. Сейчас мне надо добыть ее адрес, чтобы вызвать ее и побеседовать. Я умею разговаривать и с сумасшедшими.

Вот мои мелкие дела и заботы.

На начинающейся неделе пойду в библиотеку: там стали топить.

Всего вам доброго.

Ваш Б. Назаровский.

4 марта 1972 г., вечер ⁶⁰.

**Дорогая и уважаемая
Надежда Алексеевна!**

Житейское море оказалось для меня значительно более спокойным, чем изображено на этой картинке.

В Москве меня встретили Ралюшка и Тимур ⁶¹ на своей машине («Жигули», не как-нибудь). День я провел у Тимура (у Ралюшки ремонт), был всячески обласкан и занят интересными разговорами. Утром 3-го бойкий Исайка ⁶², который не только бойкий, а и очень внимательный, сопровождал меня в Кратово до самой палаты. Палату дали отдельную.

Сегодня (4 марта) был на приеме у лечащего врача. Пожилая и внимательная женщина. Сразу назначила кокарбоксылазу и В₁₂, и то и другое внутримышечно. Назначила кислородную палатку и еще какое-то лекарство. Мой туберкулез ее не смутил (чего я несколько опасался), на-

шла, что в легких у меня сейчас всё спокойно (плохо, но спокойно). В понедельник пойду на анализы.

Санаторий немногочисленный и тихий. Гулять мне велено медленно и не перетруждая себя — всё же есть подозрение, что у меня был инфаркт, — установят после здешней электрокардиограммы.

Самая трудная для меня задача — справиться с едой, вкусной, разнообразной, но слишком обильной.

Ручка, починенная Сережей, всё же протекает. Пишу непривычным орудием. Простите за почерк.

Буду рад вашему письму.

Мой адрес: 140130, Кратово-2 Московской области, Раменского района, санаторий МСО имени В. И. Ленина.

Кланяйтесь своим. Всего вам самого доброго.

Б. Назаровский.

Л. Л. СОЛОМЯНСКАЯ —
Н. А. АЛИКИНОЙ

2 апреля 1972 г.

Наденька!

Не ответила сразу, но думала о вас, о тебе все дни. Письмо пришло вместе с приездом Сережи. Всё сразу наполнилось Борисом Никандровичем. Твое письмо, Сережа, рукопись — создалась даже иллюзия живого Бориса. Я ходила, говорила, читала как блаженная. Читала рукопись, читала письмо — и всё сначала.

Но вот пришло реальное понимание правды — Бориса нет. Жизнь стала уже, бедней. Нет защищенного тыла. Нет доброго, мудрого друга, очень далеко ушла Пермь. Правда!.. С кем хотелось бы увидеться в Перми, ради чего

приехать? Только ты! В тебе живет полное понимание Бориса, его значимости, ума, широкой души, нежности и непримиримости.

Жалко Сережу. Борис действительно был его отцом — по существу духовной значимости! (Как трудно писать — Борис, так привыкла — Бориныча!) Он тонкий, милый мальчуган. Сейчас растерян, боюсь, что растеряет тот душевный, интеллектуальный закал, что впитал от Бориса. Поддержите его, Наденька, не бросайте...

Что будет дальше? Жаль, если погибнет библиотека Бориса. Думаю, Наташа какое-то время будет всё сохранять как есть. Даже подчеркнуто демонстративно всё беречь. А потом? Быть может, когда построят «дом журналиста», в нем может быть создана мемориальная комната Бориса, «кабинет Назаровского». Может быть при новом здании партархива «кабинет Назаровского» для работы исследователей. Быть может, назовут именем Бориса какую-нибудь библиотеку в городе и там отведут специальную комнату — «кабинет Назаровского» (со всей обстановкой, даже с его коллекцией пластинок, медведей, письменным столом). Пусть это будет клубная маленькая комната для настоящих книголюбов, комната литературных, общеполитических, исторических встреч. Ведь была же у нас в молодости такая комната во 2-й районной библиотеке, ее возглавляла Зоя Александровна Будрина. Это было гнездо, где формировалась целая группа молодых литераторов. Назовем их даже «революционными интеллигентами». Оттуда Коротков, Малыгин, Гинц, Назаровский и т. д.

Ну вот как я размечталась. Право, хорошо бы — если возникла бы такая возможность, и выросла бы в «кабинете Назаровского» плеяда молодых пермяков — пусть историков, пусть поэтов, пусть литераторов, просто хороших людей!

Рукопись Бориса — это великолепно! Это пример настоящего исследования. (Ему и следовало присудить «докторскую».) Блистательно, темпераментно, неопровержимо. Черт с ним, с профессором — это же пример, раскрывающий спекулятивную лжеученость — «научообразность». Борис дает бой не только Горовому. Он сражается за чистоту науки, за партийность, значимость, добросовестность научных исследований.

Нужно публиковать. Обязательно. Нужно прочесть в пединституте на семинаре историков, в лектории публичной библиотеки. Рида ¹ вернется из поездки и попробует организовать чтение в Институте истории. Ты, мой друг, умница, молодец, что прислала рукопись. Борис ее очень ждал. Ее должна была выслать Наташа бандеролью. Умница, что собрала редколлегию сборника. Продолжить, осуществить мечту Бориса, последнее задуманное — это так важно. Это самое ценное, единственное, что нужно, можно и следует для него и для людей сделать. Я понимаю, у тебя на руках «Мясников», но все-таки возьми в свои добрые руки и сборник, и публикацию рукописи в «Урале».

Наденька, прости мне это длинное и, наверное, бестолковое письмо. Это всё потому, что хочется с тобой говорить, и еще потому, что не могу не написать тебе о последних часах жизни Бориса.

Умирал он тяжело. Но с таким красивым достоинством. Он ни разу не терял это удивительно красивое человеческое достоинство. Несмотря на мучения, он был нежен и внимателен, терпелив до крайнего предела. Знал или не знал, что умирает? Опасался, но не знал, не верил.

— Я умру только в Перми, только в Перми! — эту фразу он повторял несколько раз.

Врач спросил, не согласен ли он на ночь передать мне свои документы — партбилет (чтобы не пугать Бориса, он сказал, что сейф, где хранятся документы, закроют: воскресенье). Борис четко и энергично сказал:

— Партбилет должен быть у меня, только у меня, я так привык!

Знал или не знал? Все-таки не знал.

— Ралюшка, когда уедешь, скажи, чтобы мне дали на ночь «барбамилку».

Это было в 9.30 вечера.

А я всё верила в чудо. В 11 часов вечера он забылся и затих, а я сидела и считала пульс. Я была убеждена, что он заснул, что приступ удушья прошел, что чудо свершилось. Около Бориса стояли врач, сестра. Они знали, что Бори уже нет, а я считала пульс. Держала теплую руку и считала пульс. Это был мой пульс.

Потом, ночью, я ехала из Раменска в Москву, слушала, как тикают часы Бориса, и опять считала и считала. Я всё хотела сойти на станции, ехать назад. Всё думалось: «А может, это все-таки глубокий обморок!» Нет, всё было неумолимой правдой.

Всё было правдой!

Наденька, милая, я тебя люблю, пиши. Мне хочется увидеть тебя, позвони.

Твоя Лия.

25 июня 1972 г.

Наденька милая!

Очень меня порадовало письмо Водарского ². Это замечательно. С Ридой еще не говорила. Она в больнице у Егорюшки. Думаю, что с сообщением должна выступить ты!

Это самое правильное. Все побоятся, побегут в обком согласовывать. Тебе бояться нечего. Пришлют официальное приглашение, и тебя не смогут не отпустить. Посоветуйся с Быковой. С ней ведь можно говорить. В крайнем случае, приурочь отпуск.

...О портрете мне написала Эля Зебзеева ³ (она, наконец-то, прислала мне большое и доброе письмо). Тоже похвалила. Я рада, что создан такой портрет. Нужно только, чтобы он не утек из Перми. Ужасно обидно, что мне не хватило дня, чтобы увидеть этот портрет. Быть может, следует поторопиться, чтобы портрет приобрела библиотека им. А. М. Горького и повесила в тот зал, который, как все предполагают, будет назван «залом Назаровского». Нужно только решать всё скорее. И еще нужно, как и предполагала Эля, оформить одновременно шефство издательства над этим залом, что придаст залу характер литературного клуба. И, быть может, в будущем библиотека приобретет у Наташи «кабинет Назаровского», сохранив его таким, как есть: с медведями, столом и стулом.

Спорить ни с кем не буду, хотя и знаю, что права.

Поторопи Савватия со статьей в «Журналист».

Обнимаю, моя хорошая. Пиши мне.

Лия Лазаревна.

13 ноября 1972 г.

Наденька милая!

Спасибо за письмо. Очень меня обрадовало всё, о чем ты пишешь. О выступлении Анастасии Семеновны Черкасовой мне рассказала Рида. Она присутствовала на том

выступлении. Оказывается, Анастасия Семеновна — ее ученица. Она, несомненно, человек смелый, честный, знающий — ничего не побоялась, спасибо ей.

Вы обе для такого славного дела много потрудились. Хорошие вы! Было бы непростительной виной перед Борисом Никандровичем, если бы этот его предсмертный труд остался неизвестным. Сколько сердца и души вложил он в это дело. И главное, ведь не только, вернее, не столько в дате рождения города дело, сколько в его партийной нетерпимости ко всякой демагогии, спекуляции и лжи — особенно, если это касается науки, истории, да и просто печати.

Наденька, сколько ни встречаю людей, знавших Бориса Никандровича, друживших с ним, я только в тебе видела подлинное понимание значения его личности, его жизни, труда. Я так благодарна тебе, что твоя нежность и дружба осветили последние годы его жизни. Я понимаю, сколько он почерпнул жизненных сил, как интересно ему было жить, как хотелось жить и работать...

Отдельно о портретах. Прежде всего, спасибо за то, что прислала. По фотографии о работе Широкова судить трудно. Очень трагическая фигура. Борис был всегда ироничен и спокоен. В этом была его большая сила. Портрет получился несколько манерен, в нем несвойственная Борису жесткость. Но, быть может, всё это от сильно контрастного фото. И потом, художник волен видеть человека по-своему. Это его ощущение, его восприятие. Где он находится? Кто его приобрел? Быть может, он будет помещен в том зале библиотеки, которому присвоят имя Бориса Никандровича?

О снятии фотокопий я просила Галю ⁴. Об этом она пишет тебе. Галя говорит, что с этих отпечатков копии

сделать невозможно. Она обещала дать поручение своему фотокорреспонденту сделать цветные негативы. Конечно, это будет хорошо.

Тебя крепко целую.

Лия Лазаревна.

Милая Наденька!

Портрет, конечно, видела. Ходили смотреть мы все. Помимо личного отношения — заинтересованность. Нужно сказать, что это вообще одна из значительных живописных работ на выставке. В нем личность. Можно спорить, но нельзя оспорить основного — это личность! И за это художнику спасибо. И все-таки немного бы Бориной иронии, теплоты к людям. Он был человеком взыскательным, прежде всего, к себе. Это ты права. Он признавал, что многое не может изменить... конечно, в этом трагедия. Но его никогда не покидали юмор, снисхождение, доверие, человеколюбие. Он даже раздражался только на себя, и когда его раздражали другие люди, он был деликатен с ними. Я не против портрета. Это просто мое ощущение, которое не совпадает с ощущениями художника. Но все равно, многое он увидел точно, и за это большое спасибо. Внутренняя сила, значительность, искренность и простота, и вместе с тем трогательная хрупкость, почти юношеская (а не стариковская) хрупкость фигуры создают очарование. Хочется стоять и смотреть!

Кому будет принадлежать портрет, где будет «прописан» навсегда? Неужели город его не приобретет?

Целую тебя, милая. Всем привет. Лия.

11 марта 1973 г.

Друг мой дорогой и милый, Наденька!

Вот и наступило 11 марта. Год. Прошел длинный, грустный год.

Сейчас ко мне приедут Тимур, Егор, Рида, приедет Галя, приедут еще два друга, которые знали и любят Бориса Никандровича. Шура готовит блины. Всё как положено. Выпьем, вспомняем...

До сих пор я не могу соединить в своем понимании Бориса с тем холодным дождливым кладбищем, где мы были с тобой. Эти ужасающие пакеты мертвых цветов. Шуршат, качаются... Как я хочу, чтобы там росла березка, чтобы осенью краснела рябина. Пусть его украсит зеленая елочка. Ну, пожалуйста.

Наденька, целую тебя, и, конечно, привет всем твоим мужчинам, Сереже, Игорю, Свете, Наташе.

Л. С. РИМСКАЯ —
Н. А. АЛИКИНОЙ

10 августа 1972 г.

Многоуважаемая Надежда Алексеевна!

Будьте, как всегда, великодушны, не судите меня строго за запоздалый ответ. У нас в Москве тропическая жара, которую я переношу трудно, а потому находилась на постельном режиме.

Вам, дорогая Надежда Алексеевна, громадное спасибо за ваше письмо. Трудно переоценить ваше внимание ко мне.

Борис Никандрович оставил глубокий след в моей жизни. Забвения нет. Завтра пять месяцев, как навсегда ушел

от нас человек большого ума и необыкновенного обаяния, которое нужно было разглядеть. Разве можно забыть Бориса Никандровича. Ваше письмо проникнуто большой искренней любовью и уважением к Борису Никандровичу, что меня очень тронуло. По-моему, вы напрасно упрекаете себя в том, что мало помогали Борису Никандровичу. Нет-нет, напрасно вы так думаете. Как хорошо, тепло он мне рассказывал про вашу теплую заботу о нем. Надежда Алексеевна, будете в Москве, обязательно зайдите ко мне. Очень хочется с вами поговорить.

Бориса Никандровича иногда в Перми и недооценивали. Обида за него у меня глубоко сидит в сердце. Какого гиганта потеряла Пермь. Память о нем должна быть по заслугам увековечена. В Перми это нелегко. Гринблат и Латохин — это те люди, о которых мне не хочется говорить. Я надеюсь на Савватия Михайловича Гинца, Риту Тарасову (художницу) и Тасю Суворину. Они искренне преданы Борису Никандровичу.

Мне очень хочется написать воспоминания о Борисе Никандровиче. Я обязательно напишу, надо сказать, что это сделать нелегко, но я сделаю.

У меня есть замечательные, душевные, сердечные письма Бориса Никандровича, посланные мне в Москву. Надежда Алексеевна, я бы очень хотела, дорогуша моя, переслать их лично вам. Распорядитесь ими по вашему усмотрению. Может быть, их следует передать в областной архив, в котором есть мое дело, и я передала туда много писем. Пожалуйста, помогите мне в этом вопросе, напишите.

Пока я занята воспоминаниями о Борисе Никандровиче. Старость на меня наступает. Трудно бороться.

Я вас обнимаю. Жду письма.

Всегда ваша, Л. Римская.

1 марта 1979 г.

Миша, друг мой славный!

Общее мое впечатление о рукописи ты уже, наверное, знаешь. ...Да, всё искренне, взволнованно, читается с большим интересом. Но теперь выполняю свое обещание и посылаю несколько построчных замечаний.

Замечания у меня, конечно, есть. Уж коли ты передал мне рукопись на прочтение, а это — свидетельство о жизни, молодости замечательного человека, мудрого и мужественного коммуниста, всё должно быть правдиво, объективно. Ведь Борис Никандрович уже ушел из жизни, возразить тебе ничем не может, и это накладывает на тебя и на всех, кто знал его, обязанность большой взыскательности, объективной оценки всего, о чем ты сообщаешь, о чем свидетельствуешь.

Вот и разрешаю себе некоторые замечания о том, что царапнуло, с чем не могу согласиться. И замечания эти относятся к характеристике людей и событий, связанных не только с Борисом Никандровичем, но и с другими людьми, о которых ты пишешь и которых, в разное время, более позднее, чем ты, я тоже встречала, знала их.

Итак, страница о Зое Александровне Будриной. Ты пишешь: «Она не член большевистской партии. ...Еще в ту революцию она вышла из нее». Мне думается, что человеку, пишущему сейчас не с позиции мальчугана 1919 года, а с позиции коммуниста конца 1970-х годов, такой скороговоркой отписаться нельзя. В какую «ту» революцию? Почему вышла? В чем была причина?

Зоя Александровна заслуживает к себе уважительного отношения. Либо говорить уважительно, либо не говорить вообще. Нужно обязательно пояснить, что же произошло. Это было, мне кажется, явление протеста, несогласия, которые разделяла в пермской партийной организации не одна она. Ведь это несогласие породило и Лбова, и в какой-то мере позже — Мясникова. В этом, очевидно, сказалась социальная, бунтарская особенность пролетариата Урала, глубоко связанного с селом, с сельским укладом жизни, его историей. Насколько я знаю, во время сенокосных дней даже Мотовилиха закрывалась, и рабочие уезжали в свои деревни, в семьи, на сенокос. Закрывалась и осенью, когда рубили капусту в огородах. Возможно, я не права, но роль Зои Александровны Будриной, ее след в формировании идеологии, устремлений молодежи Перми тех давних лет, как ты пишешь, лет романтических, обязывает сказать о ней более четко.

...Почему ты пишешь «было уже» революционное мировоззрение у Бориса Назаровского?. Оно сложилось еще в 1919—1920-х годах. Оно могло быть нечетким, незрелым, как и у тебя, но было! К тому же, мне думается, что его «поза» — позиция в отношении вступления в комсомол — была протестом против резкого администрирования, командования, которое нетактично проявил А. Мильчаков ¹ в отношении любимого вашего общего детища — Молодежного клуба, увлеченно задуманного и созданного. Да, это, конечно, протест. Справедливый или нет, об этом нужно писать объективно.

А Мильчаков, ты уж меня прости, Миша, был и тогда, и позже довольно заносчивым чинушей. Он был секретарем губкомла, когда существовали еще председатели, но любил и никогда не возражал, когда его позже и в печати

представляли секретарем! Любил он командовать, это свойственно было ему, самому-то — представителю отнюдь не пролетарской молодежи. Он пришел в Пермь с частями Красной Армии, но не бойцом, а канцелярским писарем, со всеми ему присущими чертами «писарчука», чиновника, и не мог своими действиями не вызвать протеста у Бориса Назаровского. Борис не сражался с комсомолом. Это неверно! Глубоко неверно, и, конечно, порождает в воспоминаниях людей, маразматически больных от старости, какой теперь, к сожалению, стала Л. А. Грачева, заявления: «Банда Назаровского сражалась против комсомола!» Такое нельзя допускать.

...Нет, Миша, Борис не просто «прямолинеен», как пишешь ты. Он смолоду глубокая личность. Я убеждена, эту часть твоих записей нужно пересмотреть!

В 1924 году в Перми уже существовала комсомольская газета «На смену». Поначалу это были сменные полосы в губернской газете «Звезда». Одним из редакторов этих полос была Зоя Гильдина. В 1924 году газета выходит уже самостоятельным выпуском, ее ответственным редактором назначается приехавший в Пермь Шура Плеско. Вот в этой газете и начинается моя журналистская жизнь. Я вела в ней отдел «Молодежь на производстве». (Освобожденных работников не было. В редакции, мне кажется, помимо выпускающего, был только ответственный редактор — Шура Плеско.) После реорганизации края в область, когда Пермь из губернии стала округом, нашу «На смену» забрали в Свердловск. Она стала областной комсомольской газетой. Вот тогда Шура Плеско уходит работать заместителем редактора «Звезды».

...Уж очень Борис Никандрович у тебя жестко суховат. «Сделанности» в нем не было, в нем была сдер-

жанность! Непримири́мость. От этой своей непримири-
мости он сам больше всех страдал, потому что по
существу был добр и незащищен. Сдержанность была его
защитой.

...Бориса нет в живых, спорить с тобой он не может,
тем более это накладывает на тебя обязанность быть к
себе, к своим воспоминаниям строже, быть объективней,
глубже, анализировать причины тех или иных поступков
своего многолетнего товарища. Ведь ты свидетельствуешь
о нем перед молодыми поколениями. Свидетельство дол-
жно быть правдой, чего бы она свидетельствующему ни
стоила.

Не сердись, Миша, на резкость моих замечаний.
Я была моложе вас, несколько в стороне, но многое помню.
Те годы моей жизни в Перми были и счастливыми, и
страшно тяжелыми. И все вы, «звездинцы», поглощенные
эгоизмом молодости, совершенно не замечали моей беды,
и, кстати, среди вас первым спохватился Борис. Он пер-
вый увидел, что происходит с Гайдаром, понял (правда,
поздновато), как одинока, заброшена была беременная
18-летняя девчонка, жившая тогда с тяжело больным
(психически больным) Гайдаром. Это он сказал Игорю
Орестову и Злате (моей сестре), что меня надо увезти из
Перми. Он отправил Гайдара в больницу, а потом в
«Лядскую ссылку»², чему свидетельство большая перепис-
ка Гайдара с Борисом — на особицу — из «Лядской
ссылки».

Борис Никандрович не был в те годы моим близким
товарищем. Вообще не был мне ровней. Но я была членом
рабселькоровской редколлегии газеты «Звезда», и поэтому
он знал меня, знал, что я — человек и что-то значу. Будь
он эгоист, каким ты его рисуешь, он ничего бы не увидел.

Вот эта память о том времени и дает мне право со всей искренностью говорить с тобой о Борисе Никандровиче.

Обнимаю тебя, жду письма.

Жму твою дружескую руку.

Лия Соломянская.

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ О СЕБЕ И О ПЕРМИ

АВТОБИОГРАФИЯ ЧЛЕНА ПАРТИИ НАЗАРОВСКОГО К ЧИСТКЕ 1933 г. В ЯЧЕЙКУ ВКП(б) «УРАЛЬСКОГО РАБОЧЕГО»

Родился в 1904 г. в Перми в семье врача-хирурга губернской земской больницы. До поступления в среднюю школу образование получал дома.

Домашняя обстановка была интеллигентская, но скорее буржуазно-интеллигентская. Отец по политическим убеждениям был кадетом, и в 1905—1907 гг. активным кадетом. Соответственно этому был и круг знакомств семьи.

Несколько иным было влияние матери. Мать — фельдшерица по профессии — родом из Вятки и воспитывалась там в кругу политических ссыльных. Поэтому она и меня воспитывала в народническом духе. Читал Некрасова, издания «Донской речи», «Посредника» и т. д.

В 1914 г. держал экзамен в реальное училище, но тотчас же перевелся в открывшееся тогда в Перми коммерческое училище, в котором и проучился пять лет до 1918 г. Кончил пять классов этого училища.

Отец серьезно заболел в 1916 г. Хотя в то время материальные условия семьи и не были особенно острыми, мать решила приучить меня работать. С осени 1917 г. работал на разных работах — репетитором, на городских огородах,

на опытной сельскохозяйственной станции, в слесарной мастерской. Отец умер в январе 1919 г.

До 1917 г. газет совсем не читал, да и в 1917 г. читал их случайно. Политика тогда меня не интересовала, больше увлекался художественной литературой и разными «философическими» вопросами жизни. В 1918 г., когда класс резко разделился на две группы, как тогда мы называли, «красногвардейцев» и «кадетов», примкнул, точнее, тянулся за первыми, не сознательно, а просто потому, что ребята были лучше, веселее и умнее.

Только колчаковщина заставила политически определиться. При Колчаке оставался в Перми, учился и работал, тогда вот только и понял, что симпатии на стороне большевиков. Но не больше, как видно из дальнейшего. После прихода Красной Армии работал сначала по реквизиции книг, потом в районной библиотеке на Заимке. Тут начинается работа во всякого рода кружках молодежи, которые создавались тогда при библиотеках. Надо сказать, что кружки эти (клуб им. М. Горького, кружок саморазвития при 2-й районной библиотеке) не только не находились под влиянием комсомола, но и несколько противопоставляли себя комсомолу. Этим в значительной степени объясняется тот факт, что я поздно, лишь в конце 1922 г., вступил в комсомол, т. е. вступил в него только восемнадцати лет.

В гражданских библиотеках работал недолго. Меня перебросили в гарнизонную библиотеку, затем в политотдел губвоенкомата, и я работал по библиотечному делу в Красной Армии с ноября 1919 г. по октябрь 1920 г.

В это время поступил в Пермский университет на факультет общественных наук, на социально-политическое отделение. Поступать в университет тогда было просто, но и учение мало что давало. Проучился в университете с марта

1920 г. по май 1921 г. С осени 1920 г. перешел на работу в качестве библиотекаря в кабинет государственных наук университета и работал там до мая 1921 г. Считалось, что за это время кончил первый курс университета.

Надо сказать, что при всех недостатках тех интеллигентских молодежных кружков, в которых я все это время работал, они кое-что дали. Во-первых, я именно в них получил знакомство с марксистской литературой, и знакомство более или менее основательное. Во-вторых, они не так уж далеко стояли от политической жизни. Мы начали зимой 1920/21 г. издавать «Устную газету», которая стала пользоваться большим успехом. Совершенно не представляю сейчас, каким путем мы, какой-то безымянный кружок, могли издавать такую газету, собиравшую временами огромную аудиторию. Кончилось это дело тем, что всю нашу группу (а я был редактором этой газеты) забрало к себе пермское отделение РОСТА.

С этого времени начинается газетная работа — сначала в РОСТА (с мая 1921 г.), затем в «Звезде» (с декабря 1921 г.). Она заставила забыть университет и всяческие кружки. ...В конце 1922 г. вместе со всей группой товарищей, с которой я рос и которой в значительной мере руководил, вступил в комсомол.

В газете я работал правщиком, репортером, пом. секретаря редакции. В комсомоле — исключительно пропагандистом в Заимском клубе и при губкоме комсомола.

Весной 1923 г. сделал глупость — поехал в Москву. Потянуло туда за знакомым редактором. Долго в Москве не прожил — всего три месяца. Во-первых, в Москве жизнь была плохая, во-вторых, материальное положение семьи потребовало, чтобы я вернулся. В октябре 1923 г., надо сказать, не столько вернулся, сколько убежал в Пермь.

В Москве эти три месяца работал в редакции «Гудка» правщиком и затем инструктором рабселькоровского отдела. Работал в комсомольской ячейке типографии «Гудка» и по отдельным заданиям Краснопресненского райкома комсомола.

В Перми вновь стал работать в «Звезде» в качестве секретаря редакции. Работа поглощала почти целиком. Тогда мы очень неплохо поставили руководство рабселькоровским движением, работали дружно, с энтузиазмом. Секретарем редакции «Звезды» на этот раз я работал с октября 1923 г. до октября 1927 г., т. е. четыре года, совмещая иногда секретарство с заведованием отделом рабочей жизни.

Работал я в комсомольской ячейке электростанции, фактически помогал секретарю этой ячейки и сжился с ней крепко. Там и вступил в кандидаты партии. В кандидаты партии принят ячейкой 4 марта, а райкомом — 31 июля 1926 г. со стажем два года. Продолжал вести пропагандистскую работу, также преимущественно на электростанции. В это время, в 1926—1927 гг., впервые по-настоящему стал участвовать в партийной жизни. В дискуссии с троцкистами занимал правильную позицию и выступал против них (а они имелись в пермской организации) и на собраниях, и в газете. Помню, специализировался тогда на китайских вопросах.

В 1927 г. сделал ошибку, которую надо рассматривать как провинность перед партией.

Меня всегда тянуло к теоретическим занятиям. Еще в 1926 г. более или менее серьезно занялся философией. Узнал, что существует в Москве аспирантура при научно-исследовательском институте философии и решил во что бы то ни стало попасть туда. Подготовился, написал вступи-

тельную работу, упросил товарищей отпустить меня держать экзамены, несколько неожиданно для себя выдержал их и был принят в число аспирантов. Меня товарищи из редакции и окружкома отпустили. С осени 1927 г. и до осени 1929 г. учился и работал в Москве. Не надо было, конечно, мне, кандидату партии, да к тому же интеллигенту, ехать учиться, но в то время загорелась очень сильно любовь к философии.

Институт был тогда почти целиком Деборинский. Кроме Л. И. Аксельрод, все руководители были деборинцы. Так нас и учили. Я тоже принимал деборинщину с некоторыми, совершенно несущественными с точки зрения основного, оговорками. С осени 1928 г. стал преподавать в порядке педагогической практики диалектический материализм на строительном факультете МВТУ. Учился неплохо.

Работал в это время немного инструктором «Рабочей Москвы» (внештатным) по комсомолу в Хамовническом районе на фабрике им. Свердлова и почти все два года в шэфском обществе и пропагандистом: сначала на заводе «Метрон», потом — в депо Московско-Казанской железной дороги (и то и другое в Сокольническом районе).

В Москву попал в горячее время — когда троцкисты переходили на путь прямой контрреволюции. У нас их было сравнительно много, и дело доходило (во время Октябрьской демонстрации 1927 г.) до схваток врукопашную. На общезащечковых собраниях я не выступал, а только в своей институтской цехячейке.

Из-за переезда в Москву у меня плохо сложилось дело с переводом из кандидатов в члены партии. Срок кандидатского стажа истек. В октябре 1928 г. я подал заявление о переводе в члены партии. Но в бюро ячейки дело

сильно задержалось. В это время появилось постановление ЦК о регулировании социального состава партии, в котором устанавливалось, что служащие при приеме и переводе должны иметь поручителей-рабочих с производства. У меня таких поручителей не было. Дело с переводом еще затянулось. Осенью 1929 г., точнее в конце лета, началась чистка. Комиссия по чистке, столкнувшись со мной, не знала, как быть: служащий, после приема в кандидаты поехал учиться, кандидатский стаж к тому времени просрочен уже на год, рабочих-поручителей не нашел, отец был кадетом. Комиссия ставила вопрос: не следует ли меня просто исключить из партии? Но так как товарищи по институту давали мне хорошую характеристику, да и партийную работу я все время вел активно, из партии меня не исключили и не дали никакого взыскания, а просто сняли с учебы с тем, чтобы я побыл на практической работе. Я списался с Пермью и после чистки поехал в Пермь.

С конца ноября 1929 г. — снова в Перми. Окружком меня направил на работу в университет. Но так как там я был занят несильно и, бывало, у меня месяцами не было занятий, то я зиму 1929/30 г. и весну 1930 г. работал больше на заводе им. Дзержинского, в коллективе которого состоял. На заводе им. Дзержинского я работал все время, вплоть до отъезда из Перми, т. е. до августа 1931 г. Вел там пропагандистскую работу, помогал делать многотиражку «Дзержинец», вел и оргработу по заданиям парткома. Главным образом, на заводе им. Дзержинского вел работу против правооппортунистической оппозиции (представители ее были на заводе). Там был принят членом партии — ячейкой инструментального цеха 29 апреля, а парткомом — 8 мая 1930 г.

Все это время (с декабря 1929 г. по август 1931 г.) преподавал в Пермском университете, затем в педагогическом институте диалектический материализм, сначала на старших курсах пед. факультета и пед. института, затем в семинарии аспирантов. Кроме того, руководил несколькими кружками научных работников Перми по диалектическому материализму.

В моем преподавании того времени, несомненно, были значительные элементы деборинщины, хотя тогда я встал на путь критики ее и критики, в основном, правильной. Считаю, что в последнем семинаре, которым я руководил, — у аспирантов педагогического института — я выдерживал правильную философскую линию, заостренную как против механистов, так и против деборинцев.

В конце мая 1930 г. окружком назначил меня зам. редактора «Звезды», не снимая с работы в пединституте. Так как редактора долгое время не было, выполнял фактически редакторскую работу, потом работал заместителем редактора и заведующим отделом партийного строительства.

В августе 1931 г. по постановлению обкома был переведен на работу в Свердловск, в редакцию «Уральского рабочего». Сначала заведовал сектором обзоров печати, потом был зам. зав. сектором партийного строительства. Затем, с октября 1932 г. по март 1933 г., — зам. редактора «Свердловского рабочего» и в настоящее время — зав. сектором интернациональной пропаганды.

7 мая 1933 г.

Свердловск.

Б. Назаровский, чл. партии с 1930 г., партбилет № 1657729.

АВТОБИОГРАФИЯ НАЗАРОВСКОГО Б. Н.,
ЧЛ. ВКП(б) с 1930 г.
ПАРТБИЛЕТ № 0931428. 1937 г.

Родился 26 февраля (ст. ст.) 1904 г. в гор. Перми Пермской губернии, сейчас Свердловской области, в семье врача. Отец мой — Никандр Матвеевич Назаровский — происходил из мещан гор. Казани. Окончив Казанский университет, он получил звание лекаря. Как учившийся в университете на земскую стипендию, он был послан в деревню. Десять лет работал в с. Орда Осинского уезда Пермской губернии, где и женился на моей матери Лидии Алексеевне Кузнициной, работавшей также фельдшерницей. В 1902 г. отца перевели в Пермь, в хирургическое отделение губернской земской больницы, где он и проработал, последние годы заведую этим отделением, до 1917 г. В 1916 г. отец тяжело заболел и в апреле или мае 1917 г. вынужден был оставить работу и перешел на пенсию, а в январе 1919 г. умер.

Моя мать — Лидия Алексеевна, до замужества Кузница, происходит их крестьян Слободского уезда Вятской губернии. Окончила в Вятке фельдшерскую школу и работала (с большим перерывом с 1902 по 1915 г.) фельдшерницей до 1930 г. Сейчас живет со мной на моем иждивении. Ей 56 лет.

Родители никогда никакой недвижимой собственности не имели. Но так как отец зарабатывал неплохо, всегда снимали большую квартиру, имели домашнюю работницу. Вся обстановка и круг знакомств, в которых проходило мое детство, были буржуазно-интеллигентскими. Отец по убеждениям был кадетом, и хотя не состоял в Партии народной свободы, но поддерживал тесные дружеские связи

с врачом Ивановым, кадетским лидером в Перми. Не будучи гласным губернского земства, отец все же принимал участие в его работе по своей специальности, т. е. занимался земскими медицинскими учреждениями. В 1905—1906 гг., судя по рассказам матери, отец принимал активное участие в общественной земской жизни. В 1917 г. он был уже прикован к постели и никакого участия в политической жизни не принимал. Знаю, однако, хорошо, что свои кадетские убеждения отец сохранил и к советской власти относился враждебно.

Моя мать, Лидия Алексеевна, получила воспитание в кругу вятской политической ссылки и имела на меня большее и лучшее влияние, чем отец, хотя никаких определенных политических взглядов не имела.

О родственниках. У матери был брат — Алексей Алексеевич Кузницин. Она не переписывалась с ним с 1920 г. Он работал все время слесарем в депо ст. Вятка. Жив ли сейчас, где живет, кто его дети — не имею ни малейшего представления.

Со стороны отца имею двух теток: Елизавету Матвеевну Слищеровскую и Софью Матвеевну Тарасову. Обе живут сейчас в Перми. Мой двоюродный брат Анатолий Павлович Слищеровский был колчаковским офицером, если не добровольцем, то во всяком случае убежденным колчаковцем. Как колчаковский офицер, лишился избирательных прав. Последние годы работал и работает техникум-строителем в Перми. Двоюродных братьев и сестер Тарасовых много, всех их не знаю. Знаю только, что одна из двоюродных сестер Тарасовых живет сейчас со своей матерью в Перми и работает машинисткой в воинской части, а двоюродный брат Иннокентий Тарасов недавно окончил Тюменский педагогический институт и работает

учителем в Ишиме. Ничего порочащего за семьей Тарасовых не знаю.

Из более близких родственников у меня есть сестра — Ольга Никандровна Шлезингер (была замужем, разошлась еще в 1924 г.). Она тяжело больна и живет на моем иждивении. Со мной же живет ее дочь Светлана, ученица 8-го класса.

Общее образование я получил в Пермском коммерческом училище, учился в нем в 1914—1919 гг. Окончил пять классов этого училища. Осенью 1919 г. поступил в школу II ступени, но учиться не удалось, так как помешала работа.

В 1920—1921 гг. попробовал учиться в университете, совмещая с работой. Считалось, что я окончил первый курс социально-экономического отделения факультета общественных наук Пермского государственного университета, но и университет бросил из-за работы.

В 1927 г., увлекшись философией, поступил в аспирантуру научно-исследовательского института общественных наук в Москве. Хотя я не имел высшего образования, но выдержал испытания, представил хорошую вступительную работу и был принят. Пробыл в аспирантуре два года и сдал все полагающиеся работы. Осенью 1929 г. (после партийной чистки, о чем ниже) мне был предоставлен в институте отпуск на два года. Но в институт я не вернулся, так как не отпустила с работы парторганизация.

Таким образом, какого-либо законченного образования не имею. Специального политического образования не получил. Ни на каких курсах не учился.

Вступил в комсомол поздно — в конце 1922 г., т. е.

когда мне было уже 18 лет. Помимо воспитания, полученного в детстве, это объясняется тем, что я с осени 1919 г. до лета 1921 г. состоял в интеллигентских кружках при библиотеках, которые задержали мое вступление в комсомол. Основной — это кружок самообразования при 2-й районной библиотеке в Перми, которым руководила зав. библиотекой З. А. Будрина. Хотя в кружке этом участвовали и рабочие ребята, и комсомольцы, он был, по существу, по характеру своей работы, интеллигентским кружком, не находился под руководством какой-либо комсомольской организации и, неизбежно, несколько противопоставлялся ей. В кружке занимались и неплохими вещами: рефератами по Марксу, Энгельсу, Ленину. Именно там я получил первое и довольно основательное знакомство с марксизмом и прочел всё, что к тому времени было издано Ленина.

Кружок устраивал литературные суды и самодеятельные постановки для читателей библиотеки, потом стал выпускать устную газету, редактором которой я был. Устная газета выпускалась сначала только для читателей библиотеки в самом ее помещении, затем мы стали выезжать с ней в подшефную библиотеке красноармейскую часть и в городские сады. Тут нас заметили и всю группу забрали на работу в Пермское отделение РОСТА. С мая 1921 г. я уже редактировал устную газету РОСТА. Началась газетная работа, она по-настоящему столкнула с жизнью и заставила понять, что я раньше ошибался, недооценивая комсомол, считая, что можно активно работать и учиться помимо него.

В комсомольской организации работал с самого начала пропагандистом, постоянно имел пропагандистские задания от губкома, а затем окружкома комсомола. Со-

стоял почти все время в комсомольской ячейке городской электростанции. Там в 1926 г. подал заявление о приеме в партию и 31 июля 1926 г. был принят в кандидаты партии партийной ячейкой электростанции, где меня хорошо знали.

С переводом в члены партии дело обстояло сложнее. Будучи еще кандидатом партии, я осенью 1927 г., по глупости, поехал в Москву учиться. Там, в парторганизации РАНИОН, в октябре 1928 г. я подал заявление о переводе в члены ВКП(б). Хотя комиссия по проверке кандидатского состава (тогда такая проверка проходила) дала мне хорошую характеристику, а цеховая ячейка института философии единогласно приняла постановление о приеме меня в члены партии, рассмотрение вопроса об этом в ячейке РАНИОНа задержалось. В это время ЦК ВКП(б) было принято постановление, согласно которому требовалось, чтобы служащие при приеме в кандидаты и в члены партии в числе рекомендаций имели три рекомендации от коммунистов-рабочих, непосредственно с производства. Так как в Москве я все время получал от парторганизации различные задания, прочной связи с какой-либо производственной парторганизацией у меня не было, и таких рекомендаций я представить не мог.

Дело затянулось. К чистке 1929 г. я был еще кандидатом. Комиссия по чистке, разговаривая со мной, ставила вопрос о том, что меня следовало бы исключить: происхождение интеллигентское, вступил в кандидаты и чуть не сразу же поехал учиться, рекомендаций коммунистов-рабочих представить не может, значит, с рабочими не связан. Но коммунисты института хорошо меня характеризовали. Комиссия по чистке вынесла решение откомандировать меня из института на два года на практическую работу. Я попро-

сил отпустить меня в Пермь, и меня отпустили. В конце ноября 1929 г. я приехал в Пермь, а 8 мая 1930 г. был принят в члены партии парторганизацией завода им. Дзержинского.

За время пребывания в комсомоле и в партии никаких колебаний и отклонений от линии партии у меня не было. Всегда активно боролся за линию партии против троцкистов, бухаринцев и прочих врагов. Еще когда я был кандидатом партии в 1926—1927 гг., мне поручали ответственные доклады по вопросам китайской революции, англо-русского комитета и т. п. В 1927—1928 гг. участвовал в борьбе против троцкистов, имевшихся в парторганизации института. В 1928—1929 гг. работал пропагандистом по заданиям Сокольнического райкома в Москве, участвовал в разоблачении оппортунистов в московской парторганизации. В 1930 г. в Перми, еще не работая в газете, выступил в печати с пропагандистскими статьями против бухаринцев и разоблачал их в парторганизации завода им. Дзержинского (Сизов, Веремеев и др.). Связей с врагами партии в народе никогда не имел.

Должен отметить, что с осени 1931 г. до января 1934 г. работал в Свердловске в редакции газеты «Уральский рабочий», где вскрыта сейчас целая банда врагов народа. Нормальные товарищеские отношения с целым рядом работников редакции «Уральского рабочего» (Шелегов, Белоусов, Рубцов и др.) у меня были. После выезда из Свердловска связи с ними не имел.

Входил в следующие партийные органы: в 1932—1933 гг. — в бюро партколлектива «Уральского рабочего»; в те же годы был как зам. редактора газеты «Свердловский рабочий» кооптирован в Свердловский горком партии; в январе 1934 г. был избран членом пленума Обско-Иртышского

обкома партии, а на II пленуме обкома избран членом бюро; в марте 1935 г. на I областной партконференции был избран кандидатом в члены пленума обкома; в мае 1937 г. на Омской городской партконференции избран членом пленума обкома. С начала 1935 г. — член парткома парторганизации при редакции «Омской правды».

В советской работе активно не участвую, хотя являюсь членом пленума облисполкома. В прошлом — в 1924—1927 гг. — был два созыва членом Пермского горсовета и активно участвовал в советской работе. В профсоюзной работе активно не участвовал.

Партийных взысканий до 1937 г. не имел. 3 апреля 1937 г. получил от бюро Омского обкома выговор (без занесения в личное дело) за невнимательную проверку полос газеты, следствием чего явилось грубое искажение цитаты тов. Сталина.

Работать начал рано, еще 13 лет, с осени 1917 года. Зимой 1917/18 г. и 1918/19 г. репетиторствовал. Лето 1918 г. проработал чернорабочим на опытной с.-х. станции. Май—июнь 1919 г. работал учеником слесаря на кустарном заводике, потом закрывшемся.

Постоянную работу начал с июля 1919 г. Несколько месяцев проработал библиотекарем в 6-й городской районной библиотеке в Перми. По профсоюзной мобилизации был переброшен в гарнизонную библиотеку, а затем библиотечным инструктором политотдела губвоенкомата, где проработал до сокращения штатов политотдела в октябре 1920 г. С ноября 1920 г. по апрель 1921 г. работал библиотекарем в университетской библиотеке в Перми. С мая 1921 г. по декабрь 1921 г. в Пермском отделении РОСТА редактором устной

газеты. Оттуда перешел в редакцию газеты «Звезда» — орган Пермского губкома, где проработал до апреля 1923 г. помощником секретаря. В апреле 1923 г. увязался за знакомым редактором в Москву и проработал там полгода в редакции газеты «Гудок» литсотрудником.

Из Москвы уехал из-за плохих бытовых условий и тяжелого положения семьи, остававшейся в Перми. С ноября 1923 г. по ноябрь 1927 г. работал снова в редакции пермской газеты «Звезда», сначала заведовал отделом рабочей жизни, потом был отв. секретарем редакции.

Будучи аспирантом Института философии в Москве с ноября 1928 г. по ноябрь 1929 г., был в порядке педагогической практики преподавателем диалектического и исторического материализма в Московском высшем техническом училище.

С декабря 1929 г. по июль 1931 г. был преподавателем диалектического и исторического материализма в Пермском педагогическом институте.

С мая 1930 г. снова был назначен в «Звезду» и работал в ней зам. редактора до августа 1931 г.

В августе 1931 г. по постановлению бюро Уралобкома партии был переброшен на работу в Свердловск, в редакцию газеты «Уральский рабочий», где работал зав. отделом обзоров печати и зам. зав. партотделом до октября 1931 г. В октябре 1931 г. получил назначение зам. редактора вечерней городской газеты «Свердловский рабочий» и проработал до ликвидации этой газеты в апреле 1933 г. С апреля 1933 г. по январь 1934 г. работал в редакции «Уральского рабочего», некоторое время зав. отделом международной информации, а потом зав. партотделом.

В январе 1934 г. был передан в распоряжение Обско-

Иртышского обкома и работал до декабря 1934 г. в Тюмени редактором газеты «Советский север».

С момента образования Омской области, т. е. с декабря 1934 г., — заместитель редактора (а по временам врид редактора) газеты «Омская правда».

В Красной Армии не служил. При призыве в 1926 г. был признан негодным к несению воинской службы.

В войсках и учреждениях Колчака не служил, но на территории белых, когда Пермь была занята ими (декабрь 1918 — июль 1919 гг.) оставался. Было мне в то время 14-15 лет.

Отдельные моменты моей автобиографии могут подтвердить следующие члены партии:

1. По периоду с осени 1919 г. по 1925 г. — Михаил Савельевич Альперович, работает комиссаром железнодорожного полка на ст. Оловянная Забайкальской ж. д.

2. По периоду с конца 1923 г. по 1928 г. — Александр Васильевич Плеско, работает в Кронштадте редактором газеты «Красный Балтийский флот».

3. По периоду с конца 1929 г. по настоящее время — Василий Филиппович Тиунов, работает в Омске пред. Облплана.

Адресов и места работы других товарищей, знающих мое прошлое, сейчас не имею.

18 сентября 1937 г.
город Омск.

Б. Назаровский,
чл. ВКП(б) с 1930 г.

П. б. № 0931428

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ
ИСТОРИИ г. ПЕРМИ

Доктор исторических наук, профессор Пермского государственного университета Федор Семенович Горовой порази нас, пермяков, своим открытием.

До сей поры все мы считали, что город Пермь является потомком по прямой линии поселка Егошихинского медеплавильного завода, что в 1780—1781 гг. этот поселок был преобразован, или переименован, или возведен в ранг губернского города с присвоением ему наименования Пермь (по имени территории, которой он призван был управлять) или что город Пермь был назначен, учрежден в поселке Егошихинского завода.

Так утверждали летописцы Перми — Гавриил Сапожников и Федор Афанасьевич Прядильщиков. Так писали местные историки Дмитрий Дмитриевич Смышляев, Александр Алексеевич Дмитриев, Владимир Степанович Верховланцев. Это утверждал и Наркис Константинович Чупин обстоятельной статьей о Егошихинском заводе в своем «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии».

Во всех изданиях советского времени говорилось то же самое, причем многие стали подчеркивать, что поселок Егошихинского завода по социально-экономическому существу своему уже был городом, получившим в 1780—1781 гг. официальное признание и функции административного центра огромного Пермского наместничества.

Еще совсем недавно в двухтомной «Истории Урала», вышедшей под общей редакцией проф. Горового, мы читали: «Крупным событием второй половины XVIII в. было создание из поселка Егошихинского завода города Перми

как административного центра...», «Центром Пермского наместничества стал поселок Егошихинского завода, преобразованный в город»¹.

И вдруг проф. Горовой стал утверждать нечто совсем иное: «...Никакого переименования Егошихи в Пермь на практике не было...», «...Появился совершенно новый по форме и по содержанию населенный пункт — губернский город Пермь», «Город Пермь, как свидетельствуют факты, зарождался не на территории Егошихинского завода или существовавшего при нем селения, а по заранее утвержденному плану, рядом с ним». И никакого наследства не передала Егошихинская слобода городу Перми. Даже население ее исчезло неизвестно куда, потому что проф. Горовой нашел среди жителей Перми только две семьи «выходцев из Егошихинского завода» в 1795 г. и только семь семей — в 1807 г. «Из этих данных,— пишет профессор,— напрашивается вполне обоснованный вывод о том, что бывшие егошихинские жители не оказали, да и не могли оказать по своей малочисленности какого-либо серьезного влияния на формирование городских сословий губернского города». И почтенный ученый делает категорическое заключение: «Как мы видим, легенда о Егошихе как первоначальном ядре города Перми противоречит фактам»².

Какие разыскал проф. Горовой новые документы, позволившие ему развеять чуть ли не 200 лет бытующую в серьезных работах «легенду», какие карты, планы, записи свидетелей событий, ранее ускользавшие от взора исследователей, разыскал он в архивах?

Этот вопрос возникает вполне естественно, тем более что статья Ф. С. Горового «О дате основания города Перми», содержащая изложенное выше открытие ученого, опубликована в «Уральском археографическом ежегоднике»,

научном издании, призванном публиковать материалы по истории Урала, способствовать выявлению источников этой истории, разрабатывать проблемы вспомогательных исторических дисциплин, которые обеспечивают выводам историков прочную базу фактов.

И тут читатель делает — на этот раз сам — еще одно открытие: ровным счетом никаких новых документов проф. Горовой не обнаружил и в научный оборот не вводил. Его ломающие традиционный взгляд утверждения есть результат не кропотливой работы в архивах, а внезапно сошедшего на ученого озарения, его смелости и...

Воздержимся произносить слово, которое просится за союзом «и», предоставим подыскать его самим читателям этих заметок.

Обратимся к аргументам, которыми оперирует проф. Горовой. Рассмотрение их многое прояснит.

Первая профессорская операция

Первый аргумент состоит в том, что в летописях Перми и в законодательных актах о Егошихинском заводе пишет-ся якобы лишь как о географическом ориентире, определяющем положение нового города. Проф. Горовой признает, что первый летописец Перми, современник учреждения губернского города Гавриил Сапожников, «упоминает» (по выражению профессора) о постройке Егошихинского завода, однако, как он, Горовой, считает, «никак не связывает это событие с началом города Перми». Летопись говорит лишь «о местности, где был открыт губернский город». И это, по проф. Горовому, соответствует указу Екатерины II генерал-губернатору Пермского наместничества Е. П. Кашкину об учреждении губернского города.

Он цитирует указ: «Уважая выгодность положения Егошихинского завода и способность места сего для учреждения в нем губернского города... предписываем вам город губернский для Пермского наместничества назначить в сем месте, наименовав оный Пермь». «Обращаем внимание на то,— заключает проф. Горовой,— что в указе речь идет о «выгодности положения» и «месте» размещения Егошихи, т. е. исключительно о географическом факторе...» ³.

Мы сразу же должны внести уточнения и поправки. Гавриил Сапожников, иерей Петропавловского собора, начал писать свою летопись в 1788 г., через восемь лет после «назначения» губернского города. Он не просто упоминает в ней о постройке Егошихинского завода, а начинает летопись с этой записи под 1723 г., что вполне естественно, ибо через два года здесь была построена церковь во имя Петра и Павла, преобразованная в 1781 г. в собор. Большая часть сделанных рукою самого Сапожникова записей относится к этой церкви и заводскому поселку. Затем уже Сапожников пишет, что императрица «повелела сие место переименовать губернским городом Пермью и открыть в нем наместничество» ⁴.

Сопоставление изложения, которое дает летописным записям Сапожникова проф. Горовой, с самими записями обнаруживает тенденциозные неточности в его статье.

Гавриил Сапожников писал о месте, а не о местности, а это не одно и то же. Он писал: «Сие место», говоря до этого о поселке Егошихинского завода, а не о его окрестностях.

Наконец, Сапожников говорил о переименовании места, а не о наименовании его, переименовать же можно лишь то, что имело уже имя.

Так понимал и изображал события современник-лето-

писец. Проф. Горовой пытается увести нас в сторону от этого понимания и вместе с тем в сторону от Егюшихи.

С указом Екатерины II он обращается совсем бесцеремонно. Он цитирует указ 26 ноября 1780 г. «О назначении места для учреждения губернского города Пермского наместничества и наименовании оного Пермью». Профессор неправильно датирует этот указ 20 ноября, повторяя описку А. А. Дмитриева, по книге которого «Очерки из истории губернского города Перми» он, по-видимому, этим указом пользовался, хотя и сослался на «Полное собрание законов Российской империи с 1649 года». Но это не столь существенно. В книге Дмитриева указ приведен полностью. А проф. Горовой ограничился приведенной нами выше цитатой, в которой сделал столь своеобразный пропуск, что это заставляет нас затруднить читателя ознакомлением с полным текстом указа. Он обращен к назначенному уже пермским и тобольским генерал-губернатором Кашкину: «Уважая выгодность положения Егюшихинского завода и способность места сего для учреждения в нем губернского города, мы повелели действительному тайному советнику и генерал-прокурору князю Вяземскому согласиться с владельцами того завода об уступке оного в казну, коя весьма немалый долг на нем имеет. И как от нее некоторых в том заводе участников объявлено уже полное на то согласие, то мы через сие предписываем вам город губернский для Пермского наместничества назначить в сем месте, наименованный город Пермь; и вследствие того в нем основать уже все строения, кои на первое время, и особливо при случае открытия управления по учреждениям нашим, нужны будут для помещения присутственных мест»⁵.

Полный текст указа свидетельствует, что проф. Горовой, цитируя его, опустил не второстепенности, а суще-

ственные, но разрушающие его концепцию положения. Он вообще нигде не сказал, что учреждение губернского города Перми было связано с изъятием Егошихинского завода из частных рук, в которые он попал в конце 1750-х годов, обратно в казну.

Если во внимание принималось только выгодное географическое положение Егошихинского завода и он рассматривался лишь как некий ориентир, зачем было изымать его строения и земли в казну? Ведь город, «совершенно новый и по форме, и по содержанию населенный пункт», можно было строить и несколько ниже по Каме — у устья реки Данилихи, а то и Нижней Мулянки, или выше — непосредственно вблизи от устья Чусовой.

Проф. Горовой упорно считает (или делает вид, что считает?), будто под словом «место», которое употреблено в указе императрицы и в летописи Сапожникова, можно разумеать только пространство, ничем не занятое пространство, «местность», как он передает это слово, излагая летопись Сапожникова.

При прочтении полного текста указа, препарированного Ф. С. Горовым, становится ясно, что под «местом» в нем разумелось не пустое пространство рядом с поселком Егошихинского завода, а именно этот самый поселок. Императрица не предписывала генерал-губернатору закладывать и строить новый город, а лишь «назначить» его «в сем месте» и в нем «основать уже все строения, кои на первое время... нужны будут для помещения присутственных мест». Впрочем, для того чтобы рассеять все сомнения, можно обратиться к документам, предшествовавшим указу 26 ноября 1780 г.

7 мая 1780 г. Екатерина II назначила генерал-поручика Евгения Петровича Кашкина, исполнявшего должность вы-

боргского губернатора, генерал-губернатором Пермским и Тобольским. Центр Тобольского наместничества был несомненен — город Тобольск. В отношении центра Пермского наместничества и Пермской области, по-видимому, были еще колебания. Того же 7 мая императрица дала сенату указ, в котором Кашкину предлагалось «объехать места, назначенные к составлению сего наместничества», рассмотреть вопросы его устройства и сделать свое представление⁶.

25 сентября уже из Екатеринбурга Кашкин отправил Екатерине II донесение. «...По всемилостивейшему дозволению Вашего императорского величества представить всеподданнейшее мое донесение о избрании места к назначению губернского города в Пермском наместничестве,— писал Кашкин,— осмелюсь донести, что, объехав всю Пермскую область, наиудобнейшим местом нахожу Ягошихинскую слободу...»

Именно так и написано: «наиудобнейшим местом нахожу Ягошихинскую слободу». Место — слобода.

Е. П. Кашкин мотивировал свой выбор: «Положение ее почти в самой середине Пермской области и на берегу реки Камы, двенадцать верст по течению оной ниже, где река Чусовая падение свое в Каму имеет: а потому все отправляемые металлы из сибирских заводов на судах, как и соль, сверху Камы от соляных промыслов отпускаемая, сию слободу миновать не могут. Главное правительство всей земли, будучи в сем месте, имеет совершенный способ надзирать и споспешествовать во всех сих отправлениях».

Генерал-губернатор приводил и другие мотивы: большая часть уездных городов, назначаемых в Пермской области, а также город Екатеринбург, главный во второй области, имеют сообщение водою с этим местом — Ягошихинской слободой; сюда легко получать лес и камень для необ-

ходимого в наместничестве строительства, а также соль и вино для запасных магазинов, которые оно должно иметь. Большая дорога из Казани в Сибирь проходит всего в восьми верстах от Егошихинской слободы, и ее легко проложить и через «сие место». Кашкин давал и обобщенную характеристику Егошихинской слободы, оценивал возможности превращения ее в крупный город, административный центр обширного наместничества. Он писал: «Сия слобода сделалась по своему положению главною пристанью на реке Каме потому, что купечество, привозя на оную свои товары сухим путем из Сибири, нагружают оные на суда и отправляют реками Камою и Волгою до Макарьева монастыря, на ежегодно бываемую там ярмарку, где, свой товар продавши и закупа потребный для пермских и сибирских городов, возвращаются водою до сей пристани, откуда по разным мостам сухим путем развозят. Оборот сей торговли и близость разных медеплавильных заводов служили поводом как в торгах, так и в промышленности руд обращающемуся купечеству, мещанству и крестьянству из разных городов и уездов в сей слободе поселиться и выстроить посад преимущественнее против городов, в здешнем краю находящихся, и когда по высочайшей апробации Вашего императорского величества сие место будет наименовано губернским городом, то с совершенною вероятностью предугадать можно, что в короткое время наполнится жителями из разных мест и будет подобно прочим внутри России предпочитаемым городом» ⁷.

А проф. Горовой, не заглянув в архивные документы, которые хранятся буквально под рукой у него — в Государственном архиве Пермской области, — утверждает, будто Егошиха фигурировала лишь как географический ориентир, что речь совсем не шла «об общем уровне развития

завода и поселка, способных принять на себя миссию родоначальника губернского центра»⁸.

Ни у кого из современников не возникало и тени сомнения в том, что поселок Егошихинского завода был переименован в город Пермь, преобразован в губернский административный центр.

Весьма компетентный участник событий (в эти годы основной докладчик и секретарь императрицы) граф Александр Андреевич Безбородко, препровождая 27 ноября 1780 г. Е. П. Кашкину именной указ Екатерины II от 26 ноября о назначении места для учреждения губернского города Перми, в своем письме сообщал: «Между прочим, государыня отозвалась, что ежели дорога Большая Сибирская лежит близко от Ягошихи, то не худо было бы провести ее на сей новый губернский город»⁹. Вчитайтесь в эту фразу: Егошиха здесь названа новым губернским городом.

Спустимся на другой конец административной лестницы — в канцелярию пермского городничего. Отвечая в конце 1781 г. на «вопросные пункты» учрежденной при Академии наук комиссии для составления подробного описания Российского государства, городническое правление писало: «Губернский город Пермь, составленный по открытии Пермского наместничества из казенного Ягошихинского завода...»¹⁰

Такое же определение города можно найти в «Краткой ведомости состояния Пермского наместничества по окончательному оного расположению, то есть, по сделанию границ», разработанной в наместническом правлении: «Город Пермь, вновь учиненный из государственной приписной слободы Ягошихинской, где и завод того названия»¹¹.

К открытию Пермского наместничества в Пермь приехал епископ Вятский и Великопермский Лаврентий, весьма просвещенный, по утверждениям современников, иерарх.

В его указе о возведении заводской Петропавловской церкви в ранг собора написано: «По указу Ее императорского величества... повелено селу Ягошихинскому быть губернским городом Пермского наместничества, наименовав оный городом Пермиею»¹².

Взглянем на Пермь глазами проезжавшего через этот город в 1782 г. так же хорошо грамотного человека профессора Н. Я. Озерецковского, сопровождавшего графа А. Г. Бобринского (внебрачного сына Екатерины II и Г. Г. Орлова). Он писал И. И. Бецкому: «Августа 26 числа приехали мы в Пермь. Новоучрежденный город сей сохраняет еще вид той слободы, из которой он родился и которая Ягошихою называлась»¹³.

Число таких свидетельств легко можно умножить. Но и приведенных достаточно, чтобы подтвердить необоснованность утверждения проф. Горowego, будто город Пермь создавался лишь рядом с Ягошихинской слободой.

Указов об учреждении городов в селах, слободах, посадах, крепостях в XVIII в. было издано множество, и указ 26 ноября 1780 г. не представляет не только исключения, а и какого-либо своеобразия. Под словом «город» в официальных документах XVIII в. часто разумелась система положенных ему как административному центру учреждений, а не населенный пункт с определенным составом жителей. Это следовало бы учитывать доктору исторических наук.

Что праздновалось 18 октября 1781 года?

В своей статье проф. Горовой отводит большое место торжествам «открытия города Перми», которые были в условиях Урала «буквально грандиозными», в чем он видит

веское подтверждение своего вывода, что «дату 18 октября 1781 г. нужно считать датой основания города Перми»¹⁴. Ф. С. Горовой ссылается при этом на статью А. Г. Кашина «Открытие города Перми и Пермской губернии», опубликованную в 1864 г. в «Пермских губернских ведомостях» и снабженную подзаголовком «Из рассказа очевидца».

Однако кто очевидец? Александр Григорьевич Кашин написал статью в начале 60-х годов XIX в., и сам он в момент «открытия города» на свет еще не появился. Свидетелем был его отец, привезенный на торжества в Перми из Соликамска в составе хора певчих¹⁵. Рассказ отца в статье А. Г. Кашина никак не выделен, а основывается и на других материалах.

Город Пермь был назначен в слободе Егошихинского завода одним государственным актом: именным указом, данным генерал-поручику Кашкину 26 ноября 1780 г. А наместничество образовано другим государственным актом: именным, данным сенату указом 27 января 1781 г. «Об учреждении Пермского наместничества из двух областей Пермской и Екатеринбургской с разделением оных на уезды».

Торжества в середине октября 1781 г. происходили в городе Перми по случаю осуществления второго повеления императрицы. Так понимали и формулировали суть события люди, стоявшие к нему ближе, чем А. Г. Кашин.

Соликамский летописец-современник под 1781 г. записал: «Октября 18 числа в показанном губернском городе Перми открытие было наместничества. Церемония церковная имела быть тако...»¹⁶

Первый пермский летописец Гавриил Сапожников, сославшись на повеление императрицы, данное 27 января 1781 г., открыть наместничество, продолжал: «...которое того же года октября 18 дня и открыто»¹⁷.

В Усольской летописи Ф. А. Волегова под 1781 г. записано: «Октября 18. Происходило в Перми открытие наместничества»¹⁸.

Существование официального описания подтверждает другой документ — донесение генерал-губернатора Кашкина императрице, посланное 20 октября. Кашкин писал, что во исполнение указа 27 января 1781 г. он начал 12-го и завершил 18 октября «открытие в губернском городе присутственных мест, а именно: правления, палат казенной, уголовной, гражданской, приказа общественного призрения, совестного суда, верхнего земского суда, губернского магистрата, верхней расправы и уездного суда. Каким же порядком сие знаменитое постановление происходило, подношу при сем журнал»¹⁹. Можно предположить, что таким журналом и был «Обряд открытия Пермского наместничества...».

В ответном письме императрицы Кашкину говорилось: «...Я получила с особливым удовольствием донесение ваше о благополучном открытии Пермского наместничества...» О городе ни слова. То же самое и в принятом по рапорту Кашкина 19 ноября 1781 г. сенатском указе «Об открытии Пермского наместничества».

Значит ли все сказанное, что торжества 12—18 октября 1781 г. не имели к городу отношения, что они не занимают в его истории видного места? Ни в коем случае! Торжества происходили в городе Перми, и именно после них Пермь стала вполне реально губернским городом.

Однако порядок и суть торжеств, насколько их можно восстановить по источникам, которые игнорировал Ф. С. Горовой (статью А. Г. Кашина признать источником трудно), показывают, что они не были торжествами открытия нового, построенного рядом со старым поселком города, в чем пытается убедить нас профессор.

Вторая операция

Не считаясь ни с чем, профессор идет напролом. «Что особенно показательно,— пишет Ф. С. Горовой, развивая свой тезис, будто бы город Пермь создавался рядом с поселком Егошихинского завода,— даже после провозглашения губернского города Перми его земли были отделены от земель доживавшего последние годы Егошихинского завода. Даже спустя 16 лет после его закрытия строения и земли завода не считались городскими. Только указом 18 июля 1804 г. «Об отдаче казенного Егошихинского завода в пользу города Перми» повелено было «предоставить оный со всеми принадлежащими к нему строениями и землею в пользу города Перми... для устройства в нем заведений, какие выгоднейшими для городских доходов признаны будут»²⁰.

Опять пропуск в цитате! Он настораживает и побуждает прочесть указ полностью. Он дан Александром I на имя министра финансов графа А. А. Васильева. «Граф Алексей Андреевич! Министр внутренних дел представил мне донесение пермского гражданского губернатора тайного советника Модераха и мнение Берг-коллегии, от вас представленное, о состоянии казенного Егошихинского медного завода. Видя из сведений сих, что завод сей, по неимению руд, остается с 1788 г. без всякого действия и не может быть более годен для горного производства, повелеваем, согласно представлению пермского гражданского губернатора, предоставить оный со всем принадлежащим к нему строением и землею в пользу города Перми, *в черте коего он находится*, для устройства в нем заведений, какие выгоднейшими для городских доходов признаны будут. Препроводим к вам благосклонны»²¹.

Пропущенные проф. Горовым и выделенные нами сло-

ва указа говорят прямо противоположное тому, что профессор утверждает. Егошихинский завод находился в черте города Перми.

Это подтверждают и многие другие документы. Приведем один. Городническое правление, отвечая на известные уже нам «вопросные пункты» комиссии, учрежденной Академией наук, на вопрос: «Какие есть заводы или фабрики в городах или уездах оных...» в конце 1781 г. ответило: «Город Пермь внутри себя имеет один только медеплавильный казенный завод, поставленный внизу рва на речке Ягошихе...»²²

О чем же шла речь в указе 18 июля 1804 г.? О передаче закрытого казенного завода из горного ведомства, входившего в Министерство финансов, пермским городским властям — говоря современным языком, из союзного в местное подчинение. В делах Пермской городской думы сохранились документы о приемке ею Егошихинского завода. Вот и все.

Нигде и намека на то, что город принимал находившуюся за его пределами территорию.

А проф. Горовой, препарировав указ и игнорируя другие документы (мы назвали только часть их), пытается убедить читателей, что завод до 1804 г. в черту города не входил. Негодные приемы!

Где же строился губернский город Пермь?

«...Новый губернский центр строился как отдельный населенный пункт по «высочайше» утвержденному плану западнее Егошихинского завода на территории, до того времени покрытой густым лесом»²³, — утверждает проф. Горовой, ссылаясь на летопись Ф. А. Прядильщикова и ста-

тью А. Г. Кашина, а также на замечания А. А. Дмитриева и В. С. Верхоланцева.

Приходится рассмотреть и этот аргумент.

Ф. А. Прядильщиков не был свидетелем основания губернского города, он создавал свою летопись шестьюдесятью годами позже. Верно, у него сказано, что в продолжение лета 1781 г. производилась постройка «огромных казенных зданий» (заметим — деревянных) и что «дома эти, сообразно высочайше утвержденному городскому плану, расположены вокруг площади, перед соборною церковью св. апостолов Петра и Павла» ²⁴.

А. А. Дмитриев, приводя эту запись, считает нужным уточнить: «Правильнее было бы сказать: заканчивались постройки, начатые в 1780 г.» ²⁵

Тут возникает недоумение. Если постройка казенных зданий началась, и даже с размахом, летом 1780 г., то как она могла вестись по «высочайше» утвержденному плану — императрица еще не утвердила и места губернского города? К тому же группа этих зданий возводилась на площади около Петропавловской церкви, где был заводской дом (контора завода и квартира управителя), в поселке Егошихинского завода, а не в густом лесу.

Из старых построек, кроме гостиного двора, Петропавловского собора и Егошихинского завода, на плане 1783 г. показаны и здания присутственных мест, и квартиры высших чиновников. Но... обозначены они пунктиром. Почему? В легенде сказано: «В пунктирных линиях построенные на время дома генерал-губернатору, губернатору, вице-губернатору и гауптвахты». Итак, здания эти, бывшие деревянными, рассматривались как временные и вовсе не возводились по заранее составленному и «высочайше» утвержденному плану, как уверяет проф. Горовой.

На утвержденном императрицей 16 января 1784 г. плане города группа каменных зданий, как будто бы предположенных для высших чиновников и присутственных мест, намечена в большем, чем раньше, удалении от Петропавловского собора. Однако в легенде относительно казенных домов говорилось: «...не соизволит ли Ваше императорское величество всевысочайше повелеть сочинить и к высочайшей конфирмации представить в должности генерал-губернатора». Словом, планы этих строений предоставлялось уточнить генерал-губернатору.

В Государственном архиве Пермской области сохранился также «Генеральный план назначенному в губернском городе Пермь каменному строению».

Эти планы делают совершенно несомненным, что губернский город Пермь ни одного года не существовал рядом со слободой Егошихинского завода, что он был учрежден и строился на обжитом месте. О названных здесь планах писали М. Н. Степанов, А. С. Терехин, Г. С. Ларькин, Ю. А. Власов. Зачем же их игнорировать, как это делает Ф. С. Горовой?

Исчезло ли население Егошихи?

Как же с населением Егошихинской слободы? Куда оно при этих обстоятельствах строительства губернского города исчезло? Напомним, что, по утверждению Ф. С. Горового, которое приведено в начале этих заметок, в Перми в 1795 г. оказалось лишь две семьи «выходцев из Егошихинского завода», и даже в 1807 г., когда, согласно профессору, закрытый завод с его поселком вошли в городскую черту, таких семей насчитывалось только семь. Ф. С. Горового не волнует вопрос о таинственном

исчезновении жителей большого поселка. Нас он тревожит. Впрочем, тревога длится недолго. Это исчезновение — дело рук профессора. И, в отличие от профессоров-хирургов и от других мастеров своего дела, произвел он эту операцию далеко не чисто.

Сноски к странным цифрам Ф. С. Горовой не дает. Но население Перми он характеризует по данным Д. Д. Смышляева, ссылаясь до этого на с. 17 и 18 его «Сборника статей о Пермской губернии». Заглянем сюда и мы. Читаем: «Из ревизских сказок, уцелевших частью в городском архиве, видно, что из 65 семей по ревизии 1795 г. отмечены: 2 из крестьян Ягошихинского завода, 9 из чердынских мещан, 2 из чердынских крестьян» и т. д.²⁶

У Смышляева сказано ясно: в городском архиве уцелела только часть ревизских сказок, а именно 65. У Горового получается, что в городе жило лишь 65 подлежавших ревизии (относившихся к податным сословиям) семейств. Если принять во внимание, что число домов в городе к 1800 г. достигло 940²⁷, можно сказать, что уцелела одна десятая или одна восьмая часть ревизских сказок.

Исследователями (прежде других А. С. Черкасовой) выявлены в Государственном архиве Пермской области документы, позволяющие судить о населении Перми в первые месяцы ее существования в качестве официального города. Это:

1) «Список, учиненный города Перми живущим всякого звания людям и сколько покоев, также сколько скота имеют». Он составлен между 6 октября и 14 ноября 1781 г. для размещения на постой прибывающих в связи с открытием наместничества военных и гражданских чинов. В основных графах — данные о хозяевах, последняя графа названа «Кто квартирует» и заполнена явно позже других чернилами.

2) «Список губернского города Перми с показанием о всех живущих по домам хозяев, разного рода жителей и служащих в службе чинов, их срочных обоего пола работников и собственных людей и о прочем». Он представлен при рапорте коменданта города 4 июля 1782 г. Этот список отличает большая, по сравнению с первым, полнота и точность данных ²⁸.

В список, датированный 14 ноября 1781 г., занесено 364 дома и показаны жителями 792 мужчины и 888 женщин, всего 1680 человек. В это число не включены определенные на постой военные и гражданские чины.

Не станет же Ф. С. Горовой утверждать, что 364 дома построены за короткий срок для прибывающих в Пермь чиновников. Это частные дома. В списке о домовладельцах говорится: «заводской служитель», «крестьянин», «кунгурский купец», «соликамский мещанин», просто «житель». Ни одного чиновника среди домовладельцев нет. Они в графе определенных на постой.

Списки жителей города 1781 и 1782 гг. не оставляют ничего от нелепой выдумки, будто бы губернский город Пермь был построен как город чиновников рядом со старым заводским поселком, пестрое, питающееся большей частью у торговли и транспорта население которого потом испарилось неизвестно почему и каким образом.

Особо о купцах

С особой настойчивостью Ф. С. Горовой подчеркивает, что Егошиха не имела купцов и ремесленников, между тем как «наличие в населенном пункте в период перехода от феодализма к капитализму купечества, ремесел и торговли, т. е. элементов будущего капиталистического города,

является неперменным условием признания этого пункта городом». Проф. Горовой утверждает:

«Никаких данных о наличии в Егошихе более или менее значительной прослойки купцов и ремесленников летописцы не приводят. В литературе и источниках они не обнаружены»²⁹.

Поселок Егошихинского завода официально признанным городом не являлся. Здесь не могло быть своих купеческих гильдий и ремесленных цехов. Но это вовсе не значит, что здесь не могли жить и не жили купцы, ремесленники, подрядчики, мелкие торговцы. Егошиха, как и другие горнозаводские поселки, представляла для них несомненные удобства. Действовал Таможенный устав 1755 г. Согласно ему русские купцы имели право торговать внутри страны беспошлинно.

Однако купцы одного города, приезжая в другой, могли продавать свои товары только оптом: закон охранял интересы купеческих гильдий каждого города. Крестьянам по этим же соображениям разрешалось торговать только в селах и в деревнях, находящихся не ближе 5 верст к городу, и даже свои продукты продавать в городах лишь до определенного часа.

Егошиха к числу официальных городов не относилась, но была крупным по тем временам поселением и стояла на бойком месте. Купцы и крестьяне, занимавшиеся торговлей и подрядами, селились здесь охотно.

Обратимся к свидетельствам об этом, ускользнувшем от проф. Горового.

В 1772 и 1773 гг. в Егошихе побывали два ученых путешественника — академики Фальк и Георги.

И. П. Фальк в записках своего путешествия сообщил, что в заводском поселении жило около 1600 человек, и

утверждал: «В сем числе находилось много купцов и ремесленников»³⁰.

И. Г. Георги записал: «Егошиха — настоящий горный городок... На рынке до 100 торговых лавок, где нет недостатка ни в каких более требуемых товарах... Жители, за исключением немногих заводских людей, суть крестьяне и купцы. Последние занимаются торговлей и в довольно отдаленных верхних камских и чусовских заводах и селениях»³¹.

Семью годами позже, в связи с предстоящим созданием Пермского наместничества, находившаяся в Кунгуре Пермская провинциальная канцелярия составила ведомость о количестве и занятиях населения провинции. В ней Егошиха выделялась как крупный торговый центр.

О купцах, служивших первые 15 лет городскими головами в Перми, можно с полной уверенностью сказать, что они жили в Егошихинской слободе еще до создания наместничества. Есть документ, подтверждающий сказанное. Это рапорт губернатора Ламба генерал-губернатору Кашкину о желающих записаться в мещанство, в цехи и в купечество по городу Перми. Он подан 17 сентября 1781 г., т. е. еще до открытия всех положенных в губернском городе учреждений. В сопровождающем рапорт реестре перечисляются доношения (заявления), поданные «от живущих в городе Перми и торгующих разных купцов», желающих перейти в купеческие гильдии. Здесь можно прочесть: «кунгурский купец Михайло Попов с братом своим родным», «кунгурский купец Федор Быков», «кунгурский купец третьей гильдии Емельян Калашников», «города Чердыни купец третьей гильдии Прокопий Удников», «города Соликамска купец второй гильдии Василий Герасимов сын Лапин»³². Это купцы, занимавшие первые пять трехлетьев должность городского головы.

В отличие от Ф. С. Горового государева наместника Кашкина мало беспокоили купцы. Он, похоже, вообще не думал о «переходе от феодализма к капитализму» и больше заботился о том, чтобы в аппарате власти, создаваемом в наместничестве, командные посты были заняты дворянами. А дворян в Егошихе—Перми не было совсем. Да и в Пермской области и Пермском наместничестве — раз, два и обчелся. Крупные землевладельцы — Строгановы, Голицыны, Шаховские, Всеволожские, Лазаревы — жили в столицах. На торжества открытия наместничества прибыли граф Александр Сергеевич и барон Александр Николаевич Строгановы. Но это и все, они и заняли во время церемонии места, «обществу дворянскому по установленному обряду принадлежащие»³³. Остальные дворяне, участвовавшие в торжествах, находились при должностях в составе учреждений. Поэтому без всяких выборов заполнили предназначенные для дворян места приезжими отставными офицерами, которых Кашкин предусмотрительно набирал.

Таким образом, не в купцах и мещанах, а в местных дворянах ощущался недостаток при оформлении аппарата власти. Странно, что проф. Горовой, считающий, что создание «нового города» было продиктовано только интересами укрепления дворянской монархии и при выборе места для него не учитывались никакие побочные обстоятельства, не обращает внимания на отсутствие на месте дворянского общества.

А. А. Дмитриев в «Очерках из истории губернского города Перми», рассказав о первых выборах, сетовал, что от лиц, избранных на должности в городе Перми из других городов, «едва ли можно было ожидать... должного отношения к своим обязанностям»³⁴.

А орава чиновников, наехавших из разных мест Российской империи для замещения дворянских должностей? В чем она была заинтересована? Конечно, были среди этих чиновников честные и старательные люди. А большинство стремилось к одному — угодить начальству и соблюсти на государственной службе свой частный интерес. Сколько Пермь перевидала этих, рыскающих по горам и долам, жадных и готовых на все Митрофанов, так зло высмеянных Салтыковым-Щедриным!

Истинное содержание «марксизма» профессора Горового

Читатель мог оценить приемы проф. Горового, хотя мы далеко не использовали всех примеров, которые дает для этого его статья. Скажем прямо: ее отношение к археографии чисто негативное — она показывает, как не надо обращаться с письменными историческими источниками, еще хранящимися на архивных полках и уже опубликованными.

Во имя чего Ф. С. Горовой возводит столь рискованные для его репутации ученого исторические построения, не выдерживающие и малейшего свежего ветерка критики?

Во имя защиты тезиса, что города в России возникали в XVIII в. в связи с реформами Петра I и Екатерины II по инициативе государственной власти как административные центры, которые лишь впоследствии наполнялись новым, характерным для капитализма (или для периода перехода к капитализму) содержанием ³⁵.

Этот тезис присутствует и в статье, опубликованной в «Уральском археографическом ежегоднике». Проф. Горовой говорит в ней о дате «основания города Перми —

административного центра бывшей Пермской губернии». Он ставит, в качестве центрального, вопрос, «как относиться к предшественникам, существовавшим на том месте, где впоследствии были «учреждены» или построены города как административно-политические центры». Он утверждает: «Подобно всякому другому историческому явлению, город Пермь как административно-политический, а затем и культурно-экономический центр мог возникнуть только в определенных исторических условиях», был вызван к жизни «потребностью исторической среды, которой не было и не могло быть ни при возникновении деревни Брюханово, ни при постройке Егошихинского завода» и которая «появилась после подавления крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева», побудившей правительство Екатерины II провести новое административное деление России и коренную реформу местного управления». Когда «потребовался новый административный губернский центр,— заключает проф. Горовой,— он и был, как мы уже показали, построен по политическим соображениям и открыт в 1781 г.»³⁶.

Во имя сохранения административной чистоты губернского города Перми проф. Горовой и пытается разъединить во всех отношениях город Пермь и слободу Егошихинского завода, якобы не имевшую никаких качеств городского поселения и оставшуюся где-то в стороне.

Бесспорно, губернская реформа 1775 г. была продиктована прежде всего политическими соображениями, интересами укрепления дворянской монархии. Подготавлилась она еще до крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева, но война ее ускорила. Однако правительству Екатерины II не были чужды и соображения экономического порядка, оно сознавало значение городов не

только как административных центров. Достаточно прочесть XVI и XVII главы «Наказа комиссии о составлении проекта нового Уложения» (1767) и «Грамоту на права и выгоды городам Российской империи» (1785), чтобы убедиться в этом. Осуществляя административные реформы, правительство стремилось укрепить дворянскую монархию. Но оно шло и навстречу потребностям экономического развития страны, без чего такое укрепление не было бы возможно.

Если губернская реформа и образование Пермского наместничества были продиктованы мотивами политически, то при выборе места для нового крупного административного центра могли учитываться и, как мы видели по донесению Е. П. Кашкина императрице, учитывались также экономические факторы. Новый губернский город, учрежденный на ключевом в экономическом отношении месте, обеспечивался определенными преимуществами и в отправлении административных функций.

Этому месту — Егошихинской слободе — дали новое название — Пермь, поскольку губернский город заменил старые центры Перми Великой и пермской провинции — Чердынь, Соликамск, Кунгур, поскольку в пространном титуле императрицы, пославшей сюда своего наместника, имелись и слова «великая княгиня Пермская». Но смена имени и резкое изменение административного значения нашего поселка не означали ни перерыва в его существовании, ни коренного изменения его социально-экономической сути.

Ф. С. Горовой отрывает политические мотивы реформы от экономических процессов, происходивших в стране в XVIII в. Он тичится разрушить «легенду» об Егошихе как

первоначальном ядре губернского города. И у него выходит, что «легенда» разрушается во имя утверждения старого, очень старого тезиса.

Здесь нет возможности углубляться в историографию вопроса о русских городах. Скажем только самое необходимое.

Государственным властям Российской империи был свойствен строго юридический взгляд на город. Город — это прежде всего административный центр, в котором сосредоточено управление определенной территорией — губернией, провинцией, дистриктом, уездом.

Видный русский юрист К. А. Неволин, составивший в 40-х годах XIX в. «Общий список русских городов», констатировал известные трудности в определении того, какие именно населенные пункты можно причислять к городам в Киевской и Московской Руси. С реформ Петра I эти трудности, по словам Неволлина, полностью исчезают. Автор двухтомного исследования «Устройство и управление городов России» И. Дитятин писал, что в глазах правительства «городом, в смысле общего понятия, не был определенный пункт как средоточие торгово-промышленной жизни, торгово-промышленного населения, а напротив, пункт административной жизни»³⁷.

Этому взгляду, в основном, следовала русская домарксистская историческая наука, в поле зрения которой находились лишь официальные города. Видный представитель буржуазной историографии России, известный больше как лидер кадетской партии, П. Н. Милюков дал ему обоснование. Он преувеличивал степень экономической и культурной отсталости России, находил ее народные массы инертными и заключал, что эти обстоятельства предопределили

доминирующее значение в жизни страны государственной власти, действовавшей в военных интересах и интересах фиска (доходов казны). Милоков резко противопоставлял на этом основании методологию изучения истории, в частности истории городов западноевропейских стран и России. Там надо начинать с экономического строя, переходить к социальной структуре, а затем уже к государственной организации, здесь, в России, наоборот, надо начинать с государственности.

П. Н. Милоков после Октябрьской революции заканчивал свою политическую и научную деятельность за рубежом, в эмиграции. Там его тезис об особенностях развития русских городов, прекрасно сочетавшийся с основным положением другого видного ученого белоэмигранта П. Б. Струве, что «корни русской революции глубоко заложены в исторической отсталости России»³⁸, нашел хорошую питательную среду у антисоветски настроенных историков всех мастей: русских «евразийцев», немецких реваншистов-остфоршеров (исследователей Востока), английских и американских советологов. И понятно: он годится для всех, считающих, что русские не способны к самостоятельному историческому творчеству, что история России складывалась под главенствующим воздействием внешнеполитических факторов и различных иноземных культур: византийской, монгольской, наконец, европейской цивилизации, насаждавшейся Петром I и Екатериной II.

В 1890-х гг. В. И. Ленин подверг критике русскую статистику, которая в качестве городского учитывала только население официальных городов и относила к сельскому жителей «новых индустриальных центров, не причислявшихся официально к городам», центров, которые возникают в России так же, как на Западе³⁹.

Учитывая несомненные особенности развития России, советские историки на огромном выявленном и изученном ими материале доказали, что в своих основных закономерностях оно не отличалось от западноевропейских стран. И в России отделение города от деревни явилось результатом отделения «промышленного и торгового труда от земледельческого», как это утверждали К. Маркс и Ф. Энгельс⁴⁰. Позиции марксистской исторической науки в этом вопросе обоснованы в работах М. Н. Тихомирова, Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, К. Н. Сербиной, В. К. Яцунского, П. Г. Рындзюнского, Ю. Р. Клокмана и др. Город рассматривается советскими историками прежде всего в его социально-экономической сущности, как торгово-промышленный центр, а уже затем со стороны его правовых институтов.

Разумеется, проф. Горовой вправе выступить со своей, отличной от общепринятой точкой зрения. Но лучше было бы не игнорировать работ советских историков и разобратся, с кем и против кого он идет. И основательнее вооружиться для смелого похода.

Все же отдадим проф. Горовому должное: какой необоримой верой в могущество дворянского государства и мудрость екатерининских вельмож надо обладать, чтобы развивать свою концепцию именно на материале Егошихи — Перми! Ведь он признает, что место для губернского города было выбрано неудачно. Но, считает наш автор, без всякой подсказки со стороны жизни. По его статье судя, даже вопреки такой подсказке: Егошихинский завод хирел, его поселок приходил в упадок, однако, взвесив «географические условия» и учтя «потребности исторической среды», екатерининские вельможи П. С. Мещерский и Е. П. Кашкин решили: быть здесь губернскому городу!

И город появился как административный, только административный центр, начавший позже приобретать качества, свойственные городу периода перехода к капитализму: получать насильственно переселенных сюда купцов, ремесленников и т. п.

Среди екатерининских вельмож, несомненно, были люди умные; князь Мещерский и генерал-поручик Кашкин — из их числа. В том-то и выразился их ум, что они в интересующем нас случае присмотрелись к тому, что подсказывалось жизнью, и предложили императрице назначить губернский город Пермь в бойкой слободе Егошихинского завода.

Административная власть оказывалась не всесильной. Одною ею создавать города не удавалось. И одних географических соображений высших государственных чинов было для этого мало.

В период феодализма народные массы играли решающую роль в истории. Вовсе не были инертными русские крестьяне. Они двигали вперед производительные силы. Из крестьян выходили замечательные умельцы — мастеровые, талантливые художники, предприимчивые купцы и фабриканты. Безвестные первопроходцы осваивали просторы Урала и Сибири. Массы, низы общества неустанно «беспокоили» историю и заставляли ее пошевеливаться. Им «принадлежал первый толчок всяких исторических изменений, даже изменений в тех надстройках, которые служили для их обуздания» ⁴¹.

От имени исторической науки проф. Ф. С. Горовой декретирует: «Категорические утверждения о начале Перми с возникновения Егошихинского завода в 1723 г. противоречат историческим фактам и марксистской теории образования городов...» ⁴²

Мы убедились в том, что Ф. С. Горовой не имеет в данном случае права говорить ни от имени фактов, ни от имени марксистской теории — и то и другое им игнорируется. Его смелая концепция — плод фантазии, которая занесла его далеко в сторону — к Милюкову. Он тянет старую погудку на новый лад, а не разрушает «легенду», ибо за «легендой» о Егошихе как первоначальном ядре Перми стоит действительность.

Стоит ли спорить?

Стоит ли спорить с проф. Ф. С. Горовым? Стоит ли выносить этот спор на суд общественности? Стоит!

Советские люди — не Иваны, не помнящие родства. Их живо интересует история своей страны, своего края, города, завода. Этот деятельный интерес находит многообразное проявление. Он выражается в создании народных музеев, в частности заводских и школьных, в праздниках улиц, в чествовании рабочих династий, в юбилеях городов. Он не уводит в прошлое, а служит будущему — стимулирует стремление здесь, в родном городе, на родном заводе, возможно лучше служить Родине.

К сожалению, мы видим крайне мало популярных работ на темы истории страны, еще реже слышим публичные лекции на эти темы. Даже трехсотлетие крестьянской войны под руководством Степана Тимофеевича Разина прошло неотмеченным. Вот почему иной раз у людей, желающих во всей полноте и богатстве представить историю своей страны, своего края, возникает стремление самим разобраться во всем.

Так было и с историей возникновения Перми. В конце

1968 г. на страницах пермской комсомольской газеты «Молодая гвардия» прошло обсуждение вопроса «Сколько лет Перми?» Подавляющее большинство участников обсуждения пришли к выводу, что датой основания Перми следует считать 1723 год — год, когда был построен Егошихинский казенный медеплавильный завод, поселок которого, разросшийся как торговый центр и транспортный узел, был в 1780—1781 гг. преобразован в официальный город — крупный административный центр.

Ученые-историки участия в дискуссии не приняли, в чем, по-видимому, есть доля вины и редакции «Молодой гвардии». Не все в выступлениях в газете было точно сформулировано, имели место и погрешности. Они в такой степени раздражали проф. Горового, что он решил от имени науки опровергнуть и вывод, и все аргументы участников дискуссии. Его статья «О дате основания города Перми» является одним из плодов такого раздражения. Оно завело ученого-историка слишком далеко и обнаружило, что личный престиж для него выше истины.

У нас, на Урале, поселки, сложившиеся около металлургических предприятий, основанных еще в XVIII в., сыграли большую роль в формировании сети городов. Не только такие крупные, как Екатеринбург и Нижний Тагил, но и поселки меньшего масштаба, причем часто эта роль не была прямым производным от роста завода. Некоторые вопросы становления сети городов Урала получили освещение в книге экономгеографа Л. Е. Иофы «Города Урала» (М., 1951), несомненно, добросовестном и ценном труде. Но в некоторых методологических вопросах с Иофой нельзя согласиться, да и охват им темы оказался слишком широким для того, чтобы обеспечить достаточное внимание к каждому заводу, поселку, городу; у него есть и фактические ошибки.

Вот почему изучение истории городов Урала должно быть продолжено. И объединение на этой почве усилий краеведов и дипломированных историков было бы, бесспорно, полезным. К сожалению, в Перми такое сотрудничество не налаживается. Книги по истории заводов выходят без всякого участия историков. Одна из существенных причин такого положения — непомерная амбициозность проф. Ф. С. Горового. К сожалению, она не имеет под собой достаточных оснований.

Разве может серьезный историк, заявив в начале статьи, что «процесс возникновения города Перми весьма сложен и изучен слабо», и не привлекая никаких документов, а с опубликованными — обращаясь с недопустимой вольностью, приходить к категорическому утверждению, что датой возникновения Перми может считаться только 1781 год, а все остальное противоречит и науке, и марксистской теории в особенности?

Есть все основания вести родословную города Перми от скромного вначале поселка Егошихинского медеплавильного завода, а не от оравы наехавших сюда в 1781—1782 гг. чиновников. И поколебать этого убеждения статья Ф. С. Горового не может, ибо сама она не выдерживает никакой критики и способна лишь дискредитировать профессора.

Историки страны, как известно, собираются провести в этом (1972) году конференцию по вопросу о создании истории городов и заводов. Пожелаем им успеха. Но этот успех можно обрести не на том пути высокомерно-игнорирования не только краеведов, но и несомненных исторических фактов, документов и трудов своих товарищей-историков, по которому пошел проф. Горовой.

**ПИСЬМО ТОВАРИЩАМ,
ЛЮБЯЩИМ НАШ КРАЙ**

В магазинах Перми мало художественных изделий. Ассортимент их крайне ограничен и случаен. У нас почти нет пермских сувениров. Отдел «Пермские сувениры» в большом магазине «Подарки» на Комсомольской площади производит жалкое впечатление. Человеку, побывавшему в Перми, нечего купить на память о ней ни на вокзале станции Пермь II, ни на речном вокзале. Редкими и случайными поступлениями представлены произведения декоративно-прикладного искусства в салоне-магазине Пермского отделения Художественного фонда. Обороты этого магазина, по всем признакам, очень незначительны. Кунгурские камнерезы несколько обновили ассортимент своей продукции, но надо иметь в виду, что область применения мягкого камня ограничена и рассчитывать только на него нельзя.

Мне, старому пермяку, наблюдать такое положение вещей досадно.

И мне пришла в голову одна мысль, которой я решил поделиться с товарищами. Эта мысль не решает всего вопроса, но мне кажется, что она все же мысль богатая, то есть обещающая хорошие результаты, если ее развить и реализовать.

Прошу терпеливо прочесть все нижеследующее, ибо мысль эта должна быть мотивирована. Наше время стало чутким к художественным достижениям прошлого. Это объяснимо. Рост социалистической культуры, формирование духовно богатого и всесторонне развитого человека по-

зволяют глубже понять, полнее оценить многие явления искусства прошлых эпох. Восторженные отклики вызвала прошедшая в этом году в Москве выставка деревянной скульптуры и резьбы. Благодаря кино и телевидению заново открывается миллионам зрителей вся прелесть северной архитектуры. Широкий интерес привлекло недавнее открытие художественно исполненных тканей и ковров в курганах Алтая, скальных рисунков в Каповой пещере на реке Белой.

Есть свое далекое прошлое и у искусства нашего края. Некоторые памятники его также хорошо известны, бережно охраняются и изучаются. Это недавно реставрированный архитектурный ансамбль XVII века в городе Соликамске. Это пермская деревянная скульптура, собранная в художественной галерее стараниями Н. Н. Серебренникова и изученная им.

Есть, однако, памятники художественной культуры прошлого, хотя и известные, но лишь узкому кругу. Они не популяризируются. Заключение в них ценное наследие народного художественного творчества не используется. А они могут сослужить полезную службу.

Речь идет о произведениях пермского звериного стиля. Звериный стиль, отличительной чертой которого является изображение животных, большей частью реальных, а иногда и фантастических, частей их тела и различные композиции на этой основе, иногда в сочетании с человеческими фигурами и лицами, — этот стиль был распространен в древнем искусстве многих народов. На территории СССР он выступил в развернутом виде в скифско-сарматском искусстве Северного Причерноморья (причем испытал благотворное влияние древнего греческого искусства) и в искусстве племен Южной Сибири.

Пермский звериный стиль выделяется как самостоятельное ответвление этого широко распространенного стиля древнего искусства. Имея много общего со скифско-сарматским звериным стилем, он все же несколько обособлен мотивами, художественными приемами и характером изделий.

На нашей территории искусство этого стиля зародилось в ананьинской культуре, приблизительно в середине первого тысячелетия до нашей эры, и прошло через гляденовскую, ломоватовскую и родановскую культуры, дожив таким образом до начала второго тысячелетия нашей эры. Как все живое, оно развивалось и достигло своего зенита в ломоватовской культуре. Пермский звериный стиль был распространен не только на территории нашей области, но и в соседних районах в одновременных с перечисленными культурах, существовавших южнее по Каме, по реке Вятке, в верховьях Печоры.

Произведения звериного стиля были издавна известны русскому населению под названием «чудских древностей», или «древностей камской чуди». Как известно, под чудью разумелись племена, ранее населявшие наш край, предки современных коми-пермяков, удмуртов, хантов и манси. Некоторые авторы употребляли термин «пермский чудовищный стиль». Этот стиль нашел отражение в архитектуре крестьянских построек в нашем крае.

На чудские древности обращали внимание еще в конце XVIII и начале XIX веков ездившие по нашему краю просвещенные путешественники — И. И. Лепехин, В. Н. Берх и др. Первую публикацию художественных произведений камской чуди сделал ставший впоследствии видным писателем П. И. Мельников-Печерский в своих «Дорожных заметках на пути из Тамбовской губернии

в Сибирь», помещавшихся в «Отечественных записках» в 1841 году.

Выявлением и собиранием чудских древностей занимались крупные служащие строгановского майората В. А. Волегов, А. Е. и Ф. А. Теплоуховы. Особенно много сделал последний. Граф С. Г. Строганов поощрял это дело, он поддерживал семейную традицию: если не быть, то во всяком случае выглядеть покровителем искусств. Кроме того, он был председателем Общества истории и древностей российских, основателем и председателем Археологической комиссии. И из своего огромного пермского майората граф извлекал не только миллионные доходы, но и интереснейшие произведения древнего искусства для своей коллекции и для музеев Петербурга и Москвы. И после Теплоуховых на месте, в Перми, находились люди, продолжавшие заниматься чудскими древностями: И. Я. Кривошеков, Н. Н. Новокрещенных и другие.

Пермские находки привлекли внимание крупных ученых дореволюционной России — археолога А. С. Спицына, географа Д. Н. Анучина, этнографа И. Н. Смирнова, а также зарубежных археологов И. Аспелина, Я. Аппельгрена и других. Изображения этих древностей были даны в ряде альбомов (атласов).

В наше, советское, время при археологических раскопках были сделаны новые находки, и произведения искусства древних народов Прикамья получили освещение в работах всех крупных археологов, занимавшихся нашим краем. О них писали А. В. Шмидт, М. Г. Худяков, А. В. Збруева, А. П. Смирнов. Им посвящались специальные работы. Археологические раскопки, предпринятые в связи со строительством Камской, а затем Воткинской ГЭС, дали известному сейчас археологу О. Н. Бадеру и его ученикам —

В. А. Оборину, В. Ф. Генингу и другим — новый богатый материал.

Таким образом, изучение найденных в Прикамье произведений искусства, принадлежащих к пермскому звериному стилю, имеет уже свою длительную историю. Библиография вопроса составит многие десятки книг и статей. Богатые коллекции предметов пермского звериного стиля есть в Пермском областном краеведческом музее, в музее Пермского университета, музеях Москвы и Ленинграда. Интересные документы и рисунки сохранились в семейном фонде Теплоуховых в Государственном архиве Пермской области.

Но тут надо обратить внимание на одно весьма существенное обстоятельство: древним искусством Прикамья занимались почти исключительно археологи; искусствоведы же, наши местные искусствоведы, к сожалению, проходили и проходят мимо него. В экспозициях Пермской художественной галереи почему-то не нашлось места для произведений пермского звериного стиля. В краеведческом же музее они включены в общую историческую экспозицию, крайне стесненную, и как произведения искусства не смотрятся.

Между тем интерес древнего искусства, ценные художественные достижения далекого прошлого признаются всеми историками искусства. «Искусство первобытного общества подкупает нас свежестью восприятия, яркостью выражения, порой наивной чистотой», — писал М. В. Алпатов (Всеобщая история искусств. 1948. Т. 1. С. 57).

Определенное и заметное место в этом искусстве признается за пермским звериным стилем. В этом легко убе-

даться, открыв том Большой советской энциклопедии (2-е изд.) на словах «Звериный стиль» (с. 564—566).

Пермский звериный стиль заслуживает внимания.

Я не искусствовед и не берусь дать развернутую характеристику этого стиля, но все же скажу несколько слов.

Это стиль реалистического искусства. В основе его — живое наблюдение природы. Это стиль народного искусства. Он связан с народным бытом, создавался руками безвестных умельцев из народа, и на протяжении столетий народ отбирал в нем лучшие черты, интереснейшие образы, как он делал это в своем устном творчестве с легендами и сказками. Изображения, которые давало искусство древних народов Прикамья, стилизованы. Это общая черта древнего искусства. Широкий простор дан фантазии, связанной с анимистическими представлениями наших предков. Большинство произведений этого стиля подчинено декоративным целям, они в соответствии с этим декоративно ритмичны. Все они очень целостны композиционно, крепко сколочены. Многие из них, особенно относящиеся к родоновской культуре, весьма и весьма экспрессивны, даже экзотичны.

Лаконизм и ритмичность — вот, пожалуй, черты, которые больше всего бросаются в глаза, когда смотришь на эти произведения. Эти черты делают возможным включение их в современные ансамбли, ансамбли квартиры и одежды.

Произведения пермского звериного стиля представлены, главным образом, двумя группами. Это: а) скульптурно выполненные двухсторонние фигурки размером от 2 до 9 сантиметров в высоту и б) фигурные плоские бляхи раз-

мером от 2 до 20 сантиметров со слаборельефным или выскорельефным изображением. Это основные группы. Есть вещи и другого характера. Выполнены они, главным образом, в бронзе средствами литья, вырезки и насечки. Если говорить о производственной стороне, они очень технологичны и в современных условиях из современного материала могут изготавливаться путем штампования — наиболее дешевым.

По своему назначению это накладки на ремни и платья, пряжки, другие украшения — подвески и привески (в частности так называемые шумящие подвески разной степени сложности), амулеты, жертвенные изображения на бляхах, ручки ножей, гребни. Часть этих вещей носила культовый характер, но сейчас этот характер не ощущается, он понятен только специалистам-археологам.

В Италии, Греции, Египте, Мексике, да и во многих других странах существует целая индустрия, занятая репродуцированием предметов древнего (в том числе т. н. доисторического) искусства, индустрия, приносящая миллионные доходы от реализации этих репродукций как сувениров, да и просто как произведений искусства. У нас кое-что делается в этом направлении в союзных РСФСР республиках, особенно в Прибалтике. Мы же в России скромны, чрезмерно скромны.

Вот я и предлагаю заняться популяризацией древнего искусства народов Прикамья и создать на его основе значительную группу пермских сувениров.

Надо делать одновременно и то и другое. Надо подготовить выпуск таких сувениров, а затем широко и умело рекламировать их.

Нельзя просто начать делать сувениры по сохранившимся в музее образцам. Тут нужна художественная работа.

Надо: 1) отобрать лучшие, наиболее ценные и близкие нашему времени в художественном отношении образцы, два-три десятка из сотен; 2) создать на основе этих образцов точные формы (ведь вещи окислились, стерлись, некоторые же дошли до нас только в рисунках), придать им современное назначение и приспособить к этому назначению: броши, кулоны, пряжки на шляпы, пряжки на обувь, значки для мальчишек, значки для туристов, настольные безделушки, скульптура малых форм и т. п.; 3) решить их в цвете; 4) решить их в материале (керамика, бронза, современные дешевые сплавы, пластмассы, другая химия).

Таким образом, тут большая и интересная работа для художников. А после такой работы — организация производства, на мой взгляд, не такая уж сложная: нужны один-два небольшой мощности пресса и штампы для них. При невысокой цене продажа таких сувениров станет приносить значительную прибыль.

Я предложил бы такой план действий:

1. Познакомить группу художников (скульпторов, прикладников, живописцев, графиков) с произведениями пермского звериного стиля. Сделать это можно в краеведческом музее, попросив музей подготовить к показу не только то, что экспонировано, но и свои коллекции из основных фондов, а также альбомы (атласы) из библиотек. Обязателен подготовленный А. А. Спицыным атлас «Древности пермской чуди по коллекции Ф. А. Теплоухова» (СПб., 1902). Было бы очень хорошо показать также рисунки из архива Ф. А. Теплоухова, хранящегося в Государственном архиве Пермской области, и коллекции кабинета археологии Пермского госуниверситета. Показ этот должен быть подготовлен.

Прежде всего, надо, чтобы художники проверили мое впечатление и подтвердили (или отвергли) вывод о художественной ценности этого наследия и возможности его использования в наши дни. Если подтвердят — делать все следующее.

2. Подготовить две лекции (или доклада) о пермском зверином стиле: одну — археолога, другую — искусствоведа. У нас есть способная (правда, не такая деятельная, как хотелось бы) молодежь и в университете, и в художественной галерее. Смее утверждать, что на эту тему можно написать и интересную диссертационную работу. Лекции надо прочесть прежде всего художникам, а затем начать читать их и для более широкой аудитории.

3. Устроить в художественной галерее выставку произведений искусства древних народов Прикамья. Выигрышно, с предварительным отбором, с хорошим освещением, расположив на соответствующем материале, словом, как полагается показать эти произведения. Показать их и в рисунках. Рекламирывать эту выставку. На основе ее создать раздел в постоянной экспозиции.

4. Выпустить телевизионный фильм на эту тему. Его можно интригующе назвать, можно показать в нем работу археологов, обстановку, в которой рождался пермский звериный стиль (рисунки, макеты), эффектно показать (кино это позволяет) предметы изобразительного искусства древних народов Прикамья. Все это можно связать с работами по преобразованию края.

5. Подготовить и издать альбом произведений пермского звериного стиля. Мне кажется, эти произведения лучше дать в рисунках. Выпустить этот альбом вполне посильно нашему издательству. Кроме того, выпустить популярную книжку об искусстве древних народов Прикамья, разумеется, с иллюстрациями.

6. Провести описанную выше художественную работу по созданию большой группы пермских сувениров.

7. Поставить производство этих сувениров.

8. Организовать торговлю пермскими сувенирами, созданными на основе произведений пермского звериного стиля. Умело ее поставить. Сначала выпустить небольшие партии и создать известный ажиотаж. Затем — широкая торговля. Обязательны специальные киоски на Перми II и на речном вокзале, оформленные в том же стиле. Может быть, и на других станциях и пристанях, а также в центре города. Обязательно продвижение этих сувениров в Москву и Ленинград, а после апробации — и в зарубежные страны, в частности в Венгрию и Финляндию, где успех им обеспечен. Выпустить дешевую листовку о пермском зверином стиле, которую раздавать при продаже сувениров.

Все это дело может состояться только в том случае, если найдутся его горячие энтузиасты, если оно получит общественную поддержку, к которой я прежде всего изываю. Его нужно делать по-настоящему, смело и с размахом — или совсем не делать. Серединка губительна. На пути есть препятствия, и первое, вместе с тем самое страшное, — равнодушие. «А зачем это?» «Ведь из Москвы никаких указаний о древнем искусстве не было». «Почему это мы должны вылезать первыми?» Такие вопросы, несомненно, будут. Из Москвы есть общая директива: заниматься искусством, эстетическим воспитанием, заниматься бытом людей. Это нужно для того, чтобы люди росли в обстановке красоты, да в известной степени для того, чтобы было весело и забавно. На Алтае есть не менее, а, пожалуй, более ценное наследие древнего искусства. Но почему не начать нам? Алтай пусть подражает и развивает успех.

Если художники согласятся со мной, что произведения

пермского звериного стиля могут послужить основой для альбома, телевизионного фильма, для создания серии пермских сувениров, надо энергично действовать, преодолевая равнодушие и инертность.

Когда более ста лет назад П. И. Мельников-Печерский призывал изучать древности камской чуди, он писал о возможном недоумении. «Исследовать пермские древности? Да сколько пермских барынь и барышень почтут нарушением приличия... Древности пермские! Как это можно», — так он иронизировал по поводу людей, признающих древности только классические — в Греции и Италии. За эти сто с лишним лет доказано, что и наши древности представляют большую историческую и художественную ценность. А время жеманных барынь и барышень прошло.

Призываю проверить своим взглядом, а затем поддержать мое предложение.

Октябрь 1964 года.

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ МЕДВЕДЬ НА ГЕРБЕ ПЕРМИ

На гербе Перми, утвержденном недавно городским Советом, сохранено изображение медведя, которое было центральным на старом пермском гербе.

Медведь занимает сейчас не главенствующее, но все же заметное положение: он в нижней части большого щита, в основании герба, он — корень, из которого вырастает весь новый герб, с его центральным элементом — памятником на Вышке.

Стоило ли сохранять изображение медведя? К месту ли он в нашем большом индустриальном городе?

Странности в истории пермского герба

В медведе некоторые видят символ первозданной дикости, пригодной только для глубокого захолустья. Один из уральских журналистов-краеведов утверждал в печати, что Екатерина II, даровав городу Перми в качестве эмблемы медведя, оскорбила пермяков.

В этом утверждении все неверно. Прежде всего — ни Екатерине II, ни герольдмейстерской конторе, подготовившей гербы для новых городов, не понадобилось выдумывать герб для Перми. В утвержденном императрицей в 1783 г. докладе сената «О гербах городам Пермского наместничества» сказано: «Город Пермь имеет старый герб. В красном поле серебряный медведь, на котором поставлено в золотом окладе Евангелие, над ним — серебряный крест».

Как так — город новый, а герб старый?

Больше того, еще до торжественного открытия города Перми, которое состоялось 18 октября 1871 г., в письме, адресованном пермскому наместнику Е. П. Кашкину, герольдмейстер А. А. Волков утверждал, что город Пермь имеет свой герб. И наместническое правление подтверждало это, оговариваясь: «Когда утвержден и по какому повелению, не отыскано».

История русских земельных гербов, в частности пермского, достаточно хорошо изучена в работах П. П. Винклера, А. В. Арциховского, А. А. Ураносова, Е. И. Каменцовой и Н. Н. Сперансова, и нам нетрудно ответить на вопрос, оказавшийся непосильным для чиновников Пермского наместничества.

Пермский герб был утвержден верховной властью через военную коллегию в 1730 г. Но и тогда было сказано: «Перм-

ский по-старому: белый медведь, над ним Евангелие золотое, а над ним крест серебряный, поле красное».

Еще того лучше! Пермский герб существовал, когда о нашем городе не было речи.

Кто от кого принял герб?

Чтобы понять эту странность, следует вспомнить историю возникновения нашего города.

Начало ему было положено строительством Егошихинского медеплавильного завода. Но поселок этого завода вырос до официально признанного города не в результате развития заводского производства. Оно во второй половине XVIII века хирело. А поселок приобрел новые функции — транспортного узла и торгового центра. Преобразование же его в губернский город произошло в связи с губернской реформой, предпринятой правительством после возглавленной Е. И. Пугачевым крестьянской войны. Тогда были образованы Пермское наместничество и Пермская губерния и определен их центр — поселок Егошихинского завода.

Город Пермь — наследник не только Егошихинского завода, а и Перми Великой, объединявшей в давние времена значительную часть Прикамья. Вот от Перми Великой и перешел городу герб.

Когда в 1505 г. последний местный князь Великопермский Матвей, крещеный, признающий власть Москвы, но все же недостаточно ей покорный, был сведен с престола, его титул принял великий князь Московский Василий Третий, назначивший сюда своего наместника.

Великие князья московские, присоединяя к своему государству новые и новые княжества и земли, постепенно наращивали свой титул. Уже у Ивана IV Грозного он был

длинным: «Божею милостью великий князь Иван Васильевич, господарь всея Руси — Володимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных господарь и великий князь — Новгородский Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Волотцкий, Ржевский, Бельский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и иных и всея Сибирские земли повелитель, государь Ливонские земли и иных многих».

Этот титул можно прочесть на большой государственной печати, созданной при Иване Грозном. В центре ее находился московский герб — двуглавый орел, на груди орла всадник, князь с копьем, по краям же печати всех перечисленных в титуле княжеств и земель, в том числе в качестве пермской печати — изображение медведя.

Титул самодержцев всероссийских продолжал расти, и у последних Романовых был таким пространным, что едва умещался на печатной странице, но всегда в нем оставались слова: великий князь Пермский. Если считать, что Екатерина II оскорбила пермяков, даровав им в качестве герба изображение медведя, то надо признать, что она оскорбила и себя: ведь она была великой княгиней Пермской.

Но, в действительности, не самодержцы всероссийские даровали пермякам медведя, а, наоборот, они взяли у пермяков медведя в свой герб.

Исследователи земельных гербов нашей страны давно уже пришли к выводу, что, в отличие от гербов титулованных дворянских родов, многие земельные гербы не сочинены герольдмейстерской конторой, учрежденной лишь при Петре I, а имеют глубокие корни в прошлом, были созданы на местах, родились естественно.

В Перми Великой почитался медведь. Для некоторых родов древних жителей края он был тотемом, то есть предком-покровителем. Он почитался и шире, всем населением края, в том числе и русскими колонистами, как самое сильное и важное в промысловом отношении животное этих таежных мест.

Медведь силен. Ударом своей лапы он может свалить лошадь. Он решается нападать даже на лося. В то же время медведь осторожен и не жесток — когда в достатке растительный корм, он довольствуется им. Медведь предусмотрителен — готовит себе берлогу и на голодное зимнее время погружается в спячку. Охотника поражала схожесть строения тела медведя с человеческим, способность медведя ходить на одних задних лапах.

При чем тут город Пермь? — может заметить читатель. Ведь Великая Пермь лежала севернее.

Да, но она не была законченным государственным образованием, и границы ее трудно точно очертить. Несомненно, что, жалую Строгановым обширные земли по Каме и ее притокам, Иван Грозный отдавал им не пустые, а уже заселенные пространства. Здесь жили коми-пермяки, манси (вогулы), ханты (остяки), да и русские поселенцы.

Казенный медеплавильный завод был построен в 1723 г. на реке Ягошихе. Корень названия — «яг ош» — по коми-пермяцки значит «медвежий бор». Это один из многих следов, оставленных древними обитателями наших мест.

Медведь служил излюбленным объектом для первых художников нашего края. Они оставили нам богатое наследство в виде миниатюрной скульптуры в металле — бляшек пермского звериного стиля. Такие бляшки служили

талисманом — оберегали, украшали одежду, их можно было повесить на жертвенное дерево взамен зверя или птицы. Много бляшек с медведем было найдено на Гляденовском костыще вблизи Нижних Муллоу, то есть у самой границы современной Перми.

Русский охотник, давно принявший христианство, попадая в наш край, считал не лишним повесить на шею вместе с крестом «иконку» местного изготовления с медведем: «не то, так другое поможет». Христианские проповедники уничтожали языческие жертвенники, но свои церкви и часовни возводили точно на их месте.

С местной традицией считались, с ней нельзя было не считаться. И тот факт, что великие князья московские приняли в свою печать изображение медведя как символ Пермской земли, являлся данью этой традиции.

Около ста лет пермский медведь оставался на печатях и предметах государственного быта свободно идущим, ничем не обремененным медведем, близким к своему изображению в миниатюрной скульптуре. Таким он был на завесе спинки трона Михаила Федоровича Романова, на государственном знамени Алексея Михайловича, на его парадной тарелке.

Неприятные перемены

Перемены в судьбе пермского медведя произошли в начале 70-х годов XVII века. Это было время усиленной христианизации государственного быта, призванной послужить укреплению самодержавия. Получили новые, христианские, названия многие улицы Москвы, ворота московского Кремля. Христианскими символами стали оснащать и земельные печати-гербы. Вот тогда-то на спину нашему медведю водрузили тяжелое Евангелие с крестом. Таким по-

явился пермский медведь в «Большой государственной книге 1672 года».

Что могучему зверю даже тяжелая книга? Но он стал каким-то понурым. Христианство служило не столько просвещению вошедших в состав Российского государства народов, сколько усилению феодального гнета.

Пермского медведя с Евангелием можно видеть на гербе Русского государства; воспроизведенным в дневнике путешествия И. Г. Корба в Московию; среди гербов на знамени Преображенского полка; на печати Сибирской губернии, в состав которой вошла большая часть Пермского края; на знаменах, утвержденных для Пермского пехотного и Пермского драгунского полков.

Административно-территориальное устройство нашего края менялось, но при всех переменах медведь с Евангелием оставался его символом. И он, естественно, оказался на печати пермской провинции, которая имела центр сначала в Соликамске, затем в Кунгуре.

Никаких официальных разъяснений символики пермского герба не давалось. Только в упоминавшемся уже докладе сената было сказано, что медведь означает «дикость нравов обитавших жителей», а Евангелие — «просвещение через принятие христианского закона». Бывало, герб разъяснялся и проще: дикость, укрощенная православием.

Медведь под подозрением

Христианская, в частности православная, церковь имела основания относиться к медведю недоброжелательно. Она, церковь, служила упрочению власти князей и царей, способствовала развитию феодальных отношений и сама была крупным феодалом. Медведь же в народном сознании оставался символом антифеодальной борьбы.

Он стал таким символом еще на заре феодализма, когда против захвата земли князьями выступали массы общинников, предводительствуемые своими волхвами-вождями, как их называли русские летописи. А спутником волхва был священный зверь — медведь. Православная церковь с первых шагов своих на славянских, а затем угро-финских землях боролась против медвежьего культа.

Нельзя считать случайным, что Екатерина II, узнав о пленении Е. И. Пугачева, написала своему постоянному корреспонденту Гримму, что Пугачева везут в Москву «священного, скрученного, словно медведя». И ясно, что под «дикостью нравов обитавших жителей» царские чиновники разумели необузданность, непокорность, непослушание властям разноплеменных жителей Пермского края, еще так недавно оказавших поддержку Пугачеву. Им хотелось представить на гербе торжество христианского порядка. Но в такой трактовке герба заключалось больше пожелание, чем действительность: наш край не переставал тревожить царское правительство волнениями крестьян, рабочих людей, угнетенных национальностей.

На медвежьем празднике у народов Севера, в русской медвежьей комедии обличались власти, произносились «буйные речи», слова возмущения и протеста. Церковь и монархическое государство преследовали скоморошьи игры с медведем, запрещали всякое вождение медведей. А медведь все же сохранял свое видное место в народных праздниках.

Вот первый гость —
медвежник идет,
медвежник идет,
медведя ведет,—

пелось на святочном гулянии. Медведь не хотел входить в избу, опасаясь, что

там сочки его в каталажку
запрут,
там десятски его живьем
обдерут,
там баре его с шерстью
сожрут.

Медведя подбадривали:

На соцких, десятских, ты,
бурый, притоппи,
а бар толстопузых дубинкой
прихлоппи.

Разумеется, такие игры не могли нравиться царским властям. Медведь был на подозрении как зверь крамольный.

Однако он сохранялся на гербах ряда городов, а истолкование образа его, которое было дано в 1783 г., не повторялось. Не повторялось потому, что оно находилось в противоречии с правилами геральдики, согласно которым на гербе — место выдающимся благородным животным, в их числе и медведю, царю тайги, символизирующему силу и предусмотрительность.

Человек и медведь

Отношение человека к медведю не оставалось неизменным. Если в далеком прошлом медведь был грозным зверем, у которого следует искать покровительства, то когда человек сам стал могучим, в отношении его к медведю появились и добродушная насмешка, и ирония.

И всё же, как правило, отношение человека к медведю остается добрым. Он любимец детворы в зоопарках. Им

восхищаются дети и взрослые в цирке. У редкого ребенка нет среди игрушек медведя. А сколько интересных медвежьих историй рождается каждый год! Есть что-то обаятельное в облике и повадках этого зверя. Теперь человек начинает покровительствовать ему: оберегая от него свой скот, он заботится о том, чтобы не перевелись медведи в лесах.

Само слово «герб» на языках многих славянских народов означает — наследство, наследие. Нам незачем отрекаться от этого наследства на пермском гербе. Оно досталось нам не от царей и императоров, а от наших далеких предков.

И совсем незачем стесняться медведя, как стеснялись аристократы бедного родственника из захолустья. Не так мал «медвежий угол». Медведь есть на гербах Ярославля и Новгорода. Он служит гербом Берлину. Его почитают в скандинавских странах. В столице Швейцарии, городе Берне, держали на главной площади медведя, потому что само слово «берн» значит «медведь», а археологи нашли здесь далекие следы медвежьего культа.

Взгляните в небо. Там над нами Большая и Малая Медведицы. Такое имя дали им древние греки, сложившие поэтический миф о происхождении этих созвездий. Зачем же нам стесняться такого широко популярного родственника?

Из прошлого в будущее

На старом пермском гербе на медведя было водружено окованное золотом закрытое Евангелие, призванное внушать покорность неграмотному в массе своей народу. На новом гербе Перми над медведем открытая книга — символ действительного просвещения.

Сила трудового народа, соединенная с наукой, дала человеку могучую технику. И паровой молот — этот элемент памятника на Вышке — естественно возвышается над медведем и книгой.

Но памятник на Вышке несет большую, чем могущество техники, смысловую нагрузку. У этого памятника покоятся борцы за дело рабочего класса, дело коммунизма. Их деятельность дала рабочему классу великую силу организованности.

Наш герб в целом — символ всё возрастающего могущества человека, который не забывает своего прошлого и уверенно идет в будущее. В то же время это наш, пермский герб, своеобразный и неповторимый.

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ

К ВОПРОСУ О РОДОСЛОВИИ
Н. А. АЛИКИНОЙ
(УРОЖДЕННОЙ БУРМАНТОВОЙ)
Предварительные итоги исследования

Фамилия Бурмантовых, ведущих свой род из древней Чердыни, с несомненностью происходит от общего для всех древних пермяков имени Бурморт, переименованного на русский лад в Бурмат или Бурмант.

Это имя мы встречаем в преданиях, дошедших до нас еще из XIV века. Они сохранили память о Бур-морте как сыне Пама, вождя пермичей, противостоявшего православному святителю Стефану.

Как известно, христианизация коми-зырян и коми-пермяков была связана с подчинением великому князю Московскому и усилением феодального гнета. Стефан был да-

леко не только духовным наставником, а и политическим деятелем — агентом Москвы, направившимся крестить пермичей с охранной грамотой великого князя Дмитрия Ивановича (Дмитрия Донского). Один из дореволюционных исследователей прошлого Коми края Г. С. Лыткин правильно называет Стефана устюжанином по рождению, ростовцем по образованию и москвитянином по духу деятельности ¹. Когда же Стефан был поставлен Москвою епископом Пермским (с резиденцией в Усть-Выме), он стал осуществлять и административные функции в обширном крае (по рекам Вычегде, Сыsole и Верхней Мезени) ².

Колонизаторской, по существу своему, деятельности Стефана упорно противостоял волхв Пам. Биограф Стефана, один из виднейших книжников конца XIV—начала XV века Елифаний Премудрый писал о Паме, что это был «чародевный старец, нарочитый кудесник, волхвам начальник», которого пермяне некрещенные чтут паче всех прочих» ³. Даже в пересказе ярого поборника православия и безудержного апологета Стефана — Елифания многие аргументы Памы в его споре со Стефаном звучат убедительно. Отстаивая веру отцов — проникнутое практицизмом мировоззрение близких к природе охотников, — Пам говорил, в частности: «Меня слушайте, а не слушайте Стефана, иже новопришедшего от Москвы; от Москвы бо может ли что добро быти нам? Не оттуда ли нам тяжести быша, и дани тяжкие и насильство...» ⁴

Стефан победил в борьбе с Памом, и Пам с группой своих верных сторонников ушел через Камень (Уральский хребет) на Обь и основал здесь, в краю, редко населенном хантами (остяками), поселение Алтым, вошедшее позднее в Березовский уезд Тобольской губернии. Еще в прошлом

веке жители Алтыма сохраняли предание о таком своем происхождении ⁵.

По преданию, сын Пама — Пам Бур-морт не пошел за отцом на Обь, а задержался вместе с другими, не желавшими креститься коми-зырянами, ближе к родному краю — на Верхней Печоре. Легенду об этом слышал в детстве от старика Якова с Вычегодской Вишеры Каллистрат Жаков, ставший впоследствии видным этнографом, профессором Петербургского психоневрологического института. В начале нашего века он предпринял специальную поездку за этой легендой; впечатления, полученные во время путешествия, — в его книге «На Север, в поисках за Памом Бур-мортом». Только на притоке Печоры — Щугоре — удалось ему найти старика, помнящего эту легенду и считающего себя учеником Пам Бур-морта. По его рассказу, Пам Бур-морт много думал о причинах поражения отца, предпринял далекое путешествие на восток, в Индию, чтобы узнать о разных верах, привез оттуда знание норм буддийской морали и проповедовал их в сочетании с верой в одухотворенность и могущество природы ⁶.

Это — легенда. Надо, однако, заметить, что именно на Печоре дольше всего сохранялись первобытные верования. Здесь находили пристанище раскольники, бежавшие из Московской Руси. Здесь возникали и новые секты из людей, не желавших подчиниться официальной церкви. Население Печоры плохо поддавалось христианизации. По утверждению историков православной церкви, живших на Печоре коми-зырян крестил еще епископ Пермский Герасим в 40-х годах XV века, затем епископы Пермские Иона и Филофей ⁷. Однако священник Федор Истомина, внук также священника Федора Истомина, крестившего на Пе-

чоре последних «язычников» в начале XIX века, предприняв в конце XIX века путешествие по этим местам, вынужден был в путевых заметках «О религиозном состоянии обитателей Печорского края» признать ничтожность успехов христианского «просвещения». Он нашел здесь, в частности, новую секту «оконников», «которые молятся открытому небесному своду, для чего проделывают в стене избы сквозное отверстие, которому и поклоняются с полным благоговением»⁸. К еще более резким выводам о неудачах христианизации этого края пришел в начале нашего века наблюдательный и умный врач-этнограф С. В. Мартынов своей книге «Печорский край»⁹.

Таким образом, легенда о Паме Бур-морте, отстаивавшем на Печоре реформированную веру отцов, имеет некоторые основания в действительном состоянии этого всеверного и безверного края. А Печора, как известно, была в прошлом тесно связана торговыми узами с Чердынюю.

На имя Бурманта как обитателя Чердынского края, т. е. Перми Великой, исследователь впервые натолкнулся в повести М. Н. Лебедева «Последние дни Перми Великой»¹⁰. Одним из главных действующих лиц этой повести является воевода князя Пермского Михаила — Бурмант.

Повесть Лебедева — слабое в художественном отношении произведение. Но, как выяснилось, Михаил Николаевич Лебедев (1877—1951) не случайный в литературе человек. Он считается одним из зачинателей советской коми литературы. В молодые годы М. Н. Лебедев жил в Чердынском уезде, где занимал скромную должность помощника писаря Мошевского волостного правления¹¹. Его интерес к прошлому близкого коми-зырянам коми-пермяцкого народа естествен.

Воевода Бурмант, выведенный Лебедевым в его повести, — исторически достоверное лицо.

Зимой 1472 г. Иван III Васильевич послал московское войско под командованием князя Федора Пестрого на Пермь Великую «воевати их за их неисправление»¹². Поводом для завоевательного похода послужили обиды, нанесенные, по дошедшим до Москвы сведениям, в Перми Великой московским купцам. Поход был коротким и вполне успешным, так как Великая Пермь не являлась еще вполне сложившимся государством и в военном отношении много уступала Москве.

Войско князя Федора Пестрого дошло зимним путем до Усть-Черной, а оттуда весной сплавилось на плотах вместе с конями по Весляне и Каме до Анфаловского городка (предположительно в районе современного Бондюга). Здесь князь Федор Пестрый разделил войско. С частью сил он пошел сам «на верхнюю землю» — к городку Искору, а другую часть отправил под командованием Гаврилы Нелидова «на нижнюю землю» — на Урос и Чердынь. Еще не доходя до Искора, князь Федор встретил вооруженное сопротивление пермичей. Летопись повествует: «И бысть им бой меж собой, и одоле князь Федор и поймал на том бою воеводу их Кача. И оттуда князь Федор поиде таки ко Искору и взят его и воеводы их поймал Бурмота да Мичкина»¹³. Гаврила Нелидов взял Чердынь и пленил князя (окса) Перми Великого Михаила. Все московское войско сошлось в Покче.

Князь Федор Пестрый остался в Покче и создал здесь укрепленный городок — опору московского господства, а Гаврилу Нелидова послал со знатными пленниками — князем Михаилом и воеводами Бурмотом, Мичкиным и Качей — в Москву, к великому князю Ивану III. Судя по летописи, воеводы были знатными и богатыми людьми,

ходившими в бой в панцирях. В летописи записано: «А что имал у тех Бурманта и Мичкина и Кача, а то послал к великому князю: 16 сороков соболей (т. е. 640 штук ценных шкур), да шубу соболью, да пол-30 (т. е. 25) поставов (кусков сукна), да 3 пансыри, да шелом, да две сабли булатные» ¹⁴.

Довольный победой своего войска, Иван III был милостив. Он принял от князя Михаила присягу на верность и отпустил его с воеводами на родину. Михаил продолжал править Пермью Великой, но уже от имени великого князя Московского. Впрочем, фактически административные функции все больше сосредоточивались в руках владыки (епископа) Пермского Филофея, человека очень деятельного и, несмотря на духовный сан, воинственного ¹⁵.

Летописные сведения о воеводе Бурмате (Бурманте) скупы. Установить связь между ним и легендарным Памом Бур-мортом не представляется возможным. Между упоминанием в летописях воеводы Перми Великой Бурмота-Бурманта (1472 год) и рождением отца Надежды Алексеевны Аликиной — чердынского красногвардейца Алексея Васильевича Бурмантова (1895 год) прошло более четырех веков, то есть миновало 10-15 поколений. И здесь установить с несомненностью прямую связь пока не удалось. Возможно существование в Перми Великой в XV веке других Бурмантов, не воевод. Бесспорно, однако, что фамилия Бурмантовых — одна из древних фамилий коренных жителей Чердынского края, бывшей Перми Великой.

Но если история не дает нам пока в этом вопросе исчерпывающих данных, то многое говорит другая наука — этимология.

Этимология — отрасль исторической лексикологии, занимающаяся установлением значения слов. Особый раздел

этимологии, получивший название антропонимии, выясняет значение имен и фамилий людей.

Оба корня имени Бурморт (измененного на русский лад в Бурмант и Бурмат) — бур и морт — наличествовали еще в древнепермском языке (общем для коми, коми-пермяков и удмуртов), словарь которого установлен по памятникам письменности XIV—XVII веков. «Бур» значит: добрый, хороший; «морт» — значит: человек ¹⁶.

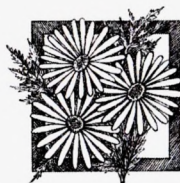
Таким образом, с несомненностью фамилия Бурмантов означает «хороший, добрый человек», а Бурмантовы — хорошие, добрые люди.

К этому выводу можно было прийти и без сложных исторических изысканий, просто в результате знакомства с Надеждой Алексеевной Аликиной (урожденной Бурмантовой) и ее родными.

Исследование провел и представляет Н. А. Аликиной в день ее рождения нижеподписавшийся Б. Назаровский.

Пермь, 1971 год.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В список литературы включены книги Б. Н. Назаровского и выборочно — его публикации в газетах, преимущественно краеведческого характера. Б. Н. Назаровский активно печатался в газете «Звезда» в 1920-е гг. Его псевдонимы тех времен: Н. Б., Назгинц, Б. Назгинц и др. В 1940—1950-е гг. он нередко писал под псевдонимами И. Найденов и В. Серов.

КНИГИ И СТАТЬИ Б. Н. НАЗАРОВСКОГО

Отдельные издания

Назаровский Б., Плеско А. Беседы в кружке рабочих-корреспондентов. Пермь: Звезда, 1925. 64 с.

Тиунов В. Ф., Назаровский Б. Н. Западный Урал. Молотов: Облиздат, 1943. 144 с.

Назаровский Б. Н. Западный Урал к 40-й годовщине Великого Октября. Пермь: Кн. изд-во, 1957. 118 с.

Рец.: Соколов А. Книга, которая учит любить//Звезда. 1957. 25 окт.

Назаровский Б. Н. Редактор и автор: В помощь молодым журналистам. Пермь: Пермское отделение Союза журналистов СССР, 1960. 15 с.

Гинц С. М., Назаровский Б. Н. Аркадий Гайдар на Урале: Страницы биографии. Пермь: Кн. изд-во, 1965. 276 с.: ил.

Рец.: Страницы биографии//Звезда. 1957. 17 янв.

Фрадкина С. Новое о Гайдаре//Звезда. 1965. 10 февр.

Путилова Е.//Детская литература. 1966. № 5. С. 52—53.

Вечтомова Е.//Звезда. 1966. № 5. С. 219—220.

Боголюбов К. Книга о Гайдаре//Урал. 1967. № 2. С. 173—174.

Гинц С. М., Назаровский Б. Н. Аркадий Гайдар на Урале. 2-е изд. Пермь: Кн. изд-во, 1968. 262 с.

Рец.: Закс Б. Гайдар в газете//Новый мир. 1969. № 10. С. 237—241.

Назаровский Б. Н. Замечательное дело: Как мастеровые тягались с графами Строгановыми за землю, что эта тяжба показала и чем дело кончилось. Пермь: Кн. изд-во, 1969. 185 с.

То же, доп. тираж: Замечательное дело. Пермь: Кн. изд-во, 1970. 185 с.

Рец.: Рязанов Н. Книга, которую ждали//Знамя труда. 1970. 11 апр.

Андреев К. Спор, законченный Октябрем//Звезда. 1970. 14 мая.

Матюшина И. Комментарий к ленинской статье//Новый мир. 1970. № 9. С. 272—274.

Боголюбов К. Прошлое «уральского вопроса»//Урал. 1971. № 1. С. 156—157.

Статьи в сборниках и периодической печати

Театр и искусство: Лекция и стихи В. Каменского//Звезда. 1922. 7 сент. (Подпись: Б. Н.).

Вопросы рабкорского роста//Звезда. 1927. 5 мая.

К организации в Перми отделения общества воинствующих материалистов и диалектиков//Звезда. 1929. 6 дек.

Воинствующая безграмотность: [О коми-пермяцкой литературе]//Звезда. 1948. 4 февр.

«Золотопромышленники»: [О спектаклях по произведениям Д. Н. Мамина-Сибиряка]//Звезда. 1950. 21 авг. (Подпись: В. Серов).

Недоработанная книга: [О кн. Н. Дубилета и А. Пака «Кама» (Молотов, 1950)]//Звезда. 1950. 26 нояб. (Подпись: В. Серов).

Быстрый рост: Альманах «Прикамье» № 14//Звезда. 1951. 8 февр. (Подпись: В. Серов).

Альманах «Прикамье» № 15//Звезда. 1951. 1 апр.

Наш Горький//Большевистская смена. 1951. 16 июня.

Великий русский писатель: [О М. Горьком]//Звезда. 1951. 17 июня.

Гинц С., Назаровский Б. Аркадий Гайдар в Перми//Звезда. 1951. 26 окт.

Победа большевистской тактики: [Выборы в Гос. думу в Пермской губернии в 1906 г.]//Звезда. 1952. 1 марта. (Подпись: В. Серов).

Как работать с газетой: Советы агитатору//Большевистская смена. 1952. 12—17 апр. (Подпись: И. Найденов).

Литературные фантазии Б. Любимова: [О кн. Б. Любимова «Прикамские встречи»]//Звезда. 1952. 6 июля. (Подпись: В. Серов).

Черненко В., Серов В. Еще раз о писательской организации//Звезда. 1953. 18 янв.

Что такое типичный образ//Молодая гвардия. 1953. 27 июня.

Глубже вникать в жизнь: Заметки о работе пермских писателей-прозаиков//Прикамье. 1954. № 18. С. 232—255.

За близкую к жизни высокоидейную литературу//Звезда. 1954. 17 июля.

Над чем работают наши писатели//Звезда. 1955. 27 марта.

Большое и нужное дело: [Произведения художественной литературы на страницах газет]//Звезда. 1955. 30 июня.

Письма коммунистов: [Обзор]//Звезда. 1955. 16 сент.

Первые шаги большевистской печати в Прикамье//Звезда. 1956. 6 мая.

«Когда переметает дороги»: Пьеса Л. Давыдычева в Молотовском драмтеатре//Звезда. 1956. 31 мая.

Вопреки «разъяснениям» губернатора: [Выборы во II Гос. думу в Пермской губернии]//Звезда. 1957. 31 янв. (Подпись: Б. Н.).

Первое выступление кунгурских крестьян: Необходимая справка//Звезда. 1957. 9 февр. (Подпись: Б. Н.).

Уроки классовой борьбы: Пермь в марте — апреле 1917 г.//Звезда. 1957. 24 марта.

Замечательные люди Прикамья: [О серии Пермского кн. изд-ва]//Звезда. 1957. 11 окт.

Мечта, наука, действительность: Беседы о коммунизме//Звезда. 1959. 26 февр.

Основная практическая задача: Беседы о коммунизме//Звезда. 1959. 16 апр.

Беспокойное дело: [О деятельности Пермского кн. изд-ва]//Урал. 1960. № 1. С. 186 — 189.

Популярная литература и местное издательство: (Заметки редактора)//Коммунист. 1960. № 13, сент. С. 120 — 124.

Необходимые возражения: О моральных уродах в повести Б. Фрадкина «Пленники пылающей бездны»//Звезда. 1960. 20 марта.

Пора зрелости: Сибирские повести В. Астафьева//Звезда. 1960. 30 апр.

Рыцарь революции: [О кн. В. А. Карамышева «Боец, комиссар, журналист», посвященной Н. Г. Толмачеву]//Звезда. 1960. 8 дек. (Подпись: Б. Н.).

Свет большевистской «Звезды»: [К 50-летию выхода в свет в Петербурге первого номера газ. «Звезда»]//Звезда. 1960. 28 дек.

Аркадий Гайдар на Урале//Уральский следопыт. 1961. № 10. С. 46 — 47.

Корни в жизни: [Обсуждение Программы КПСС]//Звезда. 1961. 10 окт.

Глазами любви: О «Диком луке» В. Астафьева//Звезда. 1961. 23 дек.

На этом берегу: [А. И. Герцен в Перми]//Звезда. 1962. 6 апр.

Славные традиции рабочей печати: К 50-летию «Правды»//Звезда. 1962. 28 апр.

Первая на Западном Урале: [О газ. «Социал-демократ», органе Лысьвенского комитета РСДРП]//Звезда. 1962. 10 июня.

Давние связи: Латышские имена в революционной летописи Прикамья//Звезда. 1963. 6 июня.

Пермская книга: К 400-летию русской печати//Календарь-справочник Пермской обл. 1964. Пермь, 1963. С. 46—49; Ленинское знамя. 1964. 17 марта.

Уроки «русского чуда»: [Рец. на одноименный кинофильм с пермскими примерами]//Звезда. 1963. 11 авг.

Матрос Хохряков//Звезда. 1963. 3 июля.

Помощь друзей: Новое об американском тракторном отряде в Тойкино и его организаторе Г. Вэре//Звезда. 1963. 13 нояб.

В одной семье: (Латыши на Урале во время гражданской войны)//Календарь-справочник Пермской обл. 1965. Пермь, 1964. С. 98—99.

Писатель-боец: А. П. Гайдар//Советская Россия. 1964. 22 янв.

Память поколений: О серии книг «Замечательные люди Прикамья»//Звезда. 1964. 21 февр.

Вера в местные силы: [О «Пермском сборнике», изданном в 1859 г. Д. Д. Смышляевым в Москве]//Звезда. 1964. 13 марта.

Создадим историю заводов//Соликамский рабочий. 1964. 14 июня.

Народ, герои и подвиги: (Рец. на кн. «Отчизны верные сыны»)//Звезда. 1964. 21 июня.

О звонком поэте Прикамья: Новый фильм Пермской студии телевидения [о В. В. Каменском]//Звезда. 1964. 17 сент.

Чудские древности: Судьбы прикамского сувенира//Мол. гвардия. 1965. 31 янв.: ил. (Рец.-отклик на статью: Пять интервью о чудских древностях: Судьбы прикамского сувенира//Мол. гвардия. 1965. 14 апр.).

Еще об уважении к истокам: [Об охране истока р. Камы]//Мол. гвардия. 1965. 18 апр.

Кама зовет на выручку...//Мол. гвардия. 1965. 6 июня.

Открытое письмо написано Б. Н. Назаровским. Подписали, кроме него, М. Степанов, Л. Давыдычев, К. Кузнецов, А. Репин, О. Волконская, Л. Правдин, А. Тумбасов, С. Николаев и Р. Белов.

Береги реку, на которой ты вырос!//Мол. гвардия. 1965. 18 июня.

В редакции «Молодой гвардии» состоялась пресс-конференция с руководителями ведомств и организаций, занимающихся эксплуатацией Камы и охраной ее богатств. Опубликовано несколько выступлений на конференции, в т. ч. выступление Б. Н. Назаровского о роли общественности в охране Камы.

Первый блин...: По поводу серии открыток «Пермь»//Звезда. 1965. 22 июля.

О чем рассказывают пермские сульде: По следам легенды//Мол. гвардия. 1965. 14 нояб.

Лбов Александр Михайлович (1876—1908)//Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. Пермь: Кн. изд-во, 1966. С. 325—333.

Повесть о славной большевичке: [О кн. В. Морозовой «Клавдичка» (М., 1966)]//Звезда. 1966. 26 окт.

Прикамье на предоктябрьском смотре//Звезда. 1967. 24 окт.

Медведь на гербе Перми//Вечерняя Пермь. 1969. 18, 20, 21 окт.

Памятник на Вышке//Вечерняя Пермь. 1970. 3—7, 10 нояб.

Живые связи: Колонка книголюба//Вечерняя Пермь. 1971. 22 янв.

Боевики на пароходе «Анна Степановна»: Факт. комментарий к рассказу Б. Н. Никонова «Гражданское мужество»//Вечерняя Пермь. 1971. 20—22 июля; Большая Кама. 1971. 21, 28 авг., 1 сент.

Рассказ был перепечатан по предложению Б. Н. Назаровского из приложения к «Ниве» за 1908 г. (Вечерняя Пермь. 1971. 16, 17, 19 июля) под рубрикой «Необычайное происшествие на камском пароходе».

Свет высокой духовности/Подборку архив. док. подгот. Н. А. Аликина//Пермский край: Краевед. сб. 90. Пермь, 1990. С. 11—37. Из содерж.: Заявление в Президиум ЦК КПСС о развитии творческой инициативы трудящихся; Письмо секретарю ЦК КПСС тов. Куусинену; Письмо в Президиум ЦК КПСС «О перестройке партийных и советских органов»; Письмо секретарю Пермского промышленного обкома КПСС В. А. Константиновой; Из письма Р. Л. Соломянской и Г. Н. Плеско; Письмо краеведу А. К. Шарцу; Письмо Президиуму ЦК КПСС; Из письма в Лондон С. Аллилуевой; Из письма секретарю Пермского горкома КПСС С. А. Мелешкову; Строки из писем разных лет разным людям.

Некоторые вопросы истории города//Пермский край: Старая Пермь. (1723—1917): Краевед. сб. Пермь, 1992. С. 16—44.

Гражданин Перми: Сб. памяти Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа. Пермь, 1993. 85 с. Из содерж.: Письмо товарищам, любящим наш край; Медведь на гербе Перми; Письмо Р. И. Рабиновичу, работавшему над книгой о Н. В. Мешкове; Еще об уважении к истокам.

ЛИТЕРАТУРА О Б. Н. НАЗАРОВСКОМ

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина». М., 1972. 126 с. Из содерж.: Широков Е. Н. Портрет журналиста Б. Н. Назаровского. С. 32.

Дьяконицын Л. Ф. Евгений Николаевич Широков: Восемь репродукций. Л.: Худож. РСФСР, 1973. Из содерж.: О портрете Б. Н. Назаровского. С. 3.

Михайлюк В. М. Город мой Пермь. Пермь: Кн. изд-во, 1973. Из содерж.: Пермские портреты. С. 146—152.

Келлер И. Репетиции. Спектакли. Встречи. Пермь: Кн. изд-во, 1977. Из содерж.: Упоминается Б. Н. Назаровский как постоянный зритель театра. С. 69.

Дом журналиста, где находилась редакция областной газеты «Звезда», в которой работали советский писатель А. П. Гайдар и журналисты С. М. Гинц и Б. Н. Назаровский//Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Пермская обл. М., 1978. С. 125—128.

Аверина Н. Ф. История пермской книги: Очерк. Пермь: Кн. изд-во, 1989. Из содерж.: Б. Н. Назаровский. С. 145, 152, 162, 165.

Пермский край: Краевед. сб. 90. Пермь: Кн. изд-во, 1990. Из содерж.: Аликина Н. А. Свет высокой духовности; Из статьи журналиста Ю. Надеждина, посвященной памяти Б. Н. Назаровского к 80-летию со дня рождения; Отзыв о вступительной работе Б. Н. Назаровского в институт философии; Удостоверение Б. Н. Назаровского на получение специальности шлифовальщика; Выписка из протокола Президиума Омского облисполкома о восстановлении Б. Н. Назаровского в правах члена облисполкома; Выписка из протокола заседания Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся о награждении грамотой Б. Н. Назаровского; Благодарственное письмо Б. Н. Назаровскому из ЦГАЛИ СССР по поводу передачи на хранение писем А. П. Гайдара; Из рецензии на книгу Б. Н. Назаровского «Замечательное дело».

Гражданин Перми: Сб. памяти Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа/Сост. Т. И. Быстрых. Пермь, 1993. 84 с. Из содерж.: Воспоминания В. А. Агеевой, жившей в семье Назаровских в 1918–1919 гг. С. 29–34; Дворсон Л. Г. Считаю своим наставником. С. 34–35; Харитонов Е. Д. Живым остался в памяти моей. С. 36–40; Астафьев В. П. Подводя итоги. С. 41–42; Степанов М. Н. Уроки Назаровского. С. 45–49; Будрина А. Г. Вспоминая Бориса Никандровича. С. 50–53; Тарасова М. В. «В издательстве стало интереснее, красивее, веселее работать...». С. 53–57; Соломянская-Гайдар Р. Л. Первый год без Назаровского. С. 57–62; Гладышев В. Ф. «Неужели решились?...». С. 62–69; Мишланова Л. В. «Всякого вам счастья, хорошие люди!». С. 70–78.

Город мой Пермь: Тез. науч.-практ. конф., посвященной 270-летию г. Перми. Пермь, 1993. Из содерж.: Светлаков В. Г. История Прикамья в судьбе человека: (Обзор документов личного фонда Б. Н. Назаровского). С. 76–82; Светлаков В. Г. Основные даты жизни и трудовой деятельности Б. Н. Назаровского. С. 82–91.

Колбас В. С. Письмо Б. Н. Назаровского журналистам//Великая Отечественная война: Уроки и проблемы: Тез. докл. науч.-практ. конф. Пермь, 1995. С. 119–122.

Астафьев В. П. Подводя итоги//Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 1. С. 39–41, 46.

Ошуркова Р. А. К вопросу о дате рождения Перми: (Из истории дискусий 60–70-х гг. XX века)//Пермь: опыт развития, потенциал, перспективы: Материалы науч.-практ. конф. (г. Пермь, 11 нояб. 1998 г.). Пермь, 1998. С. 9–13.

Аленчикова Н. Д. Ф. С. Горовой и Б. Н. Назаровский в истории Государственного архива Пермской области//Док. память эпохи: Тез. докл. и выступлений науч.-практ. конф. Пермь, 1999. С. 70–73.

Б. Н. Назаровский//Краеведы и краеведческие организации Перми: Биобиблиогр. справочник. Пермь: Курсив, 2000. С. 185–186.

Мишланова Л. В. Назаровский Б. Н.//Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург: Академкнига, 2000. С. 356.

Мишланова Л. В. Ленинградская грамота: (Б. Н. Назаровский)//Бесмертный подвиг народа: Тез. докл. и выступлений науч.-практ. конф. Пермь, 2000. С. 96–99.

Художник Евгений Широков: Альбом. Пермь: Курсив, 2001. 159 с. Из содерж.: Б. Назаровский: Из воспоминаний художника. С. 46–49.

Дворсон Л. Г. Идеи и дела Б. Н. Назаровского//История Прикамья XX века в лицах: Материалы науч.-практ. конф. Пермь, 2001. С. 85—86.

Мишланова Л. В. Как создавалась книга «Памятники истории и культуры Пермской области»//Страницы прошлого: Избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 2001. Вып. 3. С. 219—225.

Курбатов В. Посреди России: [О художнике Е. Н. Широкове, в т. ч. о его портрете Б. Н. Назаровского]/Пермский пресс-центр. 2001. № 10.

Демиденко Т. И. Личные фонды Государственного общественно-политического архива Пермской области как источник изучения истории пермской периодической печати XX века//Периодическая печать Пермской области: история и современность: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 300-летию российской печати. Пермь, 2003. С. 32—34.

* * *

В мире детей: В центр. 6-ке вышел первый номер еженедельного издания «Жизнь детского комитета». Редакторы издания Н. Верховский (15 лет) и Б. Назаровский (15 лет)//Освобождение России. 1919. 18 марта.

Назаровский Б. Н. (1904—1972): [Некролог]/Звезда. 1972. 12 марта; Вечерняя Пермь. 1972. 14 марта.

Черенев Б. Постижение характера//Вечерняя Пермь. 1973. 31 янв.

Гражданин Перми: [Портрет Б. Н. Назаровского]/Уральский следопыт. 1973. № 10: цвет. вкл.

Надеждин Ю. Ф. Свет духовности: [О вечере памяти Б. Н. Назаровского в партийном архиве Пермского обкома КПСС]/Вечерняя Пермь. 1984. 17 марта.

Гладышев В. Ф. Статья человеческая: К 80-летию со дня рождения Б. Н. Назаровского//Светлый путь. 1984. 20 марта.

Гросланд Г. И. Профессия — журналист//Сами о себе. 1991. № 2.

Астафьев В. П. Подводя итоги: [Воспоминания о жизни в Перми и о встречах с Б. Н. Назаровским]/Звезда. 1993. 19, 20 янв.

Петухова Г. След в истории города//Вечерняя Пермь. 1993. 26 февр.

Харитонова Е. Верность//Вечерняя Пермь. 1993. 11 марта.

Петрова Е. Воспоминания о редакторе//Звезда. 1993. 31 марта.

Харитонова Е. Д. Великий гражданин//Досуг. 1993. 9 апр.

- Быстрых Т. И.* Он любил свой край//Звезда. 1993. 19 мая.
- Пермь и пермяки: История в снимках/Фот. Е. Загуляева//Звезда. 1993. 22 июня.
- «Счастливое, хотя и слишком озорное время...»: Письма А. Гайдара Б. Назаровскому//Звезда. 1994. 21 янв.
- Мишланова Л. В.* Кто унаследует?//Вечерняя Пермь. 1994. 10 марта: фот.
- Гроссланд Г.* Уроки редактора Назаровского//Звезда. 1994. 11 марта: ил.
- Куликова Н.* Борис Назаровский — это целое учреждение//Местное время. 1994. 24 марта.
- Черепанова Т.* Дон Кихот журналистики//Пермские новости. 1994. 25 марта. С. 2.
- Мишланова Л. В.* Мария Корякина-Астафьева: «Нет ни слова неправды»//Пермские новости. 1995. 24 янв.
- Завет Назаровского//Пермские новости. 1997. 18 апр. С. 11.
- Юхнов И.* Редактор — величина переменная//Звезда. 1997. 16 мая. С. 4: фот.
- Ничиперович А.* Борис Назаровский//Звезда. 1997. 16 авг.
- Увековечить имя Назаровского//Вечерняя Пермь. 1998. 9 апр.
- Мишланова Л. В.* Наследие Назаровского//Звезда. 1999. 25 марта.
- Ширинкин В. М.* Месяц с Назаровским//Пермяки. 1999. 27 мая. С. 5.
- Ширинкин В. М.* Слово о Назаровском//Звезда. 2002. 12 марта. С. 4.
- Высоты Назаровского: [Открытое письмо пермской общественности о подготовке к 100-летию со дня рождения Б. Н. Назаровского]//Звезда. 2003. 6 марта.
- Журавлев С.* Обратная связь необходима//Звезда. 2004. 9 янв.

**ОПИСЬ ЛИЧНОГО АРХИВНОГО ФОНДА
Б. Н. НАЗАРОВСКОГО В ГОСУДАРСТВЕННОМ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ АРХИВЕ
ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ**

***Государственное областное учреждение «Государственный
общественно-политический архив Пермской области»
(ГОПАПО)***

**Назаровский Борис Никандрович
(1904—1972)**

**журналист, ответственный редактор газеты «Звезда»,
главный редактор Пермского книжного издательства,
общественный деятель, краевед,
член Союза журналистов СССР**

Фонд № 25

Опись № 1

документов постоянного срока хранения

Крайние даты: 1896—1996

Предисловие

к описи № 1 фонда № 25 Назаровского Б. Н.

Назаровский Борис Никандрович (11.03.1904 — 11.03.1972) родился в городе Перми в семье врача. Отец, Никандр Матвеевич, — хирург, мать, Лидия Алексеевна, — фельдшер. В 1914 — 1919 гг. Борис Никандрович учился в Пермском коммерческом училище, после революции преобразованном в кооперативный техникум. В 1920 г. — на социально-политическом отделении факультета общественных наук Пермского государственного университета, в 1927 — 1929 гг. — в аспирантуре Московского института филологии.

Б. Н. Назаровский рано начал работать. С 13 лет репетиторствовал, с июня 1919 года работал библиотекарем. С 1921 г. — на журналистской работе в редакциях пермской «Звезды», московского «Гудка» и снова «Звезды».

В 1928 — 1929 гг. работал старшим ассистентом, доцентом Московского высшего технического училища, в 1929 — 1931 гг. — преподавателем Пермского педагогического института. В 1930 — 1931 гг. был заместителем редактора газеты «Звезда». С 1931 г. — на ответственной работе в редакциях

газет «Уральский рабочий», «Свердловский рабочий», «Омская правда». В 1937 г. Б. Н. Назаровский, будучи исключенным из ВКП(б) по обвинению в укрывательстве врагов народа и снятым с должности редактора газеты «Омская правда», трудился на заводе «Глававтотракторосталь» шлифовщиком, заместителем директора по быту, начальником отдела технического обучения. После реабилитации и восстановления в партии (1938) работал директором Омского драмтеатра (1939—1941).

С 1941 г. Б. Н. Назаровский в Перми на советской работе: референт председателя облисполкома, секретарь облисполкома (1941—1944), заместитель председателя облисполкома (1944—1945). Принимал активное участие в подготовке и проведении конференции АН СССР по изучению производительных сил Пермской области (1945). В 1945—1950 гг. Б. Н. Назаровский — ответственный редактор газеты «Звезда». В 1951—1963 гг. работал в Пермском книжном издательстве, в том числе несколько лет (1954—1960) — главным редактором.

Б. Н. Назаровский избирался депутатом Пермского и Свердловского горсоветов, Пермского областного совета депутатов трудящихся. Был членом бюро Уральского обкома ВКП (б), Обско-Иртышского обкома ВКП(б) и Пермского обкома КПСС. В 1960-е гг. работал внештатным инструктором отдела пропаганды и агитации Пермского обкома партии. Он был членом общества охраны памятников истории и культуры, активно работая в Пермском отделении общества, членом ученого совета областного краеведческого музея. Трудно перечислить все те должности, которые занимал Борис Никандрович помимо основной работы. Круг его интересов был необычайно широк.

В 1943 г. вышла книга, подготовленная Борисом Никандровичем совместно с В. Ф. Тиуновым, об экономическом развитии Прикамья — «Западный Урал» (Ф. 25, оп. 1, д. 238, л. 3).

При непосредственном участии Б. Н. Назаровского вышли в свет такие уникальные книги, как «Листовки пермских большевиков. 1901—1917 гг.» (1958), двухтомная «История Урала» (1963, 1965), «Революционеры Прикамья» (1966), началось издание серии книг «Замечательные люди Прикамья». Он является одним из авторов книги «Аркадий Гайдар на Урале» (1965), которую подготовил совместно с С. М. Гинцем. В 1969 г. вышла книга Б. Н. Назаровского «Замечательное дело». Это книга о тяжбе между рабочими строгановских заводов на Урале и заводоуправлением помещика Строганова по поводу выделения рабочим земли по закону 1862 г. Написанная на архивных источниках, она стала своеобразным комментарием к статье В. И. Ленина «Замечательное дело».

В последние годы жизни Борис Никандрович работал еще над одной книгой о пермском крае, о людях, населяющих его, о природе и назвал ее «Беловодье», но не успел закончить. Сохранилась рукопись книги (Ф. 25, оп. 1, д. 164).

Б. Н. Назаровский постоянно сотрудничал с учеными-историками, экономистами, географами, борясь за историческую правду, вступая в научные споры. В конце 1960-х гг. он обратился с письмами в Пермский обком КПСС, привлёк внимание широкой общественности к фактической дате возникновения Перми в 1723 г. и аргументированно отстоял в открытой полемике свою точку зрения.

Б. Н. Назаровский за трудовые заслуги был награжден орденом Трудового Красного Знамени (1947).

Первое поступление документов Б. Н. Назаровского на хранение в партийный архив Пермского обкома КПСС было в 1967 г. Основная часть их поступила на хранение после смерти Б. Н. Назаровского в 1972 г.

Работа по систематизации и описанию документов проводилась в течение нескольких лет заведующей партийным архивом Пермского обкома КПСС Аликиной Надеждой Алексеевной.

Переработка описи проведена с целью совершенствования научно-справочного аппарата к ней и предстоящей ее публикации.

Документы фонда освещают служебную, общественную и творческую деятельность Б. Н. Назаровского. Эти три вида деятельности настолько переплетались в жизни Бориса Никандровича, что порою было трудно определить четкие грани между ними.

В процессе переработки произошли изменения в систематизации дел в описи. Дела систематизированы по 10 разделам, внутри раздела — по хронологии. Переписки Б. Н. Назаровского (раздел № 5) систематизирована по алфавиту фамилий авторов. При этом письма родственников расположены в разделе № 8 «Документы родственников Б. Н. Назаровского».

Фотодокументы расположены в тех разделах описи, к которым они относятся: фотографии Б. Н. Назаровского — к разделу № 1 «Личные документы Б. Н. Назаровского»; фотографии А. П. Гайдара — к разделу № 4.4 «Документы по созданию книги о А. П. Гайдаре»; фотографии родителей Б. Н. Назаровского — к разделу № 8 «Документы родственников Б. Н. Назаровского».

Подборки газетных публикаций (разделы 9, 10) систематизированы по тематическому принципу.

В процессе переработки отдельные дела были расформированы, уточнены заголовки, даты документов. Не у всех документов удалось устано-

вить даты. В тех случаях, когда установлены ориентировочные даты, они обозначены в квадратных скобках. Документы недатированные расположены в конце разделов.

В состав фонда входят документы автобиографического характера и документы, раскрывающие служебную деятельность Бориса Никандровича (деловые письма, записки, анализ деятельности газеты «Звезда», тексты докладов и выступлений). Творческая деятельность представлена рукописями статей, очерков, книг, рецензий и отзывов на различные издания. В описи имеются документы и материалы, собранные Б. Н. Назаровским для подготовки своих рукописей. Тематика документов творческого характера разнообразна: об истории печати в Прикамье, о связях А. П. Гайдара с Прикамьем, о дате основания города Перми и т. д.

Переписка Б. Н. Назаровского представлена письмами известных писателей, краеведов, журналистов, близких друзей. В описи имеется раздел с документами родственников Бориса Никандровича (автобиографические документы, почетные адреса, письма). Завершают опись подборки из центральных и местных газет, собранные Борисом Никандровичем по самой разной тематике.

К описи составлен научно-справочный аппарат: титульный лист, оглавление, предисловие, именной указатель, переводная таблица.

Документы личного фонда Б. Н. Назаровского являются источником для изучения истории печати и книгоиздательского дела в Прикамье, истории и культуры города Перми.

Документы о Б. Н. Назаровском отложились также в следующих фондах: № 105 «Пермский обком КПСС»; № 8114 «Редакция газеты «Звезда»; № 80 «Первичная организация КПСС редакции газеты «Звезда»; № 600 «Личный фонд Аликиной Н. А.»; № 30 «Личный фонд Альперовича М. С.»; № 6948 «Личный фонд Тиунова В. Ф.»; № 2153 «Архивная коллекция видеодокументов» (Оп. № 6-В, д. 1 — видеофильм «Моя «Звезда». К 80-летию газеты. 1917—1997 гг.).

Ведущий специалист отдела
обеспечения сохранности
и учета документов ГОПАПО
Т. И. ДЕМИДЕНКО.

Протокол ЭПМК комитета по делам архивов Пермской области
от 26.11.2003 № 12.

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
----------	-------------------------	----------------	-----------------	--------------------------------

1. Личные документы Б. Н. Назаровского

1.1. Документы автобиографического характера

1.	1	Автобиографии разных периодов. Удостоверения, выписки из решений партийных органов, отзывы, характеристики, подтверждающие факты биографии. Машинописные, рукописные экз.	1915 — 1960	229
2.	4	Удостоверения, мандаты, санаторные книжки, расчетные книжки.	1923 — 1970	50
3.	3	Документы (заявление, поручительства, апелляция и др.) о вступлении кандидатом в члены ВКП(б) и исключении из партии. Машинописные, рукописные экз.	1928 — 1939	35
4.	3	Личные листки по учету кадров. Рукописные экз.	1941 — 1954	7
5.	5	Почетные грамоты, дипломы, памятные листы. Машинописные, рукописные экз.	1944 — 1967	33
6.	2	Личное дело по учету кадров Пермского книжного издательства Б. Н. Назаровского. Машинописные и рукописные экз.	07 февраля 1951 — 19 апреля 1963	23
7.	3	Документы (заявления, архивные справки, перечень документов) по оформлению пенсии. Машинописные экз.	1951 — 1960	58
8.	7	Пригласительные билеты на торжественные и юбилейные мероприятия, книжные выставки.	1956 — 1967	22

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
9.	14	Письма, просьбы, заявления Б. Н. Назаровского личного характера в областную библиотеку им. А. М. Горького, домоуправления и другие учреждения. Машинописные, рукописные экз.	1964 -- 1972	22

1.2. Поздравления Б. Н. Назаровского с праздниками, юбилеями, награждениями

10.	12	Поздравления историков, журналистов, поэтов, писателей, ветеранов партии, учреждений культуры и др. Рукописные экз.	1926 — 1972	213
11.	11	Поздравления в связи с награждением Б. Н. Назаровского орденом Трудового Красного Знамени (1947) и 40-летием трудовой деятельности (1961). Машинописные, рукописные экз.	1947 — 1961	59
12.	10	Письма и поздравления секретарей Пермского обкома партии К. И. Галаншина, Н. И. Гусарова, К. М. Хмелевского. Машинописные, рукописные экз.	1954 — 1971	47
13.	13	Письма и поздравления от учреждений. Машинописные экз.	1954 — 1968	86

1.3. Дневники Б. Н. Назаровского

14.	8	Дневники Б. Н. Назаровского Том 1. Рукописные экз.	1925 — 1957	237
15.	8	То же. Том 2. Рукописные экз.	1957 — 1959	333
16.	9	Записные книжки разных периодов (восемь записных книжек). Рукописные экз.	6/д	525

№ п/п	Ста- рый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
----------	------------------------------	----------------	-----------------	--------------------------------

1.4. Фотографии

17.	6	Б. Н. Назаровский (слева) и И. К. Будрин.	30 мая 1960	1
18.	6	Б. Н. Назаровский (слева), О. Е. Граевская на встрече в Доме журналистов.	26 декабря 1961	1
19.	6	Б. Н. Назаровский (слева), С. М. Гинц.	1969	1
20.	6	Б. Н. Назаровский. Портреты.	конец 60-х годов XX в.	2
21.	6	Б. Н. Назаровский, С. М. Гинц, М. С. Альперович в областном краевед- ческом музее. Групповой портрет.	1971	1
22.	6	Фотокопия портрета Б. Н. Назаровско- го, написанного Е. Н. Широковым.	1972	1
23.	6	Т. А. Гайдар, С. М. Гинц, Б. Н. Наза- ровский (справа). Групповой портрет.	6/д	1
24.	6	Б. Назаровский, Н. Кондратьев, С. Милицин, А. Плеско. Групповой портрет.	6/д	1

2. Документы служебной деятельности

25.	24	Протокол редакционного совещания, состоявшегося в г. Перми. Стенограмма выступления Б. Н. Назаровского на со- вещании заведующих партийными отде- лами районных газет. Машинописные экз.	24 февраля 1925 — 8 июня 1932	46
26.	23	Документы (рукописи статей, доклад- ные записки, письма) о работе в редак- ции газеты «Омская правда». Отдель- ные номера газеты. Машинописные экз.	1936 — 1964	40

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
27.	35	Текст доклада Б. Н. Назаровского на XIII сессии Молотовского областного совета депутатов трудящихся «О подготовке школ к новому учебному году».	1944	61
28.	35	Текст доклада Б. Н. Назаровского на XV сессии и решение Молотовского областного совета депутатов трудящихся по вопросу «О состоянии детских учреждений и мерах по улучшению их работы».	1945	67
29.	27	Копии постановления обкома ВКП (6) и редакционной коллегии газеты «Звезда» «О работе газеты с письмами трудящихся». Справка ответственного редактора газеты «Звезда» Б. Н. Назаровского «О работе газеты по выполнению постановления ЦК ВКП(6) «О работе Молотовского обкома ВКП(6)». Машинописный экз.	1945 – 1950	44
30.	26, 28	Копии приказов по редакции газеты «Звезда» по основной деятельности, подписанные Б. Н. Назаровским. Справки о работе корреспондента газеты М. Т. Данилкина. Машинописные экз.	02 июня 1946 – 19 января 1949	28
31.	6 №	Телеграмма Б. Н. Назаровского, ответственного редактора «Звезды», Г. Димитрову, Председателю Совета Министров Народной Республики Болгарии. Машинописный экз.	1947	1
32.	26	Текст статьи Б. Н. Назаровского в газете «Звезда» «Воинствующая безграмотность» и письмо в ЦК ВКП(6) по поводу этой статьи. Машинописный экз.	1948	13

№ п/п	Ста- рый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
33.	27	Текст доклада для журналистов «День большевистской печати». Машинописный экз.	1949	31
34.	28	Документы (докладные записки, справки, письмо в КПК при ЦК ВКП(б)) по выполнению постановления ЦК ВКП(б) о работе Пермского обкома ВКП(б). Машинописные экз.	1950	59
35.	29	Обзор местной литературы за 1951 год «К итогам литературного года». Машинописный экз.	1951	51
36.	31	Текст выступления на коллегии Министерства культуры РСФСР. Письма в Пермский обком ВКП(б) и в управление издательств Главиздата Министерства культуры РСФСР по вопросам издания местной литературы. Машинописные экз.	1952 – 1956	18
37.	32	Справка директора Пермского книжного издательства Л. С. Римской о деятельности издательства. Машинописный экз.	1958	18
38.	59	Рукопись «Глубже вникать в жизнь! Заметки о работе молотовских писателей-прозаиков». Машинописный экз.	1950-е годы	65
39.	32	Заключение о рукописи Е. Г. Шадрина «Город и деревня в прошлом, настоящем и будущем». Машинописный экз.	1960	11
40.	32	Документы (копии постановления ЦК ВКП(б) за 1943 г., приказа Министерства культуры РСФСР, докладная записка и др.) о работе Пермского книжного издательства. Машинописные экз.	1960 – 1967	42
41.	32	Рукопись статьи «Заботы местного издательства» для журнала «Коммунист». Машинописный экз.	1960	32

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
42.	32	Текст доклада «Вопросы издания краеведческой литературы». Машинописный экз.	1961	19
43.	65	Документы (план и тезисы доклада, перечень примерных тем, список литературы и др.) к 25-летию Пермской области. Подборка документов об административно-территориальных изменениях в области. Машинописные и рукописные экз.	1962 – 1963	74
44.	46	Анализ публикаций газеты «Звезда» за май – июнь 1965 г. «О профессиональном журналистском уровне «Звезды». Машинописный экз.	1965	18
45.	47	Подборка газетных публикаций (вырезки) о праздновании 50-летия газеты «Звезда».	1967	3
46.	53	Материалы по шефству над газетой «Прогресс». Рукописный экз.	60-е годы XX в.	36
47.	46	Текст статьи «Пусть ярче сияет «Звезда». Анализ газеты «Звезда» за 1922 – 1927 годы. Машинописный и рукописный экз.	6/д	59
3. Документы общественной деятельности				
48.	27	Докладная записка, подготовленная Б. Н. Назаровским «О собрании партактива Кишертского района. 28 января 1949 г.». Машинописный экз.	1949	4
49.	35	Листовка кандидата в депутаты Молотовского областного Совета депутатов трудящихся по Очерскому избирательному округу № 127. Наказ и письма избирателей Очерского избирательного округа.	1949 – 1951	15

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
50.	34	Письма Б. Н. Назаровского в Пермский обком КПСС, редакции центральных газет и журналов по важным, принципиальным вопросам общественной жизни. Машинописные экз.	1949 – 1970	96
51.	28	Документы (вырезки из газет, текст выступления, рабочие записи) по подготовке и проведению Щучье-Озерской районной партийной конференции. Машинописные, рукописные экз.	1950	80
52.	33	Копии и черновики писем Б. Н. Назаровского в ЦК КПСС о работе печати, о гласности, о предложениях в Программу и Устав КПСС. Машинописные и рукописные экз.	15 февраля 1954 – 20 ноября 1962	71
53.	30	Текст доклада «Вопросы литературной критики на втором Всесоюзном съезде писателей и наши задачи» на собрании Пермского отделения Союза писателей. Машинописные экз.	9 марта 1955	60
54.	31	Текст выступления на собрании актива Пермской городской партийной организации по вопросу «Проект директив XX съезда партии по шестому пятилетнему плану и задачи городской партийной организации». Машинописный экз.	1955	5
55.	25	Тексты выступлений Б. Н. Назаровского на пленумах Пермского обкома ВКП(б). Докладные записки о проведении партийных конференций в г. Александровске и г. Соликамске. Машинописные экз.	1947 – 1950	46
56.	32	Тексты выступлений на собраниях первичной партийной организации Пермского книжного издательства, на торжественном заседании ветеранов партии, посвященном 60-летию Мотовилихинского совета рабочих депутатов. Машинописные экз.	1965 – 1969	20

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
57.	44	Текст выступления Б. Н. Назаровского на собрании актива Пермской городской партийной организации о работе редакций многотиражных газет. Машинописный экз.	1965	21
58.	64	Документы (копия решения облисполкома, тексты выступлений Б. Н. Назаровского, обращение и др.) о деятельности добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Машинописные и рукописные экз.	1965 – 1971	46
59.	32	Тексты выступлений на различных конференциях о роли Союза журналистов, об организации фотовыставок и др. Машинописные экз.	1966 – 1969	29
60.	64	Докладная записка секретарю Пермского горкома КПСС о письме В. Я. Головченко в редакцию «Литературной газеты». Машинописные экз.	17 марта 1967	8
61.	64	Тексты выступлений – воспоминаний перед комсомольцами Пермского электроремонтного завода и ПКТБпрома о ячейке РКСМ Пермской городской электростанции. Машинописные экз.	[1967]	8
62.	6 №	Справка «О работе Пермского отделения Союза журналистов».	6/д	21

4. Документы творческой деятельности

4.1. Статьи, рецензии, отзывы

63.	38	Статьи Б. Н. Назаровского, опубликованные в местной печати. Том 1. Вырезки из газет.	1920 – 1954	90
-----	----	--	-------------	----

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
64.	39	То же. Том 2. Вырезки из газет.	1955 — 1971	99
65.	34, 41	Статьи Б. Н. Назаровского. Машинописные экз. Предложения к плану создания книги о героях гражданской войны.	60-е годы XX в.	66
66.	43	Рецензии Б. Н. Назаровского на художественные произведения пермских и московских писателей. Машинописные экз. Том 1.	1959 — 1962	129
67.	42	Рецензии Б. Н. Назаровского на художественные произведения пермских и московских писателей. Машинописные экз. Том 2.	1963 — 1971	106
68.	60	Рукопись «В большую жизнь народа. Заметки о книгах пермских писателей». Машинописные и рукописные экз.	[1960]	68
69.	44	Сценарий праздничного спектакля к 100-летию завода им. В. И. Ленина, подготовленный Б. Н. Назаровским. Машинописный экз.	1963	26
70.	153	Рецензия Б. Н. Назаровского на повесть В. А. Попова. В. А. Попов. Пути-дороги. Повесть. Машинописный и рукописный экз.	1965	178
71.	67	Варианты введения к сборнику «Революционеры Прикамья». Машинописные экз.	[1965]	96
72.	43, 66	Рецензии на рукописи по истории театра, о литературе, искусстве и на кинофильмы. Машинописные и рукописные экз.	1966 — 1971	95
73.	40	Рецензии на сборники документов, краеведческую литературу, воспоминания участников революции. Машинописные экз.	60-е годы XX в.	206

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
74.	66	Подготовительный материал для статьи «Памятник на Вышке». Фотографии памятника разных лет.	1969	180
75.	66	Письмо в редакцию газеты «Вечерняя Пермь», рукопись статьи «Памятник на Вышке». Отзывы и рецензии на рукопись статьи. Машинописные и рукописные экз.	1970	53
76.	66	Статья Б. Н. Назаровского в газете «Вечерняя Пермь» «Памятник на Вышке». Вырезки из газеты.	03—10 ноября 1970	6
77.	6/№	Проспект книги «Трудовой подвиг Западного Урала в Великой Отечественной войне» или «Западный Урал в обороне и наступлении». Листовка книжного издательства о создании этой книги. Машинописные экз.	1970	13

4.2. Документы об истории печати в Прикамье

78.	47	Исторические миниатюры (вырезки из газет о газете «Страда», «Письма рабочим» и др.).	1925—1967	8
79.	48	Письма Б. Н. Назаровского в государственную публичную библиотеку им. В. И. Ленина о 150-летнем юбилее книги «Хозяйственное описание Пермской губернии» и выписки из этой книги. Машинописные и рукописные экз.	1954	56
80.	58	Исторические справки «Печать нашего края», «Из истории издательского дела в Перми». Подборка газетных статей об истории революционной печати. Машинописные экз.	[50-е годы XX в.]	23

№ п/п	Ста- рый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
81.	55	Стенограмма доклада Б. Н. Назаровского «Из истории печати и рабкоровского движения в Прикамье». Машинописный экз.	1960	68
82.	58	Текст статьи «Книги о родном крае». Машинописный экз.	16 сентября 1962	10
83.	63	Тексты статей Б. Н. Назаровского об истории книгоиздательского дела в Прикамье. Подборка журнальных и газетных публикаций о праздновании 400-летия русского книгопечатания. Подготовительный материал к теме. Машинописные и рукописные экз.	1963 – 1964	114
84.	64	Тексты статей Б. Н. Назаровского о работе многотиражных газет «Медик Урала», «Пермский строитель», «Новатор». Письмо в бюро Пермского отделения Союза журналистов СССР об освещении в городских и районных газетах истории революционного движения и социалистического строительства. Машинописные экз.	1964 – 1968	27
85.	45	Дипломная работа А. Г. Никитина «Первая газета пермских большевиков. Газета «Пролетарское знамя» как боевой орган пермских большевиков и исторический источник» с запиской автора, адресованной Б. Н. Назаровскому. Машинописный экз.	1969	111
86.	64	Текст статьи Б. Н. Назаровского «Литература, искусство, культурно-просветительная работа на страницах газеты «Вечерняя Пермь». Машинописный экз.	1971	20

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
87.	45	Тексты статей, записки по теме «Становление большевистской печати на Западном Урале» (о газетах «Пермский край», «Пролетарское знамя», «Красный Урал», «Звезда» и др.). Машинописные экз.	б/д	98

4.3. Документы по подготовке статей

88.	48	Брошюра «Эволюция печати в городе Перми».	1906	12
89.	48, 154	Выписки из рукописи В. А. Весновского «Из воспоминаний уральского газетчика». Копия очерка В. Филова «Тридцать лет (К истории рабочей печати на Урале. К 10-летию «Уральского рабочего»)). Список выдающихся деятелей Пермского края. Машинописные экз.	б/д	63
90.	49, 154	Выписки из газет, аналитические записки, конспекты об истории газет. Рукописные экз.	б/д	219
91.	44	Статья «Хронология вопроса об истории Пролеткульта». Машинописный экз.	б/д	26
92.	62	Рукопись «Настал ли час живописи?» (автор неизвестен). Машинописные экз.	б/д	52
93.	21	Выписки из различных книг и статей по интересующим темам. Рукописные экз.	б/д	106

4.4. Документы по подготовке книги об А. П. Гайдаре

94.	80	А. П. Гайдар «Жизнь ни во что». Фотокопии.	1926	37
-----	----	--	------	----

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
95.	83	Документы (рукописи статей Б. Н. Назаровского, копии архивных документов, текст статьи Е. Ершова, корреспондента газеты «Правда», и др.) о суде над А. П. Гайдаром в связи с публикацией его фельетона «Шумит ночной Марсель...». Машинописные экз.	1926 – 1958	35
96.	83	Документы (копии писем в редакцию газеты «Звезда», архивных документов) о публикации в газете «Звезда» фельетона А. П. Гайдара «Альбом в стихах». Машинописные экз.	1926	14
97.	75	Подборка журнальных и газетных публикаций о А. П. Гайдаре.	1950 – 1971	116
98.	72	Рукопись С. Гинца и Б. Назаровского «Аркадий Гайдар в Перми». Машинописный экз.	1951	88
99.	84	Подготовительные материалы для книги «Гайдар в Перми». Рукописные экз.	[50-е годы XX в.]	260
100.	84	Рукопись статьи Б. Н. Назаровского «О писателе А. П. Гайдаре». Рукописный экз.	1953	31
101.	74	Подготовительные документы к биографии и библиографии о А. П. Гайдаре. Машинописные экз.	6 / д	173
102.	83	Рукописные записи, выписки из различных изданий о А. П. Гайдаре.	(50 – 60-е годы XX в.)	55
103.	76	Рассказ А. П. Гайдара «Пути-дороги», опубликованный в газете «Литературная Россия» и в журнале «Уральский следопыт» с аннотацией Б. Н. Назаровского. Варианты сценария о А. П. Гайдаре для телевидения. Типографские и машинописные экз.	1961 – 1962	52

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
104.	78	Документы (приглашения, программа, письмо) о торжественном вечере, посвященном 60-летию А. П. Гайдара, в Перми и межвузовских научно-теоретических конференциях, посвященных изучению творческого наследия А. П. Гайдара в Арзамасе. Типографские экз.	1964 – 1969	12
105.	78	Перечень иллюстраций к книге «А. П. Гайдар на Урале». Переписка Б. Н. Назаровского по публикации статей о А. П. Гайдаре. Фрагменты из книги о Гайдаре. Машинописные экз.	[1961]	82
106.	83	Текст статьи Б. Н. Назаровского «Гайдар в газете» к 60-летию А. П. Гайдара. Копия фельетона А. П. Гайдара «Сознательность желудка». Машинописные экз.	1964	6
107.	71	Рукопись Б. Н. Назаровского «Гайдар и Лбов (Страницы к биографии А. Гайдара)», направленная в редакцию журнала «Урал». Машинописный экз.	1964	96
108.	68, 43, 78	Письма, отзывы, рецензии, газетные статьи на книгу С. Гинца и Б. Назаровского «Аркадий Гайдар на Урале».	1965 – 1969	136
109.	81, 68, 78	Письма пионеров, школьников в адрес Б. Н. Назаровского с просьбами поделиться воспоминаниями о А. П. Гайдаре и выслать книгу «А. П. Гайдар на Урале». Машинописные и рукописные экз.	1966 – 1970	67
110.	84	Сценарий телепередачи о А. П. Гайдаре «Снова в строю», подготовленный С. М. Гинцем и Б. Н. Назаровским. Машинописный экз.	1968	23

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
111.	73	Статьи, заметки, сценарий об А. П. Гайдаре. Машинописный экз.	6/д	96

4.4.1. Переписка Б. Н. Назаровского с А. П. Гайдаром и его родными

112.	70	Письма А. П. Гайдара Б. Н. Назаровскому (машинопись и фотокопии). Письма Центрального государственного архива литературы и искусства СССР Б. Н. Назаровскому о высылке подлинных писем А. П. Гайдара.	1926 – 1932	51
113.	69	Переписка Б. Н. Назаровского с Л. Л. Соломянской, Г. Н. Плеско и Т. А. Гайдаром о подготовке книги о А. П. Гайдаре. Воспоминания А. Орлова о Гайдаре в период Великой Отечественной войны. Машинописные и рукописные экз.	1960 – 1964	139

4.4.2. Фотографии А. П. Гайдара

114.	77	Сотрудники редакции газеты «Звезда» (снизу вверх) А. П. Гайдар, Л. П. Неверов, Б. Н. Назаровский, А. В. Плеско, В. Блок. Групповой портрет.	1925	1
115.	77	То же. Негатив.	1925	3
116.	77	Сотрудники редакции газеты «Звезда». Групповой портрет.	1925	1
117.	77	Сотрудники редакции газеты «Звезда» А. П. Гайдар (второй слева), Г. Н. Плеско (в центре), Б. Н. Назаровский (слева от Плеско Г. Н.). Групповой портрет.	1926	1

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
118.	77	То же. Негатив.	1926	2
119.	77	Сотрудники редакции газеты «Звезда» Степан Милицин (слева), А. П. Гайдар (справа).	[1925 — 1926]	1
120.	77	А. П. Гайдар с сыном Тимуром.	1935	3
121.	77	Момент закладки гайдаровской библиотеки-музея в городе Каневе (Украина).	12 сентября 1964	1
122.	77	Л. Л. Соломянская (жена А. П. Гайдара), Т. А. Гайдар (сын А. П. Гайдара), Егор Гайдар (внук А. П. Гайдара). Групповой портрет.	1967	1
123.	77	А. П. Гайдар. Портреты.	6/д	8
124.	77	То же. Негативы.	6/д	2
125.	77	Т. А. Гайдар, С. М. Гинц, Б. Н. Назаровский. Групповой портрет.	6/д	3
126.	77	Л. Л. Соломянская, жена А. П. Гайдара. Портрет.	6/д	3
127.	77	Т. А. Гайдар, сын А. П. Гайдара. Портрет.	6/д	1
128.	79	Фотовыставка «Аркадий Гайдар на Урале», подготовленная фотостудией «Кама». Набор открыток «Аркадий Гайдар» (иллюстрации к произведениям писателя). Фотокопии заголовков книг, газетных статей.	6/д	43

4.5. Документы по созданию очерка об А. М. Лбове

129.	85	Автобиографии Лбова Александра Михайловича и материалы к ней. Машинописные копии.	1956 — 1959	17
------	----	---	-------------	----

№ п/п	Ста- рый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
130.	87	Доклад о А. М. Лбове, прочитанный в областном краеведческом музее перед ветеранами партии. Машинописный экз.	1965	186
131.	88	Фрагменты доклада о А. М. Лбове. Машинописные экз.	1965	224
132.	92	Очерк Б. Н. Назаровского об А. М. Лбове для сборника «Революционеры Прикамья». Обзор «Лбов и лбовщина в оценке советских историков». Рецензии на книги, имеющие отношение к А. М. Лбову.	1965 — 1967	100
133.	95	Копии газетных статей по Декабрьскому вооруженному восстанию 1905 года, о Мотовилихе и А. М. Лбове за 1905 — 1909 гг. и подборка газетных статей, посвященных 60-летию восстания. Типографские экз.	1965	94
134.	86	Неопубликованные статьи о А. М. Лбове. Материалы по подготовке этих статей. Машинописные экз.	[60-е годы XX в.]	142
135.	89	Подготовительные материалы для очерка о А. М. Лбове. Рукописные экз.	[60-е годы XX в.]	167
136.	90	Переписка Б. Н. Назаровского с авторами воспоминаний о А. М. Лбове, выписки из воспоминаний о нем. Рукописные и машинописные экз.	[60-е годы XX в.]	89
137.	91	Хроника партизанских выступлений в Прикамье (1906 — 1907), составленная Б. Н. Назаровским по документам ГАПО. Машинописный экз.	[60-е годы XX в.]	49
138.	96	Библиография по теме «Лбов и лбовщина». Машинописный и рукописный экз.	[60-е годы XX в.]	85

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
139.	97	Архивные выписки и копии документов о А. М. Лбове (записи сделаны Н. А. Аликиной). Машинописные и рукописные экз.	[60-е годы XX в.]	111
140.	94	Копии статей и выписки из статей о А. М. Лбове, лбовщине, партизанском движении в революции 1905—1907 гг. в России. Машинописные экз.	[60-е годы XX в.]	120
141.	99	Копия рассказа Б. Н. Никонова «Гражданское мужество», опубликованного в приложении к журналу «Нива» за 1908 г.	6/д	17
142.	98	Фотографии А. М. Лбова и лбовцев.	6/д	3

4.6. Документы о подготовке книги «Замечательное дело»

143.	102	Заявка в книжное издательство о включении в план книги Б. Н. Назаровского «Замечательное дело». Переписка с учреждениями и отдельными лицами по сбору материала для книги. Машинописные экз.	1961—1969	96
144.	103	Переписка с ИМЛ при ЦК КПСС по поводу комментариев к статье В. И. Ленина «Замечательное дело» и справка, поясняющая название этой статьи. Машинописные экз.	12 февраля 1961 — 22 апреля 1961	14
145.	109	Эпиграфы, иллюстрации, карты к книге «Замечательное дело». Переписка по розыску их и снятию копий. Машинописные экз.	1969	70
146.	100	Рукопись книги «Замечательное дело» (3-й экз). Машинописный экз.	1969	312

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
147.	101	Вариант рукописи книги «Замечательное дело», сданный в книжное издательство. Машинописный экз.	1969	395
148.	104	Текст статьи «За ленинской строкой. Замечательное дело» в газету «Звезда». Машинописный экз.	1969	39
149.	106	Хроника событий за 1861 — 1914 гг., составленная при подготовке рукописи «Замечательное дело». Рукописный экз.	[60-е годы XX в.]	150
150.	107	Выписки Б. Н. Назаровского из архивных источников и публикаций при подготовке книги «Замечательное дело». Рукописные экз. Том 1.	[60-е годы XX в.]	112
151.	107	То же. Том 2.	[60-е годы XX в.]	198
152.	107	То же. Том 3.	[60-е годы XX в.]	156
153.	107	То же. Том 4.	[60-е годы XX в.]	240
154.	107	То же. Том 5.	[60-е годы XX в.]	120
155.	108	То же. Том 6. Машинописные экз.	[60-е годы XX в.]	90
156.	105	Рецензии на рукопись и на изданную книгу «Замечательное дело». Подборка газетных статей о книге. Машинописные экз.	1970	58
157.	105	Письма Б. Н. Назаровского в ИМЛ при ЦК КПСС, редакцию очерской газеты «Знамя труда», журналистам и ученым о высылке книги «Замечательное дело». Перечень рассылки книги, составленный Б. Н. Назаровским. Машинописные и рукописные экз.	1970	25

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
158.	105	Отзывы читателей, поздравления в связи с выходом книги «Замечательное дело». Подборка статей в журнале «Урал» и в газетах о книге. Рукописные и типографские экз.	1970	32

4.7. Документы по созданию книги «Беловодье»

159.	121	Газетные статьи, заметки, иллюстрации о медведе и природе. Типографские экз.	1966 – 1971	222
160.	123	«Справка о волхвах, скоморохах и много о медведе», составленная Б. Н. Назаровским. Письмо Н. А. Аликиной об истории вопроса о жертвенных приношениях богам. Фрагменты текста лекции о геральдике. Машинописные экз.	1968 – 1970	99
161.	116	Проспект книги «Слово в защиту медведя». Выдержки из книг, журналов, газет о медведе. Письмо И. Б. Брайнина. Машинописные экз.	1969	82
162.	117	Текст лекции «Слово в защиту медведя». Машинописный экз.	[1969]	26
163.	118	Ксерокопии из книг, вырезки из журналов о медведе.	[60-е годы XX в.]	84
164.	126	«Беловодье». Машинописный экз. рукописи неоконченной книги.	[1971]	46
165.	126	Подготовительный материал к рукописи книги «Беловодье». Рукописный экз.	6/д	152
166.	119	Письма на телестудию по подготовке телепередачи о медведе. Текст доклада «Почему пермский медведь?» Машинописные экз.	6/д	101

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
167.	122	Книжки, открытки, картинки о медведе. Типографские экз.	б/д	83
168.	129	Конспекты Б. Н. Назаровского о медведе (восемнадцать тетрадей). Рукописные экз.	б/д	380
169.	120	Конспекты, выписки, заметки о медведе. Рукописные экз.	б/д	210
170.	127	Конспекты по языческой религии. Рукописные экз.	б/д	77
171.	124	Библиография, листы-требования в библиотеку на литературу о медведе. Рукописные экз.	б/д	242
172.	128	Библиография по теме о медведе (девять конвертов с карточками). Рукописные экз.	б/д	509

4.8. Документы о дате основания города Перми и подготовке книги об истории Перми

173.	125	Документы (историческая справка о пермском гербе, копия решения Пермского горсовета депутатов трудящихся, буклет «Герб города Перми» и др.) о разработке герба г. Перми. Машинописные и типографские экз.	1967 – 1970	54
174.	115	Статьи из газеты «Молодая гвардия», опубликованные по поводу обсуждения вопроса о дате основания г. Перми. Типографские экз.	1968	9
175.	111	Выписки из статьи [Ф. С. Горового] «О дате основания г. Перми». Текст статьи Б. Н. Назаровского «Несколько замечаний по поводу статьи «О дате основания г. Перми». Машинописные экз.	[1968]	57

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
176.	111, 114	Тексты статей Б. Н. Назаровского о дате основания Перми с критикой концепции профессора Ф. С. Горового на эту тему. Машинописные экз.	15 мая 1971 — 10 декабря 1971	198
177.	110	Письма Б. Н. Назаровского в Пермский горком КПСС, Институт истории Академии наук СССР, ЦК КПСС и другие учреждения по обоснованию даты возникновения г. Перми. Машинописные копии.	1971	32
178.	110	Предложения Б. Н. Назаровского о плане мероприятий в связи с предстоящим празднованием 250-летия г. Перми. Машинописный экз.	1971	11
179.	112	Варианты текста сообщения Б. Н. Назаровского «Некоторые вопросы истории г. Перми» для всесоюзной научной сессии АН СССР по исторической географии. Машинописные экз.	1971 — 1972	130
180.	113	План и проспект книги о Перми. Машинописные экз.	[1971	53
181.	115	Рабочие записи, фрагменты статей, выступлений по вопросу о дате основания г. Перми. Рукописные и машинописные экз.	6/д	117
182.	115	А. С. Черкасова, «Горнозаводские центры Среднего Урала в XVIII веке». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук с дарственной надписью для Б. Н. Назаровского. В. А. Оборин, «Пермские первопоселенцы», статья, опубликованная в газете «Звезда». Типографские экз.	6/д	13

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
183.	115	Рабочие тетради с записями из архивных источников и книг по вопросу истории г. Перми. Рукописные экз.	б/д	244
184.	110	Переписка Н. А. Аликиной, заведующей партийным архивом Пермского обкома КПСС, с ученым секретарем научного совета по исторической географии и картографии АН СССР о представлении текста сообщения Б. Н. Назаровского «О некоторых вопросах истории г. Перми» для включения в программу всесоюзной научной сессии по исторической географии и картографии. Машинописные экз.	05 мая 1972 — 19 сентября 1972	27
185.	110	В. М. Михайлюк. Город мой Пермь. Пермь, 1972. Книга с дарственной надписью, посвященной памяти Б. Н. Назаровского.	1972	171
186.	110	Приглашение, программа, решение научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми», посвященной 250-летию города. Типографский экз.	1972	10

4.9. Тексты лекций и докладов и подготовительный материал к ним

187.	36	Тексты докладов по философии, подготовленные в период учебы в институте философии. Том 1.	1927 — 1929	160
188.	36	То же. Том 2.	1927 — 1929	180
189.	228	Работа Б. Н. Назаровского «Россия в период столыпинской реакции», подготовленная в период обучения в заочной Высшей партийной школе по курсу истории СССР. Машинописный экз.	[1944]	52

№ п/п	Ста- рый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
190.	62	Текст доклада к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Машинописный экз.	1949	45
191.	37	Конспекты по теме «Ницше и фашизм», «Ницше и культ личности». Машинописные и рукописные экз.	50-е годы XX в.	159
192.	61	Текст лекции «Антинародная сущность культа личности. Из истории идей». Машинописный экз.	50-е годы XX в.	45
193.	61	Тетрадь с записями по вопросу о культе личности. Рукописный экз.	50-е годы. XX в	28
194.	55	Материалы к докладу «Ленин и книга». Рукописные экз.	1960	68
195.	57	Текст лекции «Как делать популярную книжку». Рабочие записи о публицистике для обсуждения в Доме журналиста. Машинописные и рукописные экз.	1960 – 1963	129
196.	52	Подборки газетных и журнальных публикаций к лекциям о публицистике.	1964 – 1966	68
197.	56	Текст лекции «В. И. Ленин — редактор и публицист» и материалы к ней. Рукописные экз.	[1969]	185
198.	55	Текст лекции «Редактирование как творческий процесс». Рукописный экз.	6/д	41
199.	50	Тексты лекций о публицистике, прочитанные в университете марксизма-ленинизма. Рукописные экз.	6/д	183
200.	51	Текст выступления на семинаре по теме «Коммунизм и всестороннее развитие личности». Подготовительные материалы к теме. Рукописные экз.	6/д	127

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
201.	54	Текст лекции для семинарского занятия по марксистско-ленинской эстетике. Рукописный экз.	6/д	80
202.	22	Рукописные доклады, конспекты по интересующим темам.	6/д	75

5. Переписка Б. Н. Назаровского

203.	130	Письма М. С. Альперовича. Рукописные экз.	21 мая 1920 — 13 июня 1957	99
204.	131	Письма Б. Н. Назаровского Н. А. Аликиной. Машинописные экз.		31
205.	132	Письма В. П. и М. С. Астафьевых. Рукописные экз.	1961 — 1971	36
206.	132	Копии писем Б. Н. Назаровского В. П. и М. С. Астафьевым. Записи Б. Н. Назаровского о творчестве В. П. Астафьева. Машинописные и рукописные экз.	1971 — 1972	27
207.	133	Копии писем Б. Н. Назаровского И. Б. Брайнину. Машинописные экз.	30 июля 1969 — 05 февраля 1972	156
208.	134	Письма И. Б. Брайнина. Рукописные экз.	01 апреля 1969 — 23 ноября 1974	77
209.	135	Письма П. Варасова. Рукописные экз.	19 мая 1925 — 23 апреля 1928	57

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
210.	136	Переписка Б. Н. Назаровского с А. Г. Кравченко. В деле есть телеграмма о смерти Я. А. Спунде и текст некролога, написанный Б. Н. Назаровским. Машинописные и рукописные экз.	07 мая 1957 — 31 января 1972	35
211.	137	Письма А. И. Мильчакова. Рукописные экз.	28 ноября 1963 — март 1971	19
212.	138	Письма Л. П. Неверова. Рукописные экз.	20 марта 1928 — 24 августа 1962	81
213.	139	Копии писем Б. Н. Назаровского Л. П. Неверову. Машинописные экз.	21 июля 1945 — 24 июля 1963	59
214.	140	Письма И. Л. Орестова и несколько копий ответов. Рукописные и машинописные экз.	18 января 1920 — 12 февраля 1971	241
215.	141	Письма Ольги Леонидовны Орестовой и копия одного ответа. Рукописные и машинописные экз.	август 1922 — 18 августа 1971	237
216.	142	Письма Олега Леонидовича Орестова. Рукописные экз.	10 февраля 1939 — 23 июня 1939	11
217.	143	Письма Г. Н. и З. А. Плеско. Рукописные экз.	18 августа 1943 — 1971	70
218.	144	Письма А. В. Плеско. Рукописные экз.	16 сентября 1925 — 09 июля 1930	81

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
219.	145	Письма Е. А. Пермяка. Рукописные экз.	29 марта 1958 — 27 октября 1971	87
220.	146	Переписка с Л. Л. Соломянской. Машинописные и рукописные экз.	12 марта 1954 — 18 августа 1971	209
221.	147	Письма З. Л. Соломянской и ее дочери. Рукописные экз.	19 сентября 1935 — 01 марта 1972	26
222.	148	Письма С. С. Сенкевича, Л. С. Рим- ской, Г. П. Рычковой. Рукописные экз.	16 декабря 1963 — 19 мая 1971	42
223.	149	Письма старых друзей (Астахова, Гин- ца, Милицина, Чердынцева, Шейкман и др.). Рукописные экз.	18 мая 1929 — июль 1971	184
224.	150	Копии писем Б. Н. Назаровского раз- ным корреспондентам и несколько пи- сем в редакцию.	1963 — 1971	86

6. Документы о пермских писателях

225.	132	Отзывы, статьи в средствах массовой информации о творчестве В. П. Аста- фьева. Произведения В. П. Астафьева, опубликованные в газетах и журналах. Типографские экз.	1964 — 1971	49
226.	216	Подборки газетных статей о А. М. Граев- ском. Фотография А. Граевского.	[1959 — 1960]	6
227.	151. 216	Документы (отзывы, рецензии, вырезки из газет) о творчестве Л. Давыдычева. Машинописные и рукописные экз.	1957 — 1960	106

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
228.	216	Подборка газетных вырезок с очерком В. М. Михайлюка «Березовый сок. Дурьманский дневник».	1964 – 1966	7
229.	216	Подборка газетных статей А. Г. Никитина с пометками Б. Н. Назаровского	1958 – 1968	18
230.	216	Подборка газетных статей о Е. А. Пермяке	1960 – 1971	7
231.	216	Подборка газетных статей Д. Г. Ризова с пометками Б. Н. Назаровского.	1965 – 1967	26
232.	152	Биографические справки, газетные статьи, статьи о писателях, журналистах, краеведах, перепечатанные из книг. Машинописные и типографские экз.	1954 – 1970	106
233.	215	Подборки газетных статей, рассказов, очерков, стихов, отрывков из романов пермских писателей и поэтов.	1961 – 1971	195
234.	215	Подборки газетных статей о юбилеях писателей и поэтов Прикамья.	1964 – 1971	19

7. Документы о Б. Н. Назаровском

235.	6	Некрологи, опубликованные в местных газетах в связи с кончиной Б. Н. Назаровского.	12 – 14 марта 1972	4
236.	155	Воспоминания о Б. Н. Назаровском журналиста В. И. Аборкина. Рукописный экз.	1978 1994	8
237.	155	Воспоминания о Б. Н. Назаровском директора областного краеведческого музея Л. Г. Дворсон. Рукописный экз.	[1978]	2
238.	155	Воспоминания о Б. Н. Назаровском профессора Пермского государственного университета им. А. М. Горького В. Ф. Тиунова. Машинописный экз.	1978	6

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
239.	6/н	Гражданин Перми. Сборник памяти Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа. Пермь, 1993. Сборник подготовлен Пермской областной универсальной библиотекой им. А. М. Горького.	1993	85

8. Документы родственников Б. Н. Назаровского

8.1. Документы отца — Никандра Матвеевича Назаровского

240.	16	Документы (завещания, паспорт, удостоверения и др.) Н. М. Назаровского.	1896 — 1958	27
241.	15	Памятные адреса отца — Никандра Матвеевича Назаровского.	1903 — 1917	7
242.	16	Фотографии Н. М. Назаровского.	6/д	4

8.2. Документы матери — Лидии Алексеевны Назаровской (Кузницыной)

243.	16	Документы (автобиография, свидетельства, трудовая книжка и др.) Лидии Алексеевны Кузницыной-Назаровской.	1897 — 1939	32
244.	17	Письма Л. А. Назаровской.	1923 — 1961	65
245.	18	Письма Б. Н. Назаровского матери.	1923 — 1952	68
246.	16	Письма Л. А. Назаровской сыну.	1934	91
247.	19	Письма Светланы Назаровской Л. А. Назаровской.	1934 — 1954	67
248.	20	Письма к Л. А. Назаровской от В. Зайончковской и А. Соловьевой.	[1951 — 1954]	56
249.	20	Письма Б. Н. Назаровскому от родных и друзей.	1937 — 1954	42

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
9. Подборки публикаций из центральных газет об общественно-политической и культурной жизни страны, по краеведческой тематике				
250.	189	Раскольническая политика Китая. Том 1.	1952 – 1971	235
251.	190	То же. Том 2.	1943 – 1941	136
252.	191	События в Венгрии в 1956 г. Кубинская революция.	1956, 1962 – 1963	42
253.	156	Постановления ЦК КПСС.	1954 – 1972	148
254.	164	Газета «Правда» с материалами XIX съезда КПСС.	20 августа 1952 – 15 октября 1952	50
255.	165	То же о XX, XXII съездах КПСС.	1956, 1961	103
256.	159	Великая Октябрьская социалистическая революция. Воспоминания ветеранов. Об издании многотомной «Истории КПСС».	1955 – 1967	61
257.	171	40 лет Великой Октябрьской социалистической революции.	1957 – 1958	55
258.	158	Партийная жизнь. Вопросы теории научного коммунизма.	1956 – 1971	97
259.	162	Выдающиеся деятели КПСС и международного коммунистического движения.	1949 – 1970	157
260.	157	В. И. Ленин.	1957 – 1970	98
261.	163	И. В. Сталин.	1937 – 1956	294
262.	160	Поиски ленинских документов. Архивное дело. Историческая наука.	1961 – 1967	19
263.	167	Пролетарский интернационализм. 100-летие I Интернационала. К. Маркс, Ф. Энгельс.	1956 – 1969	25

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
264.	161	Идеологическая борьба.	1960 — 1971	138
265.	175	Личность и социализм.	1954 — 1972	43
266.	166	История комсомола.	1956 — 1970	37
267.	168	О ходе Великой Отечественной войны. Том 1.	1941 — 1943	71
268.	169	То же. Том 2.	1944 — 1945	100
269.	169	Нюрнбергский процесс.	1945 — 1946	39
270.	170	Из истории Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.	1945 — 1970	41
271.	172	Социалистическое соревнование. Брига- ды коммунистического труда.	1960 — 1964	18
272.	176	Освоение космоса.	1960 — 1971	112
273.	173	Сельское хозяйство. Третий Всесоюзный съезд колхозников.	1948 — 1969	29
274.	179	Общие вопросы культуры и искусства. Лауреаты Государственных и Ленинских премий.	1950 — 1970	77
275.	180	Редактирование, издательское дело.	1951 — 1971	46
276.	181	Советская литература. Том 1.	1946 — 1958	150
277.	182	То же. Том 2.	1960 — 1961	144
278.	183	То же. Том 3.	1962 — 1963	156
279.	184	То же. Том 4.	1964 — 1966	160
280.	185	То же. Том 5.	1967 — 1972	154
281.	187	История печати. Том 1.	1946 — 1960	101
282.	186	То же. Том 2.	1961 — 1965	150

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
283.	188	Изобразительное искусство. Музыка, театр, кино.	1960 – 1971	267
284.	174	Средняя школа. Высшая школа. Наука.	1958 – 1972	79
285.	177	Краеведение. Охрана памятников истории и культуры.	1958 – 1970	36
286.	178	Охрана природы.	1962 – 1972	45

**10. Подборки публикаций из местных газет
об общественно-политической и культурной жизни Прикамья,
по краеведческой тематике**

287.	193	Конференции, пленумы, собрания партийного актива областной партийной организации. Том 1.	1951 – 1956	128
288.	194	То же. Том 2.	1957 – 1961	61
289.	195	То же. Том 3.	1962 – 1971	74
290.	192	В. И. Ленин и Прикамье. Н. К. Крупская.	1957 – 1971	86
291.	204	Революционеры Прикамья.	1961 – 1971	83
292.	200	Материалы к 40-летию и 50-летию советской власти.	1957 – 1971	81
293.	197	История партийной организации Прикамья.	1954 – 1971	153
294.	201	Из истории комсомольской организации Прикамья.	1959 – 1972	158
295.	202	Из истории пионерской организации Прикамья.	1962 – 1971	22
296.	198	Из истории гражданской войны на Урале.	1958 – 1971	86

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
297.	199	Пермская область в годы Великой Отечественной войны.	1941 – 1971	178
298.	196	О Пермской области в центральных газетах. Выступления пермяков на сессиях Верховного Совета, пленумах, всесоюзных совещаниях. Письма трудовых коллективов т. Сталину.	1947 – 1971	164
299.	203	Интернациональные связи трудящихся Прикамья.	1951 – 1970	25
300.	205	Активные строители социализма Прикамья.	1954 – 1971	44
301.	208	Промышленность Прикамья. Том 1.	1946 – 1960	159
302.	209	То же. Том 2.	1961 – 1964	164
303.	210	То же. Том 3.	1965 – 1972	118
304.	211	Сельское хозяйство Прикамья.	1951 – 1971	186
305.	212	Развитие социалистического соревнования в Прикамье. Бригады коммунистического труда. Трудовые династии.	1958 – 1971	60
306.	223	Пермская пятидневка. Награждение пермяков орденами и медалями. Пермские пограничники, участвовавшие в вооруженном конфликте на границе с Китаем.	1966 – 1967	75
307.	213	История заводов, городов и поселков Прикамья. Коми-Пермяцкий национальный округ.	1949 – 1972	112
308.	207	Из истории пароходства на Каме.	1961 – 1971	83
309.	214	История печати, журналистика Прикамья.	1948 – 1972	154

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
310.	222	Отдельные номера однодневных, многотиражных газет и бюллетеней.	1958 — 1969	42
311.	215	Писатели и поэты Коми-Пермяцкого национального округа. Рецензии на книги, сборники стихов.	1950 — 1971	74
312.	215	Литературоведческие статьи о жанрах, о молодых писателях, о тематической проблематике литературного творчества.	1951 — 1971	90
313.	217	Литературное Прикамье.	1954 — 1971	212
314.	218	Рецензии на художественную литературу, изданную в Перми.	1951 — 1957	138
315.	219	Рецензии на общественно-политическую литературу, изданную в Перми.	1951 — 1970	189
316.	220	Изобразительное искусство Прикамья.	1953 — 1972	223
317.	221	Театр, музыка, кино, телевидение, фотография.	1949 — 1972	202
318.	223	Из истории города Перми.	1948 — 1972	125
319.	223	О вручении ордена Ленина Пермской области (1967) и г. Перми (1971).	1967 — 1971	20
320.	223	О пребывании космонавтов П. И. Беляева и А. А. Леонова в Перми.	1965 — 1967	16
321.	224	Краеведение. Клуб следопытов. Народные музеи, краеведы. Охрана памятников истории и культуры. Герб г. Перми. Народные промыслы.	1963 — 1972	25
322.	225	Страницы местной истории.	1954 — 1971	119
323.	206	Некрологи на известных людях Прикамья.	1954 — 1971	67
324.	216	Об И. А. Лунегове.	1967 — 1970	10

№ п/п	Старый номер дела	Заголовок дела	Крайние даты	Кол- во листов в деле
325.	216	Об А. К. Шарце.	1962 – 1967	12
326.	216	Об Ольге Волконской.	1960 – 1964	6
327.	226	Природа Прикамья.	1951 – 1971	161
328.	227	Кама зовет на выручку. О борьбе с загрязнением рек в области.	1960 – 1972	53

11. Документы о фонде

329	1	Обзор фонда № 25 Назаровского Бориса Никандровича «История Прикамья в судьбе человека», подготовленный директором Государственного архива новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области В. Г. Светлаковым.	1996	14
330		Переработанная опись № 1.		

Итого в описи числится 330 (триста тридцать) ед. хр. с № 1 по № 330.

Комментарии и примечания подготовлены, в основном, составителем сборника Т. И. Быстрых. В тех случаях, когда они составлены Б. Н. Назаровским или авторами воспоминаний, это отмечено в примечаниях. Сведения о людях, часто упоминающихся на страницах книги, приведены в комментариях к первому упоминанию; в дальнейшем пояснения не даются.

ВОСПОМИНАНИЯ, ОЧЕРКИ, СТИХИ

В. А. Агеева

«Я перебралась к Назаровским...»

Валерия Агеева родилась в Кунгуре 11 марта (26 февраля по ст. ст.) 1904 г. — в один день и в один год с Б. Н. Назаровским. Ее мать, Таисия Васильевна, была дочерью владельца кожевенных заводов В. Т. Фоминского. В тринадцать лет она осталась сиротой. Училась в Петербурге на Бестужевских курсах, но была выслана домой под надзор полиции за участие в студенческой демонстрации. Вышла замуж за инженера Арсения Григорьевича Агеева. Т. В. и А. Г. Агеевы активно участвовали в революционных событиях 1905—1907 гг. Впоследствии Таисия Васильевна отошла от активной революционной деятельности, занималась благотворительностью, открыла школу и театр в Кунгуре. Тем не менее супруги были членами партии Народной свободы, баллотировались в Учредительное собрание. А. Г. Агеев был очень известным политическим деятелем в Кунгуре, особенно в конце 1917—начале 1918 г. Октябрьскую революцию он категорически не принимал и противостоял преобразованиям большевиков. В феврале 1918 г. в Кунгуре по просьбе властей остановился для наведения революционного порядка направлявшийся по железной дороге на Дутовский фронт карательный отряд А. Л. Борчанинова. Были убиты многие известные общественные деятели, в том числе и супруги Агеевы. Их расстреляли в самом центре города, на льду р. Сылвы. Тела были спущены в прорубь. (Подробнее об этом см.: Быстрых Т. И. Пьяный обыск: Неизвестная страница биографии пермского чекиста А. Л. Борчанинова// Вечерняя Пермь. 1990. 7 июля). Таким образом, по роковой случайности Валерия Агеева стала сиротой тоже в тринадцать лет, как и ее мать. Девочку по очереди укрывали у себя друзья и знакомые Агеевых. Летом 1919 г. с семьей пермяков Ольховых она оказалась в Омске. Глава семьи служил в штабе А. Н. Пепеляева. Здесь Валерия начала вести дневник и вела его в дальнейшем в течение всей жизни, явно несложившейся. К сожалению,

восприятие девочкой окружающей среды и важнейших для истории страны событий, очевидцем которых она оказалась, было неглубоким, поверхностным. Тем не менее многие страницы ее дневников представляют несомненный интерес. В частности, приведенное здесь описание жизни ее в семье Назаровских.

Люся — домашнее имя сестры Б. Н. Назаровского Ольги Никандровны. Фотография «коммуны у Назаровских» сохранилась у Натальи Борисовны Назаровской и помещена в настоящей книге.

Сохранившиеся дневники были переданы художницей А. И. Самойловских в Кунгурский городской архив. Публикуемые заметки взяты из материалов, хранящихся в семье дальнего родственника Агеевых В. П. Чебуркина. В фонде Б. Н. Назаровского сохранилось письмо к нему Валерии Арсеньевны Зайончковской (бывшей Агеевой) от 28 июля 1948 г.:

Уважаемый Борис Никандрович!

Правда, 30 лет тому назад Вы были просто Боря и «ты», а я была Валя, да еще «Пим». Но теперь я не уверена даже, интересно ли будет Вам получить от меня весточку, ведь за это время люди слишком сильно изменились.

Дело в том, что я в этом году имела очень сильное желание побывать на родине: до Молотова на пароходе, а затем проехать в Кунгур. Послала запрос в адресный стол в Молотов о Вас, как о самом молодом из семьи и ни при каких обстоятельствах не изменившим фамилии. Хотелось повидаться. Я живу в Москве с 1928 года. Поездка моя, по-видимому, не состоится, и я решила написать Вам и узнать о Лидии Алексеевне и о Люсе. Я часто вспоминаю с благодарностью и теплым чувством о Вашей семье, приютившей меня в тяжелое для меня время, и нашу жизнь в «коммуне».

Лет 20 тому назад мне указали на Вас в Москве на Каланчевской площади, но пока я вертела головой во все стороны, догонять было уже поздно. О себе напишу подробнее, если увижу, что Вам это интересно. Скажу пока, что окончить мне удалось только фельдшерско-акушерский техникум. Семья моя распалась, живу совершенно одна, работаю по специальности.

Очень бы хотела получить от Вас ответ. Наверно, бываете в Москве? Надеюсь, не забудете, что там существует старая приятельница, да еще родившаяся, по преданию, в один день и час с Вами.

В. Зайончковская, бывшая Агеева.

ГОПАПО, ф. 25. оп. 1, д. 20, л. 34 — 35.

Л. А. Обухов
Никандр Матвеевич Назаровский

Обухов Леонид Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета, преподаватель кафедры новейшей истории России.

Статья написана специально для настоящего сборника.

Примечания Л. А. Обухова:

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 16, л. 32.

² Там же. Л. 65.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 34.

⁵ Пермские губернские ведомости (далее — ПГВ). 1905. 18 дек.

⁶ См.: Прикамье. Век XX. Пермь. 1999. С. 27—28.

⁷ ПГВ. 1905. 17 нояб.

⁸ ПГВ. 1905. 28 окт.

⁹ ПГВ. 1905. 17 нояб.

¹⁰ ГАПО, ф. 160, оп. 3, д. 89, л. 136, 138.

¹¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 1, л. 13.

¹² ГАПО, ф. 160, оп. 3, д. 89, л. 146—147; д. 94, л. 3.

¹³ ПГВ. 1906. 3 марта; ГАПО, ф. 160, оп. 3, д. 94, л. 9.

¹⁴ ПГВ. 1906. 11, 25 марта.

¹⁵ ПГВ. 1906. 22 марта.

¹⁶ ПГВ. 1906. 21 марта.

¹⁷ Камский край. 1906. 19 марта.

¹⁸ ГАПО, ф. 142, оп. 5, д. 42, л. 2, 3, 8, 16.

¹⁹ Камский край. 1906. 4 окт.

²⁰ ГАПО, ф. 142, оп. 5, д. 33, л. 2, 44.

²¹ ГАПО, ф. 142, оп. 5, д. 34, л. 12.

²² Там же. Л. 13.

²³ ГАПО, д. 35, л. 1.

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ Там же. Л. 9, 11.

²⁷ ПГВ. 1906. 5 сент.

²⁸ ГАПО, ф. 160, оп. 3, д. 94, л. 38.

²⁹ ПГВ. 1906. 3, 6 сент.

³⁰ ПГВ. 1906. 14 окт.

³¹ Камский край. 1906. 25 нояб.

³² ПГВ. 1906. 31 дек.

³³ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 18, л. 3–8.

³⁴ Там же. Д. 16, л. 31.

³⁵ Там же. Д. 15, л. 1–2.

³⁶ См.: Там же. Л. 4.

³⁷ Там же. Д. 16, л. 115.

³⁸ Освобождение России. 1919. 22 янв.

М. С. Альперович

Как завязывается юношеская дружба

ГОПАПО, ф. 600, оп. 1, д. 132.

Михаил Савельевич Альперович (1903–1980) — комсомольский и партийный работник, общественный деятель. В 1938 г. был репрессирован, в 1956 г. реабилитирован. Занимался изучением истории пермского комсомола, ленинской тематикой.

Михаил Савельевич часто и подолгу жил на квартире Б. Н. Назаровского, особенно длительным это совместное проживание было в период после его реабилитации. По приглашению Бориса Никандровича он снова поселился вместе с ним и прожил долгие годы, не задумываясь о том, насколько это уместно, какие неудобства доставляет хозяину, вообще о необходимости как-то решать самому дальнейшую свою судьбу. Судя по письмам, Борис Никандрович в последние годы жизни очень тяготился постоянным присутствием в своем доме пусть и хорошо знакомого, но все же постороннего человека.

Воспоминания написаны М. С. Альперовичем в 1979 г., за несколько месяцев до его смерти. Михаил Савельевич познакомил с ними ближайших друзей Б. Н. Назаровского — Н. А. Аликину и Л. Л. Соломянскую. Воспоминания вызвали резко отрицательную оценку. Л. Л. Соломянская написала по этому поводу большое письмо Михаилу Савельевичу, перечислив все его ошибки и перегибы, укоряя за явную несправедливость (письмо хранится вместе с воспоминаниями, отрывки из него опубликованы в настоящей книге). По сути дела, воспоминания больше характеризуют самого М. С. Альперовича, нежели Бориса Никандровича. На эти страницы выплеснулась вся годами скрываемая зависть к другу — более умному, удачливому, авторитетному человеку. Назаровский был действительно на редкость обаятельной, яркой личностью. В то же время он умел дружить, быть преданным и, кроме этого, постоянно чувствовал свою невольную вину перед другом, незаслуженно репрессированным и почти на двадцать лет вычеркнутым из жизни. Естественное чувство вины честного человека, лишь в силу

сложившихся обстоятельств избежавшего этой участи. Таким же естественным откликом на постоянную помощь была бы благодарность, но ее, к сожалению, оттеснили зависть и раздражение.

Тем не менее воспоминания М. С. Альперовича представляют несомненный интерес. Здесь не только содержатся сведения об их авторе и главном объекте — Б. Н. Назаровском, но также обрисована в общих чертах жизнь в Перми в разные периоды истории.

¹ 2-я районная библиотека в Перми. О деятельности этой библиотеки и ее заведующей З. А. Будриной, о сохранившемся на всю жизнь братстве бывших «второрайонников» много раз упоминается в настоящей книге: в автобиографиях и письмах Б. Н. Назаровского, в воспоминаниях о нем, в частности в воспоминаниях А. Г. Будриной и примечаниях к ним.

² См. об этом в письме Б. Н. Назаровского к А. К. Шарцу.

³ Гинц (Гинцбург) Савватий Михайлович (1903—1974) — журналист, писатель, краевед, литературовед. Более 30 лет работал в редакции газеты «Звезда», более 10 лет — в Пермском книжном издательстве.

⁴ Плеско Александр Васильевич — журналист. В 1923—1925 гг. был заместителем редактора газеты «Звезда». Земляк и знакомый Аркадия Гайдара по Арзамасу. В 1925 г. уехал из Перми. Плеско Галина Николаевна — его жена, также сотрудник редакции в эти годы.

⁵ Плеско А. За решетками Форли. Пермь: Звезда, 1924. 39 с. (Международная организация помощи борцам революции. Пермский окр. комитет).

⁶ *...куда был насильно водворен Аркадий Гайдар...* — См. письмо Л. Л. Соломянской к М. С. Альперовичу.

⁷ Ирина — жена Б. Н. Назаровского Ирина Сергеевна Рыжанова.

⁸ Ралюшка — Лия (Рахиль) Лазаревна Соломянская-Гайдар (1908—1986), первая жена А. П. Гайдара. Журналист, одна из организаторов пионерского движения в Перми, активно работала в детском клубе «Муравейник». Впоследствии — корреспондент радиопередачи «Пионерская зорька». До последних дней Б. Н. Назаровского была его другом.

⁹ Писатель Вера Инбер была в Перми в 1925 г., когда Авиаким организовал два «агитоблета» — северный и южный. В агитгруппе с В. Инбер летел писатель Борис Пильняк. Разговор, о котором упоминает М. С. Альперович, описан Верой Инбер в ее воспоминаниях:

«В редакции пермской газеты «Звезда» — оживление по поводу нашего прилета. Там сидят большие патриоты родного города.

— Пермь — лучший город на Урале, — говорит секретарь.

Я недослышала и переспрашиваю:

— В Европе?

— Я сказал — на Урале, но, впрочем, возможно, и в Европе. Прекрасный город!»

(Инбер В. От хорошей жизни//Инбер В. Избранные произведения. М., 1958. Т. 3. С. 59).

С. М. Гинц
Стихи Борису Назаровскому
в день его семнадцатилетия

Савватий Михайлович Гинц и Борис Никандрович Назаровский были дружны в течение всей жизни. В 1921 г. они вместе работали в РОСТА, затем в редакции газеты «Звезда», позднее — в Пермском книжном издательстве. В 1923 г. С. М. Гинц организовал в «Звезде» мастерскую слова «Мы». Он много писал: стихи, рассказы, но не публиковал их. В ГАПО хранится личный фонд С. М. Гинца (р-1588).

К. С. Бочкарев
Б. Н. Назаровский и философские споры в Перми

Бочкарев Константин Степанович родился в 1905 г. в Челябинской области. В 1926 г. приехал в Пермь и поступил в университет на общественно-экономическое отделение педагогического факультета. В 1930 г. окончил учебу и преподавал философию в вузах Перми. В 1939 г. стал заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Пермского педагогического института. После защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук возглавил кафедру марксизма-ленинизма Пермского университета, а затем стал деканом историко-филологического факультета. В течение нескольких лет был директором пермского Дома ученых. В начале Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт и до окончания войны находился на политической работе в действующих войсках. После войны продолжал службу в армии. Жил в Москве. (Латохин К. Талант пропагандиста//Высокое звание. Пермь: Кн. изд-во, 1978. С. 23—27).

Воспоминания написаны по просьбе М. А. Генкель и переданы ею в отдел краеведения Пермской областной библиотеки вместе с собственными воспоминаниями, также опубликованными в настоящей книге.

¹ Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич (1881—1963) — видный российский философ. В 1907—1917 гг. — меньшевик. После Октябрьской революции преподавал в Коммунистическом институте им. Я. М. Свердлова, Институте Красной профессуры. Работал в Институте К. Маркса и

Ф. Энгельса. В 1924—1931 гг. — директор Института философии. К концу 1920-х годов завоевал признание в качестве лидера советских философов. В 1930-х гг. «линия Деборина» стала подвергаться резкой критике, ему вменили в вину «отрыв от задач строительства социализма в СССР» и пр. Последовали репрессии его сторонников. Сам А. М. Деборин выступил с покаянием, принял участие в дискредитации своих современников-ученых и избежал ареста. (Алексеев П. В. Философы России XIX—XX столетий: биографии, идеи, труды. М., 1999).

² Дьяконов Александр Петрович (1873—1943) — ученый-историк, в 1917—1930 гг. — профессор Пермского университета. Был деканом историко-филологического факультета. Возглавляемый им в 1917—1930 гг. ОФИС (общество философских, исторических и социальных наук) при ПГУ являлся своеобразным дискуссионным клубом, важным центром распространения научных знаний. (Профессора Пермского государственного университета (1916—2001). Пермь, 2001).

М. А. Генкель

«Горжусь тем, что была ученицей Назаровского...»

Генкель Мария Александровна (1910—2001) принадлежит к династии пермских ученых и просветителей Генкелей. Кандидат филологических наук, доцент. С 1938 г. преподавала в Пермском педагогическом институте, с 1956 г. — в Пермском государственном университете.

С апреля 1941 г. до июня 1945 г. Б. Н. Назаровский работал в облизполкоме — референтом, секретарем, затем заместителем председателя облизполкома.

В. Г. Зенков

Несколько штрихов к портрету Б. Н. Назаровского

Зенков Владимир Григорьевич — журналист, в течение тридцати пяти лет работал в газете «Звезда». Заслуженный работник культуры РФ. Живет в Перми.

Воспоминания написаны специально для настоящего сборника.

...снят с работы по надуманной причине... — Б. Н. Назаровский был редактором газеты «Звезда» в 1945—1950 гг. 31 июля 1950 г. он подал заявление об освобождении от обязанностей редактора, а 8 декабря 1950 г. бюро Молотовского обкома ВКП(б) объявило Б. Н. Назаровскому выговор за неудовлетворительное руководство газетой «Звезда».

Р. И. Чиркина
Школа Назаровского

Чиркина Роза Ивановна — член Союза журналистов СССР и России. В 1945 г. после окончания Центральных газетных курсов в Москве была направлена на работу в областную газету «Звезда», где редактором был Б. Н. Назаровский. В настоящее время живет в Перми.

Воспоминания написаны специально для настоящего сборника.

В. И. Радкевич
Старый редактор.

ГАПО, ф. р-1734, оп. 1, д. 18, л. 79.

Радкевич Владимир Ильич — пермский поэт.

Стихотворение написано к 40-летию журналистской деятельности Б. Н. Назаровского. 23 декабря 1961 г. в Доме журналиста состоялось торжество по поводу этой даты. Главным «докладчиком» был назначен С. М. Гинц. В его личном архивном фонде в ГАПО сохранились тезисы этого выступления. Начало работы Б. Н. Назаровского в качестве журналиста Гинц отсчитывает с 15 декабря 1921 г. — со времени прихода в газету «Звезда». (ГАПО, ф. р-1588, оп. 1, д. 157, л. 1—4).

В. П. Астафьев
Подводя итоги

Астафьев В. П. Подводя итоги//Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 1. С. 39—41, 46.

Семья Виктора Петровича Астафьева переехала в Пермь из Чусового в 1962 г. В 1969 г. Астафьевы уехали в Вологду. Переписка между ними и Б. Н. Назаровским не прекращалась до его смерти.

Е. Н. Широков
Борис Назаровский
Из воспоминаний художника

Широков Евгений Николаевич — народный художник СССР, живет и работает в Перми.

Публикуется по книге: Художник Евгений Широков: Альбом. Пермь: Курсив, 2001. С. 46—49.

В. М. Михайлюк
Этюд к портрету Б. Н. Назаровского

Михайлюк Владимир Максимович — журналист, публицист, краевед, автор многих книг по истории, экономике и культуре Пермской области. В 1960—1963 гг. был литработником, затем заведующим отделом пропаганды в газете «Молодая гвардия». С 1963 г. был сотрудником газеты «Звезда».

Воспоминания написаны специально для настоящего сборника.

Е. Н. Лукьянова
Талант учителя

Лукьянова Елена Николаевна — историк-архивист. В 1947—1960 гг. работала научным сотрудником, затем директором Государственного архива Пермской области. С 1960 г. была преподавателем Пермского государственного университета.

Воспоминания написаны специально для настоящего сборника.

В. И. Аборкин
Автограф на память

Аборкин Владимир Иванович — журналист. Работал в газете «Звезда», в редакции последних новостей пермского радио, на телевидении. Несколько лет был директором Дома журналистов, ответственным секретарем Пермской организации Союза журналистов.

Воспоминания написаны специально для настоящего сборника.

А. Г. Будрина
Вспоминая Бориса Никандровича

Будрина Агата Григорьевна (1927—1999) — музейный работник, заслуженный работник культуры РФ, член Союза художников РФ. В 1956—1993 гг. работала в Пермской государственной художественной галерее.

Воспоминания были написаны специально для книги «Гражданин Перми» (Пермь, 1993).

Письмо Н. А. Будриной Б. Н. Назаровский переслал через С. М. Гинца:

«Савватий!

Телеграмма о смерти Зои Александровны пришла очень неожиданно. Я почувствовал себя такой сволочью, что не писал последние годы ей,

что не мог сразу написать. К тебе это не относится, но мы, которые так много от нее получили, не дали ей перед смертью ничего.

Написал Нине Александровне — она по праву заместитель. Боюсь напутать адрес — поэтому пересылаю через тебя.

Все думалось, что снова, как бывало уже не раз, вернусь в Пермь и увижу ее. Никогда как-то в голову не приходила мысль, что она может умереть.

Послал телеграмму Мишке Альперовичу. Правда, по не вполне надежному адресу, так как уже годы с ним не переписываюсь. Игорь Орестов сейчас в командировке в Москве. Скоро будет здесь, в Омске. Остальных вы знаете.

...Надо что-то сделать, чтобы закрепить как-то ту связь, которая была между всеми нами. Как это сделать? Мы потеряли очень многое и, наверное, не сразу оценим, и сейчас еще не понимаем, как многим обязаны Зое Александровне.

Недавно здесь была Галина Плеско. Мы вспоминали с ней о тех временах. Я просил рассказать З. А. о себе. И вот — не вышло.

Передай тем, кто есть в Перми — Илье Шерману и другим, что я не перестал чувствовать себя второрайонником.

12 января 1936 г. Б. Назаровский».

ГАПО, ф. р-1588, оп. 1, д. 348, л. 5.

З. А. Будрина умерла от крупозного воспаления легких 3 января 1936 г. Подробнее о ней см.: Спешилова Е. А. Зоя Александровна Будрина (1889–1936)//История библиотеки — история страны: Тез. докл. и общ. науч.-практ. конф., посвящ. истории библиотечного дела в Прикамье. Пермь, 1995. С. 77–80.

Н. Н. Гашева

Два мэтра

Гашева Надежда Николаевна — филолог, заслуженный работник культуры РФ. Почти 30 лет работала редактором художественной литературы в Пермском книжном издательстве.

Воспоминания написаны специально для настоящего сборника.

М. В. Тарасова

«В издательстве стало интереснее, красивее, веселее работать...»

Тарасова Маргарита Вениаминовна — заслуженный художник РФ. В 1955–1974 гг. работала главным художественным редактором Пермско-

го книжного издательства. Является автором современных гербов города Перми (1993) и Пермской области (1995).

Воспоминания были написаны специально для книги «Гражданин Перми» (Пермь, 1993), дополнены для настоящего сборника.

Л. Г. Дворсон
Считаю своим наставником

Дворсон Людмила Григорьевна — историк, музейный работник, заслуженный работник культуры РФ, почетный гражданин г. Перми. В 1950—1981 гг. работала директором Пермского областного краеведческого музея.

Воспоминания были написаны специально для книги «Гражданин Перми» (Пермь, 1993).

Е. Д. Харитонова
Живым остался в памяти моей

Харитонова Елена Дмитриевна — кандидат исторических наук, музейный работник, архивист.

Воспоминания были написаны специально для книги «Гражданин Перми» (Пермь, 1993).

¹ Харитонова Е. Д. Некоторые результаты собирательской работы Пермского краеведческого музея по теме «Культура Пермского края в конце IX—начале XX в.» // 250 лет Перми: Материалы науч. конф. «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермь, 1973. С. 163—168.

² Граевский Александр Моисеевич (1920—1973) был редактором, а затем главным редактором Пермского книжного издательства.

³ Ромашов Андрей Павлович (1926—1995) — пермский писатель.

М. Н. Степанов
Уроки Назаровского

Степанов Михаил Николаевич — кандидат географических наук, доцент. В 1956—1971 гг. работал на кафедре экономической географии Пермского госуниверситета, в 1971—1985 гг. заведовал лабораторией комплексных экономических проблем института экономики Уральского научного центра АН СССР.

Воспоминания были написаны специально для книги «Гражданин Перми» (Пермь, 1993), дополнены к настоящему сборнику.

¹ Степанов М. Н., Рябухин В. И. Город Молотов: Краевед. очерк. Молотов: Кн. изд-во, 1955. 86 с.

² Об этом же говорит в своих воспоминаниях В. Ф. Тиунов: «У меня сложилось твердое и обоснованное убеждение, что Б. Н. Назаровский показал себя как ученый, хотя и не имел формально ученых степеней и званий». (ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 238).

Н. Д. Аленчикова

Дань памяти замечательному человеку

Аленчикова Наталья Дмитриевна — историк-архивист. В 1953—1975 гг. работала в Государственном архиве Пермской области, затем преподавала на историческом факультете Пермского госуниверситета.

Воспоминания написаны специально для настоящего сборника.

Л. В. Мишланова

«Всякого вам счастья, хорошие люди!..»

Мишланова Лидия Витальевна — журналист, редактор, заслуженный работник культуры РФ. В 1959—1966 гг. — литсотрудник и заведующая отделом учащейся молодежи областной газеты «Молодая гвардия». В 1966—1969 гг. — литсотрудник областной газеты «Звезда». В 1969—1973 гг. — старший редактор историко-партийной и краеведческой литературы Пермского книжного издательства.

Воспоминания были написаны специально для книги «Гражданин Пермь» (Пермь, 1993), дополнены для настоящего сборника.

Примечания Л. В. Мишлановой:

¹ Так в машинописном оригинале, хранящемся в ГАПО в фонде В. А. Черненко (Ф. р-1716, оп. 1, д. 160, л. 11). В газете «Литературная Пермь» (февраль 1958 г.) напечатан отредактированный вариант.

² ГАПО, ф. р-1588, оп. 1, д. 330.

3 ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 32, л. 159—160.

4 Там же. Л. 167.

5 Там же. Л. 4.

6 Там же. Д. 150, л. 44. Отпуск.

7 Там же. Д. 43, л. 8.

8 Там же. Д. 32, л. 10.

9 Там же. Д. 150, л. 29.

10 Там же. Л. 26.

11 ГАПО, ф. р-1659, оп. 1, д. 441.

А. В. Доминяк
Духовный наставник

Доминяк Александр Владимирович — музейный работник, искусствовед, член Союза художников РФ. В 1967—1978 гг. работал заведующим отделом декоративно-прикладного искусства Пермской государственной художественной галереи.

Воспоминания написаны специально для настоящего сборника.

В. М. Ширинкин

По долгу дружбы и товарищества. Б. Н. Назаровский и А. П. Гайдар

Ширинкин Владимир Михайлович — ветеран журналистики и государственной службы, заслуженный работник культуры РФ. В 1960—1967 гг. заведовал отделом редакции газеты «Молодая гвардия».

Воспоминания написаны специально для настоящего сборника.

Примечания В. М. Ширинкина:

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 69.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 68.

⁵ Гинц С., Назаровский Б. Аркадий Гайдар на Урале. Пермь, 1968. С. 5.

⁶ Литературная газета. 1969. 21 мая.

⁷ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 81.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Д. 68.

¹¹ Там же. Д. 69.

В. Г. Светлаков
Встречи, которые нельзя забыть

Светлаков Вадим Григорьевич — историк-архивист, кандидат исторических наук. В 1970—1973 гг. работал инструктором отдела пропаганды и агитации Пермского горкома КПСС. В 1981—2000 гг. был заведующим партийным архивом Пермского обкома КПСС.

Воспоминания написаны специально для настоящего сборника.

А. Л. Петухов
«Мы же в России скромны...»

Петухов Александр Леонидович — пермский журналист, доктор философии, действительный член Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, Международной академии информатизации.

Статья написана специально для настоящего сборника.

В. Ф. Гладышев
Человек своего времени

Гладышев Владимир Федорович — журналист, краевед, автор нескольких книг об истории Перми, Прикамья.

Статья написана специально для настоящего сборника.

Примечания В. Ф. Гладышева:

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 34.

² Как вспоминает дочь писателя Е. А. Спешилова, «Зарево» в издательстве «все перекорезили, живого места не оставили». М. Н. Степанов признается, что ему до сих пор неприятно вспоминать, как правил его (написанную в соавторстве) книгу о городе (тогда — Молотове) редактор Б. Н. Назаровский. Естественно, одним из главных редакторских обвинений было такое: почему молодые авторы не ссылаются на труды наших вождей, не руководствуются ценнейшими указаниями партии. В этом плане интересна также переписка Б. Н. Назаровского с руководителями областной парторганизации, прежде всего с Н. И. Гусаровым.

³ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 192.

⁴ См. об этом: Гладышев В. Ф. Неужели решились?.. Проблема совести художника в постановке Б. Назаровского и А. Гайдара//Гражданин Перми: Сб. памяти Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа. Пермь, 1993. С. 62 — 69.

ПЕРЕПИСКА

Письмо Б. Н. Назаровского в Президиум ЦК КПСС
«О перестройке партийных и советских органов»

Письмо публикуется по сборнику: Пермский край: Краевед. сб. 90. — Пермь: Кн. изд-во, 1990.

Б. Н. Назаровский был приглашен на беседу к первому секретарю Пермского обкома КПСС, члену ЦК партии К. И. Галаншину, который по поручению ЦК КПСС разъяснил Борису Никандровичу «ошибочность его

письма». По решению ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС в стране, в том числе и в Пермской области, были созданы промышленные и сельские обкомы КПСС, соответствующие изменения произошли в нижестоящих партийных звеньях. Через два года эти подразделения были ликвидированы. Б. Н. Назаровский был отмечен партийным руководством как единственный в области коммунист, обратившийся в Центральный Комитет с предостережением о непродуманности принятого решения. К. И. Галаншин, опять-таки по поручению ЦК КПСС, публично довел эту оценку до сведения Б. Н. Назаровского. См. об этом воспоминания В. М. Михайлюка и В. Г. Зенкова.

**Письмо Б. Н. Назаровского в Пермское книжное издательство
по поводу повести Владимира Матвеева
«Последний день Хлябинского совнаркома»
(М.; Л.: Молодая гвардия, 1931. 96 с.)**

Письмо-рецензия хранится в ГАПО в личном фонде главного редактора Пермского книжного издательства А. М. Граевского (ф. р-1599, оп. 1, д. 201, л. 1—4). Копия его имеется в личном фонде краеведа Г. М. Матвеева, племянника писателя В. П. Матвеева (ф. р-1706, оп. 2, д. 103).

Переиздать книгу в то время не удалось. Эта попытка вновь была предпринята родственниками писателя, и книга увидела свет в 1991 г. в Кирове: Матвеев В. Разгон совнаркома. Киров: Вятское лит.-худож. изд-во Кировского отд-ния Советского фонда культуры, 1991. 79 с.

Матвеев Владимир Павлович родился 13 июля 1897 г. Известен прежде всего как автор книги «Золотой поезд». Был репрессирован и погиб 16 февраля 1939 г. (См.: Гладышев В. Ф. Из рода Матвеевых//Вечерняя Пермь. 1987. 9—12 дек.)

¹ Матвеев В. П. Золотой поезд: Повесть. Пермь: Кн. изд-во, 1959. 147 с.

² Белобородов Александр Георгиевич (1891—1938) — участник борьбы за установление советской власти на Урале.

Б. Н. Назаровский — А. К. Шарцу

ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 150, л. 46—48.

Шарц Александр Кузьмич (1906—1986) — педагог, советский и партийный работник, библиограф, краевед, коллекционер. События, о которых идет речь в письме Б. Н. Назаровского, подробнее описаны в воспоминаниях М. С. Альперовича.

¹ Шарц А. К. Технические библиотеки Пермской области. М., 1964. 52 с.

² Тупицыны — пермские предприниматели. Основатель династии Евграф Козьмич Тупицын открыл в 1871 г. в Перми первый в то время в России фосфорный завод и собрал уникальную библиотеку, в т. ч. и литературы по химии.

³ Кобяк Георгий Игнатьевич (1864—1918) — пермский предприниматель, изобретатель электролитной воды, основатель династии ученых.

*Мандат,
выданный Б. Н. Назаровскому
отделом народного образования
при Пермском городском ревкоме*

26 июля 1919 г.

Предъявителю сего, агенту 4-й районной библиотеки Б. Н. Назаровскому, предоставляется право обследования, опечатывания и перевозки книжного имущества, оставленного бежавшими из города гражданами.

Зав. внешкольным отделом.

Секретарь.

ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 1, л. 69.

Б. Н. Назаровский — Г. Ф. Чудовой

Письмо хранится в архиве отдела краеведения Пермской областной библиотеки.

Чудова Гали Федоровна (1904—1999) — специалист в области библиотечного краеведения и краеведческой библиографии. Более 50 лет работала в Кировской областной библиотеке. См. о ней: Коган Е. И. «Не работать — значит не жить»//Библиография. 1994. № 6.

Н. П. Полякова — Б. Н. Назаровскому

ГАПО, ф. р-1588, оп. 1, д. 355, л. 12—14.

Полякова Наталья Петровна — сестра Аркадия Петровича Гайдара.

ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 150, л. 16 — 19.

Рабинович Рафаил Иосифович (1902—1999) — свердловский краевед. В течение многих лет работал над книгой о Н. В. Мешкове. Книгу удалось издать лишь много лет спустя: Рабинович Р. И. Опальный миллионер. Пермь: Кн. изд-во, 1990. 159 с. (Замечательные люди Прикамья). Книга пролежала в Пермском издательстве около десяти лет и все-таки вышла в свет слишком рано: в самом начале перестройки. Она была обезображена переделками, идеологическими доработками и принесла автору много страданий. Достаточно сказать: именно то, что Б. Н. Назаровский считал неудачным — сравнение Н. В. Мешкова с Саввой Морозовым, — было вынесено в эпиграф книги, поскольку рецензенты и редакторы считали главным и единственно важным в жизни Мешкова только его помощь большевикам.

¹ Мешков Николай Васильевич (1851—1933) — предприниматель, паромщик, меценат, общественный деятель.

² По-видимому, речь идет о статье: Дубилет Н. Пермский Савва Морозов//Вечерняя Пермь. 1971. 7 янв.

³ Фотиева Лидия Александровна (1881—1975) — активный участник революционного движения, партийный деятель. Была в эмиграции. В первые годы советской власти — секретарь Совнаркома и одновременно — секретарь В. И. Ленина.

⁴ Мостовенко Павел Николаевич (1881—1938) — участник революционного движения. После Октябрьской революции — на ответственной партийной, дипломатической и хозяйственной работе. Репрессирован.

⁵ Красин Леонид Борисович (1870—1926) — участник революционного движения. После Октябрьской революции — государственный и партийный деятель, дипломат.

⁶ Преображенский Павел Иванович (1874—1944) — геолог, специалист в области галургии, доктор минералогических наук. В 1923—1924 гг. — профессор Пермского госуниверситета. Первооткрыватель Соликамского месторождения калийных и магниевых солей, а также первого промышленного месторождения нефти в Предуралье.

⁷ Весновский Виктор Александрович (1873—1933) — журналист, краевед, общественный деятель. В ГАПО хранится его личный архивный фонд.

Публикуется по книге: Пермский край: Краевед. сб. 90. Пермь: Кн. изд-во, 1990.

Мелешков Сергей Алексеевич — первый секретарь Пермского горкома КПСС в 1963—1975 гг.

Б. Н. Назаровский — Л. П. Неверову

ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 213.

Неверов Леонид Петрович — журналист, писатель. В 1920-е гг. работал в редакции газеты «Звезда». Он сидит следом за Гайдаром на знаменитой фотографии («лесенка») 1925 г., где снялись А. П. Гайдар, Л. П. Неверов, Б. Н. Назаровский, А. В. Плеско и В. Блок. В последние годы жизни работал заместителем редактора журнала «Уральский следопыт». Известен как составитель книги «Исторические памятники и памятные места Свердловска». Умер в 1962 г. См. некролог: Уральский следопыт. 1962. № 11. С. 76.

¹ Вишневский Борис Николаевич (1891—1965) — антрополог, географ, этнограф, доктор географических наук. В 1954—1955 гг. — профессор Пермского педагогического института, в 1955—1961 гг. — профессор кафедры физической географии Пермского госуниверситета.

² Вишневский Б. Н. Географ-краевед И. Я. Кривошеков. Пермь: Кн. изд-во, 1961. (Замечательные люди Прикамья).

³ Вишневский Б. Н. Путешественник Кирилл Хлебников. Пермь: Кн. изд-во, 1957. (Замечательные люди Прикамья).

⁴ См. воспоминания М. С. Альперовича в настоящем сборнике.

⁵ Назаровский Б. Н. Популярная литература и местное издательство//Коммунист. 1960. № 13. С. 120—124.

⁶ Назаровский Б. Н. Редактор и автор: (В помощь молодым журналистам). Пермь, 1960. 15 с.

⁷ См. воспоминания М. В. Тарасовой в настоящем сборнике.

⁸ Возможно, имеется в виду Научная конференция по охране природы и краеведению Прикамья, которая открылась в Перми 1 февраля 1961 г. и работала в течение трех дней.

⁹ Мясников Гавриил Ильич (Ганька) — активный участник революционных событий в Прикамье, затем оппозиционер. Вел переписку с Лениным по поводу несогласия с основной линией партии, был арестован, бежал, жил в эмиграции, в 1945 г. вернулся в СССР и был расстрелян.

См. о нем: Мясников Г. *Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова*//*Минувшее: Ист. альманах*. М.; СПб., 1995. Вып. 18; Аликина Н. А. *Дон Кихот пролетарской революции*. Пермь, 2002.

¹⁰ Тиунов Василий Филиппович (1900—1998) — доктор экономических наук, профессор. В 1951 - 1961 гг. был ректором ПГУ.

¹¹ Гиришквич Илья Львович (1901—1922) в 1922 г. был заместителем редактора молодежной газеты «На смену». 29 апреля 1922 г. исключен из партии за поддержку Г. И. Мясникова и в этот же день покончил жизнь самоубийством, застрелился.

М. С. Астафьева — Б. Н. Назаровскому

ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 205.

Корякина-Астафьева Мария Семеновна — жена Виктора Петровича Астафьева. Автор нескольких книг. Примечания даны в сплошной нумерации ко всей подборке писем Марии Семеновны.

¹ Вероятно, речь идет о спектакле по рассказу В. П. Астафьева «Тревожный сон», поставленном на пермском телевидении в программе «Литературный театр пермского телевидения». Автор сценария и режиссер — В. Баранов, актеры: Г. Добровольская (Фаина), П. Вельяминов (Суслопаров) и В. Расцветаев (Василий). См.: Фельдман Б. Виктор Астафьев. «Тревожный сон»: Размышления перед телеэкраном//*Вечерняя Пермь*. 1969. 7 апр.

² В 1962—1969 гг. Астафьевы жили в Перми, в 1969 г. переехали в Вологду.

³ Астафьев Андрей Викторович — сын Астафьевых.

⁴ Вельяминов Петр Сергеевич — актер театра и кино, народный артист РСФСР. В 1970-е гг. работал в Пермском драматическом театре.

⁵ Речь идет о книге Б. Н. Назаровского «Замечательное дело» (Пермь, 1969).

⁶ Имеется в виду книга: Ехала деревня мимо мужика: Рус. нар. потешки/Собрал и обработал Н. Халатов; худож. В. Вагин. Пермь: Кн. изд-во, 1969. 48 с.: ил.

⁷ Наташа — дочь Б. Н. Назаровского.

⁸ Надежда Алексеевна Аликина.

⁹ Василий Иванович Белов — писатель. По его совету В. П. Астафьев переехал в Вологду.

¹⁰ Лукьянова Елена Николаевна. См. ее воспоминания в настоящем сборнике.

¹¹ ...*сороковины по Коле справили...* — Сорок дней после смерти Николая Рубцова. Николай Михайлович Рубцов (1936—1971) — поэт. Был другом Астафьевых. Трагически погиб 19 января 1971 г., был убит Л. Дербиной. Далее в письмах есть впечатления М. С. Астафьевой от суда над этой женщиной.

¹² ВЛК — Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького в Москве.

¹³ Астафьев В. П. Пастух и пастушка: Соврем. пастораль//Вечерняя Пермь. 1971. 20, 22 — 26 февр.

Публикация сопровождается следующими словами: «Новая повесть Виктора Астафьева «Пастух и пастушка» будет опубликована нынче в его сборнике повестей издательством «Молодая гвардия». Мы предлагаем одну из глав этой повести». Опубликована глава «Бой».

¹⁴ Вагин Владимир Васильевич — пермский художник, оформитель многих книг, удостоенных дипломов на издательских конкурсах. Переехал в Москву, в настоящее время живет в США.

¹⁵ ...*с гибелью наших космонавтов...* — 30 июня 1971 г. при возвращении транспортного космического корабля «Союз-11» после выполнения работ на орбитальной научной станции «Салют» погибли космонавты Г. Т. Добровольский, В. Н. Волков и В. И. Пацаев.

Б. Н. Назаровский — В. П. Астафьеву

ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 132, л. 1—4. 26 января 1972 г.

¹ Из воспоминаний художника Е. Н. Широкова: «Когда Б. Н. Назаровский, скупой на похвалу, увидел портрет, торжественно произнес: «Ай да Широков! Ай да сукин сын!» А хвалил он очень редко. Мы этим дорожили». (Художник Евгений Широков: Альбом. Пермь: Курсив, 2001).

² Гулыга Арсений Владимирович — автор книг по истории философии, в частности немецкой философии, о Гегеле, Канте, Шеллинге, Гердере и др.

³ Ирина Сергеевна Рыжанова, жена Б. Н. Назаровского, умерла 25 января 1966 г.

Б. Н. Назаровский — Н. А. Аликиной

Письма находятся в личном архиве Н. А. Аликиной, всего более ста писем за 1956—1972 гг. Письма за 1957—1963 гг. не сохранились. Публикуются впервые. Отобранные для публикации письма печатаются с сокра-

нениями. Примечания даны в сплошной нумерации ко всей подборке писем Б. Н. Назаровского к Н. А. Аликиной.

¹ ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

² ...обсуждение сборника по 17-му году... — Речь идет о подготовке к изданию сборника: Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии: Документы и материалы. Молотов: Кн. изд-во, 1957. 563 с.

³ О сборнике: Ленинская «Правда» на Западном Урале. 1912—1914 гг. Пермь: Кн. изд-во, 1962. 159 с. Редакторами-составителями были К. Н. Пятницкая и Н. А. Аликина. Редактором от Пермского книжного издательства — Б. Н. Назаровский. Книга готовилась к 50-летию газеты «Правда».

⁴ Пятницкая Клавдия Никитична (1915—1986) — кандидат исторических наук, преподаватель истории СССР Пермского госуниверситета.

⁵ Анна Григорьевна Кравченко (1890—1981) — участник революционных событий в Прикамье, личный секретарь Н. К. Крупской в 1920—1937 гг.

⁶ «Мы будем гибнуть откровенно...» — строка из стихотворения Б. Л. Пастернака «Осень»:

Теперь на нас одних с печалью
Глядят бревенчатые стены.
Мы братья преград не обещали,
Мы будем гибнуть откровенно.

⁷ См. в настоящем сборнике воспоминания А. Г. Будриной.

⁸ Оборин Владимир Антонович (1929—1995) — археолог, доктор исторических наук, профессор Пермского госуниверситета.

⁹ Оборин Афанасий Вавилович — директор Пермской государственной художественной галереи.

¹⁰ Шилов Анатолий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Пермского госуниверситета. Черняк Анатолий Андреевич в 1970-х гг. был сотрудником Пермской государственной художественной галереи, ученым секретарем галереи, затем уехал из Перми.

¹¹ К. И. Г. — Галаншин Константин Иванович — в 1960—1968 гг. — первый секретарь Пермского обкома КПСС.

¹² Наумова Александра Григорьевна (1906—1996) — кандидат исторических наук, доцент ПГУ. Речь идет о ее работе над главой для книги «История Урала».

¹³ В 1966 г. «Молодая гвардия» широко отметила 25-летие, отсчитывая свою историю с 1941 г. Фактически же газета выходит с 3 февраля 1932 г.

В этот день вышел первый номер «Большевистской смены», которая до 1941 г. была органом Пермского городского комитета комсомола, а с 1941 г. — областного и городского комитета. В 1953 г. газета была переименована в «Молодую гвардию». В феврале 2002 г. общественность Перми отметила 70-летие газеты, практически прекратившей к этому времени свое существование.

¹⁴ Статья Л. С. Кашихина об Остроумове Иване Григорьевиче (1861 — 1939) в книгу «Революционеры Прикамья» не вошла.

¹⁵ Ширинкин Владимир Михайлович — журналист. Письмо написано из специализированного санатория ЦК КПСС в пос. Симеиз, недалеко от Ялты, где Б. Н. Назаровский лечился одновременно с В. М. Ширинкиным. См. об этом: Ширинкин В. М. Месяц с Назаровским//Пермяки. 1999. 27 мая.

¹⁶ В. Ф. — Владимир Федорович Попов (1929—1992) — в те годы заведующий кафедрой истории КПСС Пермского госуниверситета, позднее проректор по учебной работе, доктор исторических наук, профессор ПГУ. Участвовал в работе по подготовке к изданию сборника «Революционеры Прикамья».

¹⁷ См.: М. П. Мусоргский в воспоминаниях современников. М.: Музыка, 1989. 317 с.

¹⁸ В поход, красные следопыты!: Обращение ко всем поисковым группам, включившимся во всесоюзный поиск участников революции, первых строителей советской власти, посвященный 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции//Молодая гвардия. 1966. 4 февр.

В обращении даны советы юным следопытам в виде разделов: Кого искать? Как вести поиск? Какие материалы собирать? Что делать с собранными материалами?

¹⁹ Чагин Георгий Николаевич — доктор исторических наук, профессор Пермского госуниверситета, крупнейший специалист в области этнографии Урала.

²⁰ И. Я. К. — Кириенко Иван Яковлевич — секретарь Пермского обкома КПСС по пропаганде.

²¹ Конкурс им. А. П. Гайдара был учрежден решением правления Пермской областной организации Союза журналистов в 1966 г. Первая премия была присуждена 19 января 1967 г. С. М. Гинцу и Б. Н. Назаровскому за книгу «Аркадий Гайдар на Урале» (издание 1965 г.) и В. М. Михайлюку за документальную повесть «Березовый сок», опубликованную в газете «Молодая гвардия». 16 апреля 1970 г. Б. Н. Назаровскому была присуждена первая премия конкурса по результатам 1969 г. — за книгу «Замечательное дело».

²² Никитин Александр Георгиевич (1937–1992) — журналист, писатель-краевед, историк, кандидат философских наук. В 1963–1967 гг. работал литсотрудником областной газеты «Звезда», затем собкором газеты «Труд» по Пермской области. С 1972 г. жил в Москве. Автор нескольких статей в сб. «Революционеры Прикамья» и целого ряда книг по истории Пермской области.

²³ Мухин Сергей Григорьевич (1919–1978) — журналист, работал в «Молодой гвардии», затем был главным редактором «Звезды», в 1968–1978 гг. — главный редактор «Вечерней Перми».

²⁴ Воронцова Галина Георгиевна — кандидат исторических наук, преподаватель ПГУ.

²⁵ Л. В. — Людмила Викторовна Коротаева. В 1964–1968 гг. — сотрудник партийного архива Пермского обкома КПСС. Кандидат исторических наук.

²⁶ З. М. — Краюшкина Зинаида Михайловна, преподаватель истории КПСС ПГУ, кандидат исторических наук.

²⁷ Ризов Дмитрий Гилелович — журналист, писатель.

²⁸ Всесоюзный съезд работников культуры состоялся в феврале 1967 г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов. В числе делегатов от Пермской области были Н. А. Митрополов, Л. Г. Дворсон и др. Б. Н. Назаровский в работе съезда не участвовал. Митрополов Николай Александрович (1905–1968) был заместителем начальника областного управления культуры, заслуженный работник культуры РСФСР.

²⁹ Сивков Владимир Федорович (1889–1979) — активный участник Октябрьской революции и гражданской войны на Урале. В 1930-х гг. он записал свои воспоминания в виде «Очерков революционного движения на Чусовском заводе». В 1958 г. «Очерки» были переданы для оценки главному редактору Пермского книжного издательства Б. Н. Назаровскому. В. Ф. Сивков вспоминает об этом:

«Через некоторое время, именно 20 октября 1958 г., после критического разбора рукописи, автор в два адреса сообщил, что как исторический очерк рукопись не выдерживает критики. Она не может быть принята в печать. Оценка правильная, иной нельзя было и ожидать. В письме Б. Н. Назаровского были и добрые рекомендации начинающим авторам, в частности мне рекомендовалось: «Следует написать свои личные воспоминания».

После этого письма Борис Никандрович последовательно и настойчиво убеждал меня в этом, пользуясь каждой нашей встречей. И так несколько лет подряд. Однажды, приехав из Нытвы в Пермь, вечером я был у Назаровских. В общем разговоре снова возникла та же самая тема, о моих

воспоминаниях. Борис Никандрович вышел из столовой и минут через 20-25 вернулся и положил передо мною три листа с машинописным текстом. Это было адресованное Пермскому книжному издательству письмо-заявка на представление мною рукописи воспоминаний, которую я прошу принять к изданию, и прилагался примерный план изложения. Мне оставалось поставить подпись, и я, не думая, подписал и поставил дату — 10 ноября 1965 г. ...Я боялся этой, новой для меня, работы, не верил в свои силы, но стеснялся сказать правду. 10 февраля 1966 г. редактор издательства С. В. Грицких в своем письме, напоминая мне, что надо писать подробнее, чтобы я не сбился на скороговорку, закончила так: «С нетерпением ждем от вас рукопись в завершенном виде».

Эта вежливая просьба была для меня как гром среди ясного неба, пятиться было некуда. Входил в работу с трудом, но позднее работал над книгой с охотой, вполне производительно и полноценно, хотя мне было далеко за семьдесят. Рукопись будущей книги была подвергнута Назаровским суровой критике, но в рецензии содержались принципиальные и практические советы, следуя которым пришлось почти полностью переработать рукопись. По совести обязан сказать, что, если бы Борис Никандрович не был так настойчив, не появилось бы в печати «Пережитое».

Книга вышла в свет в 1968 г.: Сивков В. Ф. Пережитое. Пермь: Кн. изд-во, 1968. 262 с.

Позднее В. Ф. Сивков очень гордился письмом, полученным от Б. Н. Назаровского 28 декабря 1970 г. В нем, в частности, говорилось: «Многоуважаемый Владимир Федорович! Летом 1919 г. я узнал, что губвоенком возглавляет Сивков, и увидел его на каком-то митинге. Минувло полвека, а и сейчас мне приходится учиться у вас принципиальности, упорству, трудолюбию и требовательности к себе».

³⁰ Речь идет о втором издании книги «Аркадий Гайдар на Урале», вышедшей в 1969 г.

³¹ Лакшин Владимир Яковлевич (1933—1993) — журналист, литературный критик, доктор филологии. В. Я. Лакшин жил на одной лестничной площадке с Тимуром Гайдаром и часто бывал в его доме. Неоднократно приезжавший сюда Б. Н. Назаровский был знаком с Лакшиным и очень высоко ценил его литературный талант.

³² См. об этом воспоминания М. В. Тарасовой в настоящей книге.

³³ С. Г. Мухин был назначен редактором первой городской газеты — «Вечерняя Пермь»; заместителем его стал Л. А. Шатров.

³⁴ Гринблат Борис Давыдович — в 1968 г. стал главным редактором Пермского книжного издательства.

³⁵ Вершинин Тимофей Игнатьевич — редактор Пермского книжного издательства. ЗД — книга Б. Н. Назаровского «Замечательное дело».

³⁶ Речь идет о фильме Пермской студии телевидения «Алжур, два креста!», посвященном А. П. Гайдару. Фильм снят по сценарию Б. Н. Назаровского и С. М. Гинца, режиссер Л. Кошеников, оператор С. Сыпневский. Журналисты в кадре рассказали о своих встречах с Гайдаром. Актер П. Вельяминов исполнил роль «от Гайдара», Володя Воробей — роль беспризорника. Премьера фильма состоялась в день 65-летия А. П. Гайдара. См.: Надеждин Ю. «Алжур, два креста!» // Вечерняя Пермь. 1969. 22 янв.

³⁷ «Хрустальный дворец» — название санатория в Трускавце.

³⁸ Диотима — вымышленная личность жрицы из Мантиней, появляющейся в диалоге Платона «Symposion». Мысли ее о любви передает в этом диалоге Сократ. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М., 1991. Т. 20. С. 766.

³⁹ О подготовке книги: В. И. Ленин и Пермский край: Сб. док., материалов и воспоминаний/Сост. Н. А. Аликина, Н. Д. Аленчикова, Г. Ф. Станковская. Пермь, 1970. 302 с.

⁴⁰ Матраса — красное вино.

⁴¹ ...принес флибустьера... — Голова пирата, сделанная из скорлупы кокосового ореха и подаренная Назаровскому Галиной Николаевной Плеско, которая привезла этот сувенир с острова Тринидад.

⁴² Игорь Эмильевич Залкинд — директор экспериментального художественного камнерезного завода, созданного по инициативе Б. Н. Назаровского. В дальнейшем — ювелирно-гранильный камнерезный завод.

⁴³ Волин Яков Рувимович (1911—1982) — доктор исторических наук, профессор ПГУ; Быкова Инна Павловна (1928—1989) — заведующая отделом пропаганды и агитации Пермского обкома КПСС; Хитров Павел Иванович (1918—1974) — кандидат исторических наук, преподаватель ПГУ; Кашихин Леон Сергеевич (1932—1997) — историк-архивист; Быстрых Федор Павлович (1902—1976) — доктор исторических наук, профессор УрГУ.

⁴⁴ Книга Б. Н. Назаровского «Замечательное дело» печаталась дважды: небольшой тираж ее вышел в конце 1969 г. с подзаголовком, о котором пишет Б. Н. Назаровский. После вмешательства республиканского Комитета по делам печати печатание было приостановлено и остальной тираж вышел в 1970 г. Подзаголовок был снят, сменен переплет.

⁴⁵ Вероятно, имеется в виду Евгений Иванович Рябухин и его книга: Большевицские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связей с массами (1907—1914 гг.). Саратов, 1968.

⁴⁶ Л. Л. Соломянская (Ралюшка) приезжала в Пермь для работы над рукописью по истории пионерского движения в Прикамье, а также пермского «Муравейника» — первого в Прикамье детского коммунистического клуба. В результате этой поездки была написана статья, которую включили в сборник, посвященный истории Пермской областной пионерской организации: Соломянская Л. Л. Разворачивайтесь в марше//На марше — внуки Ильича. Пермь: Кн. изд-во, 1972. С. 11 — 24.

⁴⁷ Правдин Лев Николаевич (1905 — 2003) — пермский писатель. Прототипом одного из героев романа «Бухта Анфиса» — редактора газеты — стал Б. Н. Назаровский: «Николай Борисович прошел по веранде легкой, чуть подпрыгивающей, веселой птичьей походкой, заложив широкие, тонкие, как бы состоящие из одних только жил и костей руки за тонкий пояс. И сам он был тонкий, высокий, похожий на Некрасова и отчасти на Дон Кихота».

⁴⁸ Широков Евгений Николаевич — см. его воспоминания в настоящем сборнике.

⁴⁹ Нина Васильевна Казаринова — сотрудник Пермской государственной художественной галереи, кандидат искусствоведения.

⁵⁰ Александров Феофан Александрович (1910 — 1970) — кандидат исторических наук, доцент.

⁵¹ Пушкин Адриан Павлович (ок. 1830 — 1882) — пермский мистик, высланный на Соловки за свои идеи в связи с освобождением крестьян в 1860-е гг.

⁵² Селянкин Александр Михайлович (1918 — 1997) — директор ГАПО в 1970 — 1975 гг.

⁵³ Уральский археографический ежегодник за 1970 г. Пермь, 1971. 389 с. В этом сборнике была опубликована статья Ф. С. Горового «О дате основания города Перми», появления которой ждал Б. Н. Назаровский.

⁵⁴ Верзилов Николай Николаевич (1913 — 1974) — был главным редактором газеты «Звезда». Его сменил на этом посту Пичугин Николай Федорович (1921 — 1999).

⁵⁵ Имеется в виду книга: Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь: Кн. изд-во, 1971. 235 с.: ил. Подробнее об этом см.: Мишланова Л. В. Как создавалась книга «Памятники истории и культуры Пермской области»//Страницы прошлого: Избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 2001. Вып. 3. С. 219 — 225.

⁵⁶ 6 октября 1971 г. секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов на торжественном собрании представителей трудящихся Перми прикрепил к знаменю города высшую награду — орден Ленина.

⁵⁷ Алексеева Владилена Калистратовна — сотрудник Пермского областного краеведческого музея.

⁵⁸ ...отношу не столько к себе, сколько к Институту истории... — См. об этом в письме Л. Л. Соломянской от 13 сентября 1972 г. в настоящем сборнике.

⁵⁹ П. И. Х. — Павел Иванович Хитров.

⁶⁰ Это последнее письмо Б. Н. Назаровского.

⁶¹ *Ралюшка и Тимур* — Л. Л. Соломянская и ее сын Тимур Гайдар.

⁶² Брайнин Исай Борисович — журналист и писатель, друг Бориса Никандровича. В личном фонде Б. Н. Назаровского сохранилась обширная переписка с ним.

Л. Л. Соломянская — Н. А. Аликиной

Письма Лии Лазаревны Соломянской написаны в течение одного года после смерти Б. Н. Назаровского. Хранятся в личном архиве Н. А. Аликиной.

¹ Рида — Ариадна Павловна Бажова, жена Тимура Гайдара.

² Водарский Х. Х. — ученый секретарь Института истории АН СССР. Он приглашал Б. Н. Назаровского в Москву с сообщением о дате основания Перми.

³ Зебзеева Альмира Георгиевна — сотрудник Пермского книжного издательства, позднее — его главный редактор; заслуженный работник культуры РФ.

⁴ ...я просила Галю... — Плеско Галина Николаевна — в это время заведовала отделом иллюстраций в Агентстве печати «Новости» (АПН).

Л. С. Римская — Н. А. Аликиной

Письмо хранится в личном архиве Н. А. Аликиной.

Римская Людмила Сергеевна (1896—1983) — директор Пермского книжного издательства в 1940—1950-х гг. Ее личный фонд хранится в ГАПО (р-1380). Воспоминания о Б. Н. Назаровском либо не были написаны, либо не были переданы ее родственниками в архив.

Л. Л. Соломянская — М. С. Альперовичу

ГОПАПО, ф. 600, оп. 1, д. 132.

Письмо написано по первым впечатлениям от чтения воспоминаний М. С. Альперовича о Б. Н. Назаровском.

¹ Мильчаков Александр Иванович (1903—1973) — известный комсомольский деятель. Работал в Перми, Вятке, затем был секретарем ЦК РКСМ.

² «Лядская ссылка» или «Лядская обитель» — выражение А. П. Гайдара. Деревня Винный Завод, где жил Гайдар, относилась к Лядовскому сельсовету Пермского района.

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ О СЕБЕ И О ПЕРМИ

**Автобиография члена партии
Назаровского Б. к чистке 1933 г.
В ячейку ВКП(б) «Уральского рабочего»**

ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 1, л. 7—12.

**Автобиография Назаровского Б. Н., чл. ВКП(б) с 1930 г.
Партбилет № 0931428. 1937 г.**

ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, д. 1, л. 20—27.

Б. Н. Назаровский О некоторых вопросах истории г. Перми

Работа публикуется по сборнику: Пермский край: Старая Пермь (1723—1917). Пермь: Пермская книга, 1992. С. 16—44. Подготовлена к печати Н. А. Аликиной.

Статья представляет собою один из вариантов текста предполагаемого сообщения на всесоюзной научной сессии АН СССР по исторической географии. Б. Н. Назаровский в шутку называл свое исследование «антидокторской диссертацией». Об этой работе многократно упоминается в книге — в его письмах и в воспоминаниях о нем.

Из письма Б. Н. Назаровского И. Б. Брайнину от 2 июня 1971 г.:

«Страдаю прежней болезнью — разбросанностью. Два с лишним месяца потратил на написание произведения, которое назвал «антидокторской диссертацией». Названа эта «антидокторская диссертация» «Еще о времени возникновения Перми» и направлена против доктора исторических наук Ф. С. Горового, который, прибегая к совершенно недопустимым приемам,

только для защиты собственного самолюбия пытается испортить пермякам праздник — близкое 250-летие Перми. «Диссертация» заняла 60 страниц машинописи. Но я ее снабдил заголовками и подзаголовками, даже интригующими, и, надеюсь, она будет прочтена в тех инстанциях, куда послал (горком, горисполком) и по заданию которых писал... Я буду распространять свою антидокторскую диссертацию (печатается еще одна закладка) и выведу его на позорище. Это отложило не только Сибиряка, архиепископа Аркадия, но и моего генерального медведя...»

Д. П. Савельев — революционер, боевик, партийная кличка Сибиряк, в 1908 г. был приговорен в Перми с тремя своими товарищами к смертной казни за связь с Лбовым и неудачную попытку освободить заключенных. 20 апреля 1908 г. все четверо были убиты с исключительной жестокостью. Эту историю Б. Н. Назаровский рассказал однажды на пленуме ВООПИК в 1966 г.

Горовой Федор Семенович (1916—1973) — крупнейший историк Урала, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. В 1945—1973 гг. работал в Пермском государственном университете, с октября 1961 г. до апреля 1970 г. был ректором университета. Автор семи монографий по истории Урала и десятков научных работ. О его участии и его точке зрения в дискуссии по поводу основания Перми см.: Ошуркова Р. А. К вопросу о дате рождения г. Перми: (Из истории дискуссий 60—70-х гг. XX века)//Пермь: опыт развития, потенциал, перспективы: Материалы науч.-практ. конф. Пермь, 1998. С. 9—13.

Примечания Б. Н. Назаровского:

¹ История Урала. Пермь, 1963. Т. 1. С. 126, 152.

² Горовой Ф. С. О дате основания города Перми//Уральский археологический ежегодник за 1970 год. Пермь, 1971. С. 110, 115, 116, 121.

³ Там же. С. 107, 114.

⁴ Материалы для первоначальной истории г. Перми//Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. Пермь, 1862. С. 18.

⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 2. С. 1014—1015.

⁶ Там же. С. 936—937.

⁷ ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 15, л. 15—16 об.

⁸ Уральский археологический ежегодник за 1970 г. С. 114.

⁹ ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 15, л. 17.

¹⁰ Там же. Д. 23, л. 90.

¹¹ Там же. Д. 1, л. 171 об.

¹² Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми. Пермь, 1889. С. 43.

¹³ Русский архив. 1876. Кн. 3, № 9. С. 41.

¹⁴ Уральский археографический ежегодник за 1970 г. С. 115.

¹⁵ По странному недоразумению, Ф. С. Горовой пишет, что дед А. Г. Кашина был в составе хора на торжествах. Не дед, а отец, о чем ясно говорит А. Г. Кашин. Дед его — Яков Афанасьевич — сопровождал в 1778 г. князя П. С. Мещерского в его поездке по Прикамью (Пермские губернские ведомости. 1864. 17 апр., № 16).

¹⁶ Соликамские летописи/Подг. и издал А. А. Дмитриев. Пермь, 1884. С. 39.

¹⁷ Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь, 1862. С. 18.

¹⁸ Усольская летопись/Подг. и издал А. А. Дмитриев. Пермь, 1882. С. 15.

¹⁹ ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 15, л. 39—39 об.

²⁰ Уральский археографический ежегодник за 1970 г. С. 116.

²¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 28. С. 424.

²² ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 23, л. 91.

²³ Уральский археографический ежегодник за 1970 г. С. 116.

²⁴ Прядильщиков Ф. А. Летопись губернского города Перми//Календарь Пермской губернии на 1884 г. Пермь, 1883. С. 6.

²⁵ Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми. С. 37.

²⁶ Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 17—18.

²⁷ Попов Н. С. Историческо-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 года. Пермь, 1801. Л. 65 об.

²⁸ Оба списка: ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 31, л. 23—44 (список на 14 нояб. 1781 г.) и л. 59—113 (список на 4 июля 1782 г.).

²⁹ Уральский археографический ежегодник за 1970 г. С. 117—119.

³⁰ Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорскою Академиею наук. СПб., 1824. Т. 6.: Записки путешествия академика Фалька. С. 283.

³¹ Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1873. С. 464.

³² ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 39, л. 3 об., 4.

³³ Там же. Д. 24, л. 5, 5 об., 6.

³⁴ Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми. С. 38.

³⁵ Этот тезис был прямо высказан проф. Горовым в докладе «О дате основания города Перми», сделанном им перед университетскими историками и поданном весной 1969 г. при официальном заявлении в горисполком. По-видимому, замечания товарищей побудили Ф. С. Горового говорить в статье осторожнее — о «части городов России XVIII в.» (с. 117 «Ежегодника»), но не оговаривая, какая именно это часть и в силу каких причин возникла другая часть городов, Ф. С. Горовой фактически продолжает защищать старый тезис.

³⁶ Уральский археографический ежегодник за 1970 г. С. 106, 111, 113, 118.

³⁷ Дитятин И. Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. 1: Города России в XVIII столетии. С. 374—375.

³⁸ Пашуто В. Т. Реваншисты-псевдоисторики России. М.: Наука, 1971. С. 71.

³⁹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России//Полн. собр. соч. Т. 3. С. 568.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология//Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 20.

⁴¹ Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 378.

⁴² Уральский археографический ежегодник за 1970 г. С. 121.

Б. Н. Назаровский

Письмо товарищам, любящим наш край

В октябре 1964 г. «Письмо товарищам, любящим наш край» было разослано Б. Н. Назаровским во все организации, на его взгляд, заинтересованные в выполнении предлагаемой программы: областной краеведческий музей, областную библиотеку им. А. М. Горького, Государственный архив Пермской области и пр. В последующие годы многое из намеченного Назаровским было выполнено. Об этом, в частности, говорится в воспоминаниях Л. Г. Дворсон, А. Г. Будриной и др.

Публикуется по книге: Гражданин Перми: Сб. памяти Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа. Пермь, 1993.

Б. Н. Назаровский

Медведь на гербе Перми

Публикуется по статье: Назаровский Б. Н. Медведь на гербе Перми//Вечерняя Пермь. 1969. 18, 20, 21 окт.: ил.

Письмо Б. Н. Назаровского в Пермское книжное издательство от 17 октября 1971 г.:

«Я, нижеподписавшийся Назаровский Б. Н., сорвал выполнение заключенного с издательством 1 октября 1969 г. договора № 242 на представление рукописи под условным названием «Пермский медведь» объемом 8 авторских листов.

Задуманная книжка оказалась значительно сложнее, чем я предполагал. Я прочел и законспектировал около 350 книг и статей, а в моей картотеке остается еще 250 книг и статей, которые должны быть, как минимум, прочитаны. Некоторые книги трудно добыть. Кроме того, надо просмотреть комплекты минимум трех журналов за несколько десятилетий. Кроме того, подобрать иллюстративный материал. Я переоценил свои силы. К тому же я должен был отвлекаться от этой темы другой неотложной работой.

Думаю, что сейчас целесообразно считать договор расторгнутым (аванса я не получал и на него не претендую). Я продолжаю работать над темой, но не уверен в сроке окончания работы. Не уверен и в том, сумею ли я создать книжку историко-публицистического жанра, чего хотелось бы достигнуть.

Поэтому издательству, как мне кажется, удобнее получить от меня и оценить готовую рукопись, тем более что в план выпуска она может быть включена только после одобрения».

(Письмо из личного архива Н. А. Аликиной).

Работа над книгой не была завершена. Материалы, собранные для нее Б. Н. Назаровским, хранятся в его личном фонде в ГОПАПО (см. опись архивного фонда).

Б. Н. Назаровский

К вопросу о родословии

Н. А. Аликиной (урожденной Бурмантовой)

Предварительные итоги исследования

Аликина Надежда Алексеевна — историк, архивист, заслуженный работник культуры РФ. В 1950—1981 гг. работала в партийном архиве Пермского обкома КПСС, с 1962 г. — заведующая архивом. Исследование Б. Н. Назаровского, предпринятое по личному поводу и преподанное в шутиливой форме, носит, тем не менее, вполне научный характер и представляет несомненный интерес для широкого читателя. В настоящее время описанные здесь события стали темой романа А. Иванова «Чердынъ — княгиня гор».

Оригинал хранится в личном архиве Н. А. Аликиной.

Примечания Б. Н. Назаровского:

¹ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. СПб., 1889. С. 4, 8.

² Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897. С. 59—84. См. также: Описание Усть-Выма, составленное учителем Усть-Сысольского училища А. Михайловым. Вологда, 1851. С. 48—61. Автор дополняет используемый всеми историками источник — житие Стефана — местными преданиями.

³ Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897. С. 39.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Дневные записки путешествия академика Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1805. Т. 4. С. 395; Абрамов. Введение христианства у Березовских остяков//Журн. Министерства нар. просвещения. 1854. Дек. С. 12; Попов Е. Святитель Стефан Великопермский. Пермь, 1885. С. 49.

⁶ Жаков К. Ф. На Север, в поисках за Памом Бур-мормом. СПб., 1905. С. 1, 128—129.

⁷ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. СПб., 1889. С. 77.

⁸ Истомин Ф. О религиозном состоянии обитателей Печерского края: (Из путевых впечатлений). СПб., 1890. С. 5. (Отд. оттиск из журн. «Церковные ведомости», 1890, № 19).

⁹ Мартынов С. В. Печерский край: Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб., 1905. С. 12, 14, 78.

¹⁰ Лебедев М. Н. Последние дни Перми Великой: Ист. повесть. СПб., 1907. 126 с.

¹¹ Коми советские писатели. Сыктывкар, 1968. С. 66—116; Писатели Коми АССР. Сыктывкар, 1961. С. 50—53.

¹² Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб., 1855. Т. 6: Софийская летопись. С. 194; Полное собрание русских летописей/Ин-т истории Акад. наук СССР. М.; Л., 1959. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. С. 244.

¹³ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб., 1901. Т. 12: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновского летописью. С. 148. См. также: Красов А. В. Зыряне и просветитель их святой Стефан, первый епископ Пермский и Усть-Вымский. СПб., 1896. С. 31, 38; Очерки истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1. С. 51.

¹⁴ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб., 1901. Т. 12. С. 148.

¹⁵ Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Пермь, 1881. Первый период с 1263 по 1613 г. С. 27 – 28.

¹⁶ Лыткин В. И. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь/Ин-т языкознания Акад. наук СССР. М., 1952. С. 123, 137. См. также: Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. СПб., 1889 (в «Зырянско-русском словаре» с. 45, 77; в «Вотяцко-русском словаре» с. 119).

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Воспоминания, очерки, стихи	9
<i>Агеева В. А. «Я перебралась к Назаровским...»</i>	<i>9</i>
<i>Обухов Л. А. Никандр Матвеевич Назаровский</i>	<i>16</i>
<i>Альперович М. С. Как завязывается юношеская дружба</i>	<i>31</i>
<i>Гинц С. М. Стихи Борису Назаровскому в день его семнадцатилетия</i>	<i>40</i>
<i>Бочкарев К. С. Б. Н. Назаровский и философские споры в Перми</i>	<i>42</i>
<i>Генкель М. А. «Горжусь тем, что была ученицей Назаровского...»</i>	<i>45</i>
<i>Зенков В. Г. Несколько штрихов к портрету Б. Н. Назаровского</i>	<i>47</i>
<i>Чиркина Р. И. Школа Назаровского</i>	<i>53</i>
<i>Радкевич В. И. Старый редактор</i>	<i>57</i>
<i>Астафьев В. П. Подводя итоги</i>	<i>58</i>
<i>Широков Е. Н. Борис Назаровский. Из воспоминаний художника</i>	<i>61</i>
<i>Михайлюк В. М. Этюд к портрету Б. Н. Назаровского</i>	<i>65</i>
<i>Лукьянова Е. Н. Талант учителя</i>	<i>75</i>
<i>Аборкин В. И. Автограф на память</i>	<i>77</i>
<i>Будрина А. Г. Вспоминая Бориса Никандровича</i>	<i>79</i>
<i>Гашева Н. Н. Два мэтра</i>	<i>84</i>
<i>Тарасова М. В. «В издательстве стало интереснее, красивее, веселее работать...»</i>	<i>90</i>
<i>Дворсон Л. Г. Считаю своим наставником</i>	<i>97</i>
<i>Харитонова Е. Д. Живым остался в памяти моей</i>	<i>99</i>

<i>Степанов М. Н.</i> Уроки Назаровского	104
<i>Аленчикова Н. Д.</i> Дань памяти замечательному человеку	110
<i>Мишланова Л. В.</i> «Всякого вам счастья, хорошие люди!..»	119
<i>Доминяк А. В.</i> Духовный наставник	130
<i>Ширинкин В. М.</i> По долгу дружбы и товарищества. Б. Н. Назаровский и А. П. Гайдар	135
<i>Светлаков В. Г.</i> Встречи, которые нельзя забыть	143
<i>Петухов А. Л.</i> «Мы же в России скромны...»	145
<i>Гладышев В. Ф.</i> Человек своего времени	148
Переписка	161
Письмо Б. Н. Назаровского в Президиум ЦК КПСС «О перестройке партийных и советских органов»	161
Письмо Б. Н. Назаровского в Пермское книжное издательство по поводу повести Владимира Матвеева «Последний день Хлябинского совнаркома»	164
Б. Н. Назаровский — А. К. Шарцу	168
Б. Н. Назаровский — Г. Ф. Чудовой	170
Н. П. Полякова — Б. Н. Назаровскому	173
Б. Н. Назаровский — Р. И. Рабиновичу	175
Б. Н. Назаровский — С. А. Мелешкову	179
Б. Н. Назаровский — Л. П. Неверову	183
М. С. Астафьева — Б. Н. Назаровскому	190
Б. Н. Назаровский — В. П. и М. С. Астафьевым	211
М. С. Астафьева — Б. Н. Назаровскому	217
Б. Н. Назаровский — В. П. Астафьеву	221
Б. Н. Назаровский — Н. А. Аликиной	224
Л. Л. Соломянская — Н. А. Аликиной	273
Л. С. Римская — Н. А. Аликиной	280
Л. Л. Соломянская — М. С. Альперовичу	282

Б. Н. Назаровский о себе и о Перми	287
Автобиография члена партии Назаровского Б. к чистке 1933 г. В ячейку ВКП(б) «Уральского рабочего»	287
Автобиография Назаровского Б. Н., чл. ВКП (б) с 1930 г. Партбилет № 0931428. 1937 г.	294
Назаровский Б. Н. О некоторых вопросах истории г. Перми ...	303
Назаровский Б. Н. Письмо товарищам, любящим наш край	334
Назаровский Б. Н. Медведь на гербе Перми	344
Назаровский Б. Н. К вопросу о родословии Н. А. Аликиной (урожденной Бурмантовой). Предварительные итоги исследования	354
Приложения	361
Библиография	362
Опись личного архивного фонда Б. Н. Назаровского в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области	371
Комментарии и примечания	410

Департамент культуры и искусства администрации Пермской области
Пермская областная универсальная библиотека им. А. М. Горького

Краеведческое издание

НАЗАРОВСКИЙ
К 100-летию
со дня рождения Б. Н. Назаровского,
журналиста и краеведа

Сборник памяти

Автор-составитель *Т. Быстрых*
Редактор *М. Лебедева*
Художник *М. Тарасова*
Компьютерная верстка *В. Кузьмичева*
Корректор *О. Кудра*
Обработка иллюстраций *С. Неведомская*

В книге использованы фотографии из личных архивов Н. Б. Назаровской, С. В. Рыжанова, Н. А. Аликиной, М. В. Тарасовой, из фондов Пермской областной универсальной библиотеки им. А. М. Горького и Государственного общественно-политического архива Пермской области

Подписано в печать 09.02.2004. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага ВХИ.
Гарнитура «Ольга». Печать офсетн. Физ. печ. л. 15. Усл. печ. л. 21,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 665.

Пермское книжное издательство «Пушка».
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 9, офис 611.

Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34

